ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

факты
тенденции
прогноз

Том 12, № 6, 2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 12, № 6, 2019

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 22.00.00 – социологические науки; 08.00.00 – экономические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кшиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: **http://esc.vscc.ac.ru**

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 12, no. 6, 2019

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzin Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)
O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: **http://esc.vscc.ac.ru**

© VoIRC RAS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А., Морев М.В. Гражданское общество и транзит власти 2024 года 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Шабунова А.А., Доброхлеб В.Г., Медведева Е. И., Крошилин С.В., Сухоцка Л., Шухатович В.Р., Леонидова Г.В., Молчанова Е.В. Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования 27

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Чарушин В.Н., Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В. Научно-исследовательский потенциал Уральского отделения РАН как стратегический фактор развития регионов 51

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сушко Г.Б. Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации 74

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации 91

Суворова А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты 110

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход 129

Бардаль А.Б. Потенциал интеграции транспортного комплекса востока России в международный рынок транспортных услуг 150

Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста 166

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни 182

Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России 197

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ 209

Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня 228

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи 243

Мельничук М.В., Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Формирование научно-образовательных ценностей в системе мотивации молодежи 260

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Гулин К.А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России 276

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Третьякова О.В. Российские экономические журналы, индексируемые в Web of Science: обзор состояния, пути повышения международной видимости 292

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 312

Список статей, опубликованных в 2019 году 320

Правила приёма статей 325

Информация о подписке 331

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

Ilyin V.A., Morev M.V. Civil Society and the Transit of Power in 2024 9

THEORETICAL ISSUES

Shabunova A.A., Dobrokhleb V.G., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V., Suchocka L., Shukhatovich V.R., Leonidova G.V., Molchanova E.V. The Successfulness of a Modern Individual: Theoretical and Methodological Aspects of the Study 27

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

Charushin V.N., Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V. Research Potential of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences as a Strategic Factor in Regional Development 51

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Sushko G.B. Agent-Based Supercomputer Demographic Model of Russia: Approbation Analysis 74

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Kozhevnikov S.A. Spatial and Territorial Development of the European North: Trends and Priorities of Transformation 91

Suvorova A.V. Development of Growth Poles in the Russian Federation: Direct and Reverse Effects 110

BRANCH-WISE ECONOMY

Lukin E.V. Sectoral and Territorial Specifics of Value-Added Chains in Russia: the Input-Output Approach 129

Bardal' A.B. The Potential for Integration of the Transport Complex of the East of Russia into the International Market of Transport Services 150

Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural Changes in the Economy: Searching for Sectoral Drivers of Growth 166

LABOR ECONOMICS

Popov A.V., Solov'eva T.S. Analyzing and Classifying the Implications of Employment Precarization: Individual, Organizational and Social Levels 182

Aleshkovskii I.A., Grebenyuk A.A., Kravets V.A., Maksimova A.S. Foreign Migrants in the Russian Labor Market: the Estimate of Their Overall Number and Their Contribution to Russia's GDP 197

SOCIAL DEVELOPMENT

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Current State and Prospects of Family Policy in Russia: Socio-Demographic Analysis 209

Popova L.A., Zorina E.N. Regional Reserves for Raising Life Expectancy in the Conditions of Convergence of Its Level 228

Zubok Yu.A. , Chuprov V.I. Self-Regulation of the Image of Labor in Young People's Cultural Space 243

Melnichuk M.V., Gruzina Yu.M., Firsova I.A. Formation of Scientific and Educational Values in the System of Youth Motivation 260

HISTORY OF ECONOMIC AND SOCIOLOGICAL THOUGHT

Gulin K.A. Revisiting the Issue of the "Initial Accumulation of Capital" in Post-Soviet Russia 276

DISCUSSION PLATFORM

Tret'yakova O.V. Russian Economic Journals Indexed in Web of Science: Current State and the Ways of Increasing International Visibility 292

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 312

Index of Articles Published in 2019 320

Manuscript Submission Guidelines 325

Subscription Information 331

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.1
УДК 323.2, ББК 60.527
© Ильин В.А., Морев М.В.

Гражданское общество и транзит власти 2024 года

Владимир Александрович
ИЛЬИН
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович
МОРЕВ
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о транзите власти 2024 г. и роли гражданского общества в решении ключевых задач, стоящих перед главой государства в период до выборов в Государственную Думу РФ (2021 г.) и на должность Президента РФ (2024 г.). Рассмотрены исторические аспекты транзита власти в России, свидетельствующие о широких, комплексных масштабах его последствий для общественного развития. Приведены прогнозы и экспертные оценки текущей ситуации в стране как фактора возможной успешности транзита власти 2024 г. На основе данных общероссийских и региональных социологических исследований, реализуемых в мониторинговом режиме, анализируется динамика общественного мнения по ключевым вопросам, касающимся актуальных, ожидаемых к реализации общественных и личных потребностей. Проведенный анализ позволяет говорить о многолетней нерешенности наиболее острых проблем, волнующих население. На фоне во многом неудачного «старта» национальных проектов 2018 г. и тревожных прогнозов экспертов по поводу перспектив будущего России и выхода из

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Гражданское общество и транзит власти 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 9–26. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.1
For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Civil society and the transit of power in 2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 9–26. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.1

фактически стагнации отечественной экономики, наблюдающейся с 2014 года, это актуализирует вопрос об эффективности государственного управления в новом политическом цикле, в котором (согласно действующей Конституции РФ) В. Путин не сможет занимать пост главы государства. В «транзитный» период (период, оставшийся до думских выборов 2021 г. и президентских выборов 2024 г.) перед Президентом встают задачи более высокого уровня. Одна из них связана с реализацией накопленного за последние 20 лет потенциала гражданского общества как активного субъекта, представляющего интересы широких слоёв населения в диалоге с властью на всех уровнях государственного управления. Решение этой задачи может стать залогом успешного «транзита» российского общества в новый исторический период.

Ключевые слова: транзит власти, Президент, гражданское общество, справедливость, неравенство, эффективность государственного управления.

С начала IV президентского срока В. Путина внимание экспертного сообщества всё больше приковывает вопрос о транзите власти 2024 года – о будущем системы государственного управления и страны в целом после того, как В. Путин, в соответствии с действующей Конституцией РФ, не сможет в очередной раз баллотироваться на пост главы государства.

Ключевая задача снижения социально-политических рисков – преобладающее влияние «ответственного класса» на формирование национальной повестки дня. Здесь важна позиция элит – главных руководителей, которые имеют возможность влиять на политику. Отсюда задача национализации элит, их консолидация и расширение социально-политического кругозора... **Но не менее важна консолидация «субэлитных» групп, которые не наделены прямыми властными полномочиями, но обладают определенным социальным статусом и характеризуются способностью к рациональному и ответственному анализу ситуации.** Их мнения и позиции, как правило, значимы для элит, влияют на принимаемые ими решения... Прочная поддержка преобразований «субэлитными группами» сильно снижает вероятность того, что неизбежные временные недовольства и брожения в локальных средах перерастут в серьезные социально-политические риски[1].

«Тема о так называемом транзите или трансферте президентской власти занимает главное место в аналитических статьях отечественных и зарубежных СМИ»[2]. Обсуждаются вопросы, связанные с готовностью российской политической и экономической системы к новому для страны периоду; прогнозируется тактика, которой будет придерживаться партия власти в ходе электорального цикла; анализируются сценарии относительно перспектив взаимодействия государства и общества. Значительное внимание уделяется ценностным ориентирам действующей элиты, напрямую влияющей на политическую ситуацию в стране, и активности «субэлитарных групп» – ответственных инициативных граждан, способных повлиять на управленческие решения, принимаемые органами власти.

Многие эксперты акцентируют внимание на том, что транзит власти состоится не после президентских выборов 2024 г., а гораздо раньше – в 2021 году, когда в России пройдут выборы в Государственную Думу. Поскольку до этого события остаётся совсем мало времени, данное обстоятельство ещё больше «подогревает» дискуссии о грядущих изменениях, которые могут произойти в системе государственного управления, политической и экономической жизни страны.

Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений. Как показывает исторический опыт России, **транзит власти – явление, выходящее далеко за пределы системы государственного управления и политического устройства; оно касается общества в целом.** Транзит

[1] Российский прорыв и задачи гражданского общества: специальный доклад, подготовленный на основании решения Общественной палаты Российской Федерации от 08.04.2019. М.: Совр-е инф-е сист., 2019. С.12. // Официальный сайт Общественной палаты РФ. https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51383.

[2] Ванин Г. После Путина: будущий транзит власти в России. https://regnum.ru/news/polit/2756069.html

Соловей В.: «Транзит системы должно осуществить до 2024 года, дабы застать врасплох врагов внешних и внутренних. Решающими могут стать 2020 – 2021 годы»[3].

Степанов А.: «...при любом сценарии развития очевидно одно – в политической повестке дня ключевое значение имеют грядущие в 2021 году выборы в Государственную Думу России. Поскольку именно они должны гарантировать стабильность развития страны, что является базовой гарантией реализации любого сценария транзита власти»[4].

Хазин М.: «Тема транзита власти в последние полгода стала доминирующей в общественно-политическом дискурсе... Собственно, все политические (или претендующие на политический статус) силы начали игру на подготовку своих позиций к этому самому транзиту. Который при этом ещё неизвестно когда произойдёт»[5].

Фадеев В.: «Выборы в парламент 2021 года очень важны для организации нормального транзита в 2024 году»[6].

власти в 1917 г. привёл фактически к полному разрушению основ Российской Империи. Периоды правления каждого из последующих руководителей страны получили в истории такие определения, как «ленинский НЭП», «сталинская зима», «хрущевская оттепель», «брежневский застой», что в полной мере отражает принципиальную суть транзита власти – комплексные изменения не только политической системы, но и фундаментальных основ общества.

Транзит власти при Горбачеве закончился распадом СССР в 1991 г., переходом России на рельсы рыночной экономики и сменой общественного строя (со всеми вытекающими последствиями для социума). Транзит власти в 2000 г. привел к окончанию эпохи безвластия 90-х и к появлению ценности стабильности как «точки соприкосновения» между реализуемым властью политическим курсом и доминирующей потребностью широких слоев населения. С началом президентских сроков В. Путина в России начинается упорядочивание властной вертикали, преодоление негативных тенденций в экономике, решение острых проблем на внешних рубежах страны, и всё это оказало положительное влияние как на общее психологическое состояние общества, так и на его отношение к государству.

У нас на памяти история распада СССР, которую, конечно, готовила «команда Горбачёва», но завершила-то «команда Ельцина». **И еще одного такого транзита наша страна не переживёт.** Беда в том, что властным группировкам это не объяснишь, они за власть борются, всё остальное они просто не видят, даже когда все их члены являются реальными патриотами[7].

Оба вышеуказанных события современной российской истории (транзит власти в 1991 и 2000 гг.) объединяются двумя факторами.

Во-первых, и в том, и в другом случае конкретному политическому процессу (смене национального лидера, команды управленцев высшего уровня, политического курса) предшествовали определенные настроения, доминировавшие в обществе. Они заключались в явной, нарастающей неудовлетворенности людей положением дел в стране; в предъявлении претензий к властвующей элите по поводу ее неспособности удовлетворить наиболее острые, первичные потребности граждан, в накоплении критической массы общественного недовольства.

Во-вторых, после смены руководства страны менялись «реперные точки», лежащие в основе консенсуса между потребностями общества и обязательствами государства, обеспечивающие легитимность новой команды управленцев и реализуемого ею политического курса в оценках населения и, одновременно, служащие главным критерием их эффективности. Так, после развала СССР политика го-

[3] Соловей В. Транзит системы должно осуществить до 2024 года. https://echo.msk.ru/blog/vsolovej/2293254-echo/

[4] Степанов А. Транзит власти и выборы в Госдуму. Выдержит ли нынешняя политическая система самое главное испытание? https://ruskline.ru/news_rl/2019/10/19/tranzit_vlasti_i_vybory_v_gosdumu

[5] Хазин М. В России начался новый транзит власти. http://zavtra.ru/blogs/v_rossii_nachalsya_novij_tranzit_vlasti

[6] Гурова Т., Скоробогатый П. Люди слишком самостоятельные, чтобы их можно было купить за грант (интервью с председателем Общественной палаты РФ В.В. Фадеевым) // Эксперт. 2019. № 1–3. С. 59.

[7] Хазин М. В России начался новый транзит власти. http://zavtra.ru/blogs/v_rossii_nachalsya_novij_tranzit_vlasti

сударства и ценности общества во многом находили точки соприкосновения в либеральных идеях: в предоставлении свобод гражданам, изобилии товаров в магазинах, в расширении возможностей достижения индивидуального успеха и т.д., то есть во всём том, чего не хватало простым людям в советский период. Однако осознание ошибочности ослабления роли государства, а также в целом вектора развития, по которому двигалась страна в период 1990-х гг., привело к общим между социумом и властью потребностям в сильном и эффективном государственном управлении, ориентированном на реализацию национальных интересов во всех сферах жизни.

Транзит власти 2024 г., по сути, обладает теми же признаками, что и упомянутые изменения в системе государственного управления в 1991 и 2000 гг. Сегодня, несмотря на более конструктивный настрой социума по отношению к власти (по сравнению с общественными настроениями в период «заката» и первой десятилетки после распада СССР), в нем также растет недовольство стагнацией экономики и нерешенностью наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются люди в своей повседневной жизни. Так, за последние 3 года (2017–2019) актуальность восприятия людьми проблемы низкого уровня жизни фактически вернулась к периоду конца девяностых (1998–1999 гг.): в 1999 г. самой острой для страны проблему бедности называли 57% жителей региона, в 2005 г. – 29%, в 2011 г. – 49%, а в 2019 г. – 56% *(вкладка 1)*.

Не менее тревожной является динамика доходного неравенства российского общества: если в 1998–1999 гг. расслоение населения на «бедных» и «богатых» как самую острую проблему для страны отмечали 22% людей, то к 2005 г. их доля увеличилась до 29%, а с 2010 г. удельный вес разделяющих это мнение не опускался ниже 34%; вкладка 1).

Как следствие во всех слоях российского общества растет потребность в социальной справедливости. За последние почти 3 года (с февраля 2016 по декабрь 2019) доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо, увеличилась на 10–20 п.п. во всех основных социально-демографических категориях населения, включая высокодоходные группы (с 36 до 57%) и людей с высшим образованием (с 42 до 63%; *вкладка 2)*. Как показывают результаты социологических измерений, проводимых в целом по стране, в настоящее время 72% граждан «не видят совпадения интересов власти и общества»[8], а доля россиян, считающих, что «сегодня следует пересмотреть Конституцию», имеет нарастающую динамику (в 2003 г. – 47%, в 2007 г. – 51%, в 2019 г. – 68%)[9].

Динамика оценок общественного мнения, которую в мониторинговом режиме отслеживают крупнейшие социологические центры страны, коррелирует с результатами исследований, проводимых зарубежными компаниями. В частности, это касается самых острых вопросов – низкого уровня жизни и высокого уровня доходного неравенства.

Так, по данным ежегодного отчета швейцарской компании Credit Suisse, «в целом в мире глобальное благосостояние за последние десять лет, к середине 2019 года, возросло на 70%, до 70 850 долл. в пересчете на каждого взрослого. Медианный уровень благосостояния в 2019 г. составил 7087 долл. (то есть у половины взрослого населения мира он выше этого уровня, у половины – ниже). **В России же на каждого взрослого приходится в среднем примерно 27 000 долл., медианный уровень – 3683 долл.**

В географическом распределении богатства лидируют США (их доля мирового благосостояния составляет 29,4%), Китай (17,7%) и Япония (6,9%). **В России, для сравнения, доля мирового благосостояния составляет 0,8%.** И тем не менее как отмечают исследователи «**при скромном уровне общего благосостояния на долю 10% самых состоятельных россиян приходится 83% богатства страны. Это больше, чем у США (76%) и Китая (60%)»[10].**

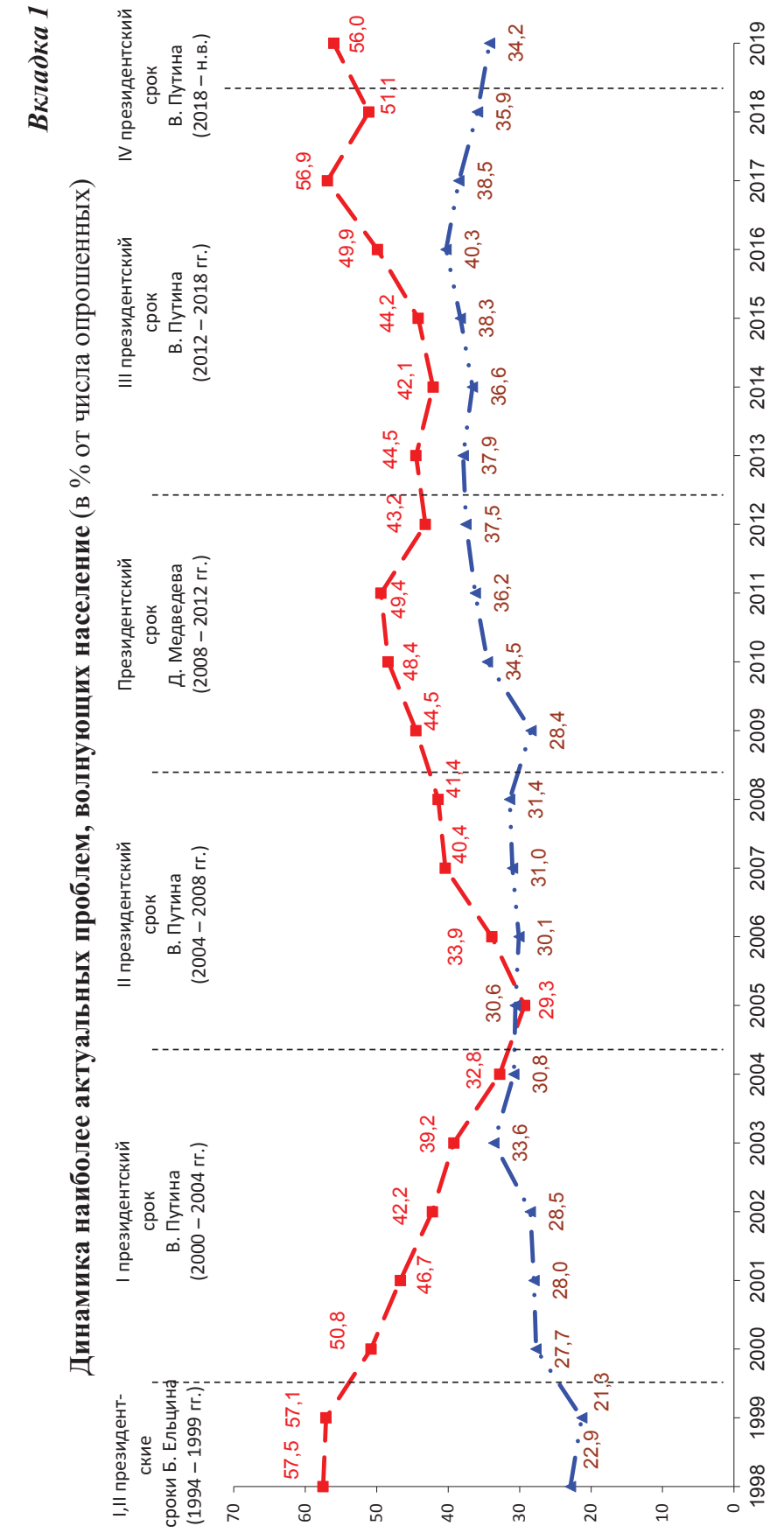
[8] Общество и государство: пресс-выпуск от 28.11.2019 / Левада-Центр. https://www.levada.ru/2019/11/28/obshhestvo-i-gosudarstvo/

[9] О Конституции. Отношение к Основному закону страны и к возможностям его пересмотра: пресс-выпуск от 09.12.2019 / Фонд «Общественное мнение». https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14307; База данных Фонда «Общественное мнение». https://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_con/d074926

[10] Всё богатство мира // Эконс. 2019. 25 окт. https://econs.online/articles/photo/snegokhod-batut-dzhakuzi-kak-domashnie-innovatsii-sposobstvyut-progressy/

Вкладка 1

Динамика наиболее актуальных проблем, волнующих население (в % от числа опрошенных)

На протяжении всего периода с 1998 по 2019 г. низкий уровень жизни и расслоение населения на «бедных» и «богатых» ежегодно входили в «пятерку» проблем, которые люди считают самыми острыми для страны.

За период с 2000 по 2019 г. доля жителей области, обеспокоенных проблемой бедности, увеличилась на 5 п.п. (с 51 до 56%) и **фактически вернулась к периоду 1998–1999 гг.** Актуальность восприятия доходного неравенства за последние 4 года (2016–2019 гг.) несколько снизилась (с 40 до 34%), однако **в общем контексте социальных изменений, произошедших за период президентских сроков В. Путина, следует отметить её нарастающую динамику**: в 2000 г. – 28%, в 2005 г. – 29%, в 2019 г. – 34%.

Вкладка 2

Доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо (в % от числа опрошенных)*

Категории населения	фев.16	фев.19	дек.19	Изменение + / – декабрь 2019 г. к февралю 2016 г.
Пол				
Мужской	42,3	58,3	61,3	+ 19
Женский	43,6	59,3	58,3	+ 15
Возраст				
До 30 лет	46,5	59,6	56,5	+ 10
30-55 лет	42,7	57,7	60,0	+ 17
Старше 55 лет	41,8	60,0	60,3	+ 19
Образование				
Среднее и н/среднее	46,4	64,0	57,7	+ 11
Среднее специальное	41,3	56,7	57,9	+ 17
Высшее и н/высшее	41,8	56,7	63,4	+ 22
Доходные группы				
20% наименее обеспеченных	43,8	63,0	50,9	+ 7
60% среднеобеспеченных	46,0	58,8	63,8	+ 18
20% наиболее обеспеченных	35,5	58,3	57,0	+ 22
Территории				
Вологда	43,3	66,0	60,8	+ 18
Череповец	51,1	66,3	73,6	+ 23
Районы	38,0	50,4	50,9	+ 13
Область	43,0	58,9	59,6	+ 17

* Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?» (вариант ответа «Несправедливо»).

Впервые вопрос был задан в феврале 2016 г. За последующие 4 года (февраль 2016 – декабрь 2019 г.) доля людей, считающих, что современное российское общество устроено несправедливо, увеличилась **на 15–20 п.п. во всех социально-демографических категориях населения**. Особенно среди относительно богатых (с 36 до 57%) и высокообразованных (с 42 до 63%), что говорит о том, что **нарастающую остроту несправедливости организации социальной жизни особенно чутко ощущают даже не социально уязвимые категории населения (низкодоходные группы, пенсионеры), а те люди, которые потенциально в большей степени интересуются политической жизнью и положением дел в стране.**

При этом важно отметить, что многолетняя нарастающая потребность в решении этих вопросов приводит к появлению в общественном сознании принципиально новых процессов – по мере того как жизнь в стране всё больше отдаляется от многочисленных пертурбаций «лихих 90-х», потребность в стабильности становится всё менее востребованной и её место занимает осознание необходимости перемен, которое, по-видимому, **станет доминирующим трендом общественного сознания в ближайшие годы.** По данным российских исследований, за последние 5 лет (с 2014 по 2018 г.) доля сторонников перемен в жизни страны возросла почти в 2 раза (с 30 до 56%) и сегодня составляет большинство населения страны. Противоположную точку зрения («стабильность важнее, чем перемены») в 2014 г. разделяли 70% россиян, в 2018 г. – 44%[11]. По данным мониторинга ВолНЦ РАН, проводимого на территории Вологодской области[12], доля сторонников перемен также превалирует над долей приверженцев стабильности **во всех социально-демографических категориях населения**, при этом за последний год она (хотя и незначительно) увеличилась в большинстве социальных слоев населения (в 12 из 14; *вкладка 3*).

Таким образом, **всё указывает на то, что сегодня Россия стоит на пороге перемен, выходящих далеко за пределы «косметических» изменений системы государственного управления**; возможно, на пороге перемен такого уровня, какого современная, «путинская» Россия еще не знала. При этом стоит отметить, что два вышеуказанных транзита власти (в 1991 и в 2000 гг.) закончились для нашей страны совершенно противоположным образом: со знаком «–» и со знаком «+» и решающую роль в этом смысле сыграли конкретные личности, оказавшиеся во главе государства – Б. Ельцин, при котором в российской системе государственного управления возник так называемый «олигархический капитализм», и В. Путин, преодолевший политический и экономический кризис внутри страны и начавший восстановление ее геополитического статуса на международной арене.

В каком состоянии будет находиться система государственного управления в следующем политическом цикле, пока неизвестно. По мнению некоторых экспертов, «фактическое состояние высшего эшелона элиты с высокой степенью вероятности предопределит приход после Путина к управлению страной новых людей из другого, более низкого этажа власти. А это в условиях крайне малого радиуса доверия в российском обществе означает автоматическую **радикальную смену элиты, принимающей ключевые решения в государстве**, перерыв постепенности»[13].

Однако вполне очевидно, что после 2024 года перед главой государства будут стоять задачи не менее масштабные и судьбоносные для российской государственности. Причем это касается как внутренних, так и внешних вызовов. В. Путиным подготовлена почва для дальнейшего развития: упорядочена вертикаль власти (хотя она и не всегда срабатывает эффективно и во многих вопросах требует личного вмешательства Президента), очерчены контуры гражданского общества (его организационные формы, цели, масштаб полномочий), укрепляется геополитический статус России, преодолены острые фазы демографического и экономического кризиса, возвращено, казалось бы навсегда утраченное, доверие общества к государственной власти (на сегодняшний день уровень доверия В. Путину составляет 52%, это **в 2 раза больше**, чем доверие Б. Ельцину в 1996 г.; *вкладка 4*)... всё это – немало на фоне того, в каком состоянии была страна, когда В. Путин «принимал» её от первого Президента РФ Б. Ельцина.

[11] Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 42.

[12] Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с периодичностью 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах Вологодской области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

[13] Ремчуков К. Анализ наиболее вероятных сценариев развития России в ближайшие годы. https://echo.msk.ru/blog/statya/2540439-echo/

У нас не просто так в три раза выросла бюрократия по сравнению с СССР. **Это не имперское чиновничество, которое головой отвечало за результат, это именно обслуга, которая (с какого-то уровня) отлично знает, на какого олигарха работает, и которая категорически ни за что (за исключением своих обязательств перед олигархом) отвечать не желает.** Это очень хорошо видно по результатам так называемых национальных проектов, главной задачей которых является перекачка бюджетных денег олигархам, с выводом их за пределы страны (за это отвечают Минфин и ЦБ). Соответственно, и уровень коррупции соответствующий, поскольку обслуга должна получать долю[14].

Решение этих задач, безусловно, исторического масштаба требовало от национального лидера специфических личностных характеристик. Напомним, что на протяжении всех своих президентских сроков В. Путину приходилось действовать в условиях как внешнего давления со стороны «зарубежных партнеров», так и в условиях широкого представительства либерально настроенных элит внутри страны, которые занимают ключевые посты в системе государственного управления еще со времен Б. Ельцина, имеют тесные финансовые и личные связи с отечественным и зарубежным крупным бизнесом и которые в своё время (в 1999 г.) поддержали кандидатуру В. Путина на пост Президента РФ.

В сложившихся условиях достижение тех успехов, которые сегодня можно смело приписывать Президенту, было бы невозможным без «включения» так называемого режима «ручного управления». И хотя именно в его последствиях видятся ключевые проблемы эффективности государственного управления, нельзя не отметить, что без такого режима главе государства не удалось бы ни предотвратить развал страны, ни «прижать» олигархов в начале 2000-х, ни обеспечить стабильно более высокий уровень доверия общества по сравнению со всеми существующими в стране государственными и общественными институтами (это не объяснить исключительно традиционным, социокультурным фактором, поскольку доверие Президенту Б. Ельцину в 1996 г., как показывают данные соцопросов, было ниже, чем церкви и армии; *вкладка 4*).

Отметим также, что за годы президентских сроков В. Путина существенно увеличилась материальная обеспеченность **всех доходных групп населения,** включая 20% наименее состоятельных граждан *(вкладка 5)*, а доля людей, жалующихся на то, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», значительно снизилась **во всех социально-демографических категориях**, независимо от пола, возраста, территории проживания, уровня образования и дохода *(вкладка 6)*.

Тем не менее сегодня в экспертном сообществе фактически нет разногласий по поводу того, что достигнутая Президентом упорядоченность властной вертикали имеет существенные изъяны, поскольку напоминает, скорее, клубок противоречий, единственным балансом которых выступает лично В. Путин. Такими же противоречиями наполняются остальные сферы жизни: при крайне либеральных властвующих элитах существует суверенная демократия; при росте геополитического статуса России всё большее распространение получают русофобские настроения; на фоне оптимистических перспектив и достижений, озвучиваемых СМИ и официальной риторикой власти, всё большее раздражение среди людей вызывает стагнация

Либеральный и патриотический уклады, которые В. Путин взял под контроль, взрастали, их противоречия сглаживались, ибо их рост управлялся из одного и того же центра – из Кремля. И президент Путин, патронируя оба уклада, сам состоял из двух Путиных: либерального – прозападного и патриотического – централистского. Развитие новой, путинской России проходило на фоне этих управляемых укладов, между которыми соблюдался баланс. Венцом путинского развития стало возвращение Крыма, которое на краткий момент объединило всю Россию. **Но когда этот момент миновал, развитие прекратилось и Россия остановилась, два эти уклада продолжали расти и усиливаться, но уже выходили из-под контроля президента**[15].

[14] Хазин М. О социальной структуре компрадорского капитализма. http://zavtra.ru/blogs/o_sotcial_noj_strukture_kompradorskogo_kapitalizma

[15] Проханов А. Две сосны Президента Путина. https://izborsk-club.ru/18204

Вкладка 3

Вы бы хотели перемен в жизни страны?*

Вариант ответа	Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены			Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны		
	2018 г.	2019 г.	Изменение + / –	2018 г.	2019 г.	Изменение + / –
Пол						
Мужской	39,8	34,2	-6	41,6	43,6	+2
Женский	40,1	36,2	-4	40,3	43,6	+3
Возраст						
До 30 лет	34,3	29,0	-5	42,0	43,7	+2
30-55 лет	39,2	33,8	-5	41,7	45,4	+4
Старше 55 лет	43,9	40,0	-4	39,3	41,3	+2
Образование						
Среднее и н/среднее	37,3	30,5	-7	39,3	45,4	+6
Среднее специальное	41,6	39,1	-3	41,5	42,8	+1
Высшее и н/высшее	40,8	35,5	-5	41,9	42,5	+1
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	29,3	30,0	+1	40,7	44,2	+4
60% среднеобеспеченных	42,6	36,7	-6	40,9	45,1	+4
20% наиболее обеспеченных	44,5	40,1	-4	39,6	39,5	0
Территории						
Вологда	32,2	31,3	-1	47,4	46,2	-1
Череповец	40,6	32,6	-8	48,2	49,5	+1
Районы	44,1	39,2	-5	33,0	38,6	+6
Область	40,0	35,3	-5	40,9	43,6	+3

* В 2018 г. вопрос задавался трижды: в феврале, июне и октябре. В качестве среднего за 2019 г. представлены данные за аналогичные месяцы 2019 г.

За период с 2018 по 2019 г. доля сторонников перемен в жизни страны увеличилась в 12 из 14 социально-демографических категорий населения. Особенно среди людей со средним и неполным средним образованием (на 6 п.п., с 39 до 45%), а также в районах Вологодской области (на 6 п.п., с 33 до 39%). Незначительные темпы роста потребности в переменах (по сравнению со среднероссийскими тенденциями), вполне возможно, связаны с более традиционным и консервативным укладом жизни в регионе. Тем не менее, как и по России в целом, общая тенденция роста потребности жителей Вологодской области в изменениях экономической и политической ситуации в стране также имеет место.

Вкладка 4

Уровень доверия государственным и общественным институтам

Институты	1996	2000	2008	2012	2014	2018	2019	Изменение +/-, 2019 к…		
								1996	2000	2018
Президент РФ	26,5	57,1	65,2	45,7	57,0	60,5	52,4	+ 26	– 5	-8
Церковь	37,9	42,3	51,9	41,4	44,7	50,0	46,5	+ 9	+ 4	-4
Прокуратура	18,2	30,9	40,9	33,9	38,6	47,1	43,6	+ 25	+ 13	-4
Правительство РФ	18,5	42,7	60,2	39,6	48,4	47,3	41,0	+ 23	– 2	-6
Федеральная служба безопасности	12,6	34,2	43,8	33,2	36,4	45,2	41,0	+ 28	+ 7	-4
Армия	34,2	37,0	37,8	31,3	37,9	47,2	40,8	+ 7	+ 4	-6
Полиция	14,1	27,2	36,5	29,3	35,4	44,4	40,7	+ 27	+ 14	-4
Суд	19,8	31,6	41,3	36,1	36,9	45,3	39,4	+ 20	+ 8	-6
Руководство области	14,2	31,3	48,6	34,6	37,5	35,4	33,5	+ 19	+ 2	-1
Совет Федерации	13,4	28,3	47,6	32,3	40,2	37,4	32,2	+ 19	+ 4	-5
Органы местного самоуправления	–	–	40,9	29,3	35,1	34,4	31,6	+32	+32	-3
Профсоюзы	20,2	28,4	35,9	25,6	26,6	33,3	29,7	+ 10	+ 1	-4
Государственная Дума	14,8	23,0	42,0	30,5	35,2	33,8	28,6	+ 14	+ 6	-5
Общественная палата РФ	–	–	–	28,1	32,8	31,0	27,4	+24	+27	-4
Средства массовой информации	15,4	33,4	35,2	29,5	28,0	29,8	26,7	+ 11	– 7	-3
Общественная палата области	–	–	–	25,4	29,4	28,3	25,6	+26	+26	-3
Общественные организации	–	–	32,6	26,5	25,5	28,1	24,9	+25	+25	-3
Директора, руководители предприятий	5,2	19,6	30,5	25,1	21,9	25,1	20,5	+ 15	+ 1	-4
Политические партии, движения	6,8	10,7	26,8	20,9	20,2	22,3	19,7	+ 13	+ 9	-3
Банковские, предпринимательские круги	8,5	12,4	26,6	21,3	18,9	20,7	17,6	+ 9	+ 5	-3

Динамика институционального доверия по итогам мониторинга, проводимого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, показывает, что **за последний год уровень доверия практически всем государственным и общественным институтам незначительно снизился (на 3–8 п.п.).** Однако это не уникальная тенденция для региона. К примеру, по данным ИС РАН, за период с апреля 2018 по июнь 2019 г. из 17 институтов на стабильном уровне сохранилось только доверие армии (66%), профсоюзам (25%) и Российской академии наук (48%); доверие остальным институтам (включая органы власти, СМИ, политические партии и т.д.) снизилось[16].

[16] Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / ИС РАН. М., 2018. С. 35; О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: отчет по итогам массового социологического исследования. М., 2019. Т. 1. С. 82.

Вкладка 5

Оцените потребность Вашей семьи в промышленных товарах, недвижимости...
*(вариант ответа «Обеспечены в достаточной мере»; в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	20% наименее обеспеченных			60% среднеобеспеченных			20% наиболее обеспеченных		
	1999	2019	Изменение + / –	1999	2019	Изменение + / –	1999	2019	Изменение + / –
Верхняя одежда	22,0	45,3	+ 23	23,9	62,6	+ 39	39,6	77,5	+ 38
Лёгкая одежда	29,9	51,4	+ 22	38,6	69,9	+ 31	53,0	80,8	+ 28
Обувь	18,5	46,7	+ 28	24,2	62,6	+ 38	38,3	78,3	+ 40
Телевизор	33,3	54,0	+ 21	39,9	64,4	+ 25	43,7	79,7	+ 36
Компьютер	–	32,6	+33	–	41,6	+42	–	69,6	+70
Мобильный телефон	–	51,8	+52	–	61,9	+62	–	80,4	+80
Пылесос	34,3	40,2	+ 6	44,5	54,4	+ 10	55,6	69,6	+ 14
Стиральная машина	49,8	50,7	+ 1	54,3	64,8	+ 11	59,0	79,7	+ 21
Холодильник	52,3	54,7	+ 2	60,1	67,1	+ 7	67,8	80,8	+ 13
Мебель	33,9	49,3	+ 15	42,2	54,4	+ 12	45,2	71,0	+ 26
Автомобиль	4,6	18,1	+ 14	12,7	25,9	+ 13	29,3	44,9	+ 16
Квартира	–	33,7	+34	–	41,2	+41	–	53,3	+53

* Вопрос задается 1 раз в год (в феврале). Формулировка вопроса: «Оцените потребность Вашей семьи в промышленных товарах, недвижимости».
В таблице перечислены категории товаров, которые фигурировали в опросах 2008, 2012, 2018 и 2019 гг. В 1999 и 2000 гг. некоторых вариантов ответа не было или применялись другие формулировки.

За период с 1999 по 2019 г. обеспеченность населения основными промышленными товарами и недвижимостью **существенно возросла во всех доходных группах.** Даже среди 20% наименее обеспеченных жителей Вологодской области на 14% увеличилось число людей, имеющих автомобиль; каждый третий (33%), по данным на 2019 г., имеет компьютер; более половины (52%) обладают мобильными телефонами.

Вкладка 6

Доля людей, считающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» *(в % от числа опрошенных)*

Категории населения	1996	1999	2000	2008	2012	2014	2018	2019	Изменение + / –, 2019 к...		
									1999	2000	2018
Пол											
Мужской	37,3	45,2	22,2	11,9	16,4	13,2	15,2	16,8	-28	-5	+2
Женский	40,8	49,5	26,1	13,1	15,3	12,0	17,2	17,5	-32	-9	0
Возраст											
До 30 лет	30,5	38,5	17,5	9,3	13,5	8,5	13,5	12,3	-26	-5	-1
30-55 лет	41,2	48,4	25,6	11,7	15,7	12,9	16,2	17,0	-31	-9	+1
Старше 55 лет	41,9	54,5	29,1	16,9	17,9	14,8	17,7	19,6	-35	-10	+2
Образование											
Среднее и н/среднее	38,8	50,9	27,8	15,3	21,2	17,6	20,9	21,5	-29	-6	+1
Среднее специальное	43,9	48,6	23,3	13,3	16,1	11,6	14,7	14,7	-34	-9	0
Высшее и н/высшее	33,5	41,4	20,5	8,4	10,6	7,9	13,6	15,6	-26	-5	+2
Доходные группы											
20% наименее обеспеченных	52,1	61,5	40,6	22,6	28,1	26,6	29,2	29,1	-32	-12	0
60% среднеобеспеченных	40,3	48,9	23,5	12,2	15,4	10,9	14,6	15,7	-33	-18	+1
20% наиболее обеспеченных	16,5	28,9	12,7	5,2	7,6	3,0	6,9	8,3	-21	-4	+1
Территории											
Вологда	34,0	44,4	25,4	12,7	14,3	8,5	18,5	19,5	-25	-6	+1
Череповец	25,5	42,7	20,2	9,0	10,2	7,5	17,4	17,9	-25	-2	+1
Районы	47,5	51,9	26,3	14,2	19,3	17,5	14,4	15,4	-37	-11	+1
Область	39,2	47,6	24,5	12,5	15,8	12,5	16,3	17,2	-30	-7	+1

За период президентских сроков В. Путина во всех основных слоях населения значительно уменьшилась доля людей, которые говорят о том, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». К 2019 году доля разделяющих это мнение снизилась на 5 – 10 п.п. по сравнению с 2000 годом и на 20–30 п.п. по сравнению с 1999-м.

Тем не менее с 2008 г. темпы данной позитивной тенденции несколько снизились, а в 2019 г. по сравнению с 2018-м ни в одной из социально-демографических категорий существенных изменений не зафиксировано.

экономики и отсутствие реальных подвижек в динамике уровня жизни; при вселяющем надежду на динамичную трансформацию всей управленческой системы процессе омоложения губернаторского корпуса и усиления потенциала кадрового резерва страны, вызывают напряжение конкретные поступки и слова представителей власти на местах, которые демонстрируют пренебрежительное отношение к «простым» людям. Оптимизм и реалистичность достижения амбициозных стратегических целей, прозвучавших в предвыборном Послании Президента Федеральному Собранию[17], сегодня с лихвой «компенсируются» неудачным стартом национальных проектов[18].

Не удивительно, что многие эксперты на фоне сложившихся в системе управления противоречий дают неопределенные или даже пессимистические оценки относительно перспектив развития российского общества и государства. Так, по результатам экспертного опроса, в котором приняли участие 154 специалиста из числа управленцев, общественников, представителей бизнеса, СМИ, науки[19] и т.д., российские социологи сделали следующий вывод: «Мнения экспертов относительно вероятных явлений, событий и процессов в российском обществе в ближайшие пять лет нельзя назвать определенными... В качестве **наиболее вероятных были названы такие процессы, как рост безработицы и падение политической лояльности, доверия правительству, государственным институтам, судам и правоохранительным органам...** Среди **наименее вероятных** оказались распространение идей обособления (сепаратизма) в отдельных регионах страны и **рост общественного доверия, склонности к солидаризации, самоорганизации** (3/4 экспертов оценивают их вероятность не выше 50%)...»[20].

В целом можно констатировать, что будущее России видится экспертам весьма безрадостным. Лишь один эксперт из более чем 150 опрошенных высказался в пользу относительно позитивного сценария развития стран[21].

Главное отличие грядущего трансфера состоит в том, что его задача – создать условия для мягкой трансформации системы, тогда как прошлый трансфер [при Ельцине] ставил задачу максимально сохранить основные контуры системы и ни в коем случае ничего в ней не менять. Один преемник подбирался под задачу законсервировать условия, другой подбирается под задачу гарантировать их изменени[22].

Таким образом, для того чтобы прогнозы экспертов не стали реальностью, В. Путину предстоит решить те задачи, к которым он медленно, но верно подходил все годы своих президентских сроков – ему предстоит преодолеть «зашоренность» взглядов властвующих элит, отвечающих за внутреннее развитие страны, за своевременное и эффективное выполнение поручений главы государства, реализацию национальных проектов и т.д. Для этого неизбежно придется принимать «давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения»[23]. На наш взгляд, в том числе и кадровые.

Значительным «подспорьем» главе государства в решении данной задачи может стать выстроенная В. Путиным система институтов гражданского общества. Она далеко не совершенна, в ней есть много «пробелов», она не может серьезно повлиять на решения, принимае-

[17] Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957

[18] Экспертные оценки по этому поводу мы подробно анализировали в статье: Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит – важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25.

[19] Экспертный опрос выполнен исследовательским центром Института социологии РАН при участии исследовательской группы ЦИРКОН в июле – октябре 2015 г. В опросе приняли участие 154 эксперта из 65 регионов России.

[20] Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016. С. 326, 331.

[21] Там же. С. 331.

[22] Халдей А. Чем трансфер при Ельцине отличается от трансфера при Путине // Газета «Завтра». http://zavtra.ru/blogs/chem_transfer_pri_el_tcine_otlichaetsya_ot_transfera_pri_putine

[23] Послание Президента Федеральному Собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957

мые либеральными элитами. **Но Путин (кроме того, что в принципе ее создал и поддерживал на протяжении всех своих президентских сроков) дал её главное – идеологический вектор. То, что он не смог «привить» правящей элите, создававшейся еще при Ельцине. В частности, этот идеологический вектор заключается в том, чтобы отражать интересы не узких социальных групп, а широких слоев населения; чтобы обеспечивать не столько легальность, сколько легитимность власти, то есть позитивное её восприятие в оценках общественного мнения; а также активное участие институтов гражданского общества и инициативных, неравнодушных к проблемам страны граждан в конструктивном диалоге с представителями органов управления на всех уровнях властной вертикали.**

Всем этим моментам В. Путин уделил значительное внимание в своей программной статье 2012 г. «Демократия и качество государства».

> **Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным.** Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность...
>
> Надо настроить механизмы политической системы таким образом, чтобы она **своевременно улавливала и отражала интересы больших социальных групп и обеспечивала бы публичное согласование этих интересов. Могла обеспечивать не только легитимность власти, но и уверенность людей в ее справедливости (в том числе и в тех случаях, когда они оказываются в меньшинстве)...**
>
> Нам необходим механизм выдвижения народом во власть **на всех уровнях ответственных людей, профессионалов, мыслящих в категориях национального и государственного развития и способных добиваться результата. Понятный, оперативный и открытый для общества механизм выработки, принятия и реализации решений – как стратегических, так и тактических...**Граждане, профессиональные, общественные объединения должны иметь возможность заранее «тестировать» все государственные документы[24].

[24] Путин В.В. Демократия и качество государства. https://www.kommersant.ru/doc/1866753

Однако развитие гражданского общества и его роли как субъекта, выражающего интересы широких слоев населения (а не только социально уязвимых категорий), осложняется рядом факторов, во многом проистекающих из либеральных основ внутренней политики, реализуемой частью властвующих элит на протяжении уже нескольких десятилетий. **Прежде всего, внутренняя ситуация в стране выстроена таким образом, чтобы минимизировать систему рамок и ограничителей для властвующих политических и финансовых элит.** Поэтому институты гражданского общества, хотя действительно помогают социально уязвимым и прочим категориям населения жить в тех условиях, которые созданы властвующими элитами страны, **«выключены» из процесса создания этих условий.** Их «точечные» победы на местах не способны повлиять на систему в целом.

> С точки зрения гражданина фундаментальным является тот факт, что **институциональная система, работающая на представительную демократию, должна быть открытой, доступной и подотчетной.** Она должна сигнализировать гражданам о том, как правильно себя вести и с кого спрашивать за конкретную сферу жизнедеятельности общества...В России, как в государстве с недостаточно устойчиво развивающейся экономикой и не до конца отлаженной политической системой, постоянное взаимодействие общества с властью является **необходимым для обеспечения социально-политической стабильности и дальнейшего развития**[25].

Ключевые общественные институты заявляют о том, что «гражданское общество – легитимный партнер государства»[26], однако пока что это остается лишь теоретической позицией.

[25] Краснова А. Проблема взаимодействия и взаимопонимания гражданского общества и власти Российской Федерации на современном этапе (2019–2020 гг.). https://strategy24.ru/rf/news/problema-vzaimodeystviya-grazhdanskogo-obshchestva-i-vlasti-rf

[26] Российский прорыв и задачи гражданского общества: специальный доклад, подготовленный на основании решения Общественной палаты Российской Федерации от 08.04.2019. М.: Совр-е инф-е сист., 2019. С.12. // Официальный сайт Общественной палаты РФ. https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51383.

Резонансные управленческие решения не выносятся на широкую общественную дискуссию и принимаются даже в том случае, когда против них резко и открыто выступают люди, которых эти решения касаются непосредственно (так, например, было в случае с введением в систему образования Единого государственного экзамена, с реформированием Российской академии наук, монетизацией льгот, повышением пенсионного возраста, оптимизацией здравоохранения и т.д.). Практика поименного обсуждения кандидатур членов Правительства, призванных нести персональную ответственность за реализацию тактических и стратегических задач развития страны, отсутствует; этот список формируется за «закрытыми дверями» и преподносится парламенту и обществу только как уже свершившийся факт.

Причина в том, что Конституция РФ существенно ограничивает полномочия Совета Федерации и Государственной Думы в выполнении их главных функций – представления интересов населения во власти и участия в законодательном процессе. Основные направления деятельности Правительства РФ, его структуру, кандидатуры на ключевые должности согласно статьям 112 и 113 главного документа страны определяет Председатель Правительства РФ, который выдвигается Президентом (ст. 111). **Таким образом, ни о каком персональном обсуждении кандидатур министров, ответственных за положение дел в своих отраслях и за выполнение поручений Президента, в Конституции речи не идёт. Федеральное Собрание «выключено» из этого процесса.**

Еще один важный момент заключается в том, что за годы «стабильности», которая при либеральных ориентирах властвующих элит постепенно превратилась в «стагнацию», российский социум (выступающий фундаментом гражданского общества, поскольку именно из его рядов выходят инициативные лидеры) **стал утрачивать «энергетику большой цели»**, о чем предупреждали социологи, когда отмечали высокий уровень социальной атомизации России на протяжении фактически всего периода 2000-х и начала 2010-х гг.

За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне[27].

Сложно поспорить с тем, что *«***чистое потребление как доминирующая жизненная цель ведет общество по пути, у которого нет будущего»[28]. Однако созданная в постсоветский период система управления была нацелена именно на то, чтобы вырастить из граждан – потребителей, а из отечественной экономики – «экономику услуг»[29], что было необходимо либеральным элитам для максимальной «интеграции» России в западный мир.** Мероприятия, реализуемые в рамках Болонского процесса и приведшие к тому, что из воспитывающей на системном уровне Школы сфера образования трансформировалась в комплекс учреждений, предоставляющих лишь образовательные услуги, равно как и многолетняя неудовлетворенность населения динамикой уровня и качества жизни, послужили тому, что «у нас общество превратилось всё-таки в значительной степени в общество потребления»[30], и в отсутствие какой бы то ни было идеологии (что зафиксировано в Конституции РФ) вектор формирования его ценностных норм сегодня задают те, кто обладает этими самыми материальными благами – люди, придерживающиеся либеральных ценностей, в том числе и те их представители, которые принадлежат к властвующим элитам страны.

---

[27] О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. С. 312.

[28] Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. 2019. № 1. С. 15.

[29] Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства» // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.

[30] Прямая линия с В. Путиным 20 июня 2019 г. // Официальный сайт Президента РФ http://www.kremlin.ru/events/president/news/60795

Фактическое сращивание элиты и государственного аппарата не воспринимается как аномалия. Это чуть ли не естественное положение вещей…[31]

Красноречивым аргументом данного тезиса выступает статистика роста коррупции и числа долларовых миллиардеров в стране на фоне продолжающейся стагнации российской экономики и популярности «прямой линии» с В. Путиным, предоставляющей простым гражданам реальный шанс на социальную справедливость.

За 8 месяцев 2019 года ущерб по оконченным уголовным делам коррупционной направленности в России составил около 102 млрд рублей. Об этом 18 ноября сообщил замначальника управления по борьбе с правонарушениями в сфере распределения и использования бюджетных средств ГУЭБиПК МВД России Д. Севастьянов. **С начала года количество выявленных преступлений коррупционной направленности увеличилось на 4,7%.** В январе – августе сотрудниками правоохранительных органов выявлено **более 3 тыс. преступлений,** которые были совершены должностными лицами, уличенными во взяточничестве. Из них 805 совершены в крупном или особо крупном размере. **К уголовной ответственности привлечена 1 тыс. человек**[32].

С момента начала последнего президентского срока В. Путина никаких ощутимых сдвигов в психологическом самоощущении социума не произошло. Как отмечают российские социологи, «анализ сдвигов в социально-психологическом самочувствии и уров не материального и социального положения россиян показывает: прошедший после президентских выборов год не только не помог преодолеть негативные тенденции, накопившиеся в период экономического кризиса 2014–2016 гг., но и способствовал стагнации большинства из них»[33]. **А когда фундамент гражданского общества (сами граждане) состоит из потребителей и с каждым новым поколением это свойство социума укрепляется, тогда сложно рассчитывать на то, что гражданское общество будет «видеть» дальше частных проблем.**

И, тем не менее, нельзя не отметить, что именно многолетняя нерешенность актуальных проблем выступает сегодня триггером того, что **российский социум меняется; он перестает быть пассивным объектом управления** (как это было на протяжении последних 20 лет). Признаки этого процесса видны невооруженным глазом уже сейчас, и следует исходить из того, что данная тенденция на новой странице российской истории не просто продолжится, а станет ее главным, доминирующим трендом. Поэтому следует согласиться с некоторыми экспертами, утверждающими, что «в транзите власти победу одержат те политические силы, которые **предложат обществу объединяющую модель экономического обустройства федеративного государства, давно востребованную обществом»**[34].

На фоне тех трансформаций, которые происходят с обществом, автоматически актуализируется роль конструктивных форм выражения его возрастающей политической и социальной активности, роль гражданского общества. В этой связи следует отметить, что Президент, который внёс существенный (возможно даже, решающий) вклад в его создание и развитие (за счет учреждения ключевых институтов гражданского общества[35], активной поддержки

[31] Государство как «хозяин общества» (редакционная статья) // Независимая газета. 2019. 2 дек. http://www.ng.ru/editorial/2019-12-02/2_7741_red.html

[32] МВД: Ущерб в России от коррупции за 2019 год составил 102 млрд. рублей // Новости информационного агентства Eurasia Daily от 18.11.2019. https://eadaily.com/ru/news/2019/11/18/mvd-ushcherb-v-rossii-ot-korrupcii-za-2019-god-sostavil-102-mlrd-rubley

[33] О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: отчет по итогам массового социологического исследования / ИС РАН. М., 2019. Т. 1. С. 4.

[34] Ванин Г. После Путина: будущий транзит власти в России. https://regnum.ru/news/polit/2756069.html

[35] Речь, в частности, идет о создании Общественной палаты РФ в 2005 г. (ФЗ от 4 апреля 2005 г. №32 «Об Общественной палате Российской Федерации»), Общероссийского народного фронта (ОНФ) в 2011 г., а также о законодательных основах организации местного самоуправления (ФЗ №131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), механизмов общественного контроля (ФЗ №212 от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») и т.д.

гражданских инициатив и, в целом, «настройки» гражданского общества на функционирование в национальных интересах), должен продолжить эту работу и перейти к решению задач более высокого уровня – к тому, чтобы высвободить потенциал гражданского общества, наделить его более широкими полномочиями, организовать реальную ответственность перед ним со стороны Правительства и других чиновников.

Трудно не согласиться с мнением экспертов, высказывающих следующую точку зрения: «Что может предпринять Президент в условиях тающего социального времени, которое всё больше напоминает подлётное время? Только запуск развития, в которое будут включены оба уклада [либеральный и патриотический], встроены избыточные, накопившиеся в этих укладах энергии. Через развитие, которое вновь возглавит Президент, он сможет управлять обоими укладами. Должна быть создана модель развития, исключающая нынешнюю неолиберальную модель, остановившую русскую историческую динамику»[36].

Литература

1. Российский прорыв и задачи гражданского общества: специальный доклад, подготовленный на основании решения Общественной палаты Российской Федерации от 08.04.2019. М.: Совр-е инф-е сист., 2019. 60 с. // Официальный сайт Общественной палаты РФ. https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51383.
2. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
3. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / ИС РАН. М., 2018. 55 с.
4. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: отчет по итогам массового социологического исследования / ИС РАН. М., 2019. Т. 1. 120 с.
5. Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.
6. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
7. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. 2019. № 1. С. 5–17.
8. Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства» // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный редактор научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

[36] Проханов А. Две сосны Президента Путина. https://izborsk-club.ru/18204

Ilyin V.A., Morev M.V.

Civil Society and the Transit of Power in 2024

Abstract. The article deals with the issue of the transit of power in 2024 and the role of civil society in addressing key tasks that the head of state has to deal with in the period before the election to the State Duma of the Russian Federation (2021) and the presidential election (2024). We investigate historical aspects of the transit of power in Russia that show the broad and complex scale of its implications for social development. We provide forecasts and expert assessments of the current situation in the country as a factor in the possible success of the transit of power in 2024. On the basis of the data of the all-Russian and regional sociological studies implemented in the form of a monitoring we analyze the dynamics of public opinion on key issues related to public and personal needs that are actual and expected to be implemented. The analysis reveals that the most acute problems of concern to the population are long-term and unresolved. On the background of the launch (unsuccessful in many ways) of national projects 2018 and worrying forecasts about the prospects for the future of Russia, and given the fact that Russia's economy has overcome the period of stagnation observed since 2014, this brings to the fore the issue concerning the effectiveness of public administration in the new political cycle in which (according to the Constitution of the Russian Federation) Vladimir Putin will not be able to take the post of head of state. In the "transit" period (the period remaining until the State Duma election of 2021 and the presidential election of 2024), the President has to deal with the tasks of a higher level. One of them is related to the implementation of the potential of civil society accumulated over the past 20 years, since civil society is an active entity representing the interests of the general population in dialogue with the authorities at all levels of government. The solution to this problem can guarantee a successful "transit" of the Russian society in a new historical period.

Key words: transit of power, President, civil society, justice, inequality, public administration efficiency.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Editor-in-Chief of the academic journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2
УДК 316.613.5, ББК 60.52

© Шабунова А.А., Доброхлеб В.Г., Медведева Е. И., Крошилин С.В., Сухоцка Л., Шухатович В.Р., Леонидова Г.В., Молчанова Е.В.

Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования

Александра Анатольевна ШАБУНОВА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

Валентина Григорьевна ДОБРОХЛЕБ
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 121069, Борисоглебский пер., д. 13, стр. 3
E-mail: vdobrokhleb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4864-8231; ResearcherID: B-1337-2017

Елена Ильинична МЕДВЕДЕВА
Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140411, ул. Зеленая, д. 30
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: e_lenam@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4200-1047

Сергей Викторович КРОШИЛИН
Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140411, ул. Зеленая, д. 30
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: krosh_sergey@mail.ru

Для цитирования: Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А.А. Шабунова, В.Г. Доброхлеб, Е.И. Медведева, С.В. Крошилин, Л. Сухоцка, В.Р. Шухатович, Г.В. Леонидова, Е.В. Молчанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2

For citation: Shabunova A.A., Dobrokhleb V.G., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V., Suchocka L., Shukhatovich V.R., Leonidova G.V., Molchanova E.V. The successfulness of a modern individual: theoretical and methodological aspects of the study. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2

Лилия СУХОЦКА
Институт биологической обратной связи и НОО-психосоматики
Люблин, Польша, 20-706, ул. Farmaceutyczna, д. 13
E-mail: liliasuchocka@ibnps.eu

Виолетта Руслановна ШУХАТОВИЧ
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси
Минск, Беларусь, 220072, ул. Академическая, д. 3, к. 10
E-mail: viola1993sh@gmail.com

Галина Валентиновна ЛЕОНИДОВА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Екатерина Владимировна МОЛЧАНОВА
Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Российская Федерация, 185030, пр. А. Невского, д. 50
E-mail: molch@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4717-5708

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы понимания успеха и обосновываются методологические подходы к исследованию успешности человека XXI века, а также результаты поискового исследования, проведенного международным коллективом исследователей. Авторам представлялось важным изучить социальное явление «успешность современного человека» в контексте его удовлетворённости важными сторонами жизни и трудовой деятельности и в ракурсе широкого круга социокультурных, социально-психологических и демографических детерминант. В исследовании использованы методы, разработанные в различных областях социальной и гуманитарной науки, позволяющие не только содержательно описать феномен[1] успеха, но и выявить его распространённость и особенности проявления в разных странах (в данном проекте – это Россия, Польша и Беларусь) и в конкретных группах внутри стран. Поисковое исследование, выполненное таким образом, имеет междисциплинарную основу – синтез эконометрических (моделирование, корреляционно-регрессионный анализ), социологических (анкетирование) и психологических (тестирование) методов. В статье представлены результаты пилотного социологического опроса и психологического тестирования населения различных городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин). Пилотный этап сравнительного межстранового исследования предполагал эмпири-

[1] Феномен – философский термин, имеющий широкий спектр значений, выступает как основная целостная и достоверная единица того, что можно вычленить в сознании (от греч. *phainomenon* — являющееся).

ческую проверку выбранного инструментария при определении факторов успешности в разных языковых, культурных и политических средах, поиск методологических подходов к сущности исследуемого явления, операционализацию используемых понятий. Успешность[2] исследовалась в терминах самооценки и во взаимосвязи с удовлетворённостью жизнью. Исследование охватывало основные сферы и условия жизни человека. Проверялись релевантные гипотезы, подтверждённые авторами при проведении региональных исследований. Научная значимость и новизна исследования заключается в поисковом характере проекта, попытке решить научную проблему путем интеграции знаний и методов из различных научных областей. Результаты исследования, выводы и полученные модели могут стать основой для развития полноценной концепции «современного успешного человека».

Ключевые слова: успех, методология, общество, социологический опрос, потребности, устойчивое развитие.

Введение

Согласно теории мотивации Д. Макклелланда, «мотив достижения является ключевым фактором в экономическом росте» [1, с. 285]. Для тех стран, где распространено стремление к успеху (например, многие страны Западной Европы, США, Япония), характерен более высокий уровень ВВП и более быстрое социально-экономическое развитие [2, с. 302] Практически любой скачок «интенсивного экономического развития», по выражению Д. Макклеланда, «предваряется распространением “мотивации достижения”» [2, с. 302, 303] и высоким уровнем стремления к успеху. Это связано с тем, что в таких обществах «всегда много энергичных предпринимателей, способствующих ... более быстрому экономическому росту» [1, с. 465]. Идеологи теории «социального государства»[3], основной задачей которого является обеспечение эволюционного поступательного развития всех слоев социума [3], также указывали на то, что «... богатство, могущество и счастье государства зависит от благосостояния его отдельных граждан» [4].

В то же время мотивация на успех при психологическом и социологическом рассмотрении противоречива как для самого человека, так и для выстраивания социальных отношений в обществе. Многогранность и множественные эффекты успеха как социального явления предопределяют необходимость его изучения с точки зрения различных социальных наук. Вместе с тем феномен успеха еще не стал предметом целенаправленного междисциплинарного научного анализа. В работах по этой проблематике рассматриваются отдельные аспекты и элементы «успешности»[4]. Таким образом, категория «успех» и эмпирические индикаторы «успешности» требуют дальнейшего теоретико-методологического анализа с целью создания релевантных моделей современного успешного человека с учётом социокультурных, демографических и социально-экономических различий внутри стран и между странами.

Это и стало отправной точкой для совместного исследования «Современный успешный человек» нашей международной научной группы, состоящей из ученых (психологов, экономистов, социологов) России, Польши и Беларуси. Целью инициативного проекта, который осуществляется нами в настоящее время, является определение характеристик современного успешного человека в контексте его удовлетворенности. Исследование призвано ответить на вопросы: кто такой успешный человек, каков

[2] Успешность – эмпирический индикатор (конструкт), позволяющий провести процедуры измерения для субъективной оценки успеха.

[3] Автором концепции социального государства считается немецкий ученый Л. фон Штейн (1815–1890). К этой идее обращались также Ю. Оффнер, Ф. Науманн, А. Вагнер, Г. Гегель, В. фон Гумбольдт, Н.Я. Данилевский, В.И. Ленин, К. Маркс, Ф. Энгельс и др.

[4] Элементы успешности: жизненная успешность, жизненный путь личности, субъективные ресурсы успешности ответственность как детерминанта успешности, образование и успешность, социальная успешность, профессиональный успех, гендерный аспект успеха, учебная успешность и т.д.

его психосоциальный образ; каковы его социально-демографические характеристики, удовлетворенность различными сторонами жизни; в чем заключаются социально-экономические эффекты успешности; роль социокультурных факторов успешности.

С учётом многомерности понятийного конструкта «успешный человек» исследование строилось на принципах социокультурного подхода, который благодаря «возможности соединения различных аспектов видения объекта позволяет показать его как яркое, многогранное, живое образование, находящееся в непрерывном развитии» [5]. Питирим Сорокин обозначил этот подход как неразрывную триаду – «личность, общество и культура», выделив при этом аспекты их социокультурного взаимодействия, неотделимые друг от друга: «личность как субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [6, с. 218]. Современные исследователи считают, что этот подход «интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей» [7]. Обращение к социокультурному подходу[5] связано с акцентированием на духовных факторах общественного и экономического развития и социально-культурных, социально-психологических факторах благополучия общества [8]. Об интересе к этому направлению говорит и рост количества эмпирических исследований, ориентированных на изучение удовлетворенности жизнью, уровня счастья и субъективного благополучия [9]. В ряду вышеназванных неэкономических факторов, по нашему мнению, стоит и феномен «успеха» и успешности как его субъективного восприятия. Обращение к этой проблематике объясняется тем, что укоренилась практика исследования состояния общества сквозь призму негативных индикаторов (болезнь, смертность, бедность, девиации), что методологически является не вполне корректным, поскольку факторы позитивных состояний (социального порядка, здоровья, благополучия) и негативных (девиаций, болезней) различаются. Так, по мнению академика М.К. Горшкова, успехи модернизации общества все больше связываются с оздоровлением социальной среды, духовным развитием общества и нравственным состоянием людей [8].

Поступательное развитие любого государства во многом опирается на эффективный труд, успешность и достижения каждого его гражданина в личной, профессиональной и гражданской активности. Насколько же успешны жители разных стран? Если рассматривать показатели, косвенно дающие нам представление об успешности граждан, то, например, значение индекса счастья, рассчитываемого по 156 странам[6], выше в Финляндии (2019 г. – 7,8 балла). Польша в этом рейтинге находится на 40-м (6,2 б.), Российская Федерация – на 68-м (5,6 б.), Беларусь – на 81-м (5,3 б.) местах [10].

[5] В контексте нашего исследования традиция восходит к работам Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», «Хозяйственная этика мировых религий».

[6] Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) – комбинированный показатель британского исследовательского центра «Новый фонд экономики» (New Economic Foundation). В рассчитываемом индексе счастья учитываются: *ВВП на душу населения* (GDP per capita) с учетом внутренних цен (ППС); *ожидаемая продолжительность здоровой жизни,* уровень *социальной поддержки* (social support) – ответ на вопрос «Если бы у Вас была проблема, могли бы Вы рассчитывать на помощь родственников или друзей в случае необходимости?»; *щедрость* (generosity) – ответ на вопрос «Тратили ли Вы на благотворительность деньги в прошлом месяце?»; *свобода жизненного выбора* (freedom to make life choices) – ответ на вопрос «Вы удовлетворены или не удовлетворены свободой выбора того, что Вы делаете со своей жизнью?»; *восприятие коррупции* (perceptions of corruption) – ответ на вопрос «Распространена ли коррупция в правительстве или нет?» и «Распространена ли коррупция в бизнесе или нет?»; *субъективное ощущение счастья* – ответы на вопросы о прошедшем дне: «Смеялись ли Вы? Было ли ощущение счастья? Испытывали беспокойство или гнев?»

Исследования показывают, что счастливые сотрудники работают на 12% продуктивнее [11]. Соответственно, если человек успешен и счастлив, то его трудовые результаты обеспечивают существенную выгоду для развития экономики.

В ходе истории понимание достижения и успеха менялось, и в настоящее время эти феномены проявляются в различных культурах по-разному [12]. Например, в исследованиях Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) 2017 г. ответы россиян на вопрос «Что такое успех в жизни лично для Вас? Как бы Вы его определили?»[7] расположились следующим образом: на первом месте – «счастье в личной жизни, благополучие семьи, детей, внуков» (32%), а далее – «материальное благополучие, достаток» (27%), «хорошая, интересная, любимая работа, успешная карьера» (20%), «здоровье свое, близких» (13%). Важнейшими составляющими жизненного успеха поляков[8], согласно исследованию Института общественного мнения «Homo Homini», являются создание семьи (58%) и хорошая работа (56%), причем эти две составляющие идут с большим отрывом от других: покупка собственного жилья (23%), любовь (22%), хорошее образование (22%), деньги (10%). Для сравнения следует сказать, что у американцев «"успех" является не столько констатацией достижений, сколько «социальной нормой ... жизненным императивом ... способом позиционирования ... "Я – американец" означает уже превосходство и более высокие стартовые позиции» [13].

Приведенные данные показывают, что, несмотря на некоторое сходство позиций в самооценке успешности, есть существенные отличия, связанные как с культурными (в частности, ментальностью), так и с институциональными условиями в разных странах. Эти особенности, а также круг социокультурных, социально-психологических и демографических детерминант, определяющих мотивацию достижения успеха, и являются исследовательским полем данного проекта.

Теоретико-методологический обзор

Представление об успехе изучается в разных областях научного знания (психология, экономика, социология, философия, культурология и т.д.), каждая из которых рассматривает специфические грани данного феномена [14].

Философское обоснование феномена успеха связано в основном с проблемой ценностей, а также самоидентификацией личности и её самооценкой [15]. Анализ социально-философских подходов, изучающих явления «успеха» и «успешности» в разные исторические периоды [16], показывает, что «успех в современном осмыслении этого понятия раскрывается онтологическими характеристиками личности» [16], определяющими эффективность социальных действий (использование скрытых резервов, самостоятельность и ответственность при планировании деятельности, ориентированной на успехи, самореализация, самоактуализация, самоудовлетворенность в деятельности, профессиональная компетентность и т.д.).

В психологии и социологии данная проблематика исследуется в рамках теории мотивации достижения.

При этом в современной научной литературе сформировались два взаимодополняющих взгляда. Первый сконцентрирован на изучении условий достижения успеха и успешности в процессе самореализации и самоактуализации личности (А. Адлер [17], А. Маслоу [18], К. Роджерс, В. Франкл [19] и др.). Самоактуализация, по мнению представителей данного направления, ориентирована на что-либо, существующее вне человека (других людей, сферу деятельности, смысл). Например, В. Франкл писал: «Самоактуализация – это не конечное предназначение человека. ... Если превратить самоактуализацию в самоцель, она вступит в противоречие с самотрансцендентностью человеческого существования. ... Лишь в той мере, в какой человеку удается осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он намеревается актуализировать себя вместо осуществления смысла, смысл самоактуализации тут же теряется» [19, с. 58–59].

[7] Что такое успех? Трудно или легко добиться успеха жителям сегодняшней России. URL: https://fom.ru/TSennosti/13865 (дата обращения: 05.11.2019).

[8] Успех по-польски: данные опроса «Кто мы?», проведенного среди жителей Польши Институтом исследования общественного мнения «Homo Homini». URL: http://maxpark.com/community/politic/content/2103799 (дата обращения: 12.08.2019.).

Ученые второго направления фокусируются на содержании и сущности личностного успеха (Д. Макклелланд [1], Х. Хекхаузен [12], Э. Фромм [20] и др.). В исследованиях Э. Фромма, например, особое внимание уделено высшим экзистенциальным потребностям (в установлении связей, преодолении, идентичности, системе взглядов и т.п.). Выражение, способы удовлетворения этих потребностей существенным образом зависят от типа социальных условий, которые окружают человека, именно они в значительно степени влияют на способы удовлетворения потребностей [20].

В социологии анализ данного феномена направлен на выявление критериев и факторов успешности, их представленность в конкретных социальных группах и сферах деятельности [21, 22, 23, 24].

Ведущий польский социолог П. Штомпка, отмечая влиятельность идеи М. Вебера о поиске духовных детерминант макропроцессов в сфере индивидуальных мотиваций и ценностей, выделил два классических вектора исследований успешного человека [25]. Первый из них, по мнению учёного, связан с именем Э. Хагена [26], который ввёл в науку понятие «инновационной личности» как предпосылки экономического роста и распространения предпринимательства. Второй ассоциируется с теорией Д. Макклелланда [27], согласно которой распространение мотивации достижения предшествует скачку экономического роста.

В эмпирической экономической науке при изучении общих принципов поведения субъектов экономических отношений анализируются пути достижения успеха на макро- или микроуровне национальной экономики. И если классики экономической мысли (А. Смит [28], Д. Рикардо [29] и др.) рассматривали в качестве показателей макроэкономической успешности рост общественного богатства, то маржиналисты (К. Менгер [30], У.С. Джевонс [31], А. Маршалл [32], Дж. Б. Кларк [33] и др.) во главу исследований поставили поведение человека, определение его деятельностных мотивов и устремлений. При этом под конечной целью человека подразумевалось максимальное удовлетворение его потребностей, т.е. «максимизация благосостояния, понимаемая как максимизация полезности» [34].

В современной экономике складывается новый подход к показателям успешности и эффективности экономики стран, основанный на понятии «*экономика счастья*». Концепция «экономики счастья» основана на повышении удовлетворенности и счастья каждого человека и каждого субъекта рынка. П.А. Сорокин считал, что игнорировать счастье как измеритель прогресса недопустимо, как, впрочем, и преувеличивать его значение: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [35, с. 511]. Это направление делает акцент на субъективном благополучии, определяемом как «широкая категория феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей» [36], оценивая через него качество объективных условий жизни людей [37]. В этом вопросе экономисты, социологи и психологи солидарны, поскольку, согласно мнению ученых, общество вступило в «экономику удовлетворенности жизнью» [38, с. 122]. Удовлетворенность жизнью является, таким образом, частью более широкого понятия «субъективное благополучие», его когнитивной стороной, которую дополняют эмоции (положительные и отрицательные), испытываемые человеком в тот или иной период времени [39]. Экономика в этом случае рассматривается как инструмент создания благополучия для социума в целом и каждого человека в отдельности [40]. Показатели качества жизни активно применяются для сравнительного анализа развития стран. Это также свидетельствует о внимании к субъективной оценке благополучия человека. Н.М. Римашевская отмечала, что «качество жизни составляет смысл бытия каждой личности и населения в целом» [41, с. 185].

Таким образом, успех (широкое, многогранное и глубокое по своему содержанию понятие) неразрывно связан с ценностями и нормами личности и общества. При всех различиях в понимании успеха и успешности есть «общее смысловое ядро», в котором «доминируют такие сферы жизни, как работа, знание и предоставляющая свободу открытая политическая система, при которой личная инициатива человека может привести к успеху». При этом утверждается, что «приверженность се-

мье, традиции и межличностным связям должна отступить и уступить место вышеупомянутым сферам» [12]. В этих утверждениях, как мы видим, содержатся противоречивые проявления феномена успеха и успешности.

В периоды смены исторических эпох происходят переоценка, обогащение и развитие накопленного научного наследия, особенно в области обществознания, формируются новые научные парадигмы, отвечающие реалиям меняющегося общества. К ним относится, например, «интегрализм» П.А. Сорокина – «комплексный, синтетический, объединительный подход к изучению общества и человека» [42]. Человек для него – один «из важных творческих центров ... действительности», который в состоянии «переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил» и «который ... делает это в наилучшие периоды своего интенсивного творчества» [43]. В 30-х гг. XX века П. Сорокин предостерегал о том, что человек, «зажатый между двух эпох», когда «старые ценности рушатся, а новые еще не укрепились, теряется в дебрях дезинтегрированного чувственного мира и общества» [43]. Выход ученый видел в распространении альтруистических ценностей. Представители школы русского циклизма (В.И. Вернадский [45] и др.) развили эту идеи, обосновав «возрождение высокой ... культуры и гуманистически-ноосферной нравственности» через партнерство цивилизаций [46, 47]. Такой сменой эпох оказался и конец XX века, ознаменовавший «крупнейшую геополитическую катастрофу» (распад Советского государства), которая «разорвала поступательное развитие ... общества» и привела к коренным «изменениям и в политике, и в экономике, и в мировоззренческих системах» [49]. Начало зарождаться общество потребления на фоне создания все новых и новых потребностей. При этом потребление выступает «фактором конструирования идентичности» [50]. «Товары становятся одухотворенными и одушевленными элементами социальной реальности» [51]. Обладание брендовой вещью или ее последней суперсовременной моделью является индикатором успешности, реализацией потребности «в самовыражении, статусности, красоте, власти» [51] и т.д.

Американский психолог Т. Шибутани обращает внимание на тот факт, что в ряде случаев борьба за признание, власть и статус, стремление как к очень высоким, так и очень низким целям связаны с неприятием самого себя, поскольку «оценить самого себя, – рассуждает он, – это значит рассмотреть себя внутри некой иерархической системы» [52]. Самооценка выступает важным регулятором поведения, от неё зависят взаимоотношения человека с другими людьми, критичность и требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам.

Человек не может рассматриваться отдельно от самого общества, его традиций, устоев, уровня экономического и социального развития, равно как и общество зависит от того, насколько развит в нем человеческий потенциал, насколько его члены заинтересованы в личном успехе и успехе общества.

С методологической точки зрения исследование феномена успешного человека может рассматриваться как попытка объединить [53, с. 14] познавательные средства различных гуманитарных наук на основе междисциплинарного подхода, дающего более широкое, комплексное понимание. Все приведенные нами теоретико-методологические положения легли в обоснование методов и дизайна исследования.

Методы и инструментарий исследования

В начале исследования нам представлялось важным изучить не только феномен успешного человека в контексте его удовлетворённости различными сторонами жизни, а также его поведение в рамках широкого круга социально-культурных, социально-психологических и демографических детерминант, используя методы, разработанные в различных областях социальной и гуманитарной науки, позволяющие содержательно описать этот феномен в качестве «идеального типа» или модели и выделить особенности его проявления в различных странах и в конкретных группах внутри стран.

Интерпретация основных понятий

Прежде чем перейти к описанию инструментария исследования, остановимся на основных терминах и понятиях, которые использованы в работе. Отметим, что успешность исследовалась в терминах самооценки в контексте удовлетворенности.

Успех – позитивный аспект субъективного «добросостояния» индивида [54]; достижение поставленных целей в задуманном деле, положительный результат чего-либо, общественное признание чего-либо или кого-либо[9].

Удовлетворенность – эмоциональное состояние, возникающее вследствие реализации мотива [55].

Удовлетворенность жизнью – многозначный и многомерный термин, отражающий «общую оценку удовлетворенности своими достижениями и условиями жизни», которая определяется на основе сравнения своего положения с установленными самим собой стандартами [56].

Жизненная удовлетворенность – общее представление человека о психологическом комфорте, которое включает в себя: а) интерес к жизни; б) решительность, целеустремленность, последовательность в достижении жизненных целей; с) согласованность между поставленными и реально достигнутыми целями; д) положительная оценка собственных качеств и поступков и е) общий результат удовлетворенности жизнью.

Жизненная устойчивость – а) настойчивость и детерминация в действиях; б) личностные компетенции в преодолении стресса и толерантность к негативным эмоциям; в) толерантность к неудачам и понимание жизни как вызова [54; 57].

Экономическая успешность – удовлетворенность от владения материальными благами, уровня потребления, качества и уровня жизни.

Профессиональная успешность – совокупность позитивных результатов, накопленных в течение карьеры (трудовой деятельности): «удовлетворенность личности профессиональной самореализацией на основе результативности личностных и профессиональных достижений на пути к профессионализму и их признание в профессионально значимой для субъекта среде» [58]. Это интегральный феномен (количественные и качественные показатели деятельности, психофизиологические затраты, удовлетворенность трудом, оценка человеком своего труда и его оплаты, взаимоотношения с коллегами и руководством, их оценка труда субъекта и т.д.» [59, с. 302].

Социальная успешность – набор достижений в социуме (референтной группе), значимом для индивида. Она выражается в общественно значимом и признанном обществом результате социальных действий личности, т.е. результате, «обеспечивающем высокое качество духовной и социальной жизни человека в границах социальных норм» [60, с. 20].

Жизненная успешность – личные достижения человека в соответствии с теми требованиями, которые он сам для себя устанавливает.

Личная успешность – критерий (оценка) его самореализации.

Эмоциональный профиль – степень выраженности комплекса позитивных (радость, счастье, покой, чувство гармонии с окружающим миром, ощущение удачи, везения) и негативных (чувство переутомления, стресс, напряжение, тревога, страх, одиночество, восторг, скука, чувство безысходности) эмоций [61].

На первом этапе нашего исследования с целью апробации инструментария был проведён социологический опрос населения, выборка которого составляла 100 человек (от 18 до 70 лет) для каждой территории[10], пропорционально представляющих население по полу и возрасту.

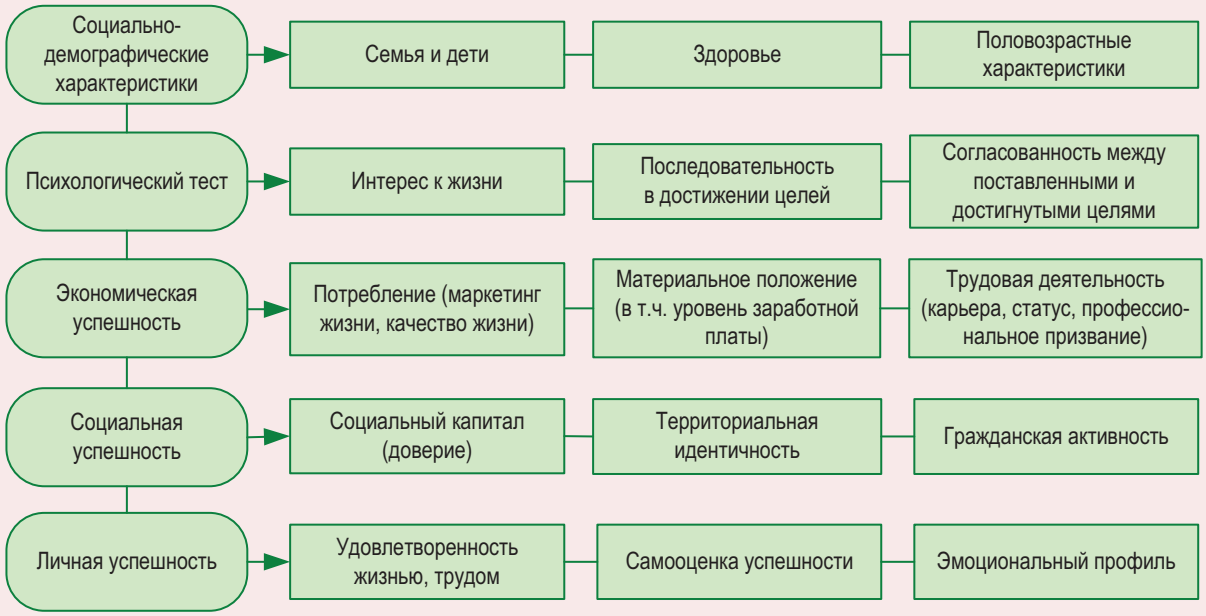
Анкета для пилотного опроса состояла из пяти взаимосвязанных блоков вопросов (*рис. 1*).

Успешность исследовалась в терминах самооценки, с охватом основных сфер и условий жизни человека. Проверялись релевантные гипотезы, подтверждённые нами при проведении

[9] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.

[10] Опрос был проведен в различных городах: в России – города областного значения (Вологда, Коломна), республиканская столица – Петрозаводск и промышленный город – Череповец Вологодской области; в Беларуси (столица – Минск), Польше (административный центр воеводства с развитым машиностроением – Люблин). Города выборки имеют разный статус, разную численность населения (от 140 тыс. чел. в Коломне, 300 тыс. чел. в Вологде, Череповце, Люблине примерно до 2 млн чел. в Минске), разное социально-экономическое развитие (состояние бюджетной обеспеченности, уровень и формы занятости населения, уровень развития социальной инфраструктуры и т.д.), что позволило на этапе поискового исследования добиться представленности в выборке максимального разнообразия городского населения.

Рис. 1. Структура анкеты

региональных исследований. Полученные эмпирические данные будут использованы при обосновании модели удовлетворённости современного успешного человека.

В соответствии с проблематикой исследования, обусловленной изучением разнородных социальных единиц (трех стран, шести городов, населения с разными взглядами и ценностями), была сформулирована гипотеза о связи успешности и удовлетворённости жизнью. При этом объект исследования – городское население было внутренне дифференцировано по странам, типам населённых пунктов, полу, возрасту и социальному статусу респондентов.

Одна из частных гипотез предполагала существование статистически значимых различий в чувстве удовлетворенности жизнью среди респондентов в исследуемых группах. Для проверки гипотезы в *психологическом блоке исследования* были использованы следующие методы.

Для анализа удовлетворенности жизнью был применён тест «Индекс удовлетворенности жизнью»[11] (Life Satisfaction Index) [62], состоящий из пяти шкал. Шкала *интереса к жизни* отражает степень удовлетворенности и активной деятельности в жизни. Вторая шкала оценивает людей с позиции *последовательности в достижении целей*. Согласно ее оценкам, уровень достижения жизненных целей наиболее высок у тех, кто стремится к реализации своих жизненных целей и задач. Шкала *согласованности между поставленными и достигнутыми целями* характеризует людей с точки зрения осознания ими своей способности к достижению запланированных жизненных целей. В четвертой шкале представлена *самооценка себя и собственных поступков путем выявления положительных качеств и недостатков*, в том числе и своих компетенций. Высокие значения показателей по этой шкале

[11] Методика была переведена и адаптирована Н.В. Паниной в 1993 году. Опросник, диагностирующий индекс жизненной удовлетворенности, отражает общее психологическое состояние человека, степень его психологического комфорта и социально-психологической адаптированности. Шкала состоит из 20 вопросов, результаты ответов которых сводятся к 5 шкалам, характеризующим различные аспекты общего психологического состояния человека и его удовлетворенности жизнью. Максимальный индекс жизненной удовлетворённости составляет 40 баллов. Средняя жизненная удовлетворённость – 25–30 баллов. Показатели менее 25 баллов считаются низкими.

свидетельствуют о таких качествах человека, как решительность, стойкость, направленные на достижение целей. Низкая оценка отражает пассивное примирение с жизненными неудачами, покорное принятие всего, что приносит жизнь. Реалистичная самооценка показывает, что человек в полной мере и надежно использует свои возможности для преодоления любых ограничений и препятствий в жизни. Пятая шкала оценивает степень оптимизма человека, его удовлетворения жизнью.

Для анализа ситуации «преодоление стресса и жизненных трудностей» была применена Шкала жизненной устойчивости [57] (SPP-25), а точнее её избранные аспекты: а) настойчивость и детерминация в действиях; б) личностные компетенции в преодолении стресса и толерантность к негативным эмоциям; в) толерантность к неудачам и понимание жизни как вызова. Для оценки уровня удовлетворенности жизнью в исследовательских группах применялся дисперсионный анализ ANOVA[12]. Дополнительный тест «post-hoc Tukey'a»[13] был использован для определения статистически значимых различий между исследуемыми группами.

Проблеме *экономической успешности* в междисциплинарном исследовании посвящен блок вопросов, касающихся таких аспектов, как:

1. Потребление (поведение людей на потребительском рынке, позиционирование человека в обществе, мотивы и стимулы рациональности с учетом получаемых доходов и расходов, качество и маркетинг жизни респондентов, возможности получения качественного, в т.ч. элитного, образования и т.д.). Включение вопросов об уровне потребления и его связи с успешностью человека обусловлено тем, что население разных стран мира сегодня все чаще выбирает этот сценарий поведения, характеризующийся массовым потреблением материальных благ и формирующий соответствующую систему ценностей и установок. С 1960 по 2000 г., т.е. за 40 лет, личные расходы на товары и услуги во всем мире возросли более чем в 4 раза (с 4,8 до 20 млрд. долл.)[14]. В России этот тип поведения стал зарождаться в постсоветский период[15].

2. Материальное положение (самоидентификация, характеристика денежных доходов, расходы на покупку дорогих товаров).

3. Трудовая деятельность (формы и способы занятости, степень/уровень реализации качественных характеристик работающего населения в труде, интенсивность и производительность труда, должностной статус и представления о карьерном росте, ценность труда, самооценка полезности человека для общества, соответствие профессиональному призванию).

Кроме вышеперечисленных аспектов экономического содержания феномена «успешности», актуальной для развития общества становится проблема творческой и изобретательской активности [63; 64]. Возможность самореализации в этой сфере является одной из граней современной успешности человека. В этой связи в проекте исследуется такой индикатор, как частота проявления творческих способностей в работе и в повседневной жизни людей.

Социальная успешность «означает достижение социального статуса, приобретение социального престижа, обретение социальной и личной репутации. Обладание данными параметрами с социальным знаком "плюс" уже делает личность успешной, успех общественно осязаемым, ранжированным, переводит успеш-

[12] Целью дисперсионного анализа ANOVA (Analysis of Variation) является проверка значимости различия между средними оценками в разных группах с помощью сравнения дисперсий этих групп. Разделение общей дисперсии на несколько источников (связанных с различными эффектами в плане) позволяет сравнить дисперсию, вызванную различием между группами, с дисперсией, вызванной внутригрупповой изменчивостью. Проверяемая гипотеза состоит в том, что различия между группами нет. При истинности нулевой гипотезы, оценка дисперсии, связанной с внутригрупповой изменчивостью, должна быть близкой к оценке межгрупповой дисперсии. При ложности – должна значимо отклоняться.

[13] Statistics: post hoc comparisons – метод апостериорных множественных сравнений, предполагающий наличие более чем двух выборок. Этот метод используется для проверки гипотез и разведочного анализа.

[14] The History Of What Things Cost In America: 1776 to Today (История американских цен с 1776 года по сегодняшний день). URL: https://247wallst.com/investing/2010/09/16/the-history-of-what-things-cost-in-america-1776-to-today/ (дата обращения: 10.03.2019.).

[15] Общество потребления // Портал «Словари и энциклопедии на Академике». URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/92833 (дата обращения: 10.03.2019.).

ного человека в ранг новой стратификации – состоявшихся, успешных личностей» [65, с. 16]. Ключевым фактором формирования социальной успешности человека является социальный капитал, поскольку система социальных связей, в которую включен человек, многократно увеличивает его шансы на реализацию успешных жизненных стратегий [66]. Социальный капитал формируется в различных социальных группах – от семьи до нации, создается и передается посредством культурных механизмов, таких как религия, традиция, обычай [67; 68]. Одно из направлений функционирования социального капитала – гражданская активность, «выражающаяся в ... способности и желании проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, это осознание личной ответственности за благополучие государств» [69]. В нашем исследовании проблеме *социальной успешности* посвящен отдельный блок, представленный индикаторами, касающимися отдельных аспектов *социального капитала* (доверие, сети); *гражданской активности* (реальное участие в жизни своего города, региона; возможность влияния на состояние дел в регионе и т.д.) и *территориальной идентичности* (возможность самореализации в своем регионе, отношение к региону проживания и его проблемам).

Личная успешность как одна из сторон жизненного успеха подразумевает субъективный уровень оценки индивидом своей жизни и деятельности. Он основан на личностных (субъективных) оценках успешности реализуемых индивидом социальных практик и жизни в целом, и эти оценки могут не соответствовать принятым в обществе стандартам успешности. Иными словами, внутреннее (субъективное, на основе удовлетворенности) признание успешности результатов своей деятельности не всегда сопровождается признанием этих достижений обществом. В этом его отличие от социальной успешности. Однако во многом это взаимопроникающие и взаимообусловленные конструкты, что делает их труднодифференцируемыми понятиями, и, на наш взгляд, их разграничение не несет особой смысловой нагрузки. Условно компоненты личного успеха можно сгруппировать следующим образом: семья и дети, досуг, здоровье, духовное и интеллектуальное развитие, эмоциональные переживания и т.п. Данным вопросам в исследовании отведен специальный блок, вопросы которого позволяют оценить демографическое поведение людей, жизненный путь и семейные отношения, состояние здоровья и заботу о нем, показать их значимость в рамках феномена успешности.

Нельзя не сказать о том, что одним из значительных параметров личной успешности человека является удовлетворённость. К мотиваторам, вызывающим удовлетворение, относятся непосредственно содержательные характеристики трудовой деятельности [70], перспективы карьерного роста, ответственность, успехи и достижения личности или группы в труде [71]. В нашем исследовании критериям успешности посвящены вопросы, относящиеся к анализу удовлетворенности жизнью в целом и её отдельными аспектами, текущей жизненной ситуацией, трудом, качеством предоставляемых услуг и т.д.

Важным инструментом понимания логики поведения человека являются эмоции [52, 72]. В проекте исследовался эмоциональный профиль человека в зависимости от самооценки его успешности. Он изучался с помощью такого индикатора, как степень выраженности позитивных (радость, счастье, покой, чувство гармонии с окружающим миром, ощущение удачи, везения) и негативных (чувство переутомления, стресс, напряжение, тревога, страх, одиночество, скука, чувство безысходности) эмоций. Выдвигалась частная гипотеза о том, что в эмоциональном профиле респондентов, оценивших себя как успешных, позитивные эмоции будут выражены сильнее, а негативные – слабее по сравнению с остальными респондентами. Забегая вперед, отметим, что это предположение подтвердилось.

Таким образом, при формировании инструментария и проведении аналитических процедур мы руководствовались перечисленными выше методологическими подходами к пониманию феномена успешности. Полагаем, что использование познавательных средств различ-

ных наук в данном проекте позволит нам выработать междисциплинарный подход к исследованию успешности человека в современном обществе и разработать релевантные модели удовлетворённости с учётом социально-культурного и социально-демографического контекста.

Основные результаты поискового исследования

Результаты пилотного опроса, проведённого, как было указано выше, в трех странах (России, Беларуси и Польше), дают в суммированном виде по всем исследуемым территориям основание для предварительного анализа.

В целях выявления характеристик успешности и проверки гипотезы о связи успешности с удовлетворенностью жизнью респонденты были сгруппированы следующим образом: в первую группу вошли те, кто на вопрос «Считаете ли Вы себя успешным человеком?» ответил «да»; ко второй группе были отнесены те, кто выбрал ответ «нет»; третья группа состоит из респондентов, «затруднившихся ответить».

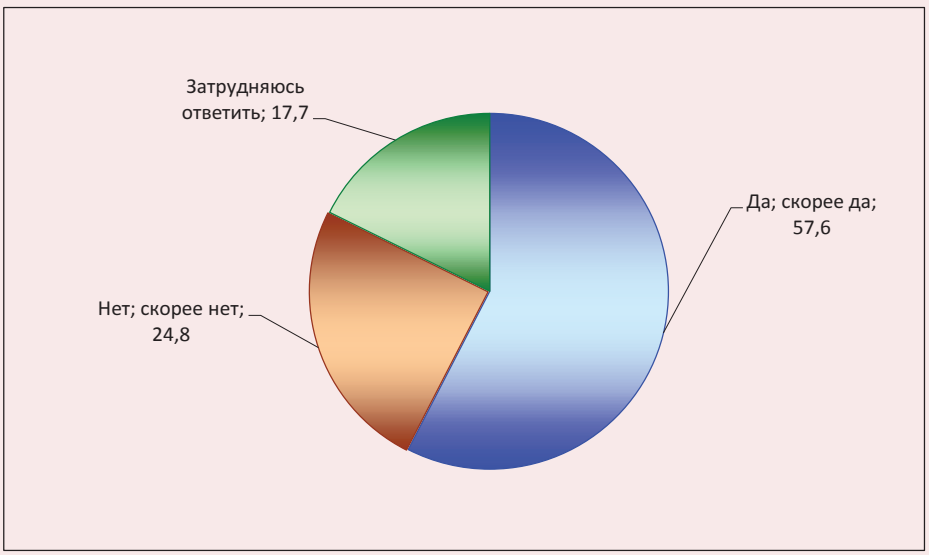
Согласно данным исследования практически две трети респондентов из трёх стран охарактеризовали себя как успешных людей (58%; *рис. 2*).

Результаты блока «Социально-демографические характеристики»

Один из важных результатов исследования – выявление демографических особенностей успешности. Её отличительным признаком выступает уровень образования. Среди респондентов, причисливших себя к успешным, преимущественно люди с высшим образованием и специалисты высокой квалификации (*рис. 3*). В группе «успешных» в 1,4 раза больше респондентов с высшим образованием, чем среди «неуспешных».

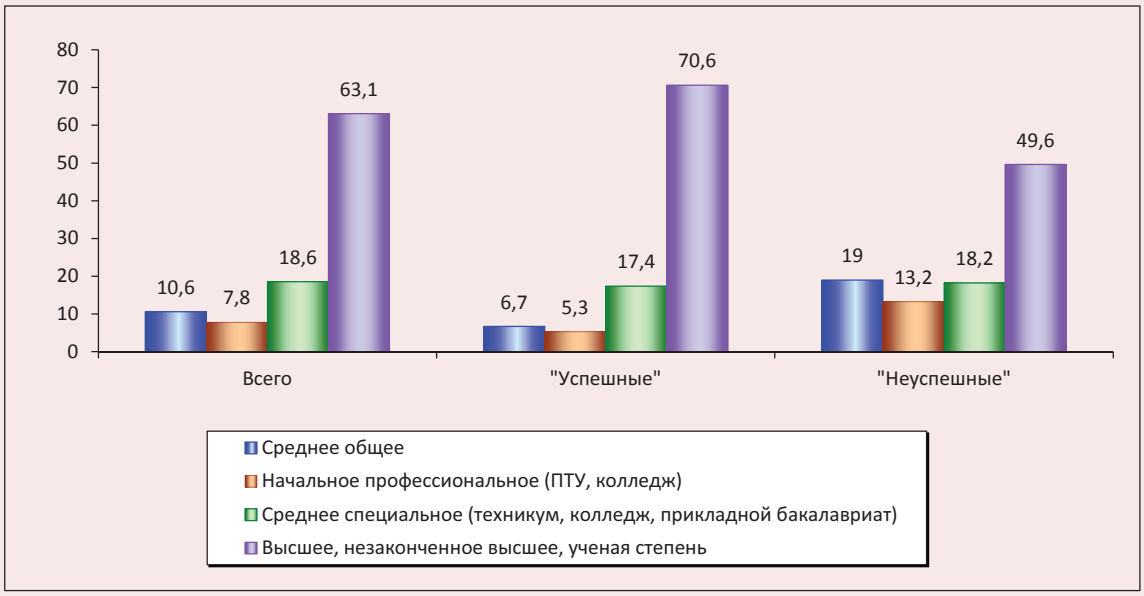
Подавляющее большинство респондентов, считающих себя «успешными», относят себя к категории граждан со средним материальным достатком (81%); среди «неуспешных» таковых только половина (50%). При этом более трети «неуспешных» соотносит своё положение с бедностью (32%), а 13% – с состоянием нищеты (*рис. 4*).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов из России, Беларуси и Польши на вопрос «Считаете ли Вы себя успешным человеком?», в % от числа опрошенных

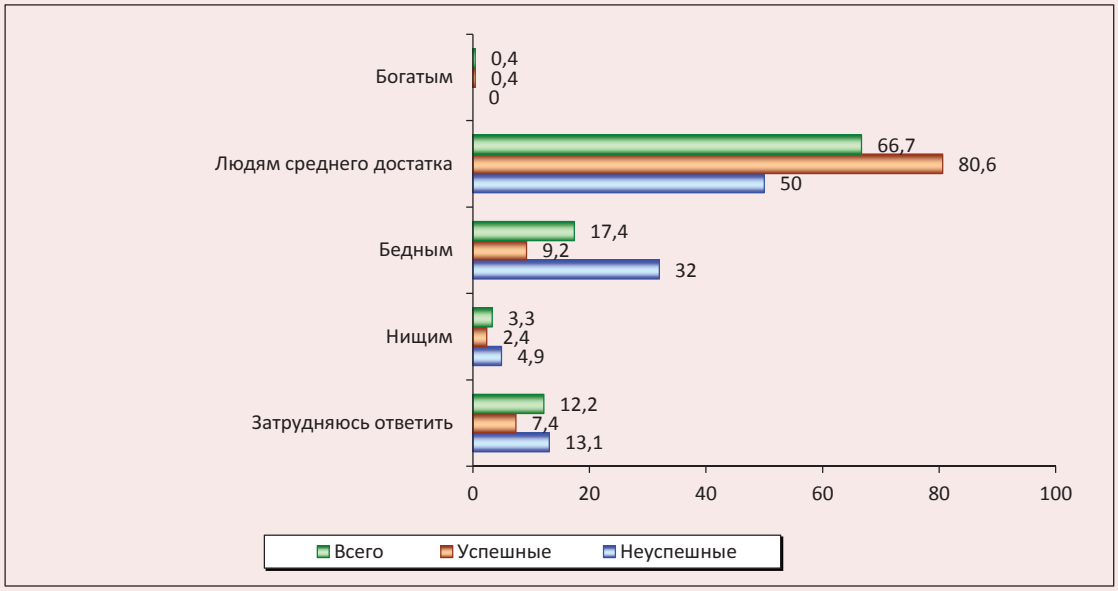
Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Рис. 3. Уровень образования респондентов из России, Беларуси и Польши, ответивших на вопрос «Считаете ли Вы себя успешным человеком?», в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

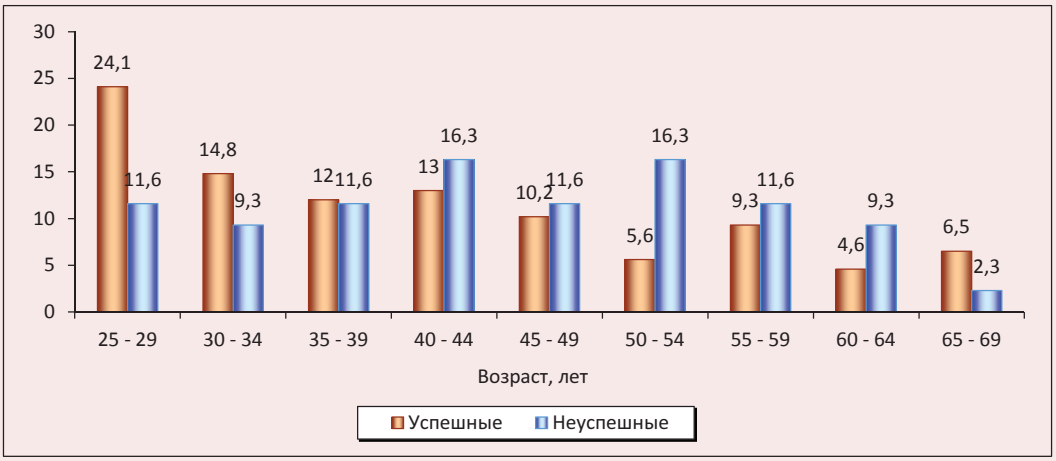
Рис. 4. Самоидентификация респондентов из России, Беларуси и Польши, ответивших на вопрос «Считаете ли Вы себя успешным человеком?», в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

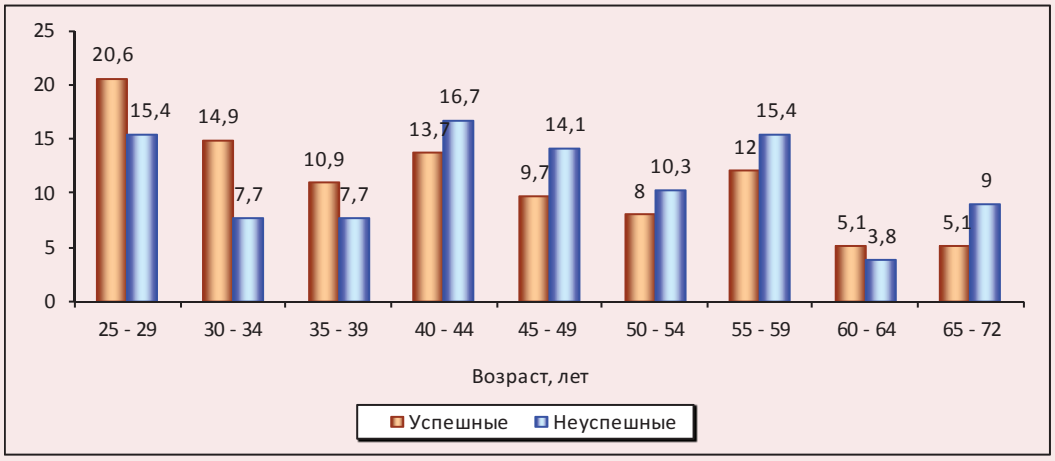
Как показало исследование, в целом по массиву данных самооценка успешности более характерна для молодых людей (25–29 лет) (*рис. 5, 6*). В молодом возрасте есть достаточно сил и энергии. Возможно, молодёжь, не переживавшая слома общественного строя и сформированная в условиях рыночной экономики, имеет более высокий уровень адаптации к новым социально-экономическим реалиям. Положительная самооценка успешности превалирует и в возрастной группе 30–34 года, особенно среди женского населения. Становление этой возрастной группы также происходило в новых условиях. Среди людей среднего возраста (40–44-х, 45–49-ти и 50–54 лет) больше тех, кто дал себе оценку «неуспешный». Полученные результаты требуют более глубокого дальнейшего осмысления и содержательной интерпретации.

Рис. 5. Распределение мужчин по возрасту и самооценке успешности, в % от числа опрошенных мужчин

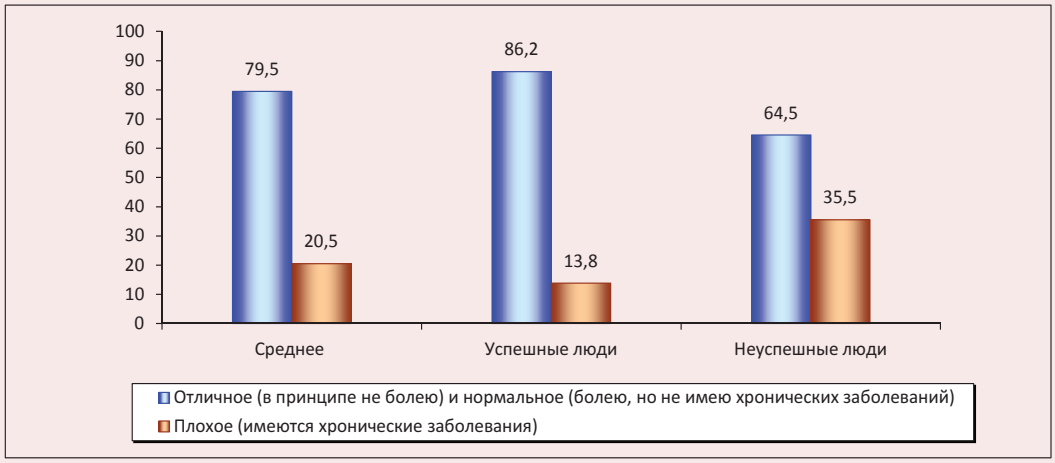
Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Рис. 6. Распределение женщин по возрасту и самооценке успешности, в % от числа опрошенных женщин

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Рис. 7. Самооценка собственного здоровья респондентами из России, Беларуси и Польши, в среднем и в разрезе самооценки успешности, в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Здоровье человека – это основа благосостояния общества в целом и самого человека в частности. Достижение каждым человеком успеха в реализации жизненных целей в большой степени зависит и от состояния его здоровья, и от установок на здоровый образ жизни. Это предположение подтверждается данными опросов (*рис. 7*). Разница по самооценке здоровья между группами «успешных» и «неуспешных» людей является статистически значимой. Среди успешных респондентов количество ответов «отличное и нормальное здоровье» в 1,3 раза больше, а ответов «плохое здоровье» – в 2,6 раза меньше, чем в противоположной группе.

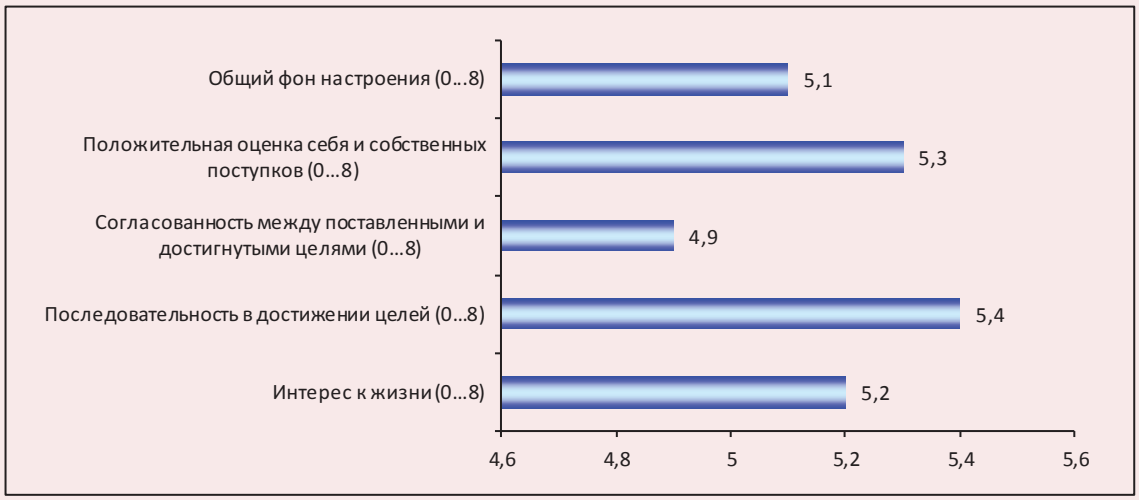
Полученные результаты позволили сформировать гипотетический портрет современного успешного человека. Это человек в возрасте до 40 лет, имеющий высшее образование, средний, по самооценке, материальный достаток. Он обладает нормальным или отличным состоянием здоровья, высоким уровнем профессиональной квалификации, контролирует собственное поведение, стремится к здоровому образу жизни, имеет стабильные семейные отношения, во всем полагается на собственные силы, а также на поддержку семьи.

Результаты психологического блока

Предварительные результаты анализа психологического теста, использованного в исследовании об удовлетворенности жизнью, состоящего из пяти шкал, показали, что уровень интереса к жизни, достижения жизненных целей и внутренней согласованности между поставленными целями и их достижением в целом по странам выше среднего (от 4,9 до 5,4 балла из 8-ми; *рис. 8)*.

Наименьший балл показала шкала, отражающая согласованность между поставленными и достигнутыми целями (4,9 балла). Результаты ответов по данной шкале дают информацию о степени убежденности человека в достижении или способности достижения тех целей, которые он считает для себя важными. Низкие баллы свидетельствуют либо о наличии рассогласованности в оценке планов респондентов, либо о том, что цели еще не достигнуты, так как имеют более продолжительный лаг для реализации. Последнее предположение более вероятно, поскольку оценка по шкале «последовательность в достижении своих целей» по сравнению с другими шкалами имеет самый высокий балл – 5,4.

Рис. 8. Результаты психологического теста удовлетворенности жизнью (Life Satisfaction Index), средний балл*

* Шкала результатов: min 0 … max 8.

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г., расчеты Л. Сухоцка.

Результаты блока по экономической успешности

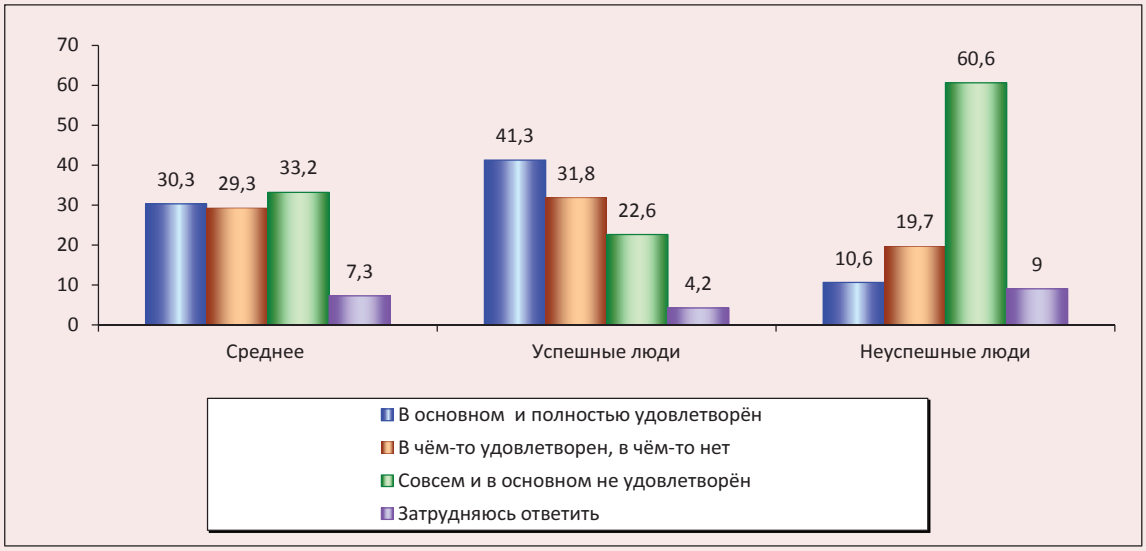
Одним из маркеров успешности человека, который напрямую зависит от удовлетворенности человека своей заработной платой, является структура и объем потребления. Данные опроса показывают, что в оценке заработной платы в целом по исследованию несколько превалирует позиция ответов «совсем и в основном не удовлетворён» – 33%. Причем в группе «неуспешных» респондентов доля таких оценок составляет более двух третей – 61%. В группе «успешных», наоборот, первенство принадлежит позитивным ответам (41%; *рис. 9*).

Интенсивность труда и ответственность в работе, как правило, прямо способствуют успешности человека, о чем свидетельствуют ответы населения о степени использования в работе своих качеств. При этом успешная часть респондентов реализует свои качественные свойства в полной мере и зачастую на пределе своих возможностей (*табл. 1*). Особенно значима разница в ответах о стремлении к повышению по службе, о проявлении инициативы и предприимчивости – в 7 раз по позиции «в полной мере».

Это подтверждается и ответами респондентов на вопрос о их профессиональной карьере. По всем предложенным в инструментарии временным отрезкам (за последние 5 лет, 1 год, 6 месяцев) «успешные» люди отметили улучшение своих должностных позиций. Разница в соответствующих ответах между ними и группой «неуспешных» составляет от 1,5 раза в позиции «за последние 5 лет» до 3 раз в позициях «за последний год и полгода».

Одной из гипотез исследования являлось предположение о сбалансированности работы и семейной жизни у «успешных» работающих родителей. Обращение к данной гипотезе вызвано тем, что в современном быстро меняющемся мире большинство родителей озабочены решением не воспитательных, а экономических проблем. Как показало исследование, респонденты во всех точках проведения опроса, практически в равной степени удовлетворены и профессиональной деятельностью, и жизнью в целом (*табл. 2*). При этом «успешные» работающие родители показывают существенно более высокую удовлетворенность обоими аспектами.

Рис. 9. Удовлетворенность заработной платой в разрезе самооценок успешности, в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Таблица 1. Степень использования качеств и умений в работе и жизни, в % от числа опрошенных

Качества человека	Группы по самооценке успешности	Степень использования качеств			
		Очень мало (по минимуму)	Частично (мало)	Более-менее полно (могу больше)	В полной мере (на пределе)
Физические возможности и здоровье	Успешные	4,6	17,5	**46,4**	**31,5**
	Неуспешные	7,5	23,3	41,7	27,5
Психологическая устойчивость	Успешные	0,4	12,2	**46,6**	**40,9**
	Неуспешные	5,1	19,5	43,2	32,2
Знания, эрудиция, квалификация	Успешные	1,1	8,3	**49,5**	**41,2**
	Неуспешные	17,1	24,8	33,3	24,8
Творческие способности (изобретательность, умение решать неизвестные ранее задачи и т.д.)	Успешные	9,3	18,6	**43,4**	**28,7**
	Неуспешные	26,5	26,5	29,9	17,1
Общительность, умение ладить с людьми	Успешные	1,4	7,5	**45**	**46,1**
	Неуспешные	4,2	20	36,7	39,2
Общая культура (воспитанность, вежливость, сдержанность и т.д.)	Успешные	1,8	4,7	45,9	47,7
	Неуспешные	5,9	7,6	42,4	44,1
Морально-нравственные качества (честность, чувство долга, порядочность, обязательность и т.д.)	Успешные	1,1	4,3	37,7	56,9
	Неуспешные	2,5	5,8	43,3	48,3
Стремление к повышению по службе, проявление инициативы и предприимчивости	Успешные	11,8	24,3	**40**	**23,9**
	Неуспешные	28,6	33,6	34,5	3,4
Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.					

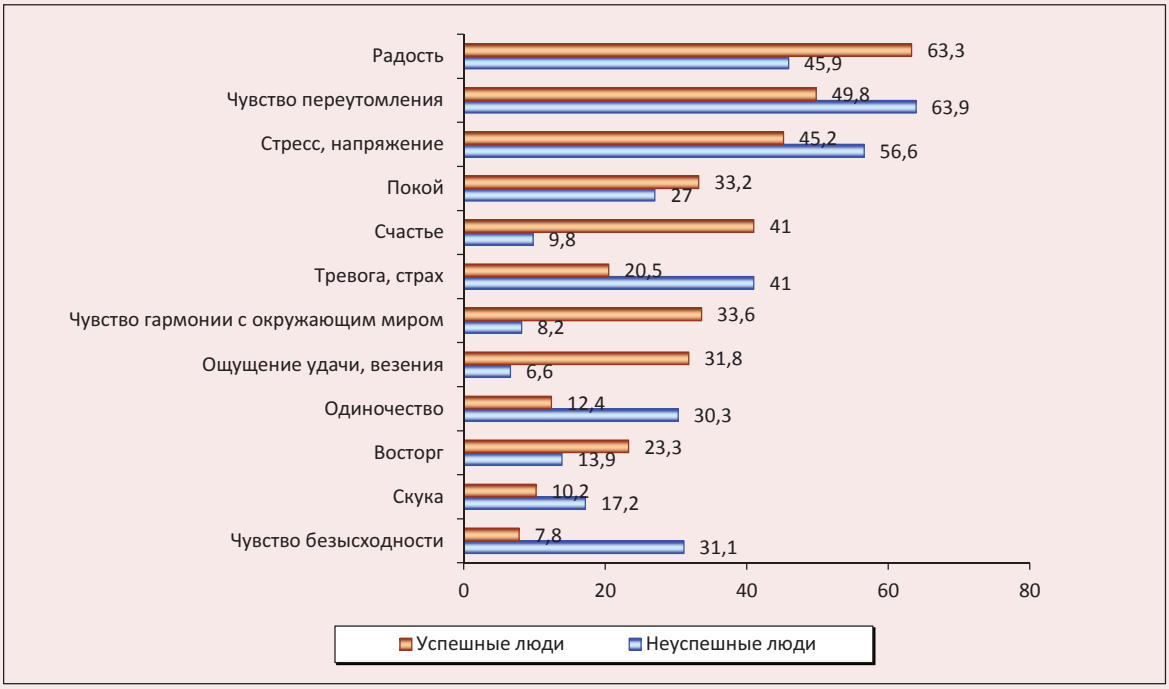
Таблица 2. Сбалансированность личной жизни и работы, в % от числа опрошенных

Личная жизнь	%	%	Работа
Удовлетворенность своей жизнью в целом		**Удовлетворенность профессиональной деятельностью**	
В среднем по опросу	57,7	53,7	В среднем по опросу
В среднем по успешной группе работающих родителей	73,8	78,5	В среднем по успешной группе работающих родителей
Оценка жизненных перспектив		**Оценка карьерных перспектив** (за последние 5 лет должностное положение улучшилось)	
В среднем по опросу	28,0	38,6	В среднем по опросу
В среднем по успешной группе работающих родителей	34,9	43,0	В среднем по успешной группе работающих родителей
Влияние семьи на удовлетворенность жизнью (повышают удовлетворенность)		**Влияние семьи на карьерные планы** (приходилось отказываться от семьи для достижения карьеры)	
В среднем по опросу	62,2	8,1	В среднем по опросу
В среднем по успешной группе работающих родителей	76,2	9,9	В среднем по успешной группе работающих родителей
Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.			

Результаты по блоку личной успешности

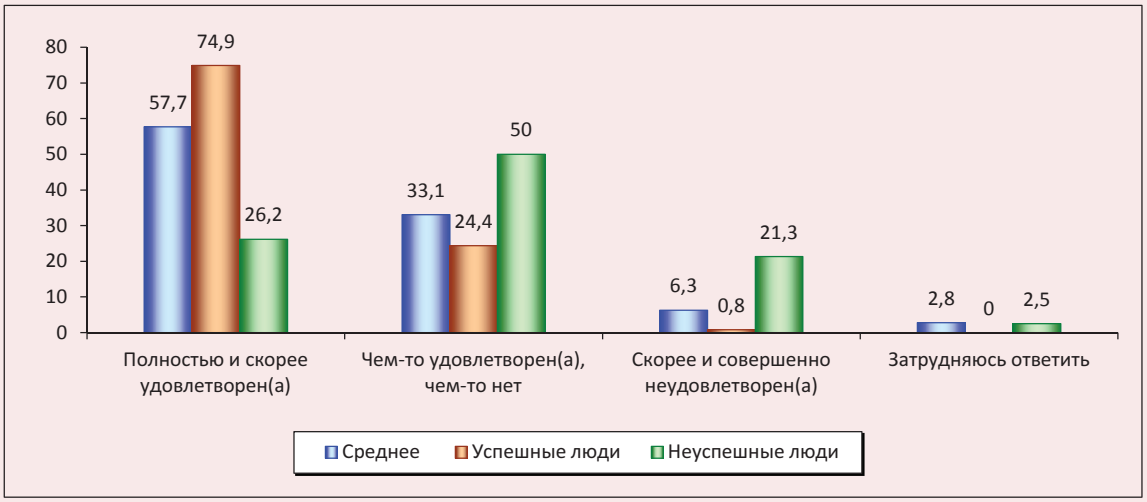
Исследование эмоционального профиля «успешных» людей (57,6% опрошенных) показало, что у них в большей степени по сравнению с «неуспешными» выражены все исследуемые позитивные эмоции. Но наиболее чувствительной оказалась эмоция «счастье»: по данному индикатору зафиксированы наибольшие различия между ответами «успешных» и «неуспешных» респондентов (разница составила 31,2 п.п.), что свидетельствует о возможной сильной связи между показателями «успешность» и «счастье» (*рис. 10*).

Рис. 10. Эмоциональный профиль «успешных» и «неуспешных» людей, в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Рис. 11. Оценки удовлетворенности жизнью, в % от числа опрошенных

Источник: данные пилотного опроса населения городов России (Вологда, Череповец, Петрозаводск, Коломна), Беларуси (Минск) и Польши (Люблин), 2018 г.

Более половины респондентов (57,7%) «полностью» или «скорее удовлетворены своей жизнью». При этом 22% опрошенных однозначно в этом уверены. Среди «успешных» людей во всех точках опроса преобладали положительные оценки (*рис. 11*). В среднем оптимистов в группе «успешных» в 3 раза больше по сравнению с противоположной группой. Среди «неуспешных» людей почти в 2 раза больше тех, кто высказал свою неудовлетворенность жизнью.

Следует оговориться, что представленные в статье результаты проанализированы только с целью проверки релевантности инструментария по признаку успешности и осмысления методики опроса. Межстрановое сравнение требует как более масштабного исследования, так и корректировки методологических и организационных задач, связанных с обоснованием принципа выбора точек проведения исследования (типологичность стран, наибольшие различия или наибольшее сходство [73]). Несомненно, полученные нами данные требуют дополнительного углубленного анализа.

Заключение

Результаты проведенного пилотного исследования подтвердили релевантность и адекватность методического инструментария. Анализ данных показал, что полученные результаты не содержат противоречий и согласуются с теоретико-методологическими основаниями исследования.

Его научная важность и значимость состоит в изучении латентных аспектов и противоречий успешности, её соотнесения с системой ценностей конкретного общества и перспективами его развития.

Отметим, что приведенные результаты являются лишь частью исследовательского проекта. Мотивация достижения и стремление к успеху – это только один из типов трудовой и жизненной мотивации. Результаты её воплощения в конкретную деятельность могут быть противоречивы и неоднозначны. Это подтверждено целым рядом исследователей, о которых уже было упомянуто ранее («плата за успех», «боязнь успеха»). Стоит задача – более глубоко исследовать данные аспекты, а в будущем изучить распространённость мотивации достижения в конкретных социальных группах, территориальном и межстрановом разрезе.

Кроме того, понимание успеха и успешности на разных этапах жизненного пути меняется. С управленческой точки зрения важно не только понимание успеха для определенного возраста и поколения, но и создание условий для успешности во всех возрастах. В этом видится углубление исследования. На следующих

этапах проекта предполагается проанализировать категории «успешность» и «удовлетворенность жизнью» с точки зрения гендерного и поколенческого аспектов, более подробных индивидуальных особенностей успешных людей и внешних факторов успешности с акцентировкой внимания на доминантных факторах (в том числе возрастных), влияющих в целом на удовлетворенность индивида. С расширением исследовательского поля будет также проведен межстрановой сравнительный анализ по наиболее информативным индикаторам.

Литература

1. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений/Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.; 257.
3. Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9–23.
4. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874. С. 524.
5. Рудакова И. В. Социокультурный подход как методологический принцип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (85). С. 159–162.
6. Sorokin P.A. *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics*. New York: Cooper Square Publishers, 1962. 742 p.
7. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 3–12.
8. Горшков А.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 46–48.
9. Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–20 (С. 19–33).
10. Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D. *World Happiness Report*. New York: Sustainable Development Solutions Network, 2019. 136 p.
11. Oswald A.J., Proto E., Sgroi D. Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 2015, vol. 33, no. 4, pp. 789–822.
12. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. С. 367.
13. Михайлова О.В. Пролегомены к определению понятия «успех» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 301. С. 43–45.
14. Дворецкая М.Я., Лощакова А.Б. Образ успешности в современных психологических исследованиях // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 2. С. 1–11.
15. Ключников С.Ю. Философия успеха: гносеологический анализ: автореф. дисс. ... к.филос.н. Москва, 2003.
16. Мулляр Л.А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: автореф. дисс.. ... д-ра филос. н. Нальчик, 2012. 43 с.
17. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
18. Маслоу Абрахам Г. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2013. 352 с.
19. Роджерс К. Эмпатия // Психология мотивации и эмоций : учебное пособие / ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. Изд. 2-е, стереотипное. М.: ЧеРо : Омега-Л : МПСИ, 2006. С. 428–430.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с. С. 58–59.
21. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной. Москва: Астрель, 2011. 446 с.
22. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
23. Петухов В.В. Новые активные русские: жизненные приоритеты, социальная мобильность, понимание успеха // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы

/ Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 164–173.

24. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 157–160.
25. Шубкин В.Н. Образование и жизненные пути молодежи (по материалам сравнительного международного социологического исследования) // Советская социология. М.: Наука, 1982. Т. 2.
26. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. 348 p.
27. Hagen Everett E. *On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins*. Homewood, Illinois: Dorsey Press, 1962. 557 p.
28. McClelland D.C. et al. *The Achievement Motive*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953. 384 p.
29. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
30. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 960 с.
31. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. Пер. с нем. Г. Тиктина и И. Абергуза под ред. Р.М. Орженцкого. М.: Экономика, 1992. С. 31–242.
32. Джевонс У.С. Политическая экономия. СПб., 1905.
33. Маршалл А. Принципы экономической науки. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993.
34. Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: 2000.
35. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. 1. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.
36. Сорокин П.А. Социологический прогресс и принцип счастья / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов; пер. с англ. С.А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
37. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress. *Pshychological Bulletin*, 1999, vol. 125, no. 2, pp. 276–302.
38. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога / Е.О. Смолева, М.В. Морев ; под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой. – Вологда :ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
39. Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006. 368 с.
40. Андреенкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 189–215.
41. Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса. М.: Наука, 2010. 272 с.
42. Римашевская Н.М. Качество жизни и здоровье населения // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачевские научные чтения 13–14 марта 2010 г. / науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб., 2010. Т. 1. Доклады. С. 185–186.
43. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
44. Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социс. 1992. № 10. С. 35–38.
45. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
46. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 382 с.
47. Яковец Ю. Лидерство российских ученых в формировании интегральной парадигмы обществознания. М.: 2018.
48. Акаев А. А. Становление ноосферной цивилизации в творчестве Ю.В. Яковца // Век глобализации. № 2. 2018. С. 150–158. DOI: 10.30884/vglob/2018.02.12
49. Овсянников А.А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. № 1. 2015. С. 78–97.
50. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность //Мир России. 2005. № 2.
51. Овсянников А.А. Общества потребления: системность и тотальность кризиса // Народонаселение. № 2. 2011. С. 12–32.
52. Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 378.
53. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

54. Suchocka L., Popielski K., Kaciuba M. Psychological analysis of life satisfaction and the level of coping with life difficulties in the studied groups // Вестник ГСГУ. № 2 (34). 2019. С. 36–44.
55. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2000. 512 с.
56. Kliszcz J., Nowicka-Sauer K., Trzeciak B., Sadowska A. Poziom lęku, depresji i agresji u pielęgniarek, a ich satysfakcja z życia i z pracy zawodowej. *Medycyna Pracy*, 2004, no. 55 (6), pp. 461-468.
57. Ogińska-Bulik N., Juczyński Z. *Osobowość stres a zdrowie*. Warszawa: Difin, 2008.
58. Арендачук И.В. Структурно-функциональная организация профессионализма личности в научно-педагогической деятельности: дисс. к.псих.н. Саратов: 2008. 211 с.
59. Теплинских М.В. Успешность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 252–257.
60. Загороднова Т.В. Понятие «успех» в теории социальных представлений // Сборник научных трудов «Проблемы современной науки». Ставрополь: Логос, 2012. С. 70–77.
61. Шухатович В.Р. Мотивация достижения: личностные качества и эмоциональный профиль «успешного человека» // Вестник ГСГУ. № 2 (34). 2019. С. 76–83.
62. Neugarten B., Havinghure R., Tobin S. The measurement of life satisfaction. *Journal of Gerontology*, 1961, no. 16, pp. 134–143.
63. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015.
64. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18–35.
65. Якутина О.И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие: автореф. ... д.филос.н. Краснодар, 2011. 47 с.
66. Colemann J.S. Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, supplement, pp. 95–120.
67. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
68. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер с англ. под ред А.В. Александровой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 474 с.
69. Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 134–137.
70. Херцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман; пер. с англ. [Д. А. Куликов]. М.: Вершина, 2007. 240 с.
71. Садыкова Н.А. Удовлетворенность как показатель успешности и адаптивности человека // Конструктивизм в психологии и педагогике: сб. статей Междунар. научно-практ. конференции (23 августа 2017 г. в г. Казань). Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 184–187.
72. Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / Клотер Рапай: Пер. с англ. У. Саламатова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 167 с.
73. Андреенкова А.В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3. С. 125–155.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Валентина Григорьевна Доброхлеб – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32), Институт социально-политических исследований Российской академии наук (121069, Российская Федерация, г. Москва, Борисоглебский пер., 13, стр. 3; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Елена Ильинична Медведева – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30 корп. 1), ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Сергей Викторович Крошилин – кандидат технических наук, доцент, проректор по информатизации и развитию образования, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30 корп. 1), старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Лилия Сухоцка – PhD психологии, профессор, президент, директор по науке, Институт биологической обратной связи и НОО-психосоматики (20-706, Польша, г. Люблин, ул. Farmaceutyczna, д. 13; e-mail: liliasuchocka@ibnps.eu)

Виолетта Руслановна Шухатович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (220072, Беларусь, Минск, ул. Академическая, д. 3, к. 10; e-mail: viola1993sh@gmail.com)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Екатерина Владимировна Молчанова – доктор экономических наук, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: molch@yandex.ru)

Shabunova A.A., Dobrokhleb V.G., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V.,
Suchocka L., Shukhatovich V.R., Leonidova G.V., Molchanova E.V.

The Successfulness of a Modern Individual: Theoretical and Methodological Aspects of the Study

Abstract. The article discusses theoretical foundations of understanding success, substantiates methodological approaches to studying the successfulness of the 20th century individual, and discusses findings of an exploratory research conducted by an international team of scientists. We consider it important to study the social phenomenon such as "succesfulness of a modern individual" in the context of their satisfaction with important aspects of life and work and from the perspective of a wide range of socio-cultural, socio-psychological and demographic determinants. The study uses methods developed in various fields of social and humanitarian science; the methods describe the phenomenon[1] of success in a meaningful way and identify its prevalence and manifestation features in different countries (in this project – Russia, Poland and Belarus) and in specific groups within countries. An exploratory research performed in this way has an interdisciplinary basis and relies on the synthesis of econometric (modeling, correlation and regression analysis), sociological (questionnaire survey), and psychological (testing) methods. The article presents findings of a pilot sociological survey and psychological testing of the population of different cities of Russia (Vologda, Cherepovets, Petrozavodsk, Kolomna), Belarus (Minsk) and Poland (Lublin). The pilot stage of the comparative cross-country study involved empirical testing of the selected tools in determining success factors in different linguistic, cultural and political environments,

[1] A philosophical term, which has a wide range of meanings and acts as a basic, complete and reliable unit of what can be singled out in a consciousness (from the Greek word *phainomenon*, which means *manifesting itself*).

searching for methodological approaches to the essence of the phenomenon under consideration, and the operationalization of the concepts used. Successfulness[2] has been studied in terms of self-esteem and in relation to life satisfaction. The study covered main spheres and conditions of human life. We tested relevant hypotheses that we had confirmed in the course of regional studies. The scientific significance and novelty of the research lies in the exploratory nature of the project, an attempt to solve a scientific problem by integrating knowledge and methods from various scientific fields. The findings of the study, its conclusions and models can become the basis for the development of a full-fledged concept of "modern successful individual".

Key words: success, methodology, society, sociological survey, needs, sustainable development.

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, 117218, Moscow, Russian Federation), Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (13, building 3, Borisoglebsky Lane, Moscow, 121069, Russian Federation; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Elena I. Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, State Social and Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, 140411, Moscow Oblast, Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Sergei V. Kroshilin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Vice Rector for Informatization and Education Development, State Social and Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, 140411, Moscow Oblast, Russian Federation), Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Lilia Suchocka – Ph.D. (Psychology), Professor, President, Scientific Director, Institute of Biofeedback and Noo-psychosomatic (13, Farmaceutyczna Street, Lublin, 20-706, Poland; e-mail: liliasuchocka @ibnps.eu)

Violetta R. Shukhatovich – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, head of department, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (3, building 10, Akademicheskaya Street, Minsk, 220072, Belarus; e-mail: viola1993sh@gmail.com)

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Ekaterina V. Molchanova – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Engineering), Leading Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Center of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: molch@yandex.ru)

[2] Successfulness is an empirical indicator (construct), which allows us to carry out measurement procedures for the subjective assessment of success.

Статья поступила 05.11.2019.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.3
УДК 332.1, 330.3, ББК 65.04, 65.2/4
© Чарушин В.Н., Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В.

Научно-исследовательский потенциал Уральского отделения РАН как стратегический фактор развития регионов*

Валерий Николаевич
ЧАРУШИН
Институт органического синтеза им. И.Я. Постовского Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620108, ул. С. Ковалевской, 22/20
E-mail: charushin@ios.uran.ru
ORCID: 0000-0002-9140-358X; ResearcherID: C-4250-2016

Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА
Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: lavrikova_ug@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6419-2561; ResearcherID: B-1897-2018

Виктория Викторовна
АКБЕРДИНА
Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, д. 19
E-mail: akb_vic@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6463-4008; ResearcherID: K-2874-2018

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН «Фундаментальные основы стратегии развития регионов».

Для цитирования: Чарушин В.Н., Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В. Научно-исследовательский потенциал Уральского отделения РАН как стратегический фактор развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 51–73. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.3

For citation: Charushin V.N., Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V. Research potential of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences as a strategic factor in regional development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 51–73. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.3

Аннотация. В статье актуализируются вопросы выявления и оценки взаимосвязи развития научно-исследовательского сектора и инновационного роста регионов. Показано, что ключевой характеристикой сектора генерации знаний выступает научно-исследовательский потенциал, сущность которого напрямую связана с уровнем развития фундаментальных и прикладных исследований, степенью их внедрения в материальный сектор экономики. Авторами выявлено, что в настоящее время активно проводятся исследования, затрагивающие различные аспекты оценки научно-исследовательского потенциала, выявления трендов его развития, а также механизмы реализации на различных уровнях. Проведенный в статье компаративный анализ показал, что все методические подходы включают достаточно одинаковый набор показателей, характеризующий количественные характеристики и их динамику, многие из них используют агрегированные индексы, позволяющие сравнить страны и регионы. В дополнение к существующим методикам авторский подход предлагает анализировать наряду с количественными также и качественные характеристики в целях создания условий для формирования среды инновационного развития региона. Так, на примере Уральского отделения РАН показано, что приоритетные направления развития научных исследований должны соответствовать не только глобальной и национальной научной повестке, но и решать задачи инновационного развития регионов, на территории которых расположены научные центры. В статье приведен анализ регионов, на территории которых расположены научные институты и центры Уральского отделения РАН, проведена типология данных регионов, выделяющая регионы-инноваторы, регионы-последователи и догоняющие регионы, для каждого региона выделены приоритеты инновационно-технологического развития и сопоставлены с приоритетами развития Уральского отделения РАН. Авторами выдвинут тезис о том, что важнейшим условием для генерации знаний и создания прорывных технологий помимо концентрации исследователей является высокая концентрация инвестиционных ресурсов в сфере науки. На примере Уральского отделения РАН приведены данные о потребности в инвестициях на развитие научных организаций и сценарии их развития.

Ключевые слова: научно-исследовательский потенциал; факторы развития региона; Уральское отделение РАН.

Введение

Инновационный сценарий развития для России является безальтернативным, что неоднократно доказывалось учеными-экономистами и закреплено в федеральных и региональных нормативно-правовых актах. Реализация данного сценария должна обеспечить высокий уровень конкурентоспособности отечественной экономики в мире. Как правило, исследователи выделяют целый ряд характеристик, присущих инновационной модели экономики, среди них ключевые – высокий уровень и качество человеческого капитала, значительные инвестиции в его развитие, сформированные и эффективно функционирующие инновационные системы, привлекательный инвестиционный климат, высокая доля высокотехнологичных секторов в структуре экономики. В этом же ряду важнейшей составляющей выступает *научный потенциал экономики*, содержание которого связано с высоким уровнем развития фундаментальной науки, значительными темпами внедрения результатов прикладной науки, наличием крупнейших научных центров. Общепризнано, что эффективное функционирование инновационной модели экономического развития невозможно без соответствующего уровня развития сферы науки, и научно-исследовательский потенциал в данном контексте играет ключевую роль как для текущего, так и для перспективного инновационного развития[1].

Роль науки в формировании инновационной среды зачастую рассматривается с совершенно разных позиций, причем каждая точка зрения выделяет и рассматривает какую-то

[1] Савинков В.И., Бакланов П.А. Роль науки в развитии инновационного производства: экспертная оценка / под ред. академика Г.В. Осипова. ЦСПиМ, 2016. 140 с.

определенную черту. Так, в некоторых трактовках научного потенциала акцент делается на содержании понятия, в других – на его функционале, в третьих – на характеристиках взаимосвязей с другими секторам экономики[2] и т. д. Представляется целесообразным, не вдаваясь в детальный анализ всей совокупности существующих понятий, обосновать методологический выбор для целей данного исследования.

Достаточно большая часть исследователей оперирует общим и широким понятием *«интеллектуальный потенциал»*, понимая под ним научные знания в целом, включая знания, воплощенные в результатах интеллектуальной деятельности (технологии, патенты и др.), знания, имеющие значимый информационный характер (публикации), и знания, неразрывно связанные с человеком. С этой позиции оценку интеллектуального капитала дает ОЭСР, учитывая отдельно уровень образовательного потенциала и уровень развития научных исследований[3]. В этом смысле интеллектуальный потенциал характеризует способность страны (региона) к созданию новых знаний и технологий в целях её социально-экономического развития[4].

Достаточно близко к интеллектуальному потенциалу понятие *«научно-образовательный потенциал»*, под которым чаще всего понимается совокупность образовательных, научных и научно-образовательных учреждений страны. Пространственная структура научно-образовательного потенциала играет ключевую роль в формировании политики выравнивания «неравенства регионов», становясь главным фактором усиления конкурентных преимуществ региона путем формирования и развития человеческого капитала, создания научно-образовательной инфраструктуры региона, институциональной среды региональной инновационной системы. Именно с этим понятием тесно связаны мероприятия, предусмотренные национальным проектом «Наука», по созданию сети научно-образовательных центров в регионах.

Еще одним понятием, рассматривающим сферу генерации знаний с позиции создания технологий, является понятие *«научно-технологический потенциал»*. В данном контексте существует достаточно много трактовок. Так, например, по мнению ряда исследователей, научно-технический потенциал – это «единство двух основных характеристик: 1) совокупность ресурсов, связанных с научно-технической сферой; 2) результативность функционирования, особенно в аспекте влияния на экономику и общество в целом»[5]. Еще одно мнение связывает научно-технический потенциал с «совокупностью кадровых, материальных, финансовых и информационных ресурсов, которыми располагает национальная сфера наука-техника, а также организационных и управленческих структур, обеспечивающих функционирование этой сферы»[6]. Понимая буквально, научно-технический потенциал – это сложная система, включающая потенциал научный (исследования и разработки), образовательный и технический. Ряд исследователей рассматривают научно-технический потенциал крайне узко – как результат исследований и разработок, определяемый количеством научно-технической информации; как результаты лишь тех видов научной деятельности и исследований, которые непосредственно связаны с созданием новой техники, разработкой новых научно-технических проектов и программ[7,8].

---

[2] Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.

[3] Interim Report on the OECD Innovation Strategy. An Agenda for Policy Action on Innovation. Paris: OECD, 2009.

[4] Тодосийчук А.В. Интеллектуальный потенциал общества, результативность науки и экономический рост // Инновации. 2010. № 1 (135). С. 35-42.

[5] Устенко В.С., Фоломьев А.Н., Кушлин В.И. Инновационное наполнение инвестиционной политики: /отв. ред. В.И. Кушлин. М.: Проспект, 2016. 240 с.

[6] Авдулов А.Н., А.М. Кулькин Показатели научно-технического потенциала. Методы сравнительного анализа // Курьер российской академической науки и высшей школы. 2001. № 12.

[7] Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Научно-технический потенциал России. М.: ЦИСН, 2003. 122 с.

[8] Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития.. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.

Наложение научно-исследовательского потенциала на сферу производства инновационной продукции приводит к возникновению понятия *«инновационный потенциал»*, который представляет собой результат преобразования научных знаний в новые виды продуктов и услуг[9], а также организационных, управленческих и финансовых механизмов[10], направленных на создание мультипликативных инноваций[11]. Составной частью инновационного потенциала является массив научно-технических разработок и изобретений, необходимый для формирования ускоренного роста объемов производства инновационной продукции. Непосредственно механизмы формирования и использования инновационного потенциала связаны с повышением уровня качества и востребованности НИОКР, улучшением взаимодействия между промышленными предприятиями и организациями фундаментальной и отраслевой науки, формированием рынка интеллектуальной собственности[12].

Данная статья фокусируется на *«научно-исследовательском потенциале»*, под которым авторы понимают совокупность научных знаний, результатов фундаментальных и прикладных научных исследований, полученных на разных стадиях научно-технического цикла. Научно-исследовательский потенциал, являясь частью научно-технологического потенциала, акцентирует внимание на начальных этапах шкалы готовности технологий, связанных с *фундаментальными и прикладными исследованиями*, включающими в себя «утверждение и публикацию базовых принципов технологии; формулировку концепции технологии и оценку области применения; начало исследований и разработок, подтверждение характеристик; проверку основных технологических компонентов в лабораторных условиях; проверку основных технологических компонентов в реальных условиях»[13]. Соответственно, *драйверами формирования научно-исследовательского потенциала выступают научные организации, осуществляющие фундаментальные и прикладные исследования*.

Как уже было отмечено, традиционно в публикациях научно-исследовательский потенциал не выделяется в самостоятельную категорию с соответствующим определением и набором характеристик, а включается как составной элемент в научно-технологический потенциал. Вместе с тем научно-исследовательский потенциал является основой развития и научно-технологического, и инновационного потенциала как в стране в целом, так и на уровне региона, обеспечивая конкурентоспособность производимых товаров и услуг[14]. Выделение научно-исследовательского потенциала и его оценка обоснованы целью настоящей статьи показать роль организаций, выполняющих исследования и разработки, в инновационном развитии регионов и страны.

Научно-исследовательский потенциал страны пространственно распределен, и в значительной мере его формирование связано с функциональной ролью в региональном развитии.

---

[9] Кочетков С., Кочеткова О. Инновационный потенциал промышленности: пространственные границы развития экономики // Экономист. 2019. № 1. С. 24-31.

[10] Хайруллина М. В. Технологическое предпринимательство: сдерживающие факторы и условия развития // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 16. С. 1831-1848; Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6

[11] Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Bukhvalov N.Y. Simulation of Innovative Resonance in the Industrial Regions // Economy of Region. 2015. № 4. P. 289-308. DOI: 10.17059/2015-4-23

[12] Соловьев Д.Б., Кузора С.С. Методика оценки инновационной деятельности посредством гибких алгоритмов // Инновации. 2019. № 6. С. 12-24.

[13] Technology Readiness Level // National Aeronautics and Space Administration USA. https://www.nasa.gov/directorates/heo/scan/engineering/technology/txt_accordion1.html (дата обращения: 13.12.2019); Методика определения уровней готовности технологий в рамках проектов ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России»: утв. Министерством образования и науки РФ 11.07.2017 г. № 57/14вн. http://fcpir.ru/upload/medialibrary/955/gt_57_14vn_metodika-ugt-_002_.pdf (дата обращения: 13.12.2019).

[14] Бендиков М.А., Хрусталев Е.Ю. Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 2. С. 314.

Именно региональный уровень инновационных систем обеспечивает абсорбцию технологических знаний[15], формирует восприимчивость инноваций отраслями промышленности, мультипликативно увеличивает производство инновационной продукции[16]. Научно-исследовательский потенциал региона имеет первостепенное значение для достижения заданного уровня инновационного развития региональной социально-экономической системы, соответствующей задачам постиндустриального развития. Он же выступает мощным нематериальным фактором инновационной среды региона, формирование и развитие которой в большей степени обеспечивается за счет использования достижений фундаментальной и прикладной науки.

В этой связи *статья ставит своей целью* акцентировать ключевую роль региональной науки в инновационном и социально-экономическом развитии регионов, связанную, с одной стороны, с решением задач регионального масштаба, а с другой стороны, с включенностью в мировую научную повестку, обеспечивающую конкурентоспособность региона в глобальной экономике.

Методика исследования и обоснование ее выбора

В международной практике отсутствует самостоятельная система показателей оценки научно-исследовательского потенциала. Как правило, научно-исследовательский потенциал включен в сводный индекс инновационного развития. Методики оценки индикаторов, позволяющих проводить оценку уровня развития инновационного потенциала экономики (а также ее отдельных составляющих), достаточно разнообразны. Законодателем оценки и мониторинга научно-инновационного развития выступает Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), которая в 2015 году предложила Декларацию о политике в области науки, технологий и инноваций в условиях глобализации и цифровизации[17]. Между тем самого пристального внимания заслуживают и другие методики сопоставлений научно-инновационной деятельности по сводным индексам, позволяющим комплексно оценить анализируемую сферу. Нас, в частности, будет интересовать тот раздел методик, который связан с оценкой научно-исследовательского потенциала.

Так, в глобальном индексе инноваций, рассчитываемом по методике Международной бизнес-школы INSEAD, присутствует блок «Результаты осуществления инновационных преобразований», который включает в себя показатели «развития технологий и экономики знаний» и «результаты творческой деятельности»[18]. В методику Международного инновационного индекса Бостонской консалтинговой группы включен блок «результаты инновационной деятельности», который содержит показатели результативности НИОКР (финансирование НИОКР, публикации, диффузия знаний, патенты и т.д.)[19]. Европейский инновационный индекс включает в себя блоки «привлекательность исследовательской инфраструктуры» (международные научные публикации, публикации в журналах Q1, доля иностранных докторантов) и «патентная активность» (патентные заявки, поданные по PCT, заявки на торговые марки, заявки на промышленные образцы)[20]. Индекс экономики знаний опирается на оценку «знаниемкости» экономики и ее связи с долгосрочным экономическим ростом[21]. Аналогичные разделы присутству-

[15] Самоволева С.А. Абсорбция технологических знаний как фактор инновационного развития // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 150-158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-150-158

[16] Румянцев А.А. Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 84-99. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.6

[17] Daejeon Declaration on Science, Technology, and Innovation Policies for the Global and Digital Age. https://www.oecd.org/sti/daejeon-declaration-2015.htm (дата обращения: 20.11.2019 г.)

[18] Global Innovation Index 2019. https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4434&plang=RU (дата обращения: 20.11.2019).

[19] The innovation imperative of manufacturing. http://www.themanufacturinginstitute.org/~/media/6731673D21A64259B081AC8E083AE091.ashx (дата обращения: 20.11.2019)

[20] European innovation scoreboard. https://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en (дата обращения: 20.11.2019 г.).

[21] EBRD Knowledge Economy Index. https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html (дата обращения: 20.11.2019 г.).

ют также в расчете Индекса инновационного потенциала[22] и глобального фактора инноваций Блумберг[23].

Российская практика, как правило, копирует зарубежные подходы, оценивая страну и регионы по упомянутым выше методикам[24]. Вместе с тем сложились и отдельные методики оценки научно-исследовательского потенциала как в сфере федерального регулирования (ФСМНО)[25], так и в научном сообществе[26].

Большинство российских и зарубежных методик имеют ряд ограничений при использовании их для оценки научно-исследовательского потенциала региона. Часть ограничений носит исключительно технический характер, не позволяющий рассчитать отдельные показатели на уровне региона. Вместе с тем имеются и принципиальные моменты: например, отсутствие оценки актуальности тематики исследований и ее соответствия глобальной или национальной научной повестке, отсутствие связи научно-исследовательского потенциала с показателями социально-экономического развития региона, отсутствие оценки научно-исследовательской кооперации и коллаборации.

Предлагаемый авторами подход к оценке научно-исследовательского потенциала позволяет учесть указанные выше аспекты и наглядно обосновать тезис о стратегической роли науки в развитии регионов. Авторский подход к оценке включает также не только анализ абсолютных показателей, но и сравнение показателей в расчете на одного исследователя, что позволяет провести компаративный анализ регионов друг с другом и увидеть отклонения от лучших регионов (бенчмарки) и среднероссийского значения.

Характеристика объекта исследований и источники данных

Объектом исследования, отраженного в статье, выступает *научно-исследовательский потенциал Уральского отделения РАН*. Сегодня это мощный многоотраслевой научно-исследовательский комплекс, имеющий под научно-методическим руководством 33 научные организации, ряд вузов, крупнейшую на Урале научную библиотеку, конструкторско-технологические и инженерные центры, сеть стационаров. Академические научные организации имеются в Екатеринбурге, Сыктывкаре, Ижевске, Перми, Челябинске, Архангельске и Оренбурге. В них трудятся свыше 3700 научных работников, из них почти 750 докторов и более 2000 кандидатов наук. Научные работники в возрасте до 39 лет составляют 42% численности научных работников. Исследованиями по важнейшим научным направлениям руководят 36 академиков и 67 членов-корреспондентов РАН. Ежегодно научными работниками осуществляется подготовка более 4 тысяч публикаций *(рис. 1)*. Работает докторантура, в аспирантуре идет подготовка по 83 специальностям.

В академических институтах, находящихся под научно-методическим руководством УрО РАН, создается более половины научной продукции Уральского региона. Организации Уральского отделения РАН – востребованный научный комплекс, объем исследований и разработок которого с каждым годом увеличивается *(рис. 2)*. Достаточно динамично развивается образовательный сегмент в институтах УрО РАН. Так, за период 2014–2018 гг. объем образовательных услуг (аспирантура) возрос в 2 раза.

[22] The Innovation Capacity Index: Factors, Policies, and Institutions Driving Country Innovation. https://www.researchgate.net/publication/280051943_The_Innovation_Capacity_Index_Factors_Policies_and_Institutions_Driving_Country_Innovation (дата обращения: 20.11.2019 г.).

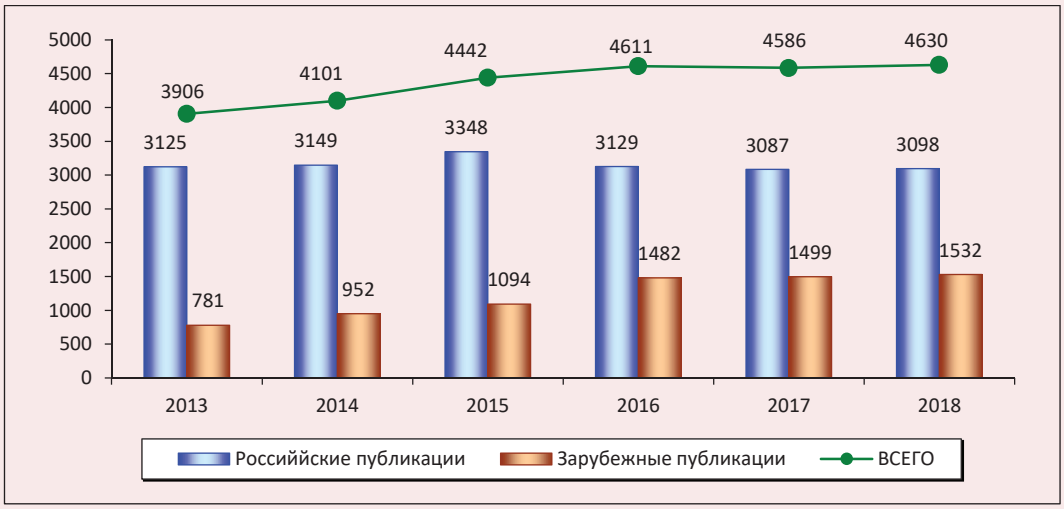
[23] The Bloomberg Innovation Index. https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/ (дата обращения: 20.11.2019 г.).

[24] Федорова Е.В. Зарубежные методы рейтингования инновационной активности стран и регионов // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 1. С. 95-107.

[25] Федеральная система мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (ФСМНО). https://www.sciencemon.ru/ (дата обращения: 20.11.2019 г.).

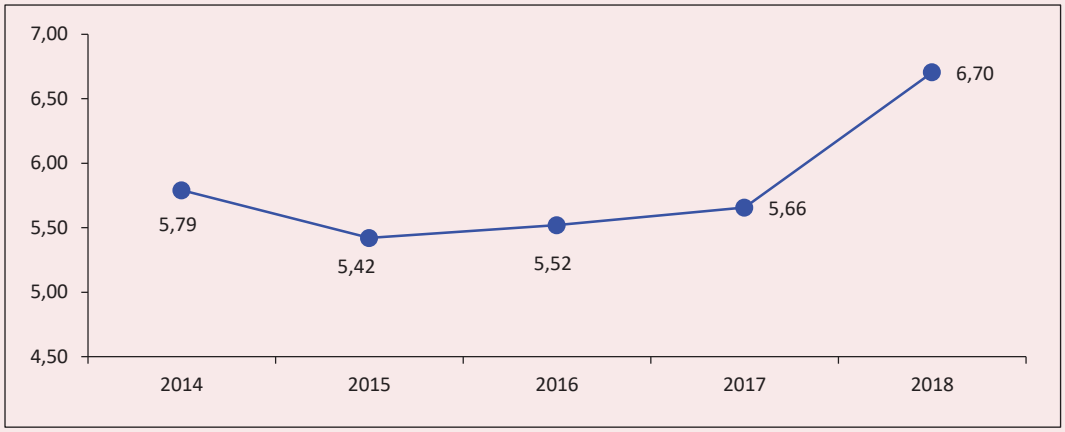
[26] Попов Е.В., Власов М.В., Шишкина А.Ю. Методики количественной оценки генерации знаний // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 22 (421). С. 36-44; Комаров А.В., Петров А.Н., Сартори А.В. (2018). Модель комплексной оценки технологической готовности инновационных научно-технологических проектов // Экономика науки. Т. 4. № 1. С. 47-57. DOI 10.22394/2410-132X 2017 4 1 47 57; Орлов А. Наукометрические методы анализа и оценки результатов научной деятельности с позиции контроллинга науки // Экономист. 2019. № 2. С. 45-58; Юревич М.А. Рейтинги научных организаций // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 4. С. 66-79.

Рис. 1. Динамика публикационной активности институтов Уральского отделения РАН

Источник: Уральское территориальное управление Министерства высшего образования и науки РФ.

Рис. 2. Динамика объемов исследований и разработок институтов УрО РАН, млрд. руб.

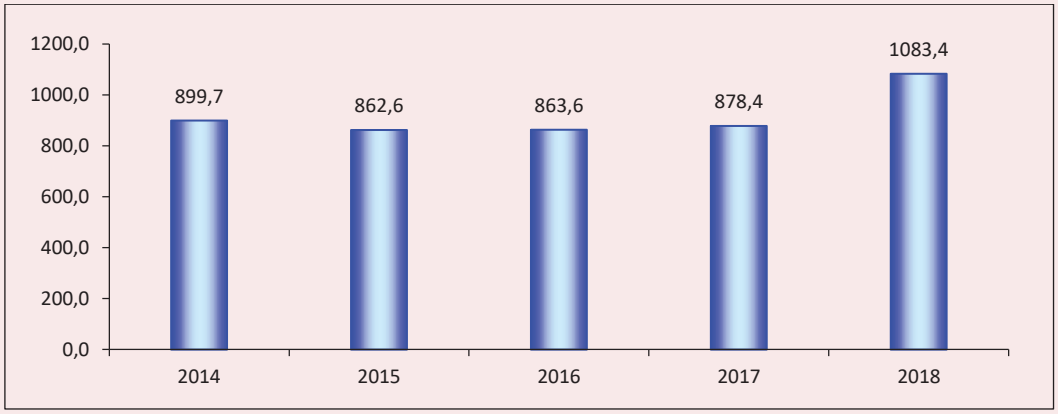
Источник: Уральское территориальное управление Министерства высшего образования и науки РФ.

Динамика производительности труда (отношение финансовой результативности научной организации по видам выполненных работ и оказанных услуг к среднесписочной численности работников) в институтах УрО РАН постоянно увеличивается. На конец 2018 года она составила чуть более 1 млн. руб. на одного работника *(рис. 3)*.

Наибольшую долю в объемах финансовой результативности организаций УрО РАН занимают институты, расположенные в Екатеринбурге. На их долю приходится 52,6% объема финансирования по государственным заданиям, 55,2% численности научных работников и практически 60% – ученых в возрасте до 39 лет.

В интересах объединения научного потенциала академических институтов, находящихся под научно-методическим руководством Уральского отделения РАН, сформирована комплексная система федеральных исследовательских центров (ФИЦ): ФИЦ комплекс-

Рис. 3. Динамика производительности труда институтов УрО РАН, тыс. руб.

Источник: Уральское территориальное управление Министерства высшего образования и науки РФ.

ного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, Пермский ФИЦ УрО РАН, Удмуртский ФИЦ УрО РАН, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, ФИЦ Оренбургский научный центр УрО РАН, Южно-Уральский ФНЦ минералогии и геоэкологии УрО РАН, Уральский федеральный аграрный научно-исследовательский центр УрО РАН.

Научными учреждениями УрО РАН ведутся фундаментальные и проблемно-ориентированные исследования, направленные на реализацию критических технологий, в том числе по федеральным целевым программам, программам Президиума, по грантам отечественных и зарубежных фондов *(рис. 4)*. Многие научные и практические разработки осуществляются в тесном контакте с вузами, отраслевыми институтами, промышленными предприятиями, организациями военно-промышленного комплекса.

Основные направления исследований связаны с теоретической и прикладной математикой и механикой, процессами управления, физикой и химией твердого тела, электро- и теплофизикой, теплоэнергетикой, комплексными проблемами машиностроения, теорией металлургических процессов, высокотемпературной электрохимией, синтетической органической химией, популяционной экологией, иммунологией, генетикой, комплексным изучением растительных, животных, водных и почвенных ресурсов, геологическим изучением территории, выявлением месторождений полезных ископаемых и созданием основ рационального природопользования, развитием минерально-сырьевой базы, комплексом наук о человеке и обществе. Формирование направлений обусловлено особенностями исторического развития академической науки на Урале и потребностями одного из крупнейших промышленных регионов.

Направления научных исследований Уральского отделения РАН, сформированные исторически, в полной мере *соответствуют приоритетным направлениям научно-технологического и социального развития России и отвечают потребностям крупнейших промышленных регионов страны*, и в первую очередь регионов с научными центрами УрО РАН.

Источниками данных для оценки научно-исследовательского потенциала Уральского отделения РАН и его влияния на социально-экономическое развитие регионов присутствия являются данные Уральского территориального управления Министерства высшего образования и науки РФ, Федеральной службы государственной статистики.

Результаты исследования

Научные учреждения и подразделения УрО РАН расположены на территории *трех федеральных округов Российской Федерации* (Уральского, Приволжского и Северо-Западного), *двух экономических районов* (Северного и Ураль-

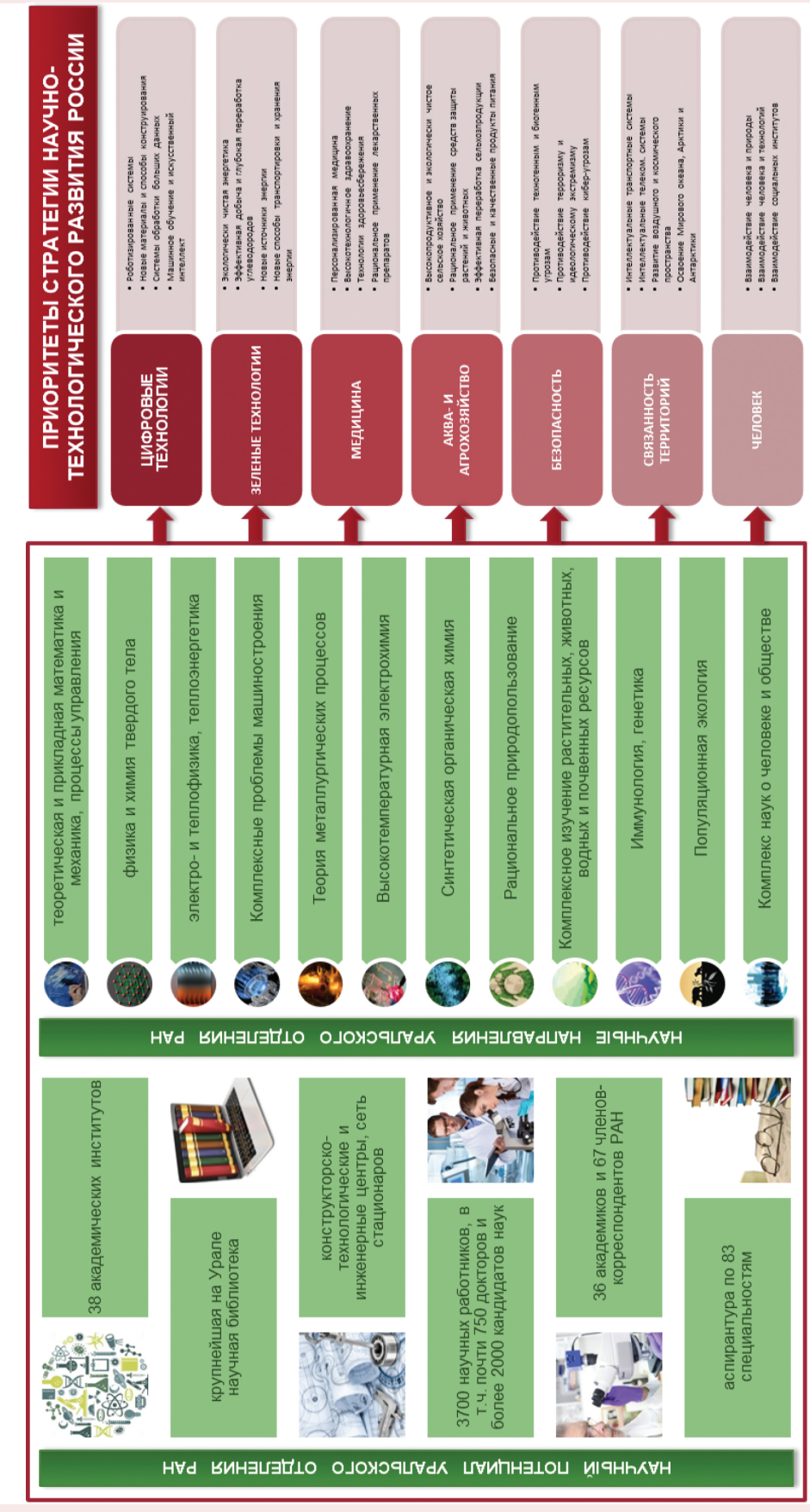

Рис. 4. Направления научных исследований Уральского отделения РАН

ского), *двух республик* (Удмуртия и Коми), *одного края* (Пермского) и *пяти областей* (Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Архангельской и Курганской). Организации Уральского отделения РАН расположены на территориях так называемых *срединных регионов*, которые в пространственном аспекте играют роль интеграторов социально-экономического пространства страны за счет сетевого межтерриториального и мирового взаимодействия. Это предопределяет и стратегический научный статус Уральского отделения РАН как центра координации научных исследований, в том числе междисциплинарных.

Перспективное развитие научных исследований в УрО РАН, с одной стороны, должно соответствовать потребностям регионов, на территории которых расположены научные организации Отделения. С другой стороны, поисковые работы не должны ограничиваться региональной направленностью, а включать в себя изучение общих закономерностей развития природы и общества, имеющих значение для российской и мировой науки.

Регионы с научными институтами Уральского отделения РАН – это *индустриальная территория России*, которая располагает уникальным по запасам и разнообразию природно-ресурсным потенциалом, развитым промышленным комплексом, мощными, хотя и неравномерно развитыми, транспортной и энергетической инфраструктурами, высоким экспортным потенциалом производимой продукции, квалифицированными трудовыми ресурсами, разветвленной сетью образовательных и научно-исследовательских центров. Регионы исключительно богаты разнообразными полезными ископаемыми, общероссийское значение имеют черная и цветная металлургия, производство машин, оборудования, техники и технологий широчайшего спектра (от торгового и транспортного оборудования до строительной техники, буровых и металлургических установок, химического оборудования, электронной техники и автоматики, ядерной энергетики), химическое производство, добыча минерального сырья, заготовка и переработка древесины.

Регионы с научными учреждениями УрО РАН крайне неоднородны с точки зрения научного статуса, инновационной активности и структуры экономики.

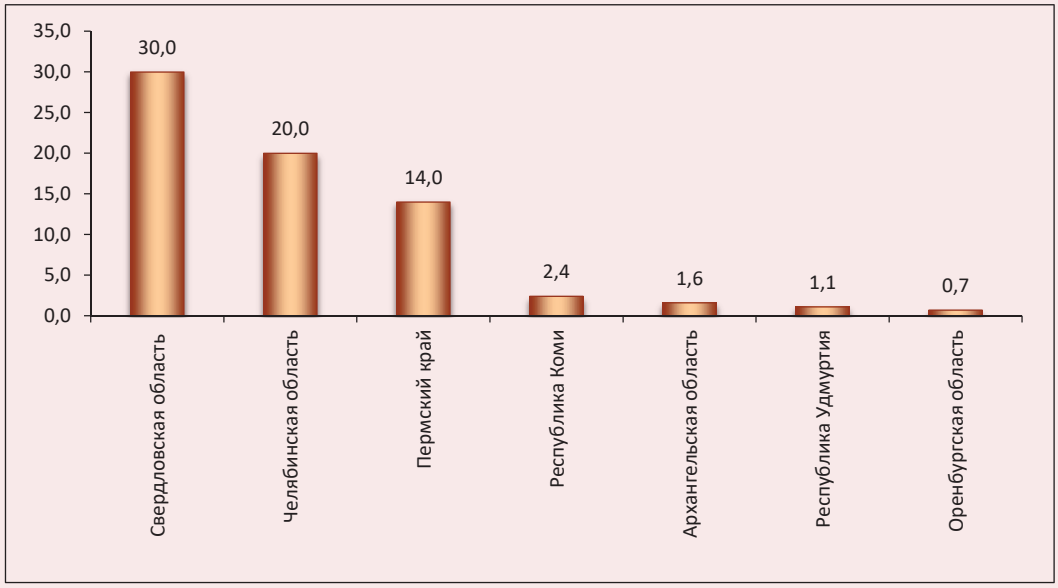
Достаточно четко выделяются *регионы-инноваторы* – это Свердловская и Челябинская области, Пермский край. Данные регионы существенно отличаются от других субъектов по объему внутренних затрат на исследования и разработки как в абсолютном значении, так и в процентах к ВРП *(рис. 5, 6)*. Значительна также величина объема отгрузки инновационной продукции *(рис. 7, 8)*, что, безусловно, связано с большой долей высокотехнологичного сектора экономики в данных регионах – это, в первую очередь, машиностроение, химическая и фармацевтическая промышленность, энергетика, а также оборонно-промышленный комплекс. Соответственно, приоритетные исследования научных подразделений УрО РАН в данных регионах связаны с приоритетами их технологического развития:

– в Свердловской области – это развитие информационных технологий (вычислительные ресурсы, хранение и передача информации), альтернативные источники энергии, энергосбережение, ресурсосберегающие и экологически чистые технологии добычи и глубокой переработки минерального и техногенного сырья, материаловедение, органический синтез, разработка новых материалов, технологий машиностроения, приборостроения, химической промышленности, развитие высокотехнологичного сельскохозяйственного производства и др.;

– в Челябинской области – это научное сопровождение приоритетных направлений технологического развития (ракетно-космическая техника, ядерная энергетика, приборостроение), новые технологии синтеза неорганических материалов, укрепление сырьевой базы горнодобывающей и металлургической промышленности;

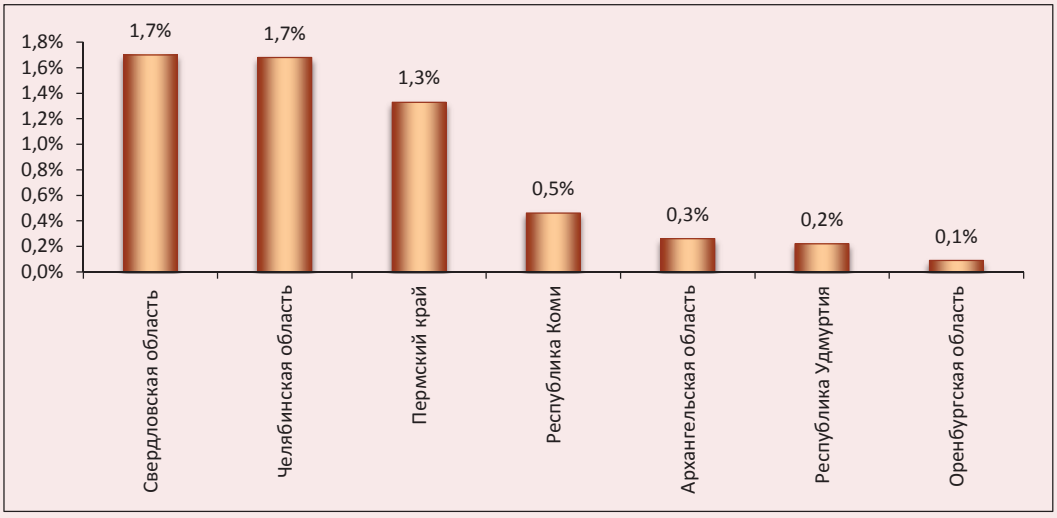
– в Пермском крае – это научная поддержка перехода нефтегазового комплекса к новым технологиям добычи и переработки топлива, увеличение глубины переработки сырья в лесной, химической и нефтехимической промышленности, повышение экологичности этих производств, разработка высокотехнологичной машиностроительной продукции, конструкционных материалов, развитие инновационной инфраструктуры для создания и внедрения новых биотехнологий в сфере защиты окружающей среды, промышленности, медицины и сельского хозяйства.

Рис. 5. Затраты на НИОКР в регионах с научными центрами Уральского отделения РАН в 2018 году, млрд. руб.

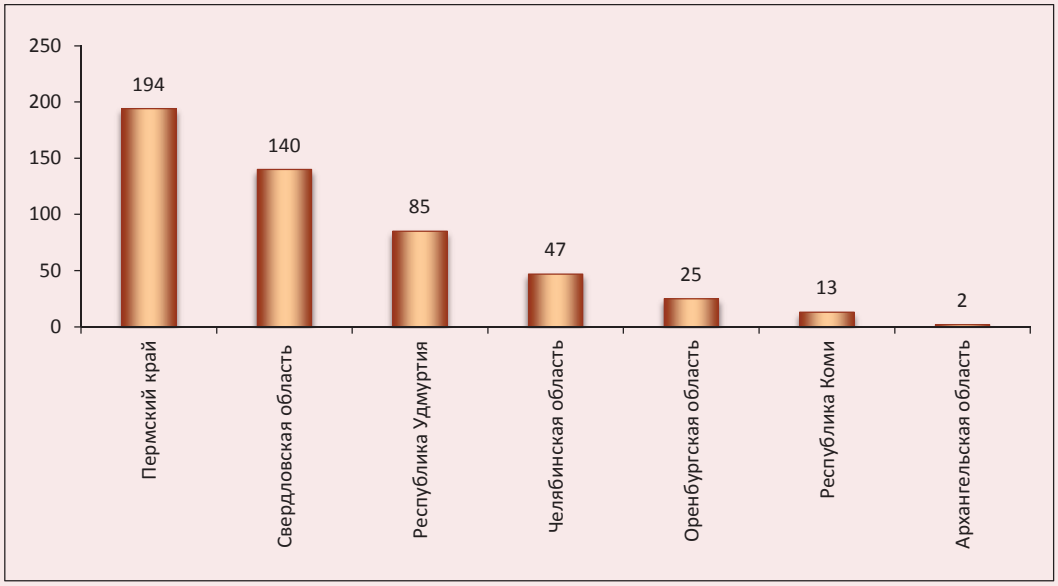
Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации-2018 г.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/bgd/regl/b18_14s/Main.htm (дата обращения: 20.11.2019).

Рис. 6. Затраты на НИОКР в регионах с научными центрами Уральского отделения РАН в 2018 году, в % к ВРП

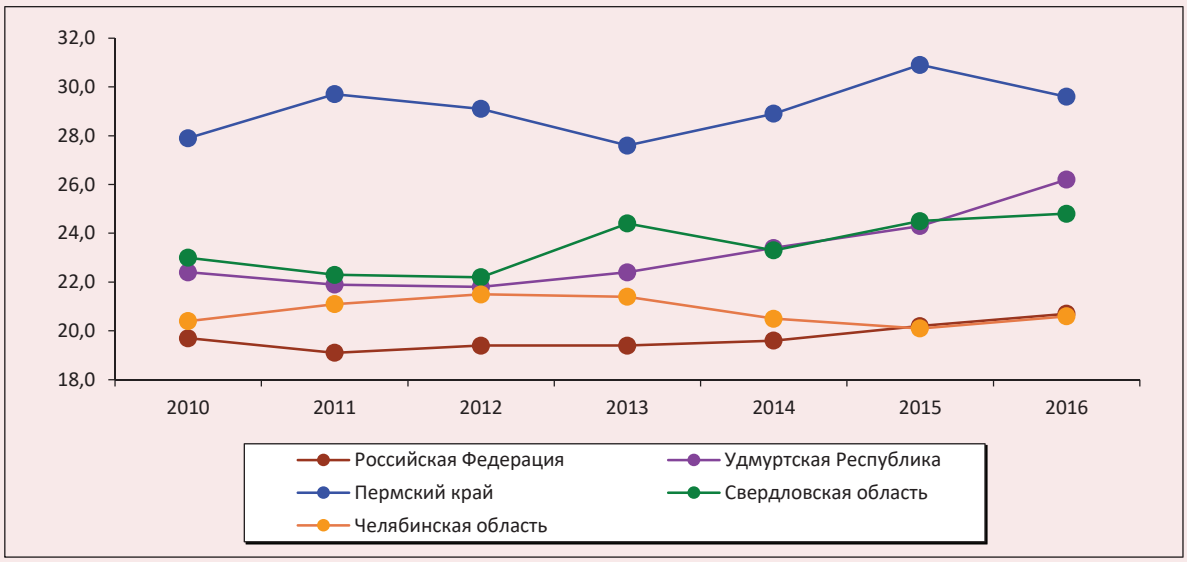
Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации-2018 г.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/bgd/regl/b18_14s/Main.htm (дата обращения: 20.11.2019).

Рис. 7. Объем инновационной продукции в регионах с научными центрами Уральского отделения РАН в 2018 году, млрд. руб.

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации-2018 г.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/bgd/regl/b18_14s/Main.htm (дата обращения: 20.11.2019).

Рис. 8. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации-2018 г.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. https://gks.ru/bgd/regl/b18_14s/Main.htm (дата обращения: 20.11.2019).

Научные исследования в учреждениях УрО РАН, расположенных в данных регионах, имеют собственные уникальные направления и существенный задел для продвижения в мировом научном пространстве.

Следующая группа регионов – это *регионы-последователи*, отличающиеся средними значениями научно-технологического и инновационного развития. К ним относятся Республики Коми и Удмуртия, а также Архангельская область. Соответственно, направления научных исследований в большей степени связаны с потребностями развития этих регионов, при этом отдельные направления имеют потенциал мирового уровня.

Оренбургская область относится к *догоняющим регионам* с низкой инновационной активностью. Вместе с тем в Оренбурге ведутся востребованные исследования по созданию сети сейсмического мониторинга, разработке новых диагностических и терапевтических технологий, обоснованию геоэкологических основ устойчивого природопользования в степной зоне.

Согласно Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года[27] наибольший темп роста ВРП прогнозируется в Свердловской (308%), Челябинской (209%) Тюменской (200%, без автономных округов) областях, что связано с размещением новых производств и высоким ожидаемым уровнем инвестиций на территории южных регионов Уральского федерального округа. Ввод в действие новых месторождений в Ямало-Ненецком автономном округе позволит в перспективе до 2030 года поддерживать достаточно высокие темпы роста ВРП (199%), однако в Ханты-Мансийском автономном округе прогнозируется спад ВРП: к 2030 году показатель достигнет лишь 90% от уровня 2011 года. Лидерами промышленного роста в период 2012–2030 гг. будут Свердловская (364%), Курганская (306%), Тюменская (без автономных округов) (254%) и Челябинская (200%) области.

Высокие темпы роста инвестиций обусловлены капиталоемкостью проектов в добывающих и инфраструктурных отраслях, на долю которых приходится значительная часть инвестиций в регион. По темпам роста инвестиций в округе лидируют Свердловская (323%) и Челябинская (223%) области, однако по абсолютным объемам инвестиций лидируют Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, в экономику которых будет направляться основной объем инвестиций Уральского федерального округа.

В *таблице 1* представлены отдельные показатели научно-исследовательского потенциала регионов с научными центрами Уральского отделения РАН. Как уже отмечалось, драйверами научно-исследовательского потенциала выступают научные организации. Основная часть научных организаций, выполнявших исследования и разработки, расположена в Свердловской области, Пермском крае и Челябинской области. Эти же регионы лидируют по величине затрат на исследования и разработки. При этом по доле бюджетного финансирования лидируют Челябинская область, Республика Коми и Оренбургская область. Вместе с тем по душевым показателям (в расчете на 1 работника, выполнявшего научные исследования и разработки) лидируют регионы с меньшей численностью исследователей *(рис. 9)*.

В *таблице 2* приведены нормированные значения показателей, входящих в авторскую методику оценки научно-исследовательского потенциала в регионах. Нормирование значений показателей осуществляется на основе оценки отклонений от среднероссийского значения. Суммирование отклонений по восьми показателям дает интегральную оценку превышения значений показателей над средним по России значением, на основании которой производится отнесение регионов к соответствующему типу – регионы-инноваторы, регионы-последователи, догоняющие регионы.

В 2019 году разработан и утвержден Комплексный план развития Уральского отделения РАН на период до 2025 года, в котором *миссия Уральского отделения РАН* определена в следующей формулировке: фундаментальные знания и кадры высшей квалификации – инновационному развитию Урала, прилегающих регионов и России.

[27] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 20.11.2019 г.).

Таблица 1. Основные показатели деятельности организаций, выполнявших научные исследования и разработки, за январь – июнь 2019 г.

Показатели	Значение по лучшему региону РФ*	Среднее по РФ*	Республика Коми	Архангельская область	Удмуртская Республика	Пермский край	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	157	74	24	36	28	59	25	99	53
Затраты на научные исследования и разработки – всего, млн. руб.	14864	978,1	820,8	614, 5	1231,1	9357,4	386,0	13479	11238
внутренние	12478	792,2	812,9	610,7	1184,3	8119,3	378,9	11576	10399
внешние	2386	185,9	7,9	3,7	46,8	1238,2	7,1	1902,9	838,9
Внутренние затраты на научные исследования и разработки за счет средств федерального бюджета, млн. руб.	12954	953,7	526,2	203,9	198,9	2746,6	224,5	3063,8	8610,4
*За исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей.									

Таблица 2. Нормированные значения показателей, входящих в оценку научно-исследовательского потенциала региона

Показатели	Свердловская область	Челябинская область	Пермский край	Республика Коми	Архангельская область	Удмуртская республика	Оренбургская область
Затраты на исследования и разработки в расчете на 1 исследователя	0,8899	0,8735	1,1339	0,6316	0,7301	0,7562	0,4778
Фонд оплаты труда в расчете на 1 исследователя	0,6788	0,8424	0,7662	1,2257	0,3482	0,6584	0,2791
Внутренние затраты на исследования и разработки за счет средств федерального бюджета в расчете на 1 исследователя	0,5262	1,7408	0,8656	1,0530	0,6303	0,3178	0,7228
Доля бюджетного финансирования	1,5912	1,9928	0,7634	1,6673	0,8633	0,4202	1,5127
Доля инновационной продукции	1,0615	0,9538	2,8308	0,1846	0,8615	1,9385	0,4923
Патенты на изобретения в расчете на 1 исследователя	1,6806	0,4796	1,1101	0,8500	0,4009	1,9033	0,4000
Разработанные технологии в расчете на 1 исследователя	1,9833	2,9000	1,7129	0,2719	2,5192	1,9536	0,4374
ВРП на душу населения	1,1703	0,7556	0,8884	1,3310	1,2558	0,7195	0,8132
Сумма отклонений	**9,5819**	**10,539**	**10,071**	**7,2152**	**7,6092**	**8,6674**	**5,1353**
Тип региона	**Регионы-инноваторы**			**Регионы-последователи**			**Догоняющие регионы**

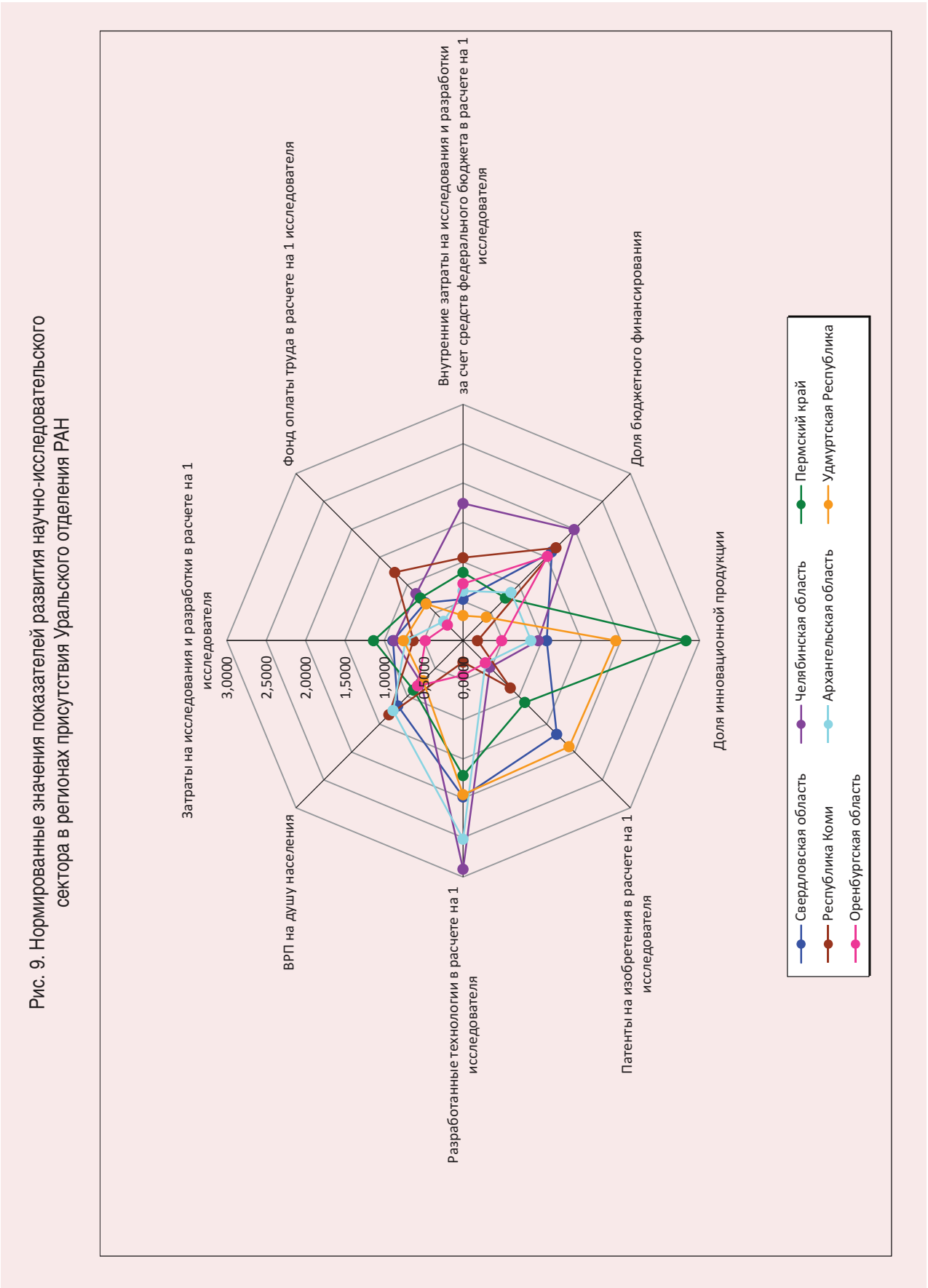

Рис. 9. Нормированные значения показателей развития научно-исследовательского сектора в регионах присутствия Уральского отделения РАН

В мае 2018 года Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены *цели и задачи национального проекта «Наука»*. Именно в этот период будет реализовываться Комплексный план (Стратегия) развития Уральского отделения РАН на период до 2025 года. Национальный проект «Наука» ставит четкие, конкретные и измеримые задачи, которые безусловно находят отражение в Стратегии УрО РАН.

Согласно национальному проекту «Наука» Россия к 2024 году должна войти в пятерку ведущих стран мира по научным исследованиям, обеспечив привлекательность работы ученых на территории России и увеличив финансирование НИОКР за счет всех источников.

Соответственно в этом контексте *цель развития Уральского отделения РАН* – вывести научные исследования на мировой уровень и встроить академическую науку в систему инновационного обновления экономики Урала и России.

Достижение поставленной цели станет возможным за счет выполнения стратегических задач *(рис. 10)*. *Уральское отделение четко разделяет стратегические задачи, соответствующие задачам развития регионов присутствия, и стратегические задачи по развитию внутренней среды Уральского отделения*. Стратегические задачи развития Уральского отделения коррелируют с задачами национального проекта «Наука».

Исходя из цели и задач Комплексного плана на период до 2025 года, принимая во внимание четкие задачи и конкретные целевые параметры, сформулированные в майском указе Президента России, Стратегию научно-технологического развития России, федеральные проекты в рамках национального проекта «Наука», государственную программу РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», а также ориентируясь на направления научно-технологического и промышленного развития Уральского региона и развития сопредельных регионов, авторы обосновали *6 приоритетных направлений развития Уральского отделения РАН*:

1. Цифровизация промышленных предприятий.
2. Создание новых промышленных технологий и материалов.
3. Развитие «зеленых» технологий и безопасности.
4. Улучшение демографии и здоровья населения.
5. Комплексное освоение Арктических территорий.
6. Социогуманитарные технологии.

Социо-гуманитарные технологии являются органичным компонентом каждого из перечисленных приоритетов, обеспечивая возможность эффективного ответа общества на «большие вызовы» с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

Приоритеты развития Уральского отделения РАН во многом определяются *долгосрочными приоритетами инновационно-технологического развития Урала и других регионов с научными центрами УрО РАН*, которые связаны с новой индустриализацией, предполагающей как увеличение доли высокотехнологичных отраслей экономики, так и инновационное обновление традиционных секторов промышленности.

Соответственно особенно важным научным направлением УрО РАН для индустриального Урала является направление «Создание новых промышленных технологий и материалов». Так, например, уже сегодня два региона-инноватора из числа регионов присутствия УрО РАН входят в топ-5 регионов России по количеству используемых технологий: Пермский край и Свердловская область – 12,4 тыс. и 11,3 тыс. технологий, использованные в промышленности соответствующих регионов в 2018 году. Наиболее значимые результаты научных исследований институтов УрО РАН лежат в следующих областях наукоемких промышленных технологий: лазерных и плазменных, функциональных покрытий и обработки поверхности, магнитных материалов для энергетики, магнитных наноструктур и материалов/элементной базы наноспинтроники, приборов и методик неразрушающего контроля, прецизионной металлургии и обработки давлением, цифрового моделирования материалов и др. Особое внимание заслу-

Рис. 10. Цель и стратегические задачи развития Уральского отделения РАН

живает возможность промышленной реализации бурно развивающихся в мире лазерных и плазменных аддитивных технологий и технологий постобработки сформированных изделий, а также технологий получения разносортных порошков (тугоплавких, из цветных металлов, износо- и коррозионностойких сплавов), применяемых в аддитивных технологиях. Кроме того, Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа и в целом Российской Федерации отводит ключевую роль разработке современных химических технологий для создания перспективных органических материалов многоцелевого назначения.

Широкое и эффективное участие институтов, находящихся под научно-методическим руководством УрО РАН, в создании и доведении до промышленной реализации инновационных технологий получения и обработки изделий и новых материалов в настоящее время сдерживается отсутствием межинститутских академических технологических центров. Очевидным конкурентным преимуществом академических технологических центров является возможность объединения усилий различных институтов УрО РАН по созданию принципиально новых технологий путем интеграции отдельных технологических элементов, традиционно используемых в разных областях знаний, в единые принципиально новые сквозные технологии, направленные на разработку образцов и опытных партий наукоемкой продукции, востребованной в реальном секторе экономики. Создание единой инфраструктуры для направлений, использующих технологические цепочки с близкими параметрами, позволит существенно удешевить технологические циклы. Реализация проекта позволит доводить до стадии промышленного производства результаты прорывных разработок в области новых материалов и технологий институтов УрО РАН в интересах высокотехнологичных отраслей промышленности, оборонно-промышленного комплекса, обеспечения импортозамещения. Проект предусматривает формирование консорциума, включающего ряд институтов УрО РАН материаловедческого профиля, расположенных в г. Екатеринбурге, а также вновь создаваемый Технологический центр перспективных материалов УрО РАН (ТЦПМ), для которого должен быть построен отдельный технологический корпус.

Разработанный Комплексный план развития Уральского отделения РАН включает в себя оценку общего объема затрат и ряд сценариев по его реализации.

Общий объем затрат на реализацию Комплексного плана развития Уральского отделения УрО РАН составляет *63,6 млрд. руб.*, из них наиболее крупное направление – «Новые технологии и материалы», на долю которого приходится 64,0% затрат *(табл. 3)*.

Из общего объема затрат на создание междисциплинарных научных центров приходится 53443,5 млн. руб. (84,0%), на проведение фундаментальных и прикладных проектов – 10188,6 млн. руб. (16,0%).

В разрезе субъектов РФ, на территории которых расположены научные организации УрО РАН *(табл. 4)*, наибольшую долю занимает Свердловская область – 53,2 млрд. руб. (83,6%).

Ожидаемые результаты реализации Комплексного плана развития Уральского отделения РАН во многом определяются *финансовой моделью обеспечения запланированных инновационных проектов*.

Таблица 3. Предварительный объем затрат на реализацию Комплексного плана развития Уральского отделения УрО РАН в разрезе научных приоритетов

Научные приоритеты УрО РАН	Затраты, млн. руб.
Цифровизация промышленных предприятий	2 000,0
Создание новых промышленных технологий и материалов	40 751,4
Развитие «зеленых» технологий и безопасности	6 696,5
Улучшение демографии и здоровья населения	5 248,8
Комплексное освоение Арктических территорий	1 763,5
Социо-гуманитарные технологии	7 171,9
Общий итог	**63 632,1**

Таблица 4. Предварительный объем затрат на реализацию Комплексного плана развития Уральского отделения УрО РАН в разрезе территорий

Территория	Затраты, млн. руб.
Екатеринбург, Свердловская область	53223,6
Пермь, Пермский край	5144,8
Сыктывкар, Республика Коми	3016,0
Архангельск, Архангельская область	896,1
Ижевск, Республика Удмуртия	979,8
Оренбург, Оренбургская область	358,5
Челябинск, Челябинская область	13,3
Общий итог	**63 632,1**

Инерционный сценарий (1) будет реализован в случае сохранения существующей модели финансирования с преобладанием бюджетного финансирования программ и проектов через систему государственных заданий. Ожидаемые результаты по научно-исследовательским и организационным мероприятиям будут находиться в пределах 2–5% ежегодного прироста.

Ускоренный сценарий (2) предполагает увеличение финансирования научных исследований и реализацию большинства инновационных проектов УрО РАН. Показатели публикационной, патентной и инновационной деятельности Уральского отделения РАН будут ежегодно прирастать в пределах 5–10%. При этом достаточно сильно будет влиять источник, за счет которого возрастет финансирование. Ускоренный сценарий *при росте внебюджетного финансирования за счет заказчиков технологий (2a)* будет связан с преимущественным увеличением прикладных исследований и объема их внедрения. *Ускоренный сценарий за счет включения УрО РАН в национальный проект «Наука» (2b)* приведет к увеличению качества фундаментальных исследований, выводу их на мировой уровень и одновременному росту прикладных исследований для промышленных заказчиков.

Прорывной сценарий (3) будет реализован при одновременном увеличении объема внебюджетного финансирования со стороны промышленных заказчиков и включении Уральского отделения РАН в национальный проект «Наука». Это позволит совершить значительный научный рывок за счет создания центров мирового уровня, реализации инновационных фундаментальных и прикладных проектов, обновления оборудования и привлечения талантливых кадров.

Ожидаемые результаты приведены исходя из ускоренного сценария и включают: создание центров мирового уровня на базе ведущих научных институтов и высших учебных заведений Урала (не менее 2); создание Уральского научно-образовательного центра на базе академических институтов и ведущих научных школ Урала и других регионов; повышение публикационной активности и качества публикаций до уровня передовых зарубежных стран; обновление научного оборудования (не менее 50%); реализация совместных международных проектов, прежде всего в рамках АСНТРК; создание более 40 новых лабораторий с активным участием научной молодежи; увеличение количества молодых исследователей в возрасте до 39 лет до 45%; строительство и передача Министерству высшего образования и науки РФ 6000 кв. м площадей жилых помещений в качестве служебного жилья для ученых академических институтов.

Заключение

Генерация, распространение и рациональное использование новых знаний и технологий в результате реализации научно-исследовательского потенциала напрямую влияют на социально-экономическое развитие региона и его долгосрочную эффективность. В результате исследования установлена положительная корреляция (без временных лагов) ключевого показателя социально-экономического развития региона – ВРП на душу населения – со следующими показателями научно-исследовательского потенциала: численность исследователей, число научных организаций, фонд заработной платы исследователей и доля бюджетного финансирования исследований. Корреляция с запаздывающей отдачей с лагом в

один год отмечается в отношении показателей «затраты на научные исследования и разработки» и «внутренние затраты на научные исследования и разработки за счет средств федерального бюджета». Корреляция с опережающим лагом в один год наблюдается в отношении показателей «доля инновационной продукции», «патенты на изобретения на одного исследователя», «разработанные технологии на одного исследователя». С одной стороны, созданные в регионе знания и технологии могут быть использованы в сфере производства продукции и оказания услуг, обеспечивая рост производительности и снижение издержек. С другой стороны, результаты использования научно-исследовательского потенциала в виде готовых технологий, конкретных результатов интеллектуальной деятельности обеспечивают инновационность продукции и услуг и повышение их конкурентоспособности на национальном и мировом рынках. Сегодня научно-исследовательский сектор, производящий новые знания и трансформирующий их в инновационную продукцию, растет опережающими темпами, становясь локомотивом интенсивного экономического роста региона.

В статье развиты теоретические понятия, характеризующие научную и инновационную сферы экономики – выделен научно-исследовательский потенциал как элемент научно-технологического потенциала, связанный с сегментом фундаментальных и прикладных исследований, реализуемых научными организациями. Практическая значимость результатов заключается в обосновании методики компаративного анализа регионов по уровню научно-исследовательского потенциала и его вкладу в социально-экономическое развитие региона.

Развитие сферы науки оказывает значительное влияние на преодоление отставания России от развитых стран, а также обеспечивает национальную безопасность не только потому, что в секторе науки создаются прорывные технологии, необходимые для развития промышленного комплекса и инновационной экономики в целом, но и потому, что формируются рабочие места, растущая производительность увеличивает заработную плату, создавая социальные условия для экономической стабильности[28]. Вместе с тем экономика субъектов РФ, обладающих высоким уровнем развития научно-исследовательского потенциала, как правило, является более конкурентоспособной и привлекательной для инвестиций. Такие регионы характеризуются высокими показателями производительности труда и среднедушевых доходов населения, положительной динамикой ВРП и низким уровнем безработицы.

Однако высокая концентрация ученых и исследователей в регионе является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения экономического развития знаниями и технологиями. Важнейшим необходимым условием для генерации знаний и создания прорывных технологий является высокая концентрация инвестиционных ресурсов в сфере науки. Как показал опыт разработки Комплексного плана развития Уральского отделения РАН, для достижения поставленных амбициозных целей необходимы инвестиции на капитальное строительство и обновление приборной базы исследований, а также на масштабную цифровизацию исследовательских процессов. Необходимым условием является также не столько увеличение государственных расходов на науку, хотя само по себе бюджетное финансирование фундаментальных исследований должно осуществляться за счет государства, а сколько создание привлекательных условий для привлечения частного капитала в науку, формирование экономической мотивации индустриальных партнеров участвовать в исследованиях и разработках, проводимых государственными учреждениями науки.

Литература

1. Савинков В.И., Бакланов П.А. Роль науки в развитии инновационного производства: экспертная оценка / под ред. академика Г.В. Осипова. М.: ЦСПиМ, 2016. 140 с.

[28] Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Smirnova O.P. Comprehensive Assessment of Industries Economic Security: Regional Aspect // Economy of Region. 2017. № 4. P. 1264-1279. DOI: 10.17059/2017-4-23

2. Задумкин К.А., Кондаков И.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 205 с.
3. *Interim Report on the OECD Innovation Strategy. An Agenda for Policy Action on Innovation*. Paris: OECD, 2009.
4. Тодосийчук А.В. Интеллектуальный потенциал общества, результативность науки и экономический рост // Инновации. 2010. № 1 (135). С. 35–42.
5. Устенко В.С., Фоломьев А.Н., Кушлин В.И. Инновационное наполнение инвестиционной политики: монография / отв. ред. В.И. Кушлин. Москва: Проспект, 2016. 240 с.
6. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Показатели научно-технического потенциала. Методы сравнительного анализа // Курьер российской академической науки и высшей школы. 2001. № 12.
7. Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Научнотехнический потенциал России. М.: ЦИСН, 2003. 122 с.
8. Кочетков С., Кочеткова О. Инновационный потенциал промышленности: пространственные границы развития экономики // Экономист. 2019. № 1. С. 24–31.
9. Хайруллина М.В. Технологическое предпринимательство: сдерживающие факторы и условия развития // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 16. С. 1831–1848.
10. Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Bukhvalov N.Y. Simulation of innovative resonance in the industrial regions. *Economy of Region,* 2015, no. 4, pp. 289–308. DOI: 10.17059/2015-4-23
11. Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6
12. Соловьев Д.Б., Кузора С.С. Методика оценки инновационной деятельности посредством гибких алгоритмов // Инновации. 2019. № 6. С. 12–24.
13. Technology Readiness Level. National Aeronautics and Space Administration USA. Available at: https://www.nasa.gov/directorates/heo/scan/engineering/technology/txt_accordion1.html (дата обращения: 13.12.2019).
14. Методика определения уровней готовности технологий в рамках проектов ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России»: утв. Министерством образования и науки РФ 11.07.2017 г. № ГТ-57/14вн http://fcpir.ru/upload/medialibrary/955/gt_57_14vn_metodika-ugt-_002_.pdf (дата обращения: 13.12.2019).
15. Бендиков М.А., Хрусталев Е.Ю. Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 2. С. 314.
16. Самоволева С.А. Абсорбция технологических знаний как фактор инновационного развития // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 150–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-150-158
17. Румянцев А.А. Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.6
18. *Daejeon Declaration on Science, Technology, and Innovation Policies for the Global and Digital Age*. Available at: https://www.oecd.org/sti/daejeon-declaration-2015.htm (дата обращения: 20.11.2019 г.)
19. *Global Innovation Index 2019*. Available at: https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4434&plang=RU (дата обращения: 20.11.2019 г.)
20. *The innovation imperative of manufacturing*. Available at: http://www.themanufacturinginstitute.org/~/media/6731673D21A64259B081AC8E083AE091.ashx (дата обращения: 20.11.2019 г.)
21. *European innovation scoreboard*. Available at: https://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en (дата обращения 20.11.2019 г.)
22. *EBRD Knowledge Economy Index*. Available at: https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html (дата обращения: 20.11.2019 г.)
23. *The Innovation Capacity Index: Factors, Policies, and Institutions Driving Country Innovation*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/280051943_The_Innovation_Capacity_Index_Factors_Policies_and_Institutions_Driving_Country_Innovation (дата обращения: 20.11.2019 г.)
24. *The Bloomberg Innovation Index*. Available at: https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/ (дата обращения: 20.11.2019 г.)
25. Федорова Е.В. Зарубежные методы рейтингования инновационной активности стран и регионов // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 1. С. 95–107.

26. Федеральная система мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (ФСМНО). Режим доступа: https://www.sciencemon.ru/ (дата обращения: 20.11.2019 г.)
27. Попов Е.В., Власов М.В., Шишкина А.Ю. Методики количественной оценки генерации знаний // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 22 (421). С. 36–44.
28. Комаров А.В., Петров А.Н., Сартори А.В. (2018) Модель комплексной оценки технологической готовности инновационных научно-технологических проектов // Экономика науки. Т. 4. № 1. С. 47–57. DOI 10.22394/2410-132X 2017 4 1 47 57
29. Орлов А. Наукометрические методы анализа и оценки результатов научной деятельности с позиции контроллинга науки // Экономист. 2019. № 2. С. 45–58.
30. Юревич М.А. Рейтинги научных организаций // Социология науки и технологий. 2018. Том 9. № 4. С. 66–79.
31. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 20.11.2019 г.)
32. Akberdina V.V., Grebenkin A.V., Smirnova O.P. Comprehensive assessment of industries economic security: regional aspect. *Economy of Region,* 2017, no. 4, pp. 1264–1279. DOI: 10.17059/2017-4-23

Сведения об авторах

Валерий Николаевич Чарушин – академик РАН, доктор химических наук, профессор, директор, Институт органического синтеза им. И.Я. Постовского Уральского отделения РАН (620108, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 22/20; e-mail: charushin@ios.uran.ru)

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, доцент, директор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Виктория Викторовна Акбердина – профессор РАН, доктор экономических наук, зав. отделом, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, каб. 521); профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: akb_vic@mail.ru)

Charushin V.N., Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V.

Research Potential of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences as a Strategic Factor in Regional Development

Abstract. The article brings to the fore the issues related to identifying and assessing the relationship between the development of the research sector and the innovative growth of regions. It is shown that the key feature of the knowledge generation sector is research potential, the essence of which is directly related to the level of development of fundamental and applied research, the degree of their implementation in the material sector of the economy. We reveal that at present the research is carried out, which affects various aspects of the assessment of research potential, identifying the trends in its development and mechanisms of its implementation at different levels. The comparative analysis carried out in the article shows that all methodological approaches include a fairly identical set of indicators characterizing quantitative characteristics and their dynamics; many of them use aggregated indices that make it possible to compare countries and regions. In addition to the existing methods, our own approach proposes to analyze not only quantitative, but also qualitative characteristics in order to create conditions for the

formation of the environment for innovative development of the region. Thus, on the example of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences we show that the priority directions of research development should not only correspond to the global and national scientific agenda, but also address the issues of innovative development of the regions in which research centers are located. The article presents the analysis of the regions in which scientific institutes and centers of the Ural Branch of RAS are located; we make a classification of these regions, highlighting the regions-innovators, regions-followers and catching up regions; priorities of innovation and technological development are identified for each region and then they are compared with the priorities of the Ural Branch of RAS. We put forward the thesis that in addition to the concentration of researchers the most important condition for the generation of knowledge and for the creation of breakthrough technologies is a high concentration of investment resources in the field of science. On the example of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences we present the data on the need for investment in the development of scientific organizations and scenarios for their development.

Key words: research potential; factors in the development of the region; Ural Branch of RAS.

Information about the Authors

Valerii N. Charushin – RAS Academician, Doctor of Sciences (Chemistry), Professor, Director, I.Ya. Postovsky Institute of Organic Synthesis, Ural Branch of RAS (22/20, Sofya Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; e-mail: charushin@ios.uran.ru)

Yuliya G. Lavrikova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Viktoriya V. Akberdina – RAS Professor, Doctor of Sciences (Economics), head of department, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, office 521, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation), Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: akb_vic@mail.ru)

Статья поступила 29.11.2019.

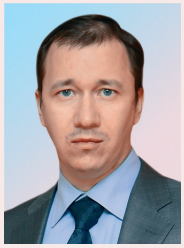
МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.4
УДК 332.144; 314.9; 519.876.5; 004.94, ББК 65.04; 60.7; 65.050
© Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сушко Г.Б.

Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации*

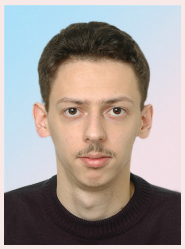
Валерий Леонидович
МАКАРОВ
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: makarov@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0002-2802-2100; ResearcherID: I-9022-2016

Альберт Рауфович
БАХТИЗИН
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: albert.bakhtizin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9649-0168; ResearcherID: S-6203-2016

Елена Давидовна
СУШКО
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: sushko_e@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3565-5210; ResearcherID: E-4911-2015

Геннадий Борисович
СУШКО
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский проспект, д. 47
E-mail: gennady.sushko@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3591-7276; ResearcherID: D-9438-2015

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00240 «Суперкомпьютерные технологии в общественных науках» с использованием вычислительных ресурсов Межведомственного суперкомпьютерного центра Российской академии наук (МСЦ РАН), а также суперкомпьютера Тяньхэ-2 Национального суперкомпьютерного центра Университета оборонных технологий Китайской народной республики в г. Гуанчжоу.

Для цитирования: Агент-ориентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, Г.Б. Сушко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.4

For citation: Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Sushko G.B. Agent-based supercomputer demographic model of Russia: approbation analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.4

Аннотация. В статье представлена агент-ориентированная демографическая модель России, предназначенная для запуска на суперкомпьютерах. Использованные в модели технологии позволяют создавать искусственное общество с числом агентов до 10^9 и эффективно распараллеливать работу симулятора. Программный комплекс, созданный для реализации модели, объединяет отдельные подсистемы, написанные на языках программирования разного уровня. Что, с одной стороны, обеспечивает эффективную балансировку нагрузки между вычислительными процессами и обмен сообщениями между агентами (реализовано на языке C++), а с другой стороны, упрощает разработку блоков модели, реализующих симуляцию демографических процессов (реализовано на C#). Демографические процессы в модели имитируются на основе действий отдельных агентов с учетом их родственных связей, которые они поддерживают, обмениваясь сообщениями. Ключевыми особенностями демографической агент-ориентированной модели являются следующие: а) динамическое изменение численности и состава популяции агентов – удаление части агентов (их «смерть») и возникновение новых («рождение»); и б) разделение действий, выполняемых на шаге имитации по этапам, в конце каждого из которых может происходить пересмотр общих параметров, относящихся к регионам или группам агентов, и/или обмен сообщениями между агентами. Модель в ходе компьютерных экспериментов прошла апробацию на реальных данных и показала высокие результаты при тестировании по следующим параметрам: а) качество воссоздания на популяции агентов возрастно-половой структуры населения как по стране в целом, так и в разрезе регионов; б) устойчивость работы модели и низкая погрешность получаемых результатов прогнозирования основных демографических показателей в сравнении с вариантами официального прогноза Росстата; в) эффективность распараллеливания программного кода при запуске на суперкомпьютерах. Модель является базовой для разрабатываемой комплексной региональной имитационной модели, однако может быть полезна как самостоятельный инструмент прогнозирования.

Ключевые слова: агент-ориентированное моделирование, имитация демографических процессов, суперкомпьютерные технологии, применение графовой декомпозиции METIS, демографический прогноз для России.

Введение

Данная статья посвящена разработке агент-ориентированной демографической модели, предназначенной для создания искусственного общества с большим числом агентов-людей, и является продолжением исследования, представленного в [1]. Агент-ориентированные модели (АОМ) – это класс моделей, основанных на имитации поведения отдельных агентов, которые способны действовать самостоятельно в соответствии со своими интересами и с учетом возможностей, предоставляемых им окружающей средой (в том числе другими агентами). Демографические процессы, такие как смертность, рождаемость и миграция, являются классическими примерами процессов, формирующихся снизу вверх, так как решения принимаются на уровне отдельных индивидуумов, а общие показатели складываются в результате агрегирования действий этих индивидуумов. Поэтому демография – это одно из направлений применения агент-ориентированного подхода, широко представленное в литературе.

Здесь достаточно упомянуть наиболее характерные работы, опубликованные за рубежом в последние годы.

Агент-ориентированные модели социальных взаимодействий и демографического поведения [2–3], в которых рассматриваются различные составляющие демографической системы, такие как процессы создания браков, изменение рождаемости и др. В работах, в том числе, исследуются различия в поведении людей, связанные с их принадлежностью к разным типам культуры и соответствующими различиями в репродуктивном поведении.

Искусственные модели популяций [4–5], в которых рассматривается АОМ с агентами сложной структуры и большим числом состояний, позволяющая прогнозировать демографиче-

скую динамику на различных уровнях – от домашних хозяйств до всего населения Великобритании.

Наиболее полно направления применения АОМ для имитации множества демографических процессов, начиная с образования семейных пар и влияния социальных норм на рождаемость и заканчивая принятием людьми решений о перемене места жительства, – представлены в книге «***Агент-ориентированная компьютерная демография: использование моделирования для улучшения понимания демографического поведения***» [6].

Очевидно, что для полноценной имитации демографических процессов на уровне большой страны необходимо создавать в модели популяции агентов большой численности, что превращает АОМ в многоагентную (мультиагентную) систему [7] и требует для проведения расчетов использования высокопроизводительной техники и специализированного программного обеспечения.

В указанной статье [1] отмечались те специфические особенности многоагентных моделей, предназначенных для имитации динамики больших социально-экономических систем, которые важны с точки зрения организации распараллеливания их работы:

- агенты популяции имеют привязку к тому или иному региону (юрисдикции), а также к координатам на карте региона и страны (имеют место жительства);
- численность и пространственное распределение популяции агентов меняются в течение периода имитации (симуляции), так как в ходе компьютерного эксперимента агенты могут не только самостоятельно мигрировать из региона в регион, но и уничтожаться и создавать новых агентов;
- агенты обладают «социальными связями» с другими агентами, с которыми они с разной интенсивностью обмениваются сообщениями, причем эти связи могут образовываться агентами из разных юрисдикций динамически в течение периода имитации;
- и место жительства агентов, и их связи с другими агентами существенным образом влияют на поведение агентов при имитации различных процессов (выбор места жительства, образование семьи, рождение детей и др.).

В статье также на примере демографической агент-ориентированной модели России обосновывался выбор средств программирования многоагентных АОМ, позволяющих реализовать авторский подход к созданию достаточно реалистичных симуляций демографических процессов, хорошо масштабируемых для популяции агентов с численностью, равной численности населения нашей страны.

Отметим, что в последние несколько лет появились специализированные программные среды для построения агентных моделей с функцией автоматического или полуавтоматического распараллеливания программного кода с последующим запуском на суперкомпьютерах.

Repast for High Performance Computing (RepastHPC) – наиболее известное программное обеспечение (ПО), разработанное для проектирования АОМ с целью их реализации в высокопроизводительных средах [8].

Высокопроизводительное ПО для построения крупномасштабных АОМ – Пандора (Pandora) – разработано в суперкомпьютерном центре Барселоны (Barcelona Supercomputing Centre) и предоставляет полную поддержку геоинформационных систем (ГИС), что важно в тех случаях, когда для функционирования моделей необходима географическая привязка агентов [9].

Среда построения агентных моделей ABM++, первая версия которой появилась в 2009 г. как результат модернизации инструмента, разработанного в 1990–2005 гг. в Лос-Аламосской национальной лаборатории в процессе построения крупномасштабных АОМ [10].

SWAGES – расширяемая распределенная среда для крупномасштабного агент-ориентированного моделирования – разработка ученых из Университета Тафтса (Медфорд, Массачусетс, США), предоставляет возможность автоматического распараллеливания программного кода и поддержку нескольких языков программирования, а также подключение плагинов для визуализации, статистического анализа и автоматической обработки ошибок [11].

CyberGIS Toolkit – набор свободно распространяемых программных компонентов с открытым исходным кодом для пространственного анализа и моделирования [12].

HPABM – иерархическая среда параллельного моделирования, предназначенная для разработки сложных агентных моделей для исследования крупномасштабных задач, связанных с геопространственным моделированием [13].

Пакет ***D-MASON*** позволяет реализовывать АОМ в распределенной среде, увеличивая их производительность, при этом обеспечивая обратную совместимость с базовой средой MASON. Работа D-MASON основана на парадигме master/slave (ведущий-ведомый), при использовании которой главное приложение разделяет моделируемое пространство на части и распределяет рабочую нагрузку по ведомым процессам, каждый из которых задействует один или несколько логических процессоров (Logical Processors, LP) в соответствии с их вычислительными возможностями. Основные задачи, решаемые с помощью D-MASON: распределение выполняемой работы, балансировка нагрузки, связь между процессами, синхронизация и воспроизводимость [14]

В Аргоннской национальной лаборатории (национальный исследовательский центр Министерства энергетики США) разработано ПО для построения АОМ, в основном используемых для симуляции транспортных потоков – ***POLARIS***. Основные утилиты разработанного пакета: (1) модуль, отвечающий за параллельную обработку событий; (2) модуль, реализующий межпроцессный обмен; (3) библиотека для визуализации; (4) библиотека для ввода-вывода данных и др. По своей сути POLARIS – это набор низкоуровневых библиотек, представляющих пользователю удобный программный интерфейс, а также среду выполнения, облегчающую написание программного кода. В разработанных с помощью POLARIS транспортных симуляторах используется большой объем данных, которые часто обрабатываются одновременно различными программными модулями. В этой связи, в параллельном режиме используются директивы для программирования многопоточных приложений с общей памятью [15].

Исследователи из Автономного университета Барселоны разработали инструмент для распараллеливания АОМ – ***Care HPS*** (High Performance Simulation), позволяющий в автоматическом режиме решать задачи распределения выполняемого кода, балансировки вычислительной нагрузки, связи и синхронизации. Care HPS поддерживает как интерфейс передачи сообщений MPI, так и технологию OpenMP и содержит в себе несколько компонент, реализованных на языке C++. Пользователи решают задачу проектирования модели (в том числе с использованием готовых функциональных элементов управления), а всю работу по распределению агентов по процессорам, синхронизации процессов и т.д. выполняет фреймворк. В настоящее время разработчики Care HPS используют этот фреймворк в проекте, направленном на прогноз распространения лихорадки денге [16].

Число специализированных программных продуктов для реализации агентных моделей на суперкомпьютерах постоянно растет. Помимо описанных выше, следует упомянуть также ***MUSE*** [17], ***LUNES*** [18], ***MASS*** [19] и др.

Однако все перечисленные средства изначально разрабатывались для решения специализированных задач, и хотя в дальнейшем они значительно расширились до уровня фреймворков широкого профиля, тем не менее сохранили определенное «наследство» в виде недостаточно эффективных алгоритмов для решения других задач.

Практический опыт их использования показал, что в конечном счете менее затратным по времени способом построения конкретной агентной модели для последующего запуска на суперкомпьютере является ее изначальная реализация с «нуля». Тем самым можно значительно повысить эффективность распараллеливания программного кода и, кроме того, создать задел для дальнейшего ее усложнения с минимальными потерями в производительности.

Программная реализация суперкомпьютерной демографической АОМ России

С учетом выводов из приведенного выше анализа существующих программных средств для распараллеливания программного кода нами было разработано ПО, обеспечивающее:

1. Масштабируемость работы АОМ на множестве узлов вычислительного кластера.
2. Эффективность многопроцессорной работы АОМ за счет использования системной библиотеки MPI, которая обычно установлена на каждом кластере, настроена на его сетевую

систему и обеспечивает максимальную пропускную способность и минимальные задержки передачи данных. Важно также и другое свойство этой библиотеки: она доступна для использования на обычных персональных компьютерах, что позволяет применять без специальной доработки одну технологию и при разработке, и при проведении расчётов как на персональном компьютере, так и с использованием суперкомпьютеров.

3. Имитацию эволюции внутреннего состояния агентов, формирование постоянных и временных связей между ними и обмен сообщениями, а также появление и исчезновение агентов в системе.

4. Динамический механизм балансировки нагрузки между вычислительными узлами в ходе работы модели, то есть перенесение агентов с более загруженных процессоров на другие с сохранением их состояния и связей (дисбаланс возникает в ходе работы модели в связи с неравномерным исчезновением агентов, привязанных к разным процессорам, а также с появлением новых агентов).

5. Упрощение разработки АОМ и дальнейшего ее развития за счет отделения блоков, реализующих систему распараллеливания с балансировкой нагрузки между вычислительными процессами и обмена сообщениями между агентами, построенных на C++, от тематических блоков, реализующих симуляцию демографических процессов, которые написаны на языке программирования высокого уровня C#.

В работе [1] было показано, каким образом в модели на основе исходных данных о численности населения по регионам, считываемых из таблицы в формате CSV, а также информации о геометрии регионов, получаемой из карты России в растровом формате, строится прямоугольная сетка, каждая ячейка которой привязывается к определённому пикселю картинки. Поскольку каждый регион закрашен своим цветом, при считывании этого изображения устанавливалась связь ячеек прямоугольной сетки с номерами регионов и другими их характеристиками. После чего осуществлялось случайное распределение числа агентов-жителей по ячейкам сетки с заданным общим числом агентов в системе и регионе, а также расчёт декомпозиции ячеек сетки по процессорам.

Для расчёта декомпозиции сетки использовался графовый алгоритм METIS [20] с заданием весов (вариант METIS_PartGraphRecursive). Алгоритм METIS принимает на вход граф, заданный через матрицу связей в формате CSR [21] и массив весов узлов графа, а возвращает оптимальное распределение графа на заданное число частей с минимизацией связей между ними. С использованием данного алгоритма было получено распределение исходной системы по процессорам. Важно то, что такое распределение необходимо производить до создания агентов, поскольку последние должны исходно быть правильно распределены между узлами кластера. При этом численность популяции агентов и количество используемых процессоров являются параметрами модели, значения которых задаются пользователем в ходе компьютерных экспериментов.

Алгоритмы, реализующие в модели эти процессы, показаны в статье [1], а в данной работе стоит подробнее остановиться на методах обеспечения правдоподобия создаваемого искусственного аналога моделируемой системы.

Первое, что необходимо в этой связи, – это установка стартового состояния, соответствующего имеющимся данным официальной статистики за базовый год, а второе – это достаточно реалистичная имитация процессов воспроизводства населения. В данной работе мы рассматриваем имитацию процессов рождаемости и смертности населения. Имитация миграции населения потребует ввода дополнительной исходной информации и добавления соответствующих процедур, идеология которых была представлена в статье [22], что, однако, не повлияет на процедуры распараллеливания работы АОМ.

Исходной информацией для модели служат следующие данные Росстата для базового года.

• На уровне страны в целом:

– распределение населения по полу и возрасту (возрастно-половая пирамида), тыс. чел.;

– коэффициенты смертности (на 1000 чел. населения), дифференцированные по полу и возрасту;

– возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин по годам переходного периода, соответствующего пенсионной реформе 2018 года.

• На уровне отдельных регионов:

– численность населения, тыс. чел.;

– доля населения моложе трудоспособного возраста, %;

– доля населения в трудоспособном возрасте, %;

– доля населения старше трудоспособного возраста, %;

– суммарный коэффициент рождаемости;

– распределение рождений по возрасту матерей (доли рождений, приходящихся на матерей из когорт в пятилетних возрастных интервалах в пределах репродуктивного возраста: 15–19; 20–24; 25–29; 30–34; 35–39; 40–44 и 45–49 лет), в %.

Установка стартового состояния, соответствующего имеющимся данным официальной статистики

В начале работы модели, после считывания исходных данных, масштабирования заданной численности агентов по регионам и создания рассчитанного количества агентов в ячейках, для каждого агента необходимо определить значения его индивидуальных свойств, связанных с имитируемыми процессами воспроизводства населения. Такими свойствами, в соответствии с используемыми алгоритмами имитации, являются: возраст агента, пол, максимальное желаемое число детей в семье и число уже рожденных детей. Кроме того, агент «помнит» свои семейные связи, для чего служат его индивидуальные коллекции (списки): коллекция родителей; детей; братьев и сестер; других родственников.

Распределение значений возраста и пола агентов реализовано таким образом, чтобы максимально точно воспроизвести заданную в исходных данных возрастно-половую структуру населения как по стране в целом, так и на уровне отдельных регионов. Для этого производится дальнейшее масштабирование полученных значений численности агентов каждого региона:

а) по долям основных возрастных групп населения в каждом регионе: моложе трудоспособного; трудоспособного и старше трудоспособного возраста (с учетом заданных значений для базового года возраста выхода на пенсию женщин и мужчин), а затем

б) по долям каждой возрастной когорты в своей возрастной группе.

Полученные значения долей от общего числа агентов в регионе используются в качестве вероятности выпадения того или иного возраста для агента, принадлежащего к данному региону. Для проведения подобного масштабирования и получения значения возраста для каждого агента был разработан специализированный вспомогательный модуль. Пол агента также определяется вероятностным способом с учетом соотношения полов для полученной возрастной когорты.

В модели максимальное желаемое число детей в семье – это случайная величина, принимающая значение от одного до семи с заданным бета-распределением, смещенным влево (максимум приходится на двоих детей). Для определения конкретного значения желаемого числа детей для каждого агента был также разработан специализированный вспомогательный модуль.

После распределения свойств пола и возраста наступает этап установки родственных связей между агентами. В первую очередь, для каждого агента из коллекции агентов того же региона выбирается «мать» – агент-женщина с определенным случайным образом возрастом и с числом детей меньше максимально желаемого. Выбор возраста агента-матери осуществляется на основе использования заданного в исходных данных распределения рождений по возрасту матерей, после чего происходит увеличение числа детей у выбранного агента-матери, а также взаимное занесение агентом-ребенком, агентом-матерью и агентами-родственниками матери новых родственников в соответствующие коллекции.

Имитация процессов воспроизводства населения на каждом шаге работы модели

Тестовый пример, представленный в работе [1], был разработан для оценки влияния числа используемых процессоров на эффективность распараллеливания работы модели. Еще одним параметром тестовой модели, влияние которого на эффективность работы модели оценивалось в ходе экспериментов, было число связей агентов, с которыми они обменивались сообщениями на каждом шаге, причем эти связи устанавливались случайным образом. Кроме того, состав популяции агентов был постоянен.

В полной версии демографической АОМ России, которую мы представляем в настоящей

работе, связи между агентами устанавливаются на основе родства, и их значительно меньше, чем в тестовом примере, что сокращает количество пересылаемых на шаге сообщений. С другой стороны, при имитации процессов воспроизводства населения на первый план выходят два явления: а) динамическое изменение состава популяции агентов – удаление части имеющихся агентов (их «смерть») и возникновение новых («рождение» агентов); б) разделение действий на шаге по этапам, в конце каждого из которых может потребоваться пересмотр общих параметров, относящихся к регионам или группам агентов, и/или обмен сообщениями между агентами. Наличие подобных этапов означает появление на шаге точек синхронизации, то есть приостановки работы части процессоров, которые уже закончили обработку размещенных на них агентов и ожидают окончания работы всех остальных процессоров.

Для реализации динамического добавления и удаления агентов в системе потребовался переход от одинарного (сквозного) индекса агентов к двойному. Теперь каждый агент характеризуется номером ячейки, в которой он находится, и своим номером в этой ячейке. При этом добавление агентов приводит к тому, что в ячейке увеличивается счетчик числа агентов и его значение используется для расчета индекса агента. В процессе удаления агента происходит пересчет индексов остальных агентов в рамках его ячейки, а также удаляемый агент должен быть исключен из коллекций всех агентов, с которыми он был связан родственными узами, для чего он рассылает им сообщения.

В результате при организации имитации действий на шаге пришлось отказаться от использования региональных коллекций возрастных когорт, так как поддержание их в актуальном состоянии при удалении агентов и с переходом на двойной индекс оказалось очень затратным по времени. Отказ от коллекций повлек изменение алгоритмов имитации рождаемости. Так, вместо выбора агента-женщины, которая на шаге должна родить ребенка, из коллекции женщин заданного возраста (что делалось для воспроизводства наблюдаемого распределения рождений по возрасту матери), рассчитываются соответствующие возрастные вероятности рождения ребенка. Эти вероятности рассчитываются для каждого региона исходя из общей численности в нем женщин репродуктивного возраста, регионального суммарного коэффициента рождаемости, распределения рождений по возрасту матери, а также численности женщин каждого возраста, для которых число рожденных детей не достигло желаемого максимума.

В итоге действия на шаге работы модели были поделены на стадии, реализующие этапы имитации демографических процессов. Каждая стадия может относиться к объектам одного из следующих типов: вся страна, отдельный регион, отдельный агент. В модели реализованы следующие стадии, относящиеся к различным этапам:

1. ***Этап и стадия подготовки:***

• Переход к следующему году. Обнуление счетчиков, связанных с имитацией рождаемости, на уровне всей страны и на уровне регионов.

2. ***Этап вымирания агентов:***

• ***Стадия рассылки «черной метки» (на уровне агентов)***: маркировка агента в случае выпавшей ему в соответствии с возрастно-половым коэффициентом смертности «черной метки» (смерти). В противном случае – увеличение на единицу возраста агента.

• ***Стадия пересчета индексов агентов (на уровне всей страны)***: расчет новых индексов для уцелевших агентов в тех ячейках, в которых намечены удаления агентов.

• ***Стадия замены индексов (на уровне агента)***: посылка всем связанным агентам обновленного индекса агента; старый индекс заменяется на новый во всех коллекциях.

• ***Стадия удаления агентов (на уровне всей страны)***: удаление промаркированных агентов из коллекций.

3. ***Этап создания новых агентов:***

• ***Стадия расчета вероятностей рождений (на уровне всей страны):*** расчет вероятностей рождений для женщин разных возрастов (по регионам);

• ***Стадия рождения агентов (на уровне агента):*** создание дочернего агента в случае выпадения события рождения ребенка. Установка родственных связей.

4. Этап завершения шага имитации:

• ***Стадия сбора статистики (на уровне всей страны): сбор статистики по регионам и по стране в целом и сохранение результатов во внешних файлах.***

По окончании каждой стадии проверяется очередь сообщений, и если она не пуста, то происходит рассылка сообщений адресатам.

Анализ результатов экспериментов с использованием демографической АОМ России

1. Анализ соответствия стартового состояния модели исходным данным, а также устойчивости воссоздания заданных демографических параметров

Параметрами модели являются численность популяции агентов и количество используемых процессоров, а стартовое распределение агентов по регионам и процессорам, так же как и назначение возраста и пола отдельным агентам, осуществляется с помощью вероятностных распределений, устойчивость которых зависит от числа испытаний. Поэтому следовало оценить устойчивость распределения свойств агентов в зависимости от значений параметров модели.

В *таблице 1* приводится сравнение результатов распределения свойств агентов, полученных в ходе модельных экспериментов, с заданным распределением населения по полу и возрасту (модельные данные о распределении агентов с помощью масштабирования переводятся в численность населения в тысячах человек). В качестве исходной информации использовались данные Росстата[1]. Эксперименты проводились на персональном компьютере (то есть для одного процессора) с целью оценить минимальный размер численности популяции агентов, необходимый для приемлемого совпадения с заданной в исходных данных возрастно-половой пирамидой населения России. Кроме того, в таблице 1 приводятся данные об устойчивости полученного распределения агентов по полу и возрасту, оцениваемого по отклонению от средних по экспериментам значений.

Из данных таблицы видно, что при увеличении численности агентов с одного до двух миллионов происходит существенное улучшение анализируемых статистических показателей. Так, среднеквадратичное отклонение от заданного распределения по возрастам уменьшилось в 1,38 раза для мужчин и в 1,43 раза для женщин, а показатель, характеризующий устойчивость получаемого в ходе экспериментов распределения, улучшился в 1,93 раза. При дальнейшем увеличении численности популяции агентов до трех и четырех миллионов эти показатели продолжали улучшаться, но не столь стремительно. В итоге при численности агентов четыре миллиона среднеквадратичное отклонение снизилось почти вдвое по сравнению с базовым (в 1,75 и 1,82 раза для мужчин и женщин соответственно), а отклонение от средних по экспериментам значений – более чем втрое (в 3,38 раза). Разброс значений последнего показателя в ±1,4%, который достигается при численности агентов два миллиона, можно считать приемлемым, и именно такую численность агентов можно признать минимально допустимой для получения релевантных результатов экспериментов на уровне всей страны.

Таблица 1. Анализ адекватности и устойчивости воссоздания в модели возрастно-половой пирамиды в зависимости от численности агентов

Численность агентов, млн.	Среднеквадратичное отклонение от заданного распределения по возрастам, тыс. чел.		Отклонение от средних по экспериментам значений по возрасту и полу, %
	Мужчины	Женщины	
1	11,0	12,0	±2,7
2	8,0	8,4	±1,4
3	7,6	7,5	±1,1
4	6,3	6,6	±0,8
Источник: составлено по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.			

[1] Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Если же оценивать необходимую численность агентов на региональном уровне, то следует исходить из получаемой численности агентов для самых малонаселенных субъектов РФ. Так, население Магаданской области составляет всего 144,1 тысяч человек, и при численности агентов в модели два миллиона на долю этого региона приходится менее двух тысяч агентов. Такого количества явно недостаточно для обеспечения устойчивости распределения свойств агентов – жителей этого региона. Например, устойчивость бета-распределения, с помощью которого для агентов определяется желаемое число детей и устанавливаются связи матерей с детьми, достигается при численности агентов 10 тысяч. Исходя из этих соображений требования к общей численности агентов должны возрасти как минимум в пять раз.

Однако все последующие эксперименты ставились для оценки устойчивости показателей на уровне всей страны.

2. Анализ устойчивости работы модели

Следующая серия экспериментов представляла собой имитацию процессов воспроизводства населения России на двадцать шагов (лет) вперед при численности популяции агентов два миллиона и постоянных значениях показателей смертности и рождаемости. Для России в целом были получены прогнозы динамики следующих показателей:

- численность населения, тыс. чел.;
- распределение населения по основным возрастным группам, %;
- общий коэффициент рождаемости на 1000 человек населения;
- общий коэффициент смертности на 1000 человек населения.

Целью экспериментов было оценить устойчивость полученных результатов моделирования. Данные *таблицы 2*, в которой приводятся границы отклонений основных выходных показателей модели от средних значений по годам прогнозного периода, позволяют оценить устойчивость этих показателей (указаны максимум и минимум по всему периоду прогнозирования).

Из данных таблицы видно, что такие показатели, как численность населения и доля населения в трудоспособном возрасте, демонстрируют удивительную устойчивость с разбросом полученных в ходе экспериментов значений порядка ±0,1%. Следующий по величине отклонения – общий коэффициент смертности (отклонение порядка ±1%), а наибольший разброс демонстрирует общий коэффициент рождаемости (±2%). Таким образом, даже при численности агентов два миллиона устойчивость работы модели можно признать удовлетворительной.

3. Анализ эффективности распараллеливания работы модели

Следующим этапом тестирования демографической АОМ стала оценка эффективности распараллеливания ее работы на суперкомпьютере. В тестовом примере производился расчет десяти шагов и бралось среднее значение времени для шага. В *таблице 3* приведены результаты запуска модели на различном числе процессоров для случаев двух и восьми миллионов агентов, а на *рисунке 1* показаны соответствующие кривые ускорения работы модели в зависимости от числа процессоров, где число процессоров по оси абсцисс растет по степеням двойки.

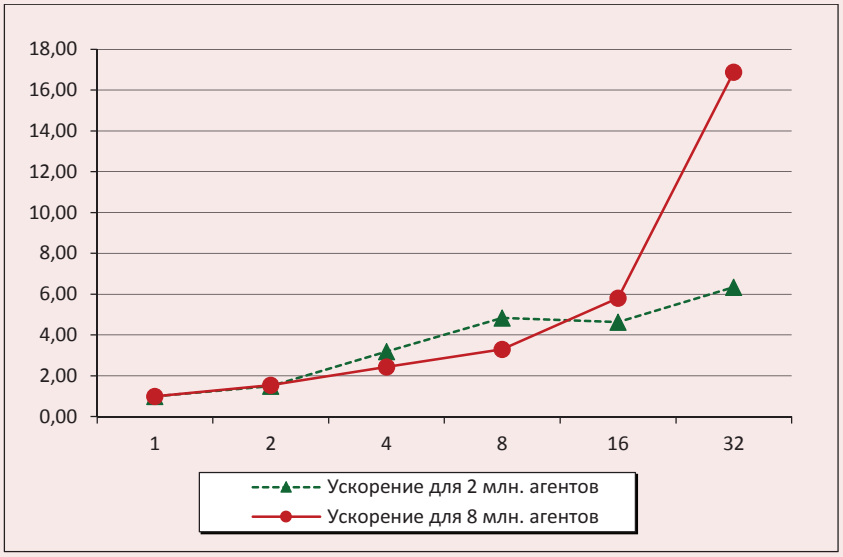
Таблица 2. Анализ устойчивости результирующих показателей модели в течение всего прогнозного периода

Показатель	Отклонение от средних по экспериментам значений по годам прогнозного периода, %	
	нижняя граница	верхняя граница
Численность населения, тыс. чел.	-0,07	0,06
Доля населения в трудоспособном возрасте, %	-0,12	0,12
Общий коэффициент рождаемости на 1000 чел.	-2,19	1,57
Общий коэффициент смертности на 1000 чел.	-1,02	0,88
Источник: составлено по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.		

Таблица 3. Оценка ускорения при параллельном расчёте в зависимости от числа процессоров

Число процессоров	Время расчета для 2М, с	Ускорение для 2М, раз	Время расчета для 8М, с	Ускорение для 8М, раз
1	3,029	1,00	17,211	1,00
2	2,016	1,50	11,064	1,55
4	0,948	3,19	7,053	2,44
8	0,625	4,84	5,215	3,30
16	0,653	4,64	2,962	5,81
24	0,499	6,07	2,245	7,66
32	0,476	6,35	1,019	16,88
48	0,383	7,90	1,395	12,33
Источник: составлено по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.				

Рис. 1. Сравнение ускорения при параллельном расчёте в зависимости от числа процессоров при разной численности агентов, раз

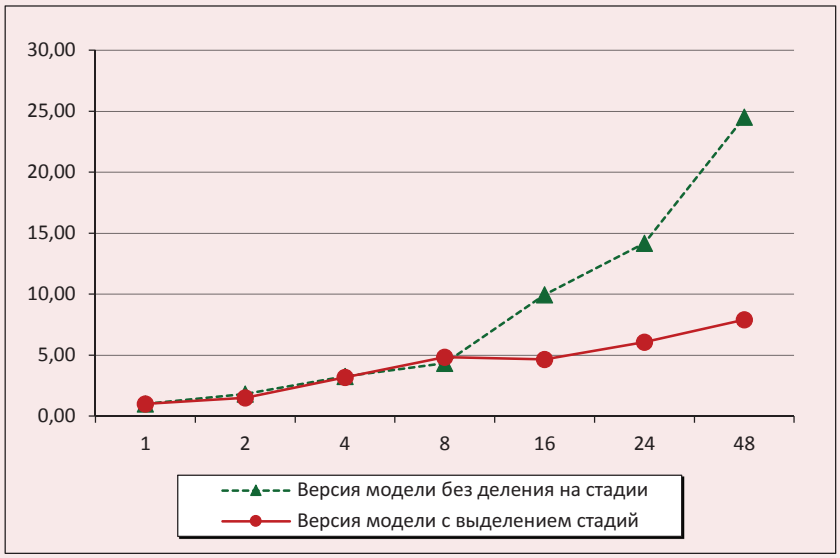
Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.

Интересно сопоставить полученную зависимость ускорения работы модели от числа процессоров с кривыми известного закона Амдала [23], который связывает максимальное достижимое ускорение с числом процессоров и с долей параллельных вычислений. Таким образом, можно оценить, насколько удачно используемые в модели алгоритмы имитации поведения агентов настроены на распараллеливание ее работы. Сравнение с теоретически достижимым уровнем ускорения показывает, что для двух миллионов агентов снижение эффективности распараллеливания в нашем случае сопоставимо с тем, как если бы доля последовательных вычислений составляла примерно 10%, а для восьми миллионов – как если бы она составляла менее 5%.

4. Сравнение показателей эффективности распараллеливания работы модели при наличии точек синхронизации на шаге имитации с тестовым примером

Снижение эффективности распараллеливания во многом обусловлено наличием промежуточных точек синхронизации на каждом шаге работы модели. Поэтому большой интерес представлял вопрос о том, насколько по сравнению с первой версией модели [1] ухудшились показатели эффективности распараллеливания

Рис. 2. Сравнение ускорения работы модели при параллельном расчёте в зависимости от числа процессоров для двух версий при численности агентов 2 млн.

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.

ее работы вследствие появления стадий, выполняемых на каждом шаге. Сравнение двух версий показано на *рисунке 2*.

На рисунке видно, что рост числа процессоров вплоть до восьми обеспечивает практически одинаковое ускорение работы двух версий модели, но дальнейшее увеличение числа процессоров выявляет существенную разницу в эффективности распараллеливания. Так, уже для 16-ти процессоров ускорение работы модели с дополнительными точками синхронизации вдвое меньше, чем для первой версии модели (в 2,1 раза), а для 48 процессоров – втрое (в 3,1 раза).

При оценке адекватности и эффективности авторского подхода к организации распараллеливания работы модели следует сопоставлять ее с наиболее близкими аналогами. Так, в работе [24] описывается распределенная АОМ эпидемий, в рамках которой можно создавать социум с численностью агентов до 6 млрд. В модели, так же как и в представленной авторами, используется алгоритм распределения агентов между вычислительными узлами, снижающий межгрупповое взаимодействие. А в работе [25] также рассматривается подход к распараллеливанию ресурсоемких АОМ, агенты которых обмениваются информацией и имеют пространственную привязку. Ускорение, полученное авторами по сравнению с последовательной версией модели, составило в среднем 20 раз. В нашем случае в тестовом примере было получено ускорение до 25 раз при 48-ми процессорах, но добавление точек синхронизации значительно снижает этот показатель. Тем не менее, общее время расчета, как видно из таблицы 3, вполне приемлемо.

5. Результаты прогнозирования и сравнение полученного прогноза с прогнозом Росстата

Убедившись в адекватности стартового состояния нашей АОМ и стабильности ее работы, оценим теперь полученные результаты моделирования с содержательной точки зрения. Так, в ходе экспериментов с моделью были получены прогнозы демографических характеристик как в разрезе регионов, так и в целом по стране. В том же Демографическом ежегоднике России 2017 года[2] приводятся варианты прогноза

[2] Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017.

(низкий, средний и высокий) до 2051 года следующих основных характеристик населения страны в целом:

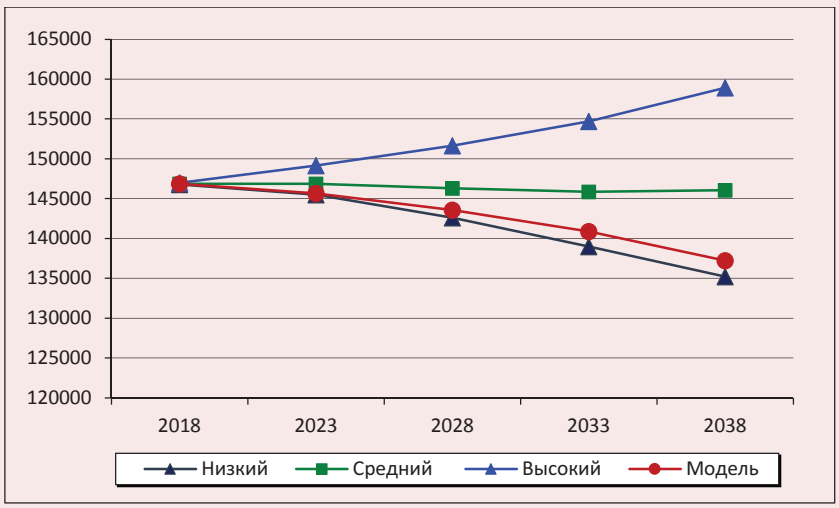
- численность населения;
- численность мужчин и женщин;
- численность населения по отдельным возрастным группам;
- родившиеся, умершие и естественный прирост населения;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

В силу того что коэффициенты смертности в экспериментах считались неизменными, так же как и суммарный коэффициент рождаемости, на основе которого и имитируется рождаемость, очевидно, что прогноз этих показателей не имеет смысла сопоставлять с прогнозами Росстата. Это же относится к такому показателю, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, который рассчитывается исходя из значений показателей смертности, дифференцированных по полу и возрасту.

Однако сравнить полученные с помощью модельных экспериментов прогнозы численности населения России и его структуры в разрезе отдельных возрастных групп представляется возможным и интересным. На рисунках 3 и 4 показано сравнение четырех вариантов прогноза до 2038 года: низкого, среднего и высокого варианта прогноза Росстата, а также прогноза, полученного в результате работы АОМ (взяты средние значения нескольких экспериментов при численности популяции агентов два миллиона). На *рисунке 3* видно, что модельный прогноз численности населения в течение всего периода незначительно превышает низкий вариант Росстата (на конец периода – на 1782,6 тыс. чел., или 1,3% от численности населения России), в то время как от среднего и высокого вариантов модельный отличается значительно (на -6,2 и -13,8% соответственно).

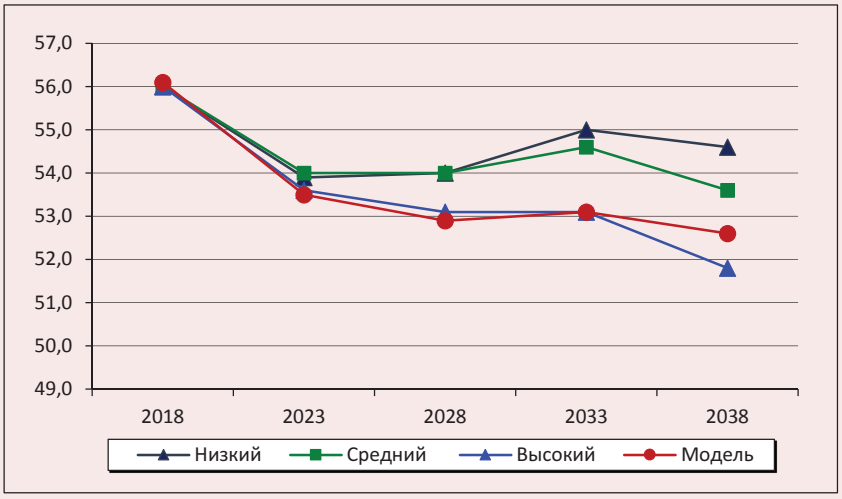
На *рисунке 4* приводится сравнение модельного прогноза доли трудоспособного населения с соответствующими вариантами прогноза Росстата. Видно, что на протяжении всего периода модельный прогноз практически совпадает с высоким вариантом Росстата, а в конце периода превышает его всего на 0,8%. Наибольшее отклонение модельного прогноза – от низкого варианта Росстата, но и оно составило всего -2%. То есть, даже при таком допущении, как неизменность коэффициентов смертности и суммарного коэффициента рождаемости, модель позволяет получать достаточно реалистичный прогноз данного показателя.

Рис. 3. Сравнение вариантов прогноза. Численность населения, тыс. чел.

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России и с использованием данных Демографического ежегодника России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. Табл. 8.1.

Рис. 4. Сравнение вариантов прогноза. Доля трудоспособного населения, %

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России и с использованием данных Демографического ежегодника России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. Табл. 8.3.

Следует заметить, что данный прогноз, так же как и прогнозы Росстата, был сделан в предположении о постоянстве возраста выхода на пенсию – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Однако с началом реализации пенсионной реформы в 2018 году, рассчитанной на постепенное повышение пенсионного возраста в течение десяти лет, ситуация изменилась, и прогноз должен это учитывать. Поэтому в следующей серии модельных экспериментов возраст выхода агентов на пенсию повышался в соответствии с условиями пенсионной реформы. Полученные результаты представлены на *рисунке 5*, где проводится сравнение двух

Рис. 5. Сравнение вариантов прогноза. Доля трудоспособного населения, %

Источник: рассчитано по результатам компьютерных экспериментов с демографической АОМ России.

вариантов модельных прогнозов доли трудоспособного населения: без повышения пенсионного возраста и в условиях пенсионной реформы.

На рисунке видно, как в течение десятилетнего периода реформы доля трудоспособного населения в первом варианте неуклонно снижается (с 56,1 до 52,9%), а во втором – растет (до 58,6%). В итоге в 2028 году разница уже составила 5,7 процентного пункта (что соответствует 8184,1 тыс. чел.). К концу же всего прогнозного периода доля трудоспособного населения в первом варианте снизилась до 52,6%, а во втором выросла до 59,0%, и разница между ними возросла до 6,4 процентного пункта (9189,2 тыс. чел.).

Заключение

Анализ результатов апробации представленной демографической АОМ России позволил сделать следующие выводы.

Модель в ходе всестороннего тестирования показала высокую степень устойчивости работы, несмотря на широкое применение вероятностных механизмов как при установке стартового состояния системы, так и при имитации процессов воспроизводства населения.

Используемые в модели технологии распараллеливания ее работы на множестве вычислительных узлов суперкомпьютера позволяют проводить симуляции с большим числом агентов и достигать приемлемых показателей параллельной эффективности.

Представленная демографическая модель спроектирована как базовая платформа для комплексной региональной АОМ, так как механизм разделения шагов имитации на этапы позволяет подключать к ней блоки, имитирующие любые социально-экономические процессы, в которых участвуют люди. Кроме того, реализованный механизм позволяет также указывать тип объектов, к которым этап (стадия) относится. Таким образом, модель настроена и на введение в искусственную среду объектов других типов (например, предприятий, муниципалитетов и др.) с соответствующим добавлением имитируемых процессов (социальных, экологических, экономических, политических), в которых эти объекты участвуют. Однако демографическая модель представляет и самостоятельную ценность в качестве инструмента, позволяющего в ходе экспериментов получать прогнозы демографических характеристик как в разрезе регионов, так и в целом по стране.

Литература

1. Разработка агент-ориентированной демографической модели России и ее суперкомпьютерная реализация / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко, Г.Б. Сушко // Вычислительные методы и программирование. 2018. Т. 19. С. 368–378. DOI: 10.26089/NumMet.v19r433.
2. Billari F.C., Prskawetz A., Diaz B.A., Fent T. The “Wedding-Ring”: an agent-based marriage model based on social interaction. *Demographic Research*, 2007, vol. 17, article 3, pp. 59–82.
3. Diaz B.A. *Agent-Based Models on Social Interaction and Demographic Behaviour (Ph.D. Thesis)*. Wien: Technische Universit t, 2010. 93 p.
4. Silverman E., Bijak J., Hilton J., Cao V.D., Noble J. When demography met social simulation: a tale of two modelling approaches. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation (JASSS)*, 2013, vol. 16 (4), article 9. Available at: http://jasss.soc.surrey.ac.uk/16/4/9.html.
5. Silverman E., Bijak J., Noble J., Cao V., Hilton J. Semi-artificial models of populations: connecting demography with agent-based modelling. In: Chen S.-H. et al. (Eds.). *Advances in Computational Social Science*. *Agent-Based Social Systems*. *Vol. 11.* Tokyo: Springer Japan, 2014. Pp. 177–189. DOI: 10.1007/978-4-431-54847-8_12.
6. Billari F.C., Prskawetz A. (Eds.). *Agent-Based Computational Demography: Using Simulation to Improve Our Understanding of Demographic Behaviour*. Heidelberg: Springer – Verlag, 2003. 210 p.
7. Тарасов В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 352 с.

8. Collier N., North M. Parallel agent-based simulation with Repast for High Performance Computing. *Simulation*, 2012, vol. 89, no. 10, pp. 1215–1235. DOI: 10.1177/0037549712462620.

9. Wittek P., Rubio-Campillo X. Scalable agent-based modelling with cloud HPC resources for social simulations. In: *IEEE 4th International Conference on Cloud Computing Technology and Science (CloudCom). December 3-6, 2012, Taipei, Taiwan*. Pp. 355–362.

10. Roberts D.J., Simoni D.A., Eubank S. A National scale microsimulation of disease outbreaks. *Advances in Disease Surveillance*, 2007, vol. 4, no. 15.

11. Scheutz M., Connaughton R., Dingler A., Schermerhorn P. SWAGES – an extendable distributed experimentation system for large-scale agent-based alife simulations. In: *Proceedings of Artificial Life X*, 2006, pp. 412–419. Available at: https://hrilab.tufts.edu/publications/scheutzetal06alifeswages.pdf .

12. Shaowen W., Yan L., Anand P. Open cyberGIS software for geospatial research and education in the big data era. *SoftwareX*, 2015, no. 5. DOI: 10.1016/j.softx.2015.10.003.

13. Tang W., Wang S. HPABM: A hierarchical parallel simulation framework for spatially-explicit agent-based models. *Transactions in GIS*, 2009, no. 13 (3), pp. 315–333.

14. Cordasco G., Scarano V., Spagnuolo C. Distributed MASON: A scalable distributed multi-agent simulation environment. *Simulation Modelling Practice and Theory*, 2018, vol. 89, pp. 15–34. DOI: 10.1016/j.simpat.2018.09.002.

15. Auld J., Hope M., Ley H., Sokolov V., Xua B., Zhang K. POLARIS: Agent-based modeling framework development and implementation for integrated travel demand and network and operations simulations. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*, 2016, vol. 64, pp. 101–116.

16. Borges F., Gutierrez-Milla A., Luque E., Suppi R. Care HPS: A high performance simulation tool for parallel and distributed agent-based modeling. *Future Generation Computer Systems*, 2017, vol. 68, pp. 59–73.

17. Gebre M.R. MUSE: *A parallel agent-based simulation environment (Doctoral Thesis)*. Oxford, Ohio: Miami University, 2009. 99 p.

18. D'Angelo G., Ferretti S. LUNES: Agent-based simulation of P2P systems. In: *Proceedings of 2011 IEEE International Conference on High Performance Computing & Simulation*, Istanbul, Turkey, July 2011. Pp. 593–599. DOI: 10.1109/HPCSim.2011.5999879.

19. Emau J., Chuang T., Fukuda M. A multi-process library for multi-agent and spatial simulation. In: *Proceedings of 2011 IEEE Pacific Rim Conference on Communications, Computers and Signal Processing - PACRIM'11*, *Victoria, BC, Canada, August 24–26, 2011.* Pp. 369–376.

20. Karypis G., Kumar V. *METIS-unstructured graph partitioning and sparse matrix ordering system, version 2.0.* Available at: http://dm.kaist.ac.kr/kse625/resources/metis.pdf.

21. Tinney W., Walker J. Direct solutions of sparse network equations by optimally ordered triangular factorization. *Proceedings of the IEEE*, 1967, no. 55 (11), pp. 1801–1809.

22. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Искусственное общество и реальные демографические процессы // Экономика и математические методы. 2017. Т. 53. № 1. С. 3–18.

23. Amdahl G.M. Validity of the single processor approach to achieving large scale computing capabilities. In: *AFIPS Conference Proceedings,* 1967*,* vol. 30, pp. 483–485.

24. Parker J. A flexible, large-scale, distributed agent based epidemic model. In: Henderson S.G., Biller B., Hsieh M.-H., Shortle J., Tew J.D., Barton R.R. (Eds.). *Proceedings of the 2007 Winter Simulation Conference*. Washington, D.C. December, 2007. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/12_epidemicmodel_parker.pdf.

25. Gong Z., Tang W., Bennett D.A., Thill J.C. Parallel agent-based simulation of individual-level spatial interactions within a multicore computing environment. *International Journal of Geographical Information Science*, 2013, vol. 27, no. 6, pp. 1152–1170.

Сведения об авторах

Валерий Леонидович Макаров – академик РАН, доктор физико-математических наук, научный руководитель, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Альберт Рауфович Бахтизин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Елена Давидовна Сушко – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Геннадий Борисович Сушко – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: gennady.sushko@gmail.com)

Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Sushko G.B.

Agent-Based Supercomputer Demographic Model of Russia: Approbation Analysis

Abstract. The article presents an agent-based demographic model of Russia designed to run on supercomputers. The technologies used in the model allow researchers to create an artificial society with the number of agents up to 109 and effectively parallelize the work of the simulator. The software package designed to implement the model combines separate subsystems written in programming languages of different levels. On the one hand, this provides effective load balancing between computing processes and messaging between agents (implemented in C++), and on the other hand, this simplifies the development of model blocks that implement the simulation of demographic processes (implemented in C#). The demographic processes in the model are simulated based on the actions of individual agents, taking into account their family ties, which they maintain by exchanging messages. Key features of the demographic agent-based models are the following: a) dynamic change in the size and composition of populations of agents – removal of part of the agents (their "death") and the emergence of new ones ("birth"); and b) separation of actions performed at the simulation step in stages, each of which can cause the revision of the general settings that are specific to regions or groups of agents, and/or exchange of messages between agents. In the course of computer experiments, the model has been tested on real data and has shown good results at testing for the following parameters: a) the quality of recreating the age-sex structure of the population for the country as a whole and in the regions with the use of the population of agents; b) the stability of the model and a low margin of error of the results of forecasting the main demographic indicators in comparison with the variants of Rosstat's official forecast; c) efficiency of parallelization of the program code when running on supercomputers. The model is the basic one for an integrated regional simulation model that is currently being developed; however, the model can be useful as an independent forecasting tool.

Key words: agent-based modeling, simulation of demographic processes, supercomputer technologies, application of METIS graph decomposition, demographic forecast for Russia.

Information about the Authors

Valerii L. Makarov – RAS Academician, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Scientific Director, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: makarov@cemi.rssi.ru)

Al'bert R. Bakhtizin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Director, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com)

Elena D. Sushko – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: sushko_e@mail.ru)

Gennadii B. Sushko – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Senior Researcher, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: gennady.sushko@gmail.com)

Статья поступила 12.11.2019.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
УДК 38.984, ББК 65.054
© Кожевников С.А.

Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации*

Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ
Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. Одной из ключевых задач развития России как самой большой страны мира является обеспечение оптимальной организации и эффективного использования её огромного пространства. Вместе с тем трансформационные рыночные преобразования периода 90-х гг. XX века, после распада СССР, привели к резкому снижению роли государства в управлении пространственным развитием. Такая политика имела крайне негативные экономические и социальные последствия: усилилась контрастность расселения в результате стягивания производства, населения в ареалы концентрации при одновременном его «вымывании» из глубинных районов. Причем особенно острыми эти проблемы стали для северных территорий страны, характеризующихся и без того очаговым характером расселения и размещения производства и более других испытавших на себе негативные последствия перехода к рынку. Эти обстоятельства обусловили актуальность представленной работы. Ее цель – исследование особенностей и обоснование приоритетных направлений совершенствования управления пространственным и территориальным развитием Европейского Севера России (ЕСР). Были исследованы теоретико-методологические подходы к пониманию сущности экономического пространства и его развития; проведен анализ ключевых тенденций и особенностей пространственного развития Европейского Севера России в постсоветский период; обосновано, что в настоящее время данное экономическое

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции. прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5

For citation: Kozhevnikov S.A. Spatial and territorial development of the European North: trends and priorities of transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5

пространство является линейно-узловым, со значительной площадью экономической периферии. В работе рассмотрена роль узлов первого и второго класса в сохранении опорного каркаса территорий ЕСР; доказано, что такие системы расселения могут выступить основой формирования и развития полицентричной модели организации пространства региона, ориентированной на возрождение и развитие устойчивых социально-экономических и технологических связей по линии «крупный город – малый город – село».

Ключевые слова: пространственное развитие, экономическое пространство, Европейский Север России, агломерация, малые и средние города, Арктическая зона РФ.

Введение. В пространственном развитии современной России сформировался сложный и чрезвычайно болезненный клубок проблем, вызовов и угроз, заключающийся прежде всего в неэффективном использовании огромного пространства и, по сути, феноменального богатства страны[1]. Более того, это пространство на практике зачастую воспринимается как обременение. Существуют даже зарубежные исследования, где предпринята попытка оценки потерь РФ от неэффективной пространственной организации[2].

Следует отметить, что особенностью освоения экономического пространства на всех этапах развития России (в том числе имперском и советском) было доминирующее участие государства[3]. Однако около четверти века назад, в период активных трансформационных преобразований в экономике, власти фактически отказались от прямого участия в пространственном развитии страны. Данная политика привела к крайне негативным экономическим и социальным последствиям: усилилась контрастность расселения в результате стягивания производства, населения в незначительные по территории ареалы при одновременном его «вымывании» из глубинных районов. При этом базовой тенденцией в течение последних десятилетий является усиление процессов концентрации производства, человеческого капитала, инфраструктуры в крупных городах (в первую очередь в Московской и Санкт-Петербургской агломерациях). Все эти процессы ведут к обострению новых вызовов пространственного развития современной России[4] (*табл. 1*).

Очевидно, что такая стихийная самоорганизация пространства представляет собой движение в направлении территориального опустынивания и хозяйственной деградации значительной части территории России.

Первые лица государства уделяют пристальное внимание вопросам повышения эффективности государственного управления пространственным развитием страны. Так, Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года предложил «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет»[5]. При этом развитие городов и других населенных пунктов должно быть связано с решением проблем в сфере здравоохранения, образования, экологии, транспорта.

Таким образом, с учетом этих принципов и целевых установок развития страны, задаваемых Стратегией-2020 и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, а также принятой в 2019 году Стратегией пространственного развития РФ до 2025 года, целью управления пространственным развитием страны должно стать значительное повышение эффективности использования пространствен-

[1] Так, в настоящее время на каждого гражданина РФ приходится около 12 га земли, т.е. приблизительно 40 га на семью [1].

[2] В частности, согласно оценке Института Брукингса (Brookings Institution, Вашингтон, США), потери оцениваются в 2,3–3,0% ВВП [2].

[3] При этом проводившаяся в стране политика опиралась на представления таких выдающихся деятелей и мыслителей, политиков и ученых, как С. Витте, П. Столыпин, В. Вернадский, Н. Кондратьев, А. Чаянов и др.

[4] Довольно комплексно и системно данные проблемы были раскрыты в проекте концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, разработанной Минэкономразвития. URL: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf

[5] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976

Таблица 1. Основные вызовы пространственного развития современной России

Вызов	Содержание
1. Беспрецедентный центростремительный вектор развития.	Проявляется прежде всего в *резком увеличении экономической роли Москвы по всем основным показателям экономического развития*, а также *на уровне многих субъектов РФ – в виде интенсивного укрепления экономической и политической роли региональных центров*. В результате указанных центростремительных тенденций произошло *значительное сжатие ранее освоенного пространства*, *заметное экономическое уплотнение пространства городов-центров*.
2. Невиданные в практике зарубежных федераций межрегиональные контрасты, очень существенная неравномерность современного развития регионов.	Зачастую межрегиональные различия настолько существенны, что *отстающим субъектам РФ, по оценкам экспертов, потребуются не десятки, а сотни лет, чтобы достичь уровня современных развитых регионов*. Это свидетельствует о наличии в стране контрастов межконтинентального размаха (например, таких, как между странами Европы и Африки).
3. Неблагоприятная геополитическая ситуация в мире, которая актуализирует проблемы национальной безопасности России.	На смену периоду беспрецедентной открытости 1990-х годов *пришел период соперничества и конфронтации России с развитыми странами мира*. При этом в течение достаточно продолжительного времени существует реальная угроза сохранения санкционного экономического и политического давления на страну. *Высока вероятность искусственного поддержания режима геополитической нестабильности на границах России.*
4. Слабая инфраструктурная обустроенность.	Значительное *несоответствие пространства страны и форм его инфраструктурного, технико-технологического обустройства характеризуется как коммуникационный (или сетевой) разрыв*. Так, даже вблизи федеральных центров высокоскоростные магистрали все еще остаются редкостью, как и устойчивая высокоскоростная широкополосная связь. *Для многих удаленных от городов-центров российских территорий – зон российской периферии – характерны транспортная и электронная недоступность*.
5. Чрезвычайная унификация норм и правил пространственного обустройства страны и недостаточная проработанность территориального блока федерального законодательства.	Для России, с ее колоссальным разнообразием природных, социальных и экологических условий, *важно обеспечить отражение территориальных различий в федеральном законодательстве* (учет специфики Севера и Арктики, староосвоенной умеренной центральной зоны, проблемных территорий разных типов и т.п.). Правовая асимметрия необходима, поскольку именно она может выступать важнейшей предпосылкой выравнивания условий развития различных территорий РФ.

ного фактора для усиления её конкурентных позиций в глобальной экономике при сохранении и упрочении в условиях изменяющегося мира основ национальной безопасности.

Важным является также совершенствование системы расселения населения с учетом сохранения ее опорного каркаса на основе диверсификации функций различных типов населенных мест, создания условий для развития городских агломераций и неурбанизированных территорий разных иерархических уровней и масштаба. Необходимо создавать каркас[6] региональных и субрегиональных центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам импульсы модернизации и развития экономики на основе реализации сетевого эффекта [3]. Эти вопросы являются особенно значимыми для северных территорий страны, характеризующихся очаговым характером расселения и размещения производства, что обусловило *актуальность* представленной работы.

Цель работы – исследование особенностей и обоснование приоритетных направлений совершенствования управления пространственным и территориальным развитием Европейского Севера России (ЕСР).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Исследование теоретико-методологических подходов к пониманию сущности экономического пространства и его развития.

2. Анализ ключевых тенденций, особенностей территориального и пространственного развития Европейского Севера России на современном этапе.

[6] Каркас – связующий механизм, скрепляющий разные территориальные социально-экономические системы, разнородные, различным образом специализированные части территории. К настоящему времени в научный оборот введен большой набор «каркасных» терминов: городской каркас, инфраструктурный каркас, опорный каркас расселения, каркас освоения новых районов, опорный экологический каркас и др.

3. Обоснование приоритетных направлений совершенствования управления пространством Европейского Севера России на основе развития полицентричной модели, предполагающей возрождение и развитие устойчивых социальных и производственных связей по линии «крупный город – малый город – село».

Теоретические аспекты исследования. Исследование особенностей и проблем повышения эффективности управления пространственным развитием России на протяжении последних десятилетий является важнейшей научной задачей. Вместе с тем, как отмечает академик П.А. Минакир, «общая проблема заключается в том, что пространственная экономика до настоящего времени не в состоянии сформулировать основную гипотезу – что такое экономическое пространство как предмет исследования и как объект экономической политики». В экономических исследованиях экономическое пространство обычно рассматривается как реальное (физическое) или абстрактное (концептуальное) [4].

Академик А.Г. Гранберг, один из ведущих ученых отечественной школы пространственной экономики, понимал под экономическим пространством насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. [5, 6]. То есть экономическое пространство существует в рамках физического пространства и определяется в первую очередь через наличие различных социально-экономических объектов и связей между ними. Так или иначе схожей является трактовка пространства, предложенная П. Кругманом [7].

Группа исследователей рассматривает данную категорию прежде всего через призму отношений между экономическими агентами (П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко, Н.Ю. Гагарина[7], Я. Круковский и др.), т.е. их подход предполагает формирование экономического пространства только при условии возникновения экономических отношений [8, 9].

В нашем исследовании за основу возьмем определение Р.Ф. Гатауллина, А.Г. Каримова, А.Г. Комарова (2014): экономическое пространство – «субъективно сконструированная в ходе воспроизводства часть физического пространства, отражающая территориально обособленный и локализованный во времени процесс трансакций между экономическими агентами, формируемый на основе реализации их экономических интересов» [10]. Это определение, на наш взгляд, весьма ёмко отражающее природу экономического пространства, является наиболее содержательным, поскольку интегрирует в себе характеристики реального и концептуальных пространств.

Экономическое пространство обладает рядом свойств или т.н. «родовых» признаков [11, 12, 13]. В реальных ситуациях пространство региона выступает как дискретное (т.е. все точки в нём изолированы друг от друга); гетерогенное (неодинаковые части в структуре); поляризованное (т.е. неоднородное: экономическое развитие происходит вокруг ведущей отрасли, «полюса роста»); анизотропное (способное проявлять разные свойства в различных направлениях).

Качество экономического пространства определяется многими характеристиками и параметрами[8]. Для его оценки можно выделить, согласно подходу А.Г. Гранберга, следующие параметры:

– плотность (характеризуется экономической и общей плотностью населения территории, плотностью путей сообщения[9] – автомобильных, железных дорог и др.);

– размещение (определяется через показатели равномерности, дифференциации, концентрации населения, субъектов экономической деятельности и наличие хозяйственно освоенных и не освоенных территорий);

[7] См., напр.: Гагарина Г.Ю. Развитие методологии управления пространственной интеграцией экономики регионов России: дис. ... д.э.н.: 08.00.05 [Место защиты: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова]. М., 2013. 328 с.

[8] См., напр.: Чувашова М.Н. Оценка качества экономического пространства региона сырьевой направленности: дис. ... к.э.н. 08.00.05. [Место защиты: Сибирский государственный аэрокосмический университет имени акад. М.Ф. Решетнева], 2016. 235 с.

[9] Это один из ключевых показателей качества экономического пространства, поскольку развитая транспортная инфраструктура ускоряет протекание всех экономических процессов и обеспечивает создание условий для активизации производственных процессов.

– связность (определяется интенсивностью экономических связей между частями и элементами пространства, условиями мобильности товаров и услуг, людей, развитием транспортных и коммуникационных сетей) [5].

При этом пространство постоянно изменяется или трансформируется. Авторами [14] под трансформацией экономического пространства понимается «изменение в физической локализации экономики и населения региона, изменение свойств экономической и социальной среды, влияющих на эффективность жизнедеятельности и конкурентоспособность экономики региона». Данный процесс, как правило, происходит спонтанно, но ему следует придать управляемый характер[10].

Управление трансформацией и организация экономического пространства осуществляются с использованием таких пространственных моделей, как: функциональные (социально-экономическое районирование, формирование специализированных зон, ареалов, парков); каркасные (развитие территориальных каркасов, коридоров, осей развития, агломераций и городов-ядер на базе инфраструктуры); кластерные [15].

Вместе с тем, как отмечает Г.М. Лаппо, каркасный подход плодотворен при решении традиционных и не теряющих своего значения исследовательских задач: это выявление различий от места к месту; изучение связей; исследование динамики процессов [16]. Н.Н. Баранский в опубликованной в 1946 г. статье «Об экономико-географическом изучении городов» рассматривал экономический каркас территории как «остов, на котором всё держится, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию» [17, 18]. Каркас представляет собой интегральную часть территориальных структур (производственной, инфраструктурной, непроизводственной сферы, природных ресурсов и расселения), то есть сочетание центров хозяйственной, социальной и культурной жизни, а также соединяющие эти фокусы социально-экономические линии [19].

Концепция опорного каркаса актуальна при решении задачи рационального использования народнохозяйственного потенциала крупных городов. При этом механизм регулирования роста крупного центра может иметь разные варианты: формирование агломераций; направленное развитие; приоритетное развитие «второго» города; развитие избранных (ограниченного числа) городов-«противовесов»; развитие центров подрайонов; активизация малых и средних городов (за пределами агломерации) [20, 21, 22, 23].

Таким образом, в основе концепции каркаса территории лежит признание особой роли городов (как фокусов экономической активности) и их взаимосвязей в экономической жизни страны. В то же время её остальная территория воспринимается как вспомогательная часть экономики, в отношении её иногда используют термин «ткань».

Основные результаты исследования. Как показало исследование, шоковая либерализация и трансформация всей социально-экономической системы России привели к особенно негативным последствиям для северных территорий: к резкому снижению роли государства в управлении их развитием; разрушению сложившихся технологических связей с другими регионами страны; снижению эффективности многих компенсаторных инструментов, которые обеспечивали довольно стабильное и успешное развитие этих территорий в условиях плановой экономики.

Вместе с тем северные территории, обладающие огромным природно-ресурсным потенциалом, по-прежнему имеют важнейшее геостратегическое значение в развитии страны. Так, территории Европейского Севера России[11], являющегося одним из ключевых и самых больших по занимаемой площади (1,466 тыс. кв. км) регионов европейской части страны, отличаются выгодным экономико-географическим положением: на севере они омываются

[10] См.: Минакир П.А. Современные подходы к исследованию проблем пространственного развития // Современные проблемы пространственного развития: матер. Межд. науч. конф., посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга. М., 2011. С. 47; Окрепилов В.В. Устойчивое пространственное развитие и качество // Там же. С. 52.

[11] В данной работе Европейский Север России рассматривается в границах, соответствующих представленным в действующем Общероссийском классификаторе экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 г. № 640).

Баренцевым и Белым морями; на западе граничат с Финляндией и Норвегией, что открывает огромные возможности для развития внешней торговли; на востоке и юге – с экономически развитым Уралом и Центральной Россией соответственно.

Европейский Север России в отличие от Азиатского является более заселенным и обустроенным, со сложившимся каркасом расселения и размещения производительных сил, с довольно высоким уровнем урбанизации. Однако рыночные постсоветские преобразования 90-х годов также негативно отразились на социально-экономическом и пространственном развитии данных территорий.

Одна из ключевых проблем ЕСР, как и большинства других регионов страны, – масштабное сокращение численности постоянного населения, составившее за период 1990–2017 гг. около 1,6 млн. чел. (*табл. 2*).

Так, численность населения Мурманской области за исследуемый период сократилась на 26,7%, Республики Коми – на 22,2%. Менее всего процессы депопуляции коснулись Вологодской области.

Следует отметить, что на селе эти процессы происходили более быстрыми темпами: в Мурманской области сельское население сократилось почти вдвое, Архангельской – на 38%.

В целом демографическая ситуация в настоящее время характеризуется большей стабильностью в административных центрах, являющихся узлами «первого класса»[12] (города Петрозаводск, Сыктывкар, Архангельск, Вологда) в системе организации пространства региона. Значительный масштаб естественной и миграционной убыли населения отмечается в малых городах, специализирующихся на лесозаготовках, с практически выработанными ресурсами месторождений полезных ископаемых, в старопромышленных районах (т.н. промышленная периферия), на территориях сельской периферии [25].

К числу ключевых показателей, отражающих качество экономического пространства, относится плотность населения, в том числе трудоспособного возраста. Так, в большинстве исследуемых субъектов (за исключением Вологодской области) плотность населения составляет 2–5 чел./кв. км, что

Таблица 2. Численность населения в субъектах Европейского Севера России (на начало года), тыс. чел.

Территория	Год											2017 к 2000, %	2017 к 1990, %
	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		
Постоянное население													
Вологодская область	1354	1290	1235	1201	1199	1196	1193	1191	1187	1183	1177	91,2	86,9
Архангельская область (включая Ненецкий АО)	1569	1369	1291	1225	1214	1202	1192	1183	1174	1166	1155	84,4	73,6
Республика Коми	1240	1043	985	899	890	881	872	864	856	851	841	80,6	**67,8**
Мурманская область	1189	923	864	794	788	780	771	766	762	758	753	81,6	**63,3**
Республика Карелия	792	729	698	643	640	637	634	633	630	627	622	85,3	78,5
Сельское население													
Вологодская область	462	403	393	350	356	343	339	335	333	329	325	80,6	70,3
Архангельская область	411	343	349	297	289	282	280	27	265	259	254	74,1	**61,8**
Республика Коми	297	258	240	207	203	200	196	193	189	187	184	71,3	**62,0**
Республика Карелия	144	186	171	141	138	135	132	129	127	124	122	65,6	84,7
Мурманская область	100	71	74	57	57	57	56,6	57	57	57	58	81,7	**58,0**

Источник: рассчитано на основе данных официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Режим доступа: www.fedstat.ru

[12] Исследователи выделяют на Европейском Севере России хозяйственные узлы 4-х классов в соответствии с численностью экономически активного населения: первого класса – более 100 тыс. чел., второго – 60-99 тыс. чел., третьего – 30-59 тыс. чел., четвертного – 10-29 тыс. чел. Все остальное хозяйство имеет внеузловую форму размещения [24].

Таблица 3. Плотность населения субъектов Европейского Севера России, чел/кв. км

Территория	Год									2017 к 2000, +/-	2017 к 1990, +/-
	1990	1995	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017		
РФ	8,7	8,7	8,6	8,4	8,3	8,4	8,5	8,6	8,6	0,0	**-0,1**
СЗФО	9,1	8,8	8,5	8,2	8,0	8,1	8,2	8,2	8,3	-0,2	**-0,8**
Вологодская область	9,4	9,2	9,0	8,6	8,4	8,3	8,2	8,2	8,2	-0,8	**-1,2**
Мурманская область	8,2	7,3	6,4	5,9	5,8	5,5	5,3	5,2	5,2	-1,2	**-3,0**
Республика Карелия	4,4	4,2	4,1	3,8	3,8	3,6	3,5	3,5	3,5	-0,6	**-0,9**
Республика Коми	3,0	2,7	2,5	2,3	2,3	2,2	2,1	2,0	2,0	-0,5	**-1,0**
Архангельская область (вместе с НАО)	2,7	2,5	2,3	2,2	2,1	2,1	2,0	2,0	2,0	-0,4	**-0,7**

существенно ниже среднероссийского уровня – 8,6 чел./кв. км (*табл. 3*). В постсоветский период значения данного показателя имели тенденцию к снижению. Плотность населения в трудоспособном возрасте не превышает 2 чел./кв. км. Эти цифры свидетельствуют о крайне низкой концентрации человеческих и трудовых ресурсов на северных территориях, наличии очагового характера расселения в узлах «первого» и «второго» класса, что ограничивает возможности обеспечения сбалансированного развития пространства.

В то же время, как отмечает В.Н. Лаженцев, на территории ЕСР существуют довольно устойчивые, т.н. историко-культурные, «ядра» расселения: Поморье, Вологодско-Белозёрская земля, город Великий Устюг, Вычегодский, Сысольский, Мезенский и Печорский ареалы [26].

В постсоветский период произошли существенные изменения в территориальном размещении основных источников добавленной стоимости. Так, в 1995–2017 гг. доля регионов в суммарном ВРП России сократилась: на 0,73 п.п. в Вологодской области (с 1,29 до 0,55%); на 0,60 п.п. в Республике Коми (с 1,23 до 0,62%) и на 0,47 п.п. в Мурманской области (с 0,96 до 0,48%). При этом в течение последних лет наблюдается повышение роли в данных процессах Архангельской области и Ненецкого автономного округа (*табл. 4*).

В структуре ВРП субъектов Европейского Севера значительную долю занимают виды экономической деятельности, связанные с добычей полезных ископаемых (в 2017 году в Ненецком автономном округе – 76,2%, Республике Коми – 37,2%, Архангельской области – 30,9%). В то же время обрабатывающие виды деятельности получили большее развитие в Вологодской (38,1%) и Архангельской (26,9%) областях.

Ведущими отраслями специализации регионов ЕСР являются лесопромышленный комплекс, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, топливно-энергетический комплекс, опирающиеся на имеющуюся минерально-сырьевую базу; в Вологодской области довольно высокий уровень развития

Таблица 4. Удельный вес ВРП субъектов Европейского Севера в общем ВРП РФ, %

Территория	Год								2017 к 2016, п.п. (+/-)	2017 к 1995, п.п. (+/-)
	1995	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017		
СЗФО	9,741	7,919	8,329	8,238	8,515	8,671	8,982	8,898	-0,08	-0,84
Архангельская область, вкл. НАО	0,978	0,846	0,770	0,722	0,805	0,755	0,791	0,807	0,02	-0,17
Республика Коми	1,225	0,814	0,793	0,716	0,764	0,636	0,637	0,624	-0,01	**-0,60**
Вологодская область	1,286	0,947	0,898	0,722	0,567	0,576	0,555	0,552	0,00	**-0,73**
Архангельская область, без НАО	н.д.	н.д	н.д	н.д	н.д	0,482	0,495	0,507	0,01	-
Мурманская область	0,956	0,755	0,615	0,523	0,504	0,483	0,503	0,484	-0,02	**-0,47**
Ненецкий авт. округ	н.д.	0,163	0,207	0,222	0,315	0,273	0,296	0,300	0,00	0,30
Республика Карелия	0,560	0,386	0,357	0,284	0,260	0,255	0,269	0,274	0,01	-0,29

характерен для животноводства и смешанного сельского хозяйства. Об этом свидетельствуют рассчитанные нами коэффициенты локализации по основным видам экономической деятельности регионов Европейского Севера России (*табл. 5*).

Таблица 5. Коэффициенты локализации основных видов экономической деятельности в регионах Европейского Севера России (2017 г.)

Субъект РФ	Виды экономической деятельности
1. Республика Карелия	– добыча и обогащение железных руд (32,8) – добыча камня, песка и глины (16,9) – производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона (16,9) – рыболовство и рыбоводство (13,8) – лесозаготовки (12,0)
2. Республика Коми	– производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона (16,9) – деятельность трубопроводного транспорта (8,4) – обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения (5,4) – добыча сырой нефти и нефтяного (попутного) газа (3,2) – добыча угля (2,5) – предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых (2,4)
3. Архангельская область	– производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона (20,8) – распиловка и строгание древесины (9,8) – производство прочих транспортных средств и оборудования (9,5) – лесозаготовки, предоставление услуг в области лесоводства и лесозаготовок (8,9) – охота, отлов и отстрел диких животных, включая предоставление услуг в этих областях (7,5) – добыча сырой нефти и нефтяного (попутного) газа (3,9) – деятельность внутреннего водного пассажирского транспорта (3,4)
4. Ненецкий авт. округ	– добыча сырой нефти и нефтяного (попутного) газа (18,5) – предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа (13,9) – деятельность трубопроводного транспорта (1,9) – деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий и предоставление технических консультаций в этих областях (1,2)
5. Вологодская область	– производство прочих стальных изделий первичной обработкой (15,7) – производство чугуна, стали и ферросплавов (15,5) – распиловка и строгание древесины (8,0) – лесозаготовки (7,6) – лесоводство и прочая лесохозяйственная деятельность (7,3) – производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах (6,8) – производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения (4,9) – производство молочной продукции (2,7) – смешанное сельское хозяйство (1,9) – животноводство (1,5)
6. Мурманская область	– рыболовство и рыбоводство (45,1) – разработка строительных проектов (строительство зданий) (30,9) – добыча и обогащение железных руд (20,1) – деятельность вспомогательная в сфере финансовых услуг и страхования (8,1) – производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов, производство ядерного топлива (5,2) – ремонт и монтаж металлических изделий, машин и оборудования (4,2)

Источник: рассчитано автором на основе данных ЕМИСС по формуле: $K_л = \frac{O_р}{П_р} : \frac{O_с}{П_с}$, где $O_р$ – объем производства товаров (услуг) по виду экономической деятельности на территории субъекта РФ; $O_с$ – объем производства товаров (услуг) по виду экономической деятельности в целом по стране; $П_р$ – общий объем отгрузки товаров и услуг по всем видам экономической деятельности в регионе (вся экономика); $П_с$ – общий объем отгрузки товаров и услуг по всем видам экономической деятельности в целом по стране (вся экономика). Высокие значения коэффициента обусловлены расчетами с учетом детализации ВЭД региона.

Основная тенденция пространственного развития регионов Европейского Севера в постсоветский период – сосредоточение населения и экономической активности в «узловых» точках и нарастание площади периферии. Так, например, в Республике Коми наблюдалась тенденция к концентрации населения вблизи её административного центра – Сыктывкара (доля которого в общей численности населения РК увеличилась с 19,8 до 30,6%; схожие тенденции наблюдаются в Сыктывдинском районе); доля Ухты увеличилась с 11,3 до 14%, Сосногорска – с 5 до 5,2%. При этом наблюдается значительный отток населения с территорий промышленной периферии, муниципалитетов северо-восточного «угла», *табл. 6*).

Основными центрами промышленного производства Республики Коми являются города Усинск, Сыктывкар, Ухта, Печора. Причем роль Усинска в последние двадцать лет существенно возросла (его доля в общем объеме производства промышленной продукции РК увеличилась с 12 до 37 п.п.). В настоящее время на данное муниципальное образование приходится больше трети общего объема производства промышленной продукции. Основной отраслью города являются добыча и транспортировка нефти и газа. В то же время ряд моногородов республики существенно утратили свои позиции в связи с затуханием экономической активности (Воркута, Инта и некоторые другие города промышленной периферии).

Аналогичные процессы концентрации населения и экономической активности характерны и для самого южного субъекта Европейского Севера России – Вологодской области. Её основными опорными центрами, узлами «первого класса», стали два крупных города – административный центр (Вологда) и промышленный центр (Череповец), а также граничащие с ними муниципальные районы. Так, в 2017 г. в данных муниципалитетах прожива-

Таблица 6. Динамика доли муниципальных образований Республики Коми в общей численности населения и объеме производства промышленной продукции, % (п.п.)

Общая численность населения РК				Общий объем производства промышленной продукции РК			
Муниципальное образование (район)	Доля, %		2017 г. к 1990 г.,* п.п.	Муниципальное образование (район)	Доля, %		2017 г. к 1990 г.,*** +/-
	1990 г.	2017 г.			1997 г.**	2017 г.	
Сыктывкар	19,8	30,6	+10,8	Усинск	12,7	37,0	+24,4
Ухта	11,3	14,0	+2,7	Княжпогостский	0,8	2,6	+1,8
Сыктывдинский	2,3	2,8	+0,5	Печора	7,9	9,3	+1,4
Сосногорск	5,0	5,2	+0,2	Вуктыл	1,7	2,8	+1,1
Ижемский	2,0	2,1	+0,1	Усть-Вымский	0,7	1,0	+0,3
Сысольский	1,6	1,5	-0,1	Сыктывдинский	0,6	0,7	+0,1
Усть-Цилемский	1,5	1,4	-0,1	Прилузский	0,5	0,4	-0,1
Корткеросский	2,3	2,2	-0,1	Усть-Цилемский	0,3	0,1	-0,2
Койгородский	1,0	0,9	-0,1	Троицко-Печорский	0,3	0,1	-0,2
Усть-Вымский	3,3	3,1	-0,2	Койгородский	0,3	0,0	-0,2
Прилузский	2,4	2,1	-0,3	Ижемский	0,3	0,0	-0,3
Удорский	2,4	2,1	-0,3	Корткеросский	0,3	0,0	-0,3
Усть-Куломский	3,2	2,9	-0,3	Сысольский	0,3	0,0	-0,3
Усинск	5,6	5,2	-0,4	Сыктывкар	16,7	**16,3**	-0,4
Троицко-Печорский	2,0	1,4	-0,6	Усть-Куломский	0,6	0,0	-0,6
Княжпогостский	3,0	2,3	-0,7	Ухта	17,6	**16,8**	-0,7
Вуктыл	2,1	1,4	-0,7	Удорский	0,8	0,1	-0,8
Печора	7,4	6,1	-1,3	Сосногорск	7,0	3,9	-3,0
Инта	5,4	3,4	-2,0	Инта	7,5	0,8	-6,7
Воркута	6,5	9,4	-7,1	Воркута	23,2	7,5	-15,7

* Сортировка показателей в таблице произведена по темпам изменения показателя в 1990–2017 гг.

** Данные об объеме производства промышленной продукции по муниципалитетам в открытом доступе представлены с 1997 года.

*** Сортировка показателей произведена по темпам их изменения в 1997–2017 гг.

ло 73,1% населения области, производилось 93,3% промышленной и 65,1% сельскохозяйственной продукции; на эти же муниципальные образования приходилось 67,5% объема инвестиций в основной капитал и 79% оборота розничной торговли. Однако многие удаленные от крупных городов периферийные муниципальные районы в настоящее время характеризуются нарастанием социально-экономических проблем [27].

Развитие экономического пространства и обеспечение его связности в значительной мере зависят от уровня развития транспортной инфраструктуры. В настоящее время в рейтинге стран по индексу эффективности грузовой логистики (Logistics Performance Index) Россия занимает только 75 место, уступая как развитым, так и развивающимся странам (Германия, Швеция, Бельгия, Бразилия, Казахстан, Эквадор, Словакия, Сербия и др.).

Ключевой тенденцией функционирования транспортной системы Европейского Севера в постсоветский период является снижение объемов грузооборота основных видов транспорта. Так, в 1990–2017 гг. отправление грузов железнодорожным транспортом в Республике Коми сократилось почти на ¾, в Архангельской области – на 51,7%, Мурманской области – на 38,3% (*табл. 7*). Единственным субъектом, где наблюдается рост (на 8,2%), стала Республика Карелия.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении автомобильного транспорта. Так, в 1990–2017 гг. его грузооборот в Мурманской области сократился почти на 82%, Республике Карелия – на 68% и т.п. Данные процессы, наряду со значительным сокращением грузооборота речного транспорта, фактически свидетельствуют о снижении объемов межрегионального взаимодействия на Европейском Севере России.

Для оценки уровня развития транспортной инфраструктуры (железнодорожных путей, автомобильных дорог, водных путей) регионов ЕСР были рассчитаны коэффициенты Энгеля (1), Гольца (2) и Успенского (3):

$$K_э = \frac{L}{\sqrt{S \times H}}, \quad (1)$$

где $K_э$ – коэффициент Энгеля; L – общая длина транспортных путей; S – площадь территории (страны, региона); H – численность населения территории.

$$K_г = \frac{L}{\sqrt{S \times П}}, \quad (2)$$

где $K_г$ – коэффициент Гольца; L – общая длина транспортных путей; S – площадь территории (страны, региона); $П$ – число населенных пунктов.

$$K_у = \frac{L}{\sqrt[3]{S \times H \times t}}, \quad (3)$$

где $K_у$ – коэффициент Успенского; L – общая длина транспортных путей; S – площадь территории (страны, региона); H – численность населения территории; t – общий вес отправляемых на территории грузов.

Коэффициент Гольца позволяет провести более корректную оценку обеспеченности населения транспортной инфраструктурой по сравнению с коэффициентом Энгеля, поскольку учитывает не просто численность населения, а именно населенные пункты, которые связывает транспортная сеть. Коэффициент Успенского, в свою очередь, дает возможность оценить уровень обеспеченности транспортом производственной сферы территории [28]. Полученные данные представлены в *таблице 8*.

Таблица 7. Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования, млн. тонн

Территория	1990 г.	2000 г.	2017 г.	2017 г. к. 2000 г., %	2017 г. к 1990 г., %
Российская Федерация	2140,1	1046,8	1384,3	132,2	64,7
Европейский Север России	182,1	88,7	101,9	114,9	55,9
Мурманская область	47,2	24,6	29,1	118,3	61,7
Республика Карелия	25,5	14,7	27,6	187,8	108,2
Вологодская область	30,7	15,5	20,4	131,6	66,4
Республика Коми	55,7	24,9	13,7	55,0	24,6
Архангельская область	23,0	9,0	11,1	123,3	48,3

Таблица 8. Оценка уровня обеспеченности регионов Европейского Севера России транспортной инфраструктурой (2018 год)

Субъект РФ	Общая длина транспортных путей (автомобильных, железнодорожных, внутренних водных, *L*), *тыс. км* (РФ – млн. км)	Площадь территории (*S*), *тыс. кв. км (РФ – млн. кв. км)*	Численность населения (*H*), *тыс. чел. (РФ – млн. чел.)*	Число населенных пунктов (с жителями, *П*), *ед.*	Общий вес отправляемых на территории грузов (*t*), *млн. т*	Коэффициент		
						Энгеля (*Кэ*)	Гольца (*Кг*)	Успенского (*Ку*)*
РФ	1,7	17,1	146,8	136094	6788,2	0,034	0,035	0,007
Вологодская область	31,3	144,5	1167	5899	70,8	**0,076**	**1,072**	**0,137**
Республика Карелия	16,9	180,5	618	691	36,3	**0,051**	**1,513**	**0,106**
Архангельская область (включая НАО)	25,9	589,9	1144	3156	37,8	0,032	0,600	0,088
Республика Коми	13,3	416,8	830	723	42,1	0,023	0,766	0,054
Мурманская область	4,4	144,9	748	126	32,6	0,013	**1,030**	0,029

* Сортировка произведена по значениям коэффициента Успенского.

Нормативных и пороговых значений данных коэффициентов в науке и практике пока не сложилось, но следует отметить, что чем больше их значения, тем выше уровень обеспеченности регионов транспортной инфраструктурой. Так, коэффициент Энгеля по автомобильным дорогам в среднем по России составил 0,029 (в Вологодской области – 0,069, Республике Карелия – 0,033, Архангельской области – 0,024, Республике Коми – 0,013, Мурманской области – 0,011). Для сравнения: в Канаде, сопоставимой по площади с Россией и также северной страной, рассматриваемый коэффициент равен 0,056 [29]. Из полученных данных следует, что наибольший уровень развития транспортной инфраструктуры среди регионов ЕСР характерен для Республики Карелия и Вологодской области, и это, несомненно, является фактором более высокой инфраструктурной обеспеченности пространства данных территорий.

В связи с этим важную роль в качества форпоста освоения Севера и Арктики, на наш взгляд, должна сыграть Вологодская область. Одно из приоритетных направлений – превращение города Вологды в развитый транспортно-логистический центр. Этому способствует то, что по территории Вологодской области проходят следующие крупные железнодорожные транспортные коридоры: «Транссиб» (Владивосток–Челябинск–Буй–Вологда–Череповец–Бабаево–Санкт-Петербург); «Север–Юг» (Москва–Данилов–Вологда–Вожега–Архангельск с ответвлением на Воркуту и Мурманск). Кроме того, есть Волго-Балтийский водный путь, два аэропорта (г. Вологда, г. Череповец). Тесное взаимодействие северных и арктических территорий страны с южными регионами может осуществляться через мультимодальный логистический центр. Через него могут идти встречные потоки товаров и услуг для обеспечения северных территорий продовольствием, продукцией первой необходимости, машинами и оборудованием, а южных – сырьем и продукцией его переработки для дальнейшего развития технологических цепочек [30].

Наряду с этим необходимы дальнейшее развитие Мурманского и Архангельского морских портов как баз для Северного морского пути, важнейших железнодорожных путей (Белкомур, Баренцкомур), а также реконструкция и активное использование внутренних водных путей (Печора, Северная Двина, Сухона и др.). Всё это позволит обеспечить внутреннюю транспортную связность территорий Европейского Севера России и его интеграцию с южными регионами страны.

В современных условиях, диктующих необходимость цифровизации экономики и осуществления ее инновационного развития, важной задачей является обеспечение связности экономического пространства на основе развития Интернета и сотовой связи. Следует отметить, что в последние годы наблюдается позитивная тенденция к увеличению числа активных абонентов доступа к сети Интернет (в 2011–2017 гг. этот показатель в регионах ЕСР увеличился на 40–70%; *табл. 9*). При этом зачастую более быстрыми темпами увеличивалось число пользователей мобильного интернета. Вместе с тем в производственной сфере использование цифровых технологий по-прежнему недостаточно: так, персональные компьютеры с доступом к сети Интернет имеют около 25–35 работников из 100.

Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует о том, что пространственная структура хозяйства Европейского Севера России в настоящее время является линейно-узловой с наличием значительной экономически удаленной периферии (или «глубинки»). При этом в хозяйственных узлах ЕСР, по оценкам члена-корреспондента РАН, д.г.н. В.Н. Лаженцева, сконцентрированы 70% промышленного производства, значительная часть имеющихся ресурсов. Такими узлами, как правило, выступают республиканские и областные центры (т.н. «узлы первого класса») [26].

В целом экономическое пространство Европейского Севера России как региона является сложно устроенным. В его составе исследователи выделяют два экономических субрегиона (Карело-Кольский и Двино-Печорский), которые отличаются как по геолого-географическим характеристикам, так и особенностям организации экономической деятельности. При этом Европейский Север, согласно сетке Е.Е. Лейзеровича, состоит из 35 экономических микрорайонов, включающих в себя несколько муниципальных районов, городских поселений, соседские общины [31].

Предложения и заключение. Деструктивные процессы в развитии и сжатие экономического пространства Европейского Севера России в постсоветский период актуализируют такие задачи, как: совершенствование размещения центров экономической активности с учетом сохранения опорного каркаса на основе создания условий для развития как урбанизированных территорий разных иерархических уровней и масштаба (хозяйственных узлов), так и территорий промышленной и сельской периферии; повышение доступности услуг социальной инфраструктуры; улучшение качества среды жизнедеятельности. Иными словами, в субъектах РФ необходимо формирование многочисленного числа центров экономического роста. На территории Европейского Севера России ими,

Таблица 9. Число активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения (на конец года)

Регион	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2016 г., %	2017 г. к 2011 г., %
Фиксированный широкополосный доступ к сети Интернет									
РФ	12,2	14,4	16,5	17,0	18,3	18,6	21,0	112,90	172,13
Республика Карелия	21,6	23,9	25,6	27,5	28,9	29,8	30,9	103,69	143,06
Мурманская область	15,3	17,2	18,4	19,5	23,4	25,9	28,3	109,27	184,97
Республика Коми	14,7	16,5	16,9	17,6	26,7	28,8	25,1	87,15	170,75
Вологодская область	13,8	16,2	17,7	18,9	20,0	20,2	22,5	111,39	163,04
Архангельская область (вкл. НАО)	14,1	15,6	16,2	16,8	17,5	17,3	21,9	126,59	155,32
Мобильный широкополосный доступ к сети Интернет									
РФ	47,8	52,6	59,8	64,5	68,1	71,1	79,9	112,38	167,15
Мурманская область	43,0	47,1	54,1	58,9	61,2	56,0	76,3	136,25	177,44
Республика Коми	38,9	44,7	45,5	47,4	74,5	75,6	75,2	99,47	193,32
Архангельская область (вкл. НАО)	38,5	43,6	47,2	49,7	51,7	57,1	66,9	117,16	173,77
Республика Карелия	38,1	40,8	44,3	48,4	52,0	47,2	63,1	133,69	165,62
Вологодская область	47,7	51,8	56,2	57,0	62,3	56,2	61,2	108,90	128,30

как правило, являются узлы «первого класса» – республиканские и областные центры, в целом по стране – крупнейшие и крупные городские агломерации. Как отмечал академик А.И. Татаркин, «импульс к развитию должны получать малые и средние города через развитие и включение их в агломерации, а также другие глубинные и окраинные территории» [3].

Вместе с тем в России стихийно складывается несколько иной экономический ландшафт, главная черта которого – формирование лишь нескольких десятков сверхкрупных (прежде всего Московская, Санкт-Петербургская агломерации) и крупных компактных ареалов относительного благополучия с признаками постиндустриальной экономики при одновременной стагнации и деградации обширных аграрно-индустриальных территорий за пределами данных агломераций[13]. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р, в качестве перспективных крупных центров экономического роста страны и субъектов РФ выделены 41 крупнейшая (с числом жителей более 1 млн. чел.) и крупная (от 0,5 до 1,0 млн. жителей) агломерации. При этом ни один город на Европейском Севере не обозначен как ядро агломераций, ряд муниципалитетов (города Архангельск, Вологда, Мурманск, Петрозаводск, Сыктывкар, Череповец) отнесены к перспективным центрам экономического роста, которые обеспечат совокупный вклад в экономический рост страны 0,2–1,0% ежегодно.

Следует согласиться с автором [32], что происходящий в России сдвиг в организации производительных сил в пользу крупных и крупнейших городов только по форме отвечает процессу агломерирования, тогда как по своей сути прямо ему противоположен и является анклавизацией[14], т.е. стихийным и фактически не управляемым сжатием хозяйственной «ойкумены» национальной экономики до нескольких десятков очагов хозяйственной активности в основной полосе расселения страны.

В условиях внешнеориентированной и преимущественно экспортно-сырьевой модели функционирования отечественной экономики со слабым развитием внутреннего рынка и межрегиональных экономических и технологических связей такая анклавизация хозяйственной активности позволит обеспечить экономический рост в кратко- и среднесрочной перспективе лишь за счет мобилизации и перераспределения ресурсов периферии. Последствиями данной модели могут стать усиление дезинтеграционных тенденций в развитии, деградация экономической базы и социальной инфраструктуры территорий, находящихся за пределами крупных городов [32].

Вместе с тем, на наш взгляд, число потенциальных агломераций «второго порядка»[15], иных узловых форм организации пространства на Севере больше, и именно они способны выступить т.н. противовесами агломераций «первого порядка» (крупных и крупнейших, согласно терминологии Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года), обеспечить сохранение обжитости огромного пространства страны вне зоны непосредственного влияния городов с населением свыше 500 тыс. чел., остановить процессы его сжатия на основе встраивания в межрегиональные и внутрирегиональные процессы разделения труда.

В частности, в первоначальном проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации было обосновано наличие в стране 124 сформировавшихся и формирующихся агломераций. В свою очередь, известный российский ученый-урбанист А.М. Лола выде-

[13] В отечественной научной литературе гипертрофированное развитие одного города всегда оценивалось как один из существенных недостатков территориальной организации расселения и хозяйства (см., напр.: Лаппо Г.М. Города России: взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.; Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 1999. 232 с.; Смирнягин Л.В. Агломерации: за и против // Городской альманах. 2008. Т. 3. С. 152–168.

[14] Анклав (от фр. enclave и лат. inclavatus) – «закрытый, запертый», означает часть территории страны.

[15] Исследованию роли и места агломераций «второго порядка» в пространственном развитии страны посвящен ряд современных работ, опирающихся на богатый эмпирический материал. См., напр.: Дмитриев М.Э., Чистяков, А.А. Ромашина. Роль пространственной политики в ускорении экономического роста // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 31–47.

ляет 146 крупногородских агломераций, в т.ч. 9 агломераций на территории Европейского Севера России: это Архангельская, Вологодская, Воркутинская, Котласская, Мурманская, Петрозаводская, Сыктывкарская, Ухтинская, Череповецкая [33].

Судя по результатам исследований, проведенных в ФГБУН ВолНЦ РАН, на Европейском Севере России существует ряд узлов первого и второго класса, играющих важную роль в экономике своих субъектов за счет высокой плотности хозяйственной деятельности и имеющих потенциал для дальнейшего развития на основе формирования и эффективного использования агломерационных эффектов. Так, достаточно высокие значения показателей экономической мощности узловых форм с наличием агломерационного эффекта характерны для следующих агломераций: Череповецкой – 8061,6 млн. руб./км, 17 место среди 50 исследуемых агломераций России (41 крупная и крупнейшая агломерации, обозначенные в Стратегии пространственного развития РФ, и 9 агломераций ЕСР); Ухтинской – 5202,6 млн. руб./км, 23 место; Мурманской – 4782,8 млн. руб./км, 24 место; Вологодской – 3713,6 млн. руб./км, 27 место; Архангельской – 2524,7 млн. руб./км, 35 место (*табл. 10*).

Данные территории могут обеспечить сохранение опорного каркаса Европейского Севера России и связность его пространства, остановить действующие здесь негативные тенденции на основе возрождения и развития устойчивых социально-экономических и технологических связей по линии «крупный город–малый город–село».

Важную роль в данных процессах, как нам представляется, должны играть также малые и средние города, число которых в России составляет 942 единицы (84,6% от общего количества городов) с общей численностью населения более 26,5 млн. человек, что составляет 18,1% всей совокупности жителей страны[16]. По большинству выполняемых в расселении функций малые города являются промежуточными звеньями между крупным городом и селом.

Так, производственная сфера большинства малых и средних городов Европейского Севера в настоящее время базируется на использовании природных ресурсов (в городах Республики Карелия, Архангельской и Вологодской областей широко развит лесопромышленный комплекс, в Республике Коми – добыча и переработка углеводородов, в Мурманской области – горнодобывающая промышленность)[17]. Сельское хозяйство и агропромышленный комплекс из-за суровых климатических условий развиты лишь в немногих населенных пунктах, преимущественно в Вологодской области.

Многие из этих муниципалитетов являются моногородами промышленной периферии, находящимися в состоянии затяжной депрессии. Поэтому крайне актуальна задача поиска инструментов их санации. Поскольку хозяйственная деятельность значительной части таких городов исторически базировалась на использовании природных ресурсов, то один из приоритетных путей их дальнейшего развития видится в модернизации и диверсификации действующих производств, обеспечении глубокой переработки сырьевых ресурсов на основе неоиндустриализации и использования достижений НТП в хозяйственной деятельности, что позволит повысить эффективность производства, обеспечить широкую кооперацию с другими звеньями национальной и мировой экономики [24].

По нашему мнению, стратегически модель развития таких городов должна предполагать совместное развитие и интеграцию секторов экономики «традиционной» (индустриальный, массовое производство крупных предприятий, ориентирующееся на классические факторы размещения: сырьевые, трудоресурсные, сбытовые, транспортные, энергетические) и «новой» (постиндустриальное производство, в том числе для нужд Арктики: биотехнологии,

[16] Классификация городов приведена согласно «СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89»: к средним отнесены города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел., к малым – до 50 тыс. чел.

[17] Составлено по материалам муниципальных документов и на основе данных сайта «Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город»». Режим доступа: http://www.mojgorod.ru/cities/index.html (дата обращения 28.06.2019).

Таблица 10. Рейтинг агломераций России по показателю гравитации (экономической мощности)

Место и наименование агломерации	Показатель мощности взаимодействия, млн. руб./км	Место и наименование агломерации	Показатель мощности взаимодействия, млн. руб./км
1. Московская	-*	26. Челябинская	3919,6
2. Санкт-Петербургская	-*	27. Вологодская	3713,6
3. Тюменская	33463,2	28. Ульяновская	3606,2
4. Пермская	28509,0	29. Краснодарская	3388,2
5. Омская	18807,2	30. Красноярская	3341,3
6. Липецкая	16649,1	31 .Воронежская	3137,2
7. Новосибирская	14894,8	32. Ростовская	2943,1
8. Оренбургская	14693,1	33. Казанская	2763,1
9. Уфимская	14251,0	34. Архангельская	2524,7
10. Саратовская	13784,1	35. Апатиты-Кировск-Мончегорск	2210,4
11. Рязанская	12312,0	36. Ижевская (Удмуртия)	2170,9
12. Кемеровская	12172,7	37. Петрозаводская	2052,9
13. Новокузнецкая	11082,6	38. Тульская	2002,2
14. Самарская	9433,3	39. Барнаульская	1776,8
15. Волгоградская	8830,2	40. Сыктывкарская	1687,9
16. Иркутская	8488,8	41. Ставропольская	1582,5
17. Череповецкая	8061,6	42. Астраханская	1258,2
18. Камская	7513,2	43. Владивостокская	1236,6
19. Пензенская	7403,6	44. Кировская	1097,4
20. Ярославская	6277,7	45. Котласская	867,9
21. Екатеринбургская	5922,6	46. Пятигорская	741,5
22. Нижегородская	5708,9	47. Махачкалинская	444,4
23. Ухтинская	5202,6	48. Хабаровская	-**
24. Мурманская	4782,8	49. Томская	-**
25. Чебоксарская (Чувашия)	4081,9	50. Воркутинская	-**

Примечание. Для оценки степени экономического взаимодействия между муниципалитетами, входящими в агломерацию, был использован показатель гравитации (экономической мощности агломерации), учитывающий экономический потенциал (объем отгрузки товаров и услуг) и расстояние между ядром агломерации и центром муниципального образования, входящего в нее:

$$G_A = \frac{\sum_{j=1}^{n}(G_{cj} \cdot f_j)}{\sum_{j=1}^{n} f_j},$$

где GA – коэффициент гравитации (экономической мощности) агломерации А, млн. руб./км; Gcj – показатель взаимодействия между ядром агломерации (i) и муниципальным образованием (j), входящим в данную агломерацию; fj – численность населения муниципального образования (за исключением ядра агломерации), входящего в агломерацию А, тыс. чел.; n – число муниципальных образований (за исключением ядра агломерации), входящих в агломерацию.

* По Московской и Санкт-Петербургской агломерациям данный показатель не рассчитывался в связи «размытостью» границ самих агломераций. Можно предположить, что эти агломерации могут быть лидерами по данному показателю, так как в них сконцентрирован наибольший объем производства и достаточно развита сеть населенных пунктов, расположенных близко друг от друга.

** По Хабаровской и Томской агломерациям показатель не рассчитывался, так как в их состав входит всего по 3 муниципалитета (в состав Томской агломерации также входит ЗАТО «Северск», о котором отсутствует статистическая информация по большинству показателей), что не позволяет достоверно рассчитать коэффициент гравитации в среднем по агломерации. По Воркутинской агломерации расчеты тоже не проводились в связи с тем, что в ее состав входит только городской округ город Воркута.

Источники: Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54; Проблемы пространственной реструктуризации на примере формирования и развития городских агломераций как точек роста территории в контексте решения стратегических проблем развития Европейского Севера и Арктической зоны России: отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 157 с.

электронная промышленность и прочее точное машиностроение и др.)[18]. Поэтому задача заключается в привлечении малых и средних городов (а также иных глубинных территорий) в качестве важнейших участников кластерных проектов, инициированных в крупных региональных и территориальных центрах и агломерациях. Её решение дает возможность превратить данные территории в центры экономического развития регионального масштаба на основе максимально эффективного использованиях их конкурентных позиций, в том числе для выполнения стратегических задач развития Арктической зоны РФ [1].

Это позволит создать новый импульс к развитию малых и средних городов, неурбанизированных территорий и одновременно потребует качественно нового уровня развития инфраструктуры, а также радикальных инвестиционных решений со стороны государства. При этом формирующиеся в рамках этой модели технологические цепочки, выходящие за пределы Европейского Севера и его арктической зоны, на наш взгляд, должны быть ориентированы не на встраивание в международные цепочки в качестве продукции первых переделов, а на усиление экономической интеграции с другими регионами России по линии «Север–Юг». Это предполагает необходимость использования новых форм территориальной организации хозяйства в условиях Севера, научного обоснования рекомендаций по снижению территориальных диспропорций между размещением «арктических» и «северных» ресурсов и центрами их переработки и потребления.

Стратегически важной задачей развития малых и средних городов является, с одной стороны, налаживание тесной кооперации с крупными городами – региональными центрами (которые выполняют функции научно-производственного, социально-культурного и обслуживающего центра высшего порядка), а с другой стороны, обеспечение максимального развития в них функций организационно-хозяйственных, производственных и культурно-просветительных центров сельской местности.

Включение малого и среднего города в хозяйственный комплекс региона может быть обеспечено, в том числе, путем размещения здесь специализированных промышленных предприятий (филиалов и подразделений предприятий, расположенных в региональном центре и других больших городах системы расселения: например, предприятий машиностроительной, радио- и электротехнической промышленности), научных и научно-производственных объектов (научная и научно-производственная деятельность может быть организована как дополнение к научно-производственному комплексу крупного города-центра); путем кооперирования местных предприятий с объектами регионального хозяйственного комплекса.

Учитывая особенности функционирования малых и средних городов в системах расселения, местные условия и ресурсы, в них целесообразно размещать предприятия и организации традиционных отраслей экономики:

– выпускающие однородную промышленную продукцию в видах экономической деятельности, не подверженных эффекту масштаба (текстильная промышленность, механическая обработка металла, дерева, пластмасс, некоторые химические производства);

– использующие для своих производственных нужд небольшие запасы местных сырьевых ресурсов (например, предприятия по производству строительных материалов, мебели, торфопредприятия и др.);

– перерабатывающие малотранспортабельную или скоропортящуюся сельскохозяйственную продукцию, производимую в сельской местности;

– выполняющие функции организующих, производственно-хозяйственных и обслуживающих центров сельской местности, тяготеющей к малому городу (ремонт сельхозтехники, дорог и транспортных средств, швейные ателье и мастерские и др.);

– обеспечивающие транзитные транспортные связи между крупными территориально-хозяйственными комплексами или элементами одного комплекса;

[18] См.: Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития РФ. М., 2016. 111 с. URL: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf

– предприятия народных промыслов, складывающиеся преимущественно на основе использования навыков местного населения [34].

В таких условиях новый импульс для развития получат сельские территории и экономика села, при этом предполагается появление новых возможностей по повышению эффективности и коренному изменению технологий сельхозпроизводства, приближению переработки сельхозпродуктов к производству и т.п. [3]. Вместе с тем трансформация сложившейся пространственной структуры хозяйства и расселения Европейского Севера требует качественного пересмотра принципов федеральной и региональной политики [35, 36].

Полученные в работе результаты могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития Европейского Севера России и входящих в его состав субъектов РФ; обоснованные нами формы, методы и инструменты управления ориентированы на формирование единого социально-экономического пространства Европейского Севера России и развитие интеграции регионов России по линии «Север–Юг».

Дальнейшими перспективами исследования будут разработка и апробация методики определения размещения «центров расселения» (точек роста межпоселенческого, межрайонного значения, обеспеченных инфраструктурой и имеющих потенциал для дальнейшего экономического развития), механизмов повышения эффективности межрегионального сотрудничества на основе развития длинных цепочек добавленной стоимости; внедрения новых форм территориальной организации хозяйства Арктики и Севера.

Литература

1. Боков А.В. О стратегии пространственного развития // Строительный эксперт. URL: https://ardexpert.ru/article/13907
2. Гонтарь Н.В. Территориальная политика: структура и ее влияние на пространственную организацию общества и экономики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 18–26.
3. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.
4. Минакир П.А. Пространственный анализ в экономике // Журнал НЭА. 2013. № 1 (17). С. 176–180.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 2003, 495 с.
6. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под. ред. академика А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. 720 с. (Сер.; Экономическая наука современной России).
7. Krugman P. Complex landscapes in economic geography. *American Economic Association. Papers and Proceeding*, 1994, no. 84, 413 p.
8. Очерки по пространственной экономике / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
9. Круковский Я.В. Фрактальный анализ временных рядов в прогнозировании тенденций развития социо-экономических систем // Фракталы и циклы развития систем. Томск: ИОМ СО РАН, 2001. С. 38–41.
10. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Комаров А.Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5194 (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус.
11. Perru F. *Les techniques quantitatives de la piar Economic et societe*. Paris: Economic, 1969. 25 p.
12. Isard I. Interregional and regional input-output analysis: a model of a space economy. *The Review of Economics and Statistics*, 1951, vol. 33, no. 4, pp. 318–328.
13. *OECD Territorial Reviews: Competitive Cities in the Global Economy*. OECD Publishing, 2016. 449 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46059498_OECD_Territorial_Reviews-Com-petitive_Cities_in_the_Global_Economy

14. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов. Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.citytrategy.ru%2FUserFiles%2FFile%2FmonografGrinch.pdf&name=monografGrinch.pdf.
15. Яковлева С.И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 3–16.
16. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 95. С. 11–30.
17. Основные проблемы экономической и социальной географии / Ин-т географии АН СССР ; отв. ред. Горнунг М.Б. и др. М: Мысль, 1983. 292 с.
18. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов. // Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1956. С. 168.
19. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 147 с.
20. Uchida H., Nelson A. *Agglomeration index: towards a new measure of urban concentration. Working paper.* 2010. No. 29. 18 p. Available at: https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf
21. Prakash M., Teksoz K., Espey J., Sachs J., Shank M., Schmidt-Traub G. *Achieving A Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017.* Available at: http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf
22. Shibusawa H. Agglomeration diseconomies of traffic congestion and agglomeration economies of interaction in the information-oriented city economy. *Journal of Regional Science,* 1999, vol. 39, no. 1, pp. 21–49.
23. *OECD Territorial Reviews: Competitive Cities in the Global Economy*. OECD Publishing, 2016. 449 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46059498_OECD_Territorial_Reviews-Com-petitive_Cities_in_the_Global_Economy
24. Лаженцев В.Н. Территориальная организация населения и хозяйства Европейского Севера России // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 3–28.
25. Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар, 2015. 176 с. (ИСЭиЭПС Коми научный центр УрО РАН). 2015.
26. Лаженцев В.Н. Некоторые итоги изучения пространственных аспектов развития Европейского Севера России // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 1. С. 42–48.
27. Социально-экономическое развитие муниципальных районов (2000–2017 гг.). Выпуск 6. ологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
28. Волкова Н.В., Свистельник Н.В. Дорожная сеть Алтайского края: оценка состояния, влияние на социально-экономическое развитие // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 2. URL: https://nsu.ru/rs/mw/link/Media:/74566/07.pdf
29. Швалов П.Г. Проблемные факторы развития логистики скоростных перевозок в макро- и мезологистических системах // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 133–142.
30. Кожевников С.А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 87–107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5
31. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 14–28.
32. Дегтярев П.Я. Анклавный вектор пространственного развития России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 67-73..
33. Лола А.М. Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 292 с.
34. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ЦНИИП градостроительства. М,: Стройиздат, 1979. 129 с.
35. Социально-экономические проблемы локальных территорий:монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
36. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4 (34). С. 63–67. DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.6

Сведения об авторе

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

Spatial and Territorial Development of the European North: Trends and Priorities of Transformation

Abstract. One of the key goals in the development of Russia, the largest country in the world, is the necessity to provide optimal and efficient usage of its huge territories. However, transformational market changes, which happened after the collapse of the USSR in the 1990s, led to a sharp decrease in the state's role in the governance of spatial development. This policy had extremely negative economic and social implications: settlement contrast increased due to the production and population's retraction into areas of concentration. Simultaneous "washing" of population out from deep regions also took place. At the same time, these problems are especially relevant for Russia's northern territories, which are characterized by focal settlement, production's placement, and for other territories, which experienced negative consequences of market transition. These factors justify the relevance of this research. The goal of the paper is to study the features and substantiate priority areas of perfecting governance of Russian European North (REN) regions' spatial territorial development. Theoretical and methodological approaches toward understanding the essence of economic space and its development, the analysis of key trends and specifics of Russian European North's spatial development in the post-soviet period were studied. Also, we prove that economic space of REN is currently linear-nodular with significant areas of economic periphery. The article shows the role of first- and second-class nods in preserving supporting carcass of territories of Russian European North. Also, it is shown that such settlement systems might be a basis for formation and development of polycentric model of region's space organization. This model is aimed at the revival and development of sustainable socio-economic and technological connections through the system "large city–small town–village".

Key words: spatial development, economic space, Russian European North, agglomeration, small- and medium-sized towns, Arctic Zone of the RF.

Information about the Author

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 04.09.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.6
УДК 332.13, ББК 65.049(2)
© Суворова А.В.

Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты*

Арина Валерьевна
СУВОРОВА
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: Av_suvorova_av@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4050-2083; ResearcherID: U-7007-2018

Аннотация. Понимание процесса поляризации экономики в качестве одного из возможных источников ее развития, укоренившееся не только в ряде научных трудов, но и в документах стратегического планирования, требует осмысления тех последствий, которые влечет за собой формирование и развитие полюсов роста. Целью проведенного исследования является разработка подхода, позволяющего оценить влияние полюсов роста на окружающее их пространство. Научная новизна выполненной работы заключается в обосновании подхода к идентификации прямых и обратных эффектов развития полюсов роста, позволяющего измерить масштаб того влияния, которое они оказывают на территории, сосредоточенные вокруг. Теоретическую и методологическую основу исследования составляет совокупность научных представлений в области региональной экономики, пространственного анализа и моделирования. На основе оценки пространственной автокорреляции (с помощью определения величин как глобального, так и локального индекса Морана) и осуществления картографического анализа была проведена оценка взаимосвязей между отдельными субъектами Российской Федерации по таким результирующим параметрам развития территории, как «численность постоянного населения» и «валовой региональный продукт». С помощью проведенных расчетов удалось доказать, что влияние полюсов роста на окружающее пространство неоднозначно: территории, расположенные вблизи масштабных социально-экономических систем, не только не получают от них значительного им-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-3442.2019.6).

Для цитирования: Суворова А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 110–128. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.6

For citation: Suvorova A.V. Development of growth poles in the Russian Federation: direct and reverse effects. *Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 110–128. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.6

пульса собственному развитию, но и утрачивают имеющиеся ресурсы. Идентификация ярко выраженного обратного эффекта поляризации экономики обусловливает значимость применения взвешенного подхода к использованию полюсов роста в качестве инструмента экономического развития. Результаты проведённого исследования могут быть использованы в деятельности органов государственной власти разного уровня, а также могут лечь в основу дальнейших исследований, связанных с измерением эффектов развития полюсов роста и разработкой приоритетов и механизмов региональной политики, позволяющей учитывать интересы территорий, которые их окружают.

Ключевые слова: полюс роста, оценка эффекта, прямой эффект, обратный эффект, пространственная автокорреляция, индекс Морана.

Введение

Вопросы управления пространственным развитием представляют особый интерес для Российской Федерации, площадь которой отличается значительными масштабами, а характеристики отдельных территориальных единиц – многообразием. Важность преобразования социально-экономического пространства усиливается в условиях наращивания межтерриториальной дифференциации по целому ряду важнейших показателей (например, разница между максимальным и минимальным значениями среднедушевого объема ВРП в период с1998 по 2017 г. увеличилась с 20 до 54,8 раза[1]): существенные региональные диспропорции искажают пространство, являются свидетельством его недостаточной целостности.

Между тем единое, целостное пространство, значимость формирования которого в своих исследованиях подчеркивали Е.Г. Анимица, Н.М. Сурнина [1], Е.М. Бухвальд [2], А.И. Татаркин [3] и другие авторы, не может быть гомогенным: каждая территория обладает собственным набором преимуществ и слабостей, определяющим специфику и успешность социально-экономических процессов, осуществляемых в ее границах, что делает попытки воздействия на отдельные регионы и муниципальные образования в целях выравнивая параметров их развития высокозатратными и малоэффективными. Так, Н.В. Зубаревич [4] видит необходимость устранения существенных противоречий только между социальными характеристиками развития территорий (тогда как сглаживание пространственного экономического неравенства из-за его обусловленности объективными факторами не представляется возможным).

Более того, в рамках концепции поляризованного развития, которая доминирует в региональной политике, осуществляемой в России в настоящее время[2], опережающее развитие отдельных территориальных элементов воспринимается как источник позитивных преобразований масштабных территориальных систем.

Основой данной концепции считается теория кумулятивной причинности Г. Мюрдаля [5], который отмечал наличие тесной зависимости между всеми параметрами развития системы, вследствие чего ее изменения обусловливают импульсы, передаваемые отдельными системными элементами. Очевидно, что в таком случае национальное и региональное развитие носят скорее дивергентный, чем конвергентный, характер, а их ключевым фактором выступает формирование экономических лидеров, выступающих инициаторами положительных трансформаций. Термин «полюса роста» был предложен французским ученым Ф. Перру [6], который определял их как компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли или отдельные предприятия, сосредоточивающие в себе «импульс развития», воздействующий на территориальную структуру хозяйства и ее динамику. Он также подчеркивал объективный характер их формирования: все экономические субъекты изначально

[1] Валовой региональный продукт // Национальные счета / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/accounts. (дата обращения: 08.10.2019).

[2] Основные приоритеты пространственного развития России обозначены в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 №207-р).

отличаются друг от друга, причем масштабы этих отличий со временем лишь увеличиваются. Идеи Ф. Перру нашли продолжение в исследованиях еще одного французского экономиста – Ж.-Р. Будвиля [7]: он не только обозначил условия появления точек роста, но и предложил понимать под ними наряду с предприятиями и отраслями разномасштабные территории, являющиеся источниками инновационного и экономического развития всей страны. Качественное развитие подход Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля получил в работах П. Потье [8], предположившего, что пространства, соединяющие отдельные полюса роста и служащие площадками для инфраструктурных сетей, развиваются более интенсивно, чем прочие территории, становясь со временем коридорами (или осями) развития и превращаясь в элементы пространственного каркаса экономического роста страны.

В свою очередь, трансформация территорий, не попадающих в число полюсов или осей роста, определяется их взаимодействием с лидерами. Так, Т. Хагерстранд [9] видел в качестве основы синхронизации темпов развития отличающихся друг от друга регионов диффузию инноваций: капитал стремится из центров развития в периферийные районы, где ресурсы более доступны, обусловливая тем самым рост их экономики. Этот подход нашел отражение в модели «вулкана» Х. Гирша [10], в соответствии с которой полюс роста периодически обеспечивает импульсами нововведений окружающие территории, вследствие чего периферия получает доступ к инновациям, постепенно повышая уровень своего благосостояния и получая возможность превращения в центр развития.

Со временем интерес исследователей, рассматривающих факторы трансформации территорий в полюса роста, сместился в сторону изучения возможностей агломерационного развития и оценки той роли, которую играют агломерации в преобразовании (в первую очередь экономическом) страны: особого внимания заслуживают теория «центр-периферия» Дж. Фридмана [11], работы Х. Ричардсона [12] и П. Ромера [13], посвященные агломерационным эффектам, концепция новой экономической географии М. Фуджиты, П. Кругмана и Э. Венейблса [14], теория кластеров М. Портера [15].

В современных зарубежных исследованиях вопросам неоднородности развития различных территорий также уделяется много внимания, причем акцент делается как на сложности преодоления отставания экономически слабых регионов и городов от лидеров [16; 17; 18; 19], так и на тех перспективах, которые открывает перед пространственными системами формирование и развитие полюсов роста – агломераций, кластеров [20; 21; 22]. Эти темы достаточно востребованы и среди российских авторов [23; 24; 25; 26], тем более, что процесс изучения вопросов трансформации пространственной организации хозяйства имеет длительную историю в отечественной науке (так, в основе советской модели размещения производительных сил лежали территориально-производственные комплексы [27], по целому ряду своих характеристик соответствующие модели полюса роста).

Подобный «двусторонний» подход к определению приоритетов пространственных преобразований (с одной стороны, стремление к устранению существенных межтерриториальных диспропорций, с другой стороны, формирование и поддержка полюсов роста) кажется противоречивым, однако в рамках концепции поляризованного развития эти приоритеты могут сочетаться друг с другом (но только в том случае, если под устранением диспропорций не подразумевается полная ликвидация различий между территориями). Более того, в теории полюса роста способны выступать в качестве эффективного инструмента сокращения уровня межтерриториальной дифференциации (достаточно вспомнить модели Т. Хагерстранда, Х. Гирша), что и предопределяет появление в научной литературе значительного количества работ, основанных на поиске возможностей применения концепции поляризованного развития в сегодняшних условиях [28; 29]. Несмотря на то что теория полюсов роста не теряет своей популярности в наши дни, оценка некоторыми исследователями возможностей и эффективности реализации на практике концепции поляризованного развития носит несколько противоречивый характер. Например, С.Е. Дронов отмечает, что ускоренное развитие двух столиц (Москва и Санкт-Петербург) не обеспечило их превращение в точки роста, способствующие развитию экономики прилегающих территорий, более того, привело к

усилению неравенства между ними [30], Г.Ф. Шайхутдинова называет в качестве главного недостатка концепции полюсов роста ориентацию на развитие отдельных элементов пространства, которая приводит к наращиванию неравномерности социально-экономического развития территорий [31, с. 40]. И действительно, опережающее развитие территорий, которые могли бы стать точками роста экономики как всей страны в целом, так и отдельных (в первую очередь близко расположенных к ним) регионов и муниципалитетов, зачастую приводит к обратному эффекту: межтерриториальные контрасты лишь усиливаются.

В то же самое время в работах, отмечающих наличие подобных (как прямых, так и обратных) эффектов поляризованного развития, акцент в большинстве случаев делается лишь на самом факте их проявления, а авторы концентрируются либо на возможностях использования преимуществ, возникающих в процессе выделения полюсов роста, либо на обозначении причин и последствий дисбалансов, вызванных ускоренным развитием экономических лидеров. При этом без должного внимания остается масштаб того воздействия (позитивного или негативного), которое они оказывают на территории, сосредоточенные вокруг. Все вышеизложенное определило выбор цели исследования – разработка подхода к оценке влияния полюсов роста на окружающее их пространство.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Анализ пространственных характеристик социально-экономических комплексов, хотя и не исключает оценку масштабов и динамики отдельных показателей их развития, не может основываться лишь на ней: приоритетным является рассмотрение особенностей расположения объектов (и их совокупностей) в пространстве, а важными для исследования аспектами становятся параметры близости объектов друг к другу, их концентрации в границах территории, масштабности формируемых ими систем.

Очевидно, что самым простым способом анализа особенностей пространственного развития является межтерриториальное сопоставление значений рассматриваемых показателей (например, выявление соотношения максимальной и минимальной величин исследуемого параметра, определение коэффициента Джини, который дает возможность охарактеризовать степень дифференциации развития отдельных элементов пространства, и т.д.). Итогом проведения подобных сопоставлений является определение параметров неоднородности пространственного развития, оценка которых позволяет сделать обобщенные выводы о масштабах поляризации экономики (или социальной сферы), однако не дает полного представления о степени зависимости между параметрами развития более успешных территорий и их соседей (межтерриториальное сопоставление позволяет лишь констатировать наличие или отсутствие диспропорций).

Рассмотрение в качестве потенциальных точек роста агломераций (компактных скоплений населенных пунктов, тесно связанных экономическими и социальными потоками, а также реализующих благодаря взаимодействию друг с другом эффекты локализации и концентрации, эффекты масштаба производства [32]) дает исследователям возможность использовать для оценки масштабов их развития целый комплекс специальных параметров: коэффициента агломеративности, индекса агломеративности, коэффициента развитости населения агломерации [33] и т.д. Однако такой подход позволяет сосредоточиться на самих точках роста (и том месте, которое они занимают в социально-экономической системе региона или страны), упуская при этом из внимания особенности преобразования окружающих их территорий.

В свою очередь для выявления степени связанности отдельных составляющих пространства друг с другом может быть использована оценка пространственной автокорреляции, которую можно определить следующим образом: для множества S, состоящего из n географических единиц, пространственная автокорреляция представляет собой соотношение между переменной, наблюдаемой в каждой из n единиц, и мерой географической близости, определенной для всех n(n–1) пар единиц из S [34]. Таким образом, анализ пространственной автокорреляции позволяет установить тесноту взаимосвязи между параметрами, характеризующими развитие расположенных поблизости друг от друга территорий.

Одним из наиболее распространенных (и при этом простых в применении) параметров оценки пространственной автокорреляции является индекс Морана, который представлен в качестве методической основы целого ряда зарубежных исследований [35; 36; 37]. Оценка индекса Морана предполагает осуществление следующих шагов.

На первом этапе необходимо построить матрицу расстояний, содержащую сведения о расстояниях между всеми исследуемыми территориальными единицами (в нашем исследовании – российские регионы). Существуют различные подходы к определению значений для матрицы: например, они могут приниматься равными нулю (если территории не имеют общей границы) или единице (если такая граница существует), могут определяться на основании данных о расстоянии «по воздуху», о протяженности автомобильных дорог или железнодорожных путей между рассматриваемыми территориями.

В рамках проведенного исследования матрица расстояний была построена с учетом информации о протяженности автомобильных дорог между административными центрами субъектов Российской Федерации.

Второй шаг заключается в расчете значения глобального индекса Морана и определении наличия (или отсутствия) пространственной автокорреляции.

Формула для расчета глобального индекса Морана (1) выглядит следующим образом:

$$I = \frac{n\sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{n} w_{ij}(x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{S_0 \sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2}, \qquad (1)$$

где I – глобальный индекс Морана, x – рассматриваемый показатель, S_0 – совокупность всех пространственных весов ($S_0 = \sum_{i=1}\sum_{j=1} w_{ij}$), n – число анализируемых территорий.

Значения индекса могут лежать в интервале от -1 до 1, а его сопоставление с математическим ожиданием (2) позволяет сделать вывод о наличии и характере пространственной автокорреляции.

$$E(I) = \frac{-1}{n-1}, \qquad (2)$$

где $E(I)$ – математическое ожидание индекса, n – число анализируемых территорий.

Интерпретировать полученные значения можно следующим образом. Если величина индекса Морана превышает математическое ожидание, наблюдается положительная пространственная автокорреляция (значения наблюдений для соседних территорий близки друг к другу); если математическое ожидание превышает величину индекса Морана, можно сделать вывод о наличии отрицательной пространственной автокорреляции (значения рассматриваемого показателя расположенных вблизи друг от друга территорий отличаются). Если же индекс Морана совпадает по своему значению с математическим ожиданием, это свидетельствует об отсутствии пространственной автокорреляции [38].

Проверка значимости полученных результатов может быть осуществлена с помощью традиционного для эконометрических исследований метода статистической проверки гипотез (z-теста), который проводится с помощью определения величины Z-статистики (3).

$$z - статистика = \frac{I - E(I)}{\sqrt{E(I^2) - E(I)^2}}, \qquad (3)$$

где I – глобальный индекс Морана, E(I) – математическое ожидание индекса.

Найденное значение говорит о том, на какое количество стандартных отклонений фактическое значение индекса Морана удалено от ожидаемого значения. Чем больше значение – тем менее вероятно, что фактическое распределение случайно.

Третий шаг – расчет значений локального индекса Морана и определение тесноты взаимосвязей между отдельными территориями.

Локальный индекс Морана позволяет идентифицировать наличие и характер связи конкретной территории со всеми остальными [39]. Расчет его значения может быть осуществлен с помощью формулы (4):

$$I_{L_i} = z_i \sum w_{ij} z_j, \qquad (4)$$

где I_{L_i} – локальный индекс Морана для i-той территории, w_{ij} – стандартизированная дистанция между i-той и j-той территориями, z_i и z_j – стандартизированные значения изучаемого показателя для i-той и j-той территорий.

Полученные величины могут принимать значения от -1 до 1, а логика их интерпретации совпадает с логикой оценки значений глобального индекса Морана.

Интерес могут представлять и отдельные составляющие локального индекса (5), значения которых характеризуют силу взаимовлияния между двумя конкретными территориями:

$$LISA_{ij} = z_i z_j w_{ij} \ , \qquad (5)$$

где $LISA_{ij}$ – сила взаимовлияния между *i*-той и *j*-той территориями, w_{ij} – стандартизированная дистанция между *i*-той и *j*-той территориями, z_i и z_j – стандартизированные значения изучаемого показателя для *i*-той и *j*-той территорий.

Четвертый шаг предполагает группировку территорий в соответствии с соотношением характерных для них стандартизированных значений рассматриваемого показателя и значений пространственного фактора (что позволяет определить место каждой территориальной единицы в анализируемой пространственной системе, выявить ее лидеров – точки экстремума и периферийную зону, осуществить пространственную кластеризацию).

Если объединить стандартизированные значения оцениваемого показателя (z) с его пространственно взвешенными центрированными значениями (w_z) для каждой анализируемой территории в одной системе координат, то можно заметить, что точки (характеризующие территориальные единицы) локализуются в одном из четырех квадрантов [40].

Для территорий, отличающихся достаточно высокими значениями рассматриваемого показателя и при этом соседствующих с территориями, обладающими похожими величинами рассматриваемого параметра, значения z и w_z будут положительны (квадрант HH – экстремумы). Отрицательные значения z и w_z (квадрант LL) свидетельствуют о том, что территории расположены поблизости от схожих по масштабам анализируемой сферы субъектов, а величина рассматриваемого параметра – относительно невысока. Если значение z положительно, а w_z – отрицательно (квадрант HL), территория отличается от своих соседей, опережая их по оцениваемому показателю. Если, напротив, при отрицательном z величина w_z больше ноля (квадрант LH), территория отстает от соседей. Таким образом, территории с положительной автокорреляцией попадают в квадранты HH и LL, с отрицательной – в квадранты HL и LH. Для наилучшей визуализации итогов проведенных расчетов возможно использование картографических способов изображения, которые позволяют наглядно представить скопления субъектов РФ, попавших в разные группы (квадранты), а также выделить регионы, наиболее сильно влияющие друг на друга.

Таким образом, оценка пространственной автокорреляции позволяет не просто идентифицировать наличие взаимосвязи между отдельными территориями, но и измерить ее, обозначить лидеров (не только по масштабам развития, но и с точки зрения силы их влияния на соседей) и аутсайдеров. Основываясь на «классическом» (предложенном в трактовках Ф. Перру и Ж.-Р. Будвиля) понимании сущности полюсов роста, можно предположить, что их ключевыми характеристиками можно считать, с одной стороны, высокий уровень развития, позволяющий им выделяться среди прочих субъектов, с другой стороны, существенность их влияния на развитие иных социально-экономических систем (всей социально-экономической системы в целом). В контексте приведенного выше подхода к группировке территорий (на основании расчетов значения индекса Морана) потенциальными полюсами роста могут считаться субъекты, попадающие в группы HH и HL (для них характерны достаточно высокие значения рассматриваемых показателей) и имеющие при этом существенные величины локального индекса Морана (I_{L_i}), что свидетельствует о тесной взаимосвязи между их развитием и развитием прочих территорий. В связи с этим каждую выделяемую в рамках дальнейшего анализа группу регионов имеет смысл делить на две части (в соответствии с параметрами локального индекса Морана тех территорий, которые в нее попадают – особый интерес представляют регионы, имеющие наиболее тесные взаимосвязи с иными субъектами), хотя на практике такое деление далеко не всегда возможно (может сложиться ситуация, при которой регионов, развитие которых существенно коррелирует с развитием других участников хозяйственной системы, внутри группы не будет).

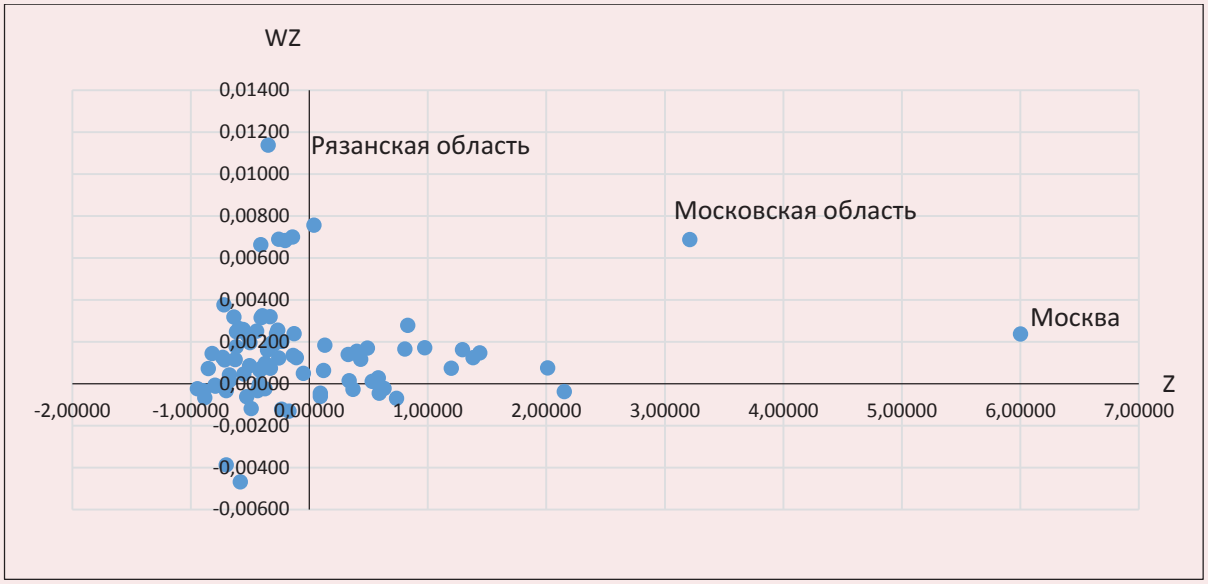
Результаты исследования, их анализ и пояснение

Для того чтобы определить, как полюса роста влияют на окружающее их пространство, был проведен анализ значений таких показателей, как «численность постоянного населения» и «валовой региональный продукт»[3]. Их выбор продиктован тем фактом, что оба этих показателя могут рассматриваться в качестве результирующих параметров развития территории. Так, величина валового регионального продукта характеризует масштабы хозяйственной деятельности, осуществляемой в регионе, и зависит от успешности ее осуществления. В свою очередь, распределение жителей страны в ее пространстве является следствием совокупности сложных демографических и социально-экономических процессов и закономерностей, во многом определяемых успешностью развития отдельных территориальных систем.

Оценка пространственной автокорреляции, проведенная на основе анализа данных о численности населения в российских регионах, свидетельствует о наличии прямой связи между значениями данного показателя в расположенных вблизи друг от друга территориях. Такие выводы позволяет сделать сопоставление величины глобального индекса Морана (0,020), рассчитанного с помощью формулы (1), с его математическим ожиданием (-0,012), для определения которого используется формула (2). Это означает, что изменение значения рассмотренного показателя (численность населения) при переходе от региона к региону происходит постепенно. При этом четко прослеживается наличие двух «лидеров» – полюсов роста (Москва и Московская область), которые не только характеризуются высокой численностью населения, но и оказывают существенное воздействие на окружающие их регионы: точки, которые их отображают, находятся гораздо правее основного массива (*рис. 1*).

Наибольшую долю в общем количестве регионов занимают территории с отрицательной автокорреляцией (группа LH) – с низкими значениями рассматриваемого показателя, окруженные территориями, численность населения в которых относительно высока (*табл. 1*).

Рис. 1. Пространственная диаграмма рассеяния индекса Морана для субъектов РФ (численность постоянного населения)

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 39-42.

[3] Анализу подверглись данные 2017–2018 годов.

Таблица 1. Группы субъектов РФ, имеющих разные позиции в национальной системе расселения*

Субъект РФ	I_{L_i}	Субъект РФ	I_{L_i}
LH		**HH**	
Рязанская область	***-0,0040***	***Московская область***	***0,0221***
Калужская область	***-0,0027***	***г. Москва***	***0,0143***
Республика Адыгея	***-0,0027***	Нижегородская область	0,0023
Новгородская область	***-0,0020***	Свердловская область	0,0021
Тверская область	***-0,0018***	Республика Башкортостан	0,0021
Республика Марий Эл	***-0,0016***	Ростовская область	0,0017
Костромская область	***-0,0015***	Челябинская область	0,0017
Орловская область	***-0,0014***	г. Санкт-Петербург	0,0015
Владимирская область	***-0,0014***	Самарская область	0,0013
Тамбовская область	***-0,0013***	Республика Татарстан	0,0009
Ивановская область	***-0,0013***	Пермский край	0,0008
Республика Мордовия	***-0,0012***	Саратовская область	0,0006
Республика Калмыкия	-0,0012	Волгоградская область	0,0005
Смоленская область	-0,0011	Воронежская область	0,0005
Псковская область	-0,0011	Ленинградская область	0,0003
Липецкая область	-0,0011	Оренбургская область	0,0002
Тульская область	-0,0010	Новосибирская область	0,0002
Курганская область	-0,0010	Омская область	0,0001
г. Севастополь	-0,0009	Кемеровская область	0,0001
Карачаево-Черкесская Республика	-0,0008	Алтайский край	0,0000
Прочие субъекты РФ			
LL		**HL**	
Республика Северная Осетия-Алания	***0,0027***	Краснодарский край	-0,0008
Республика Ингушетия	***0,0027***	Республика Дагестан	-0,0005
Кабардино-Балкарская Республика	0,0006	Ставропольский край	-0,0003
Еврейская автономная область	0,0006	Красноярский край	-0,0001
Амурская область	0,0003	Иркутская область	-0,0001
Магаданская область	0,0003	Республика Крым	-0,0001
Хабаровский край	0,0003	Приморский край	0,0000
Сахалинская область	0,0002		
Чеченская Республика	0,0002		
Чукотский автономный округ	0,0002		
Республика Саха (Якутия)	0,0001		
Забайкальский край	0,0001		
Камчатский край	0,0001		
Республика Бурятия	0,0000		

* Полужирным курсивом выделены субъекты РФ, имеющие наиболее сильные межтерриториальные связи с окружающими территориями (их значение локального индекса Морана, взятое по модулю, превышает модуль среднего значения рассчитанных локальных индексов Морана).

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 39-42.

Практически все регионы, входящие в данную группу и характеризующиеся тесными межрегиональными связями, расположены рядом с Москвой (и Московской областью).

Экстремумы – регионы, попавшие в группу HL и обладающие существенными (по сравнению с соседними субъектами) значениями рассматриваемого показателя, характеризуются слишком низкими значениями локального индекса Морана, чтобы можно было говорить о наличии существенного влияния с их стороны на окружающие территории.

Еще одна группа регионов с относительно высокими значениями численности населения (но при этом отличающаяся положительной автокорреляцией) – группа HH. Это территории, которые по значениям рассматриваемого показателя сопоставимы с окружающими их регионами. Они представляют собой элементы ареала концентрации жителей страны. Максимальные значения локального индекса Морана характерны для представителей именно этой группы – Москвы и Московской области (что уже было отмечено ранее). Следует, однако, отметить, что положительные значения индекса этих территорий связаны с их близостью друг к другу (при существенной численности населения в каждом из регионов), тогда как связь с окружающими их территориями носит обратный характер.

Группа LL (регионы, которые не испытывают влияния со стороны окружающих их субъектов, попавших в поле проведенного исследования, и сами не являются лидерами) включает в себя преимущественно территории Дальнего Востока и южной части страны.

Проведенные расчеты (а также графическое отображение группировки регионов в соответствии с их ролью в национальной системе расселения, представленное на *рис. 2*) свидетельствует о наличии корреляции между показателями численности населения, проживающего на соседних территориях. В то же самое время анализ тесноты взаимосвязей (в рамках рассматриваемого параметра) между отдельными регионами показывает, что существенным можно назвать влияние на прилегающие территории только комплекса, состоящего из Москвы и Московской области.

При этом все связи, объединяющие Москву с регионами, относящимися к зоне существенного влияния территорий-лидеров, и показанные с помощью линий на рис. 2, носят обратный характер. Это означает, что наращивание потенциала Москвы (и Подмосковья) в перспективе не будет приводить к усилению связанных с ней регионов (расположенных вокруг Московской области), наоборот, повлечет за собой отток имеющихся у них ресурсов.

Состоятельность данного тезиса подтверждает и ретроспективный анализ: результаты оценки изменения численности населения российских регионов за достаточно продолжительный период (60 лет) свидетельствуют, что лидерами по темпам убыли населения являются регионы, расположенные в европейской части страны – соседи Московской области: некоторые из них за рассматриваемый период утратили более трети своих человеческих ресурсов (*табл. 2*). Масштабы сокращения численности населения в центральной части страны в долгосрочной ретроспективе не уступают параметрам утраты имеющегося человеческого капитала территориями Дальнего Востока, о глобальном характере которой много говорится в научной литературе [41; 42].

Очевидно, что наблюдаемые в настоящее время процессы «стягивания» социально-экономического пространства в отдельные точки, о которых говорили такие исследователи, как А.И. Татаркин [3] и Н.В. Зубаревич [43], характерны не только для центральной части страны. Однако роль в данных процессах Московского региона наиболее значительна: в последние десятилетия фиксируется стабильное увеличение доли населения РФ, проживающего в 15 наиболее крупных городах, при этом если общее число их жителей за период с 1989 по 2018 г. выросло на 16%, то численность проживающих только в Москве за аналогичный период увеличилась практически на 40%[4]. Как отмечали в своих исследовниях Ж.А. Зайончковская и Г.В. Иоффе, с 60-х годов миграция была главным фактором роста населения Москвы и Подмосковья (даже при том, что ее реальные масштабы превышают официально регистрируемые цифры) [44]. Следует также отметить, что, по мнению специалистов-демографов, «притяжение большой Москвы, как и Московской области, распространяется на весь регион СНГ, но, несмотря на это, их миграционный прирост на три четверти представлен прибывшими из российских регионов, вплоть до Дальнего Востока» [45].

В то же время наибольшую силу «притяжения» Москвы и Подмосковья ощущают именно расположенные поблизости субъекты. По результатам исследования, проведенного редакцией Strelka Mag (выпускается Институтом медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», спе-

[4] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.; База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 05.10.2019).

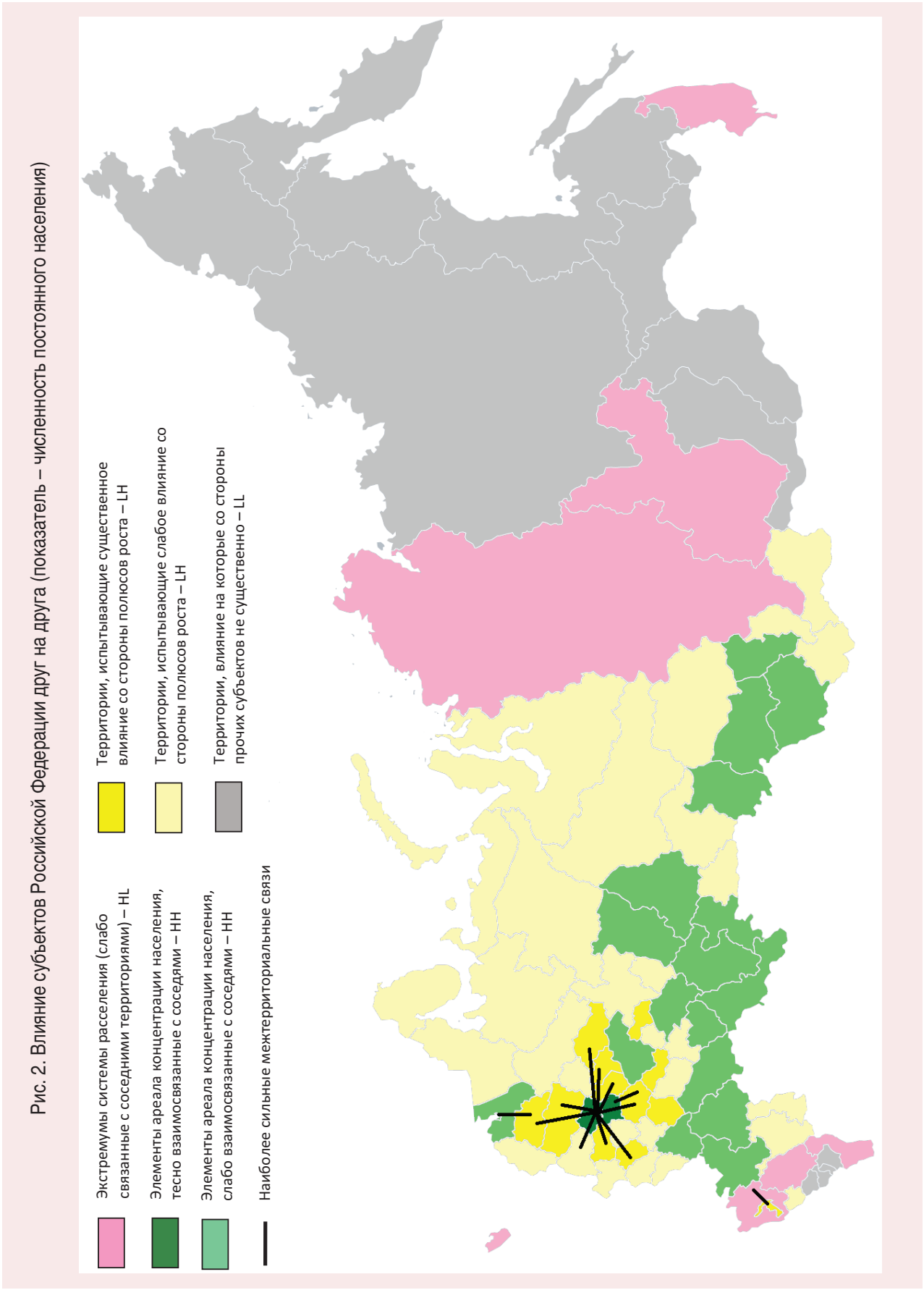

Рис. 2. Влияние субъектов Российской Федерации друг на друга (показатель – численность постоянного населения)

Таблица 2. Регионы, лидирующие по темпам убыли населения*

№ п/п	Субъект РФ	Численность населения, тыс. чел.		Темп убыли населения, %
		1959	2019	
1.	***Тамбовская область***	1549	1016	34,41
2.	***Псковская область***	953	630	33,93
3.	***Кировская область***	1886	1272	32,55
4.	***Костромская область***	921	637	30,81
5.	***Тверская область***	1805	1270	29,66
6.	***Курская область***	1483	1107	25,35
7.	Магаданская область	189	141	25,27
8.	Сахалинская область	649	490	24,56
9.	***Тульская область***	1918	1492	22,90
10.	***Рязанская область***	1445	1122	22,89
11.	***Брянская область***	1550	1211	22,57
12.	***Ивановская область***	1288	1015	22,04

* Полужирным курсивом выделены субъекты РФ, граничащие с Московской областью или расположенные вблизи от нее.
Составлено по: Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 22-24; Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru (дата обращения: 24.10.2019).

циализирующимся на урбанистике, вопросах городского развития) совместно с компанией Socialdatahub, был построен рейтинг российских городов, жители которых чаще всего переезжают в Москву[5]. Возглавили его Санкт-Петербург, Екатеринбург и Нижний Новгород, а расположенные рядом с Московским регионом Рязань и Тула, хоть и вошли в Топ-20, заняли всего лишь 16 и 19 места, соответственно. Однако если пересчитать используемые для ранжирования муниципальных образований значения, характеризующие количество жителей, переехавших в Москву, в относительный вид (определив их отношение к общему числу проживающих в данных городах), то можно убедиться, что показатели Рязани (4%) и Тулы (3,6%) превышают параметры Санкт-Петербурга (3,1%), Екатеринбурга (2,9%) и Нижнего Новгорода (3,2%).

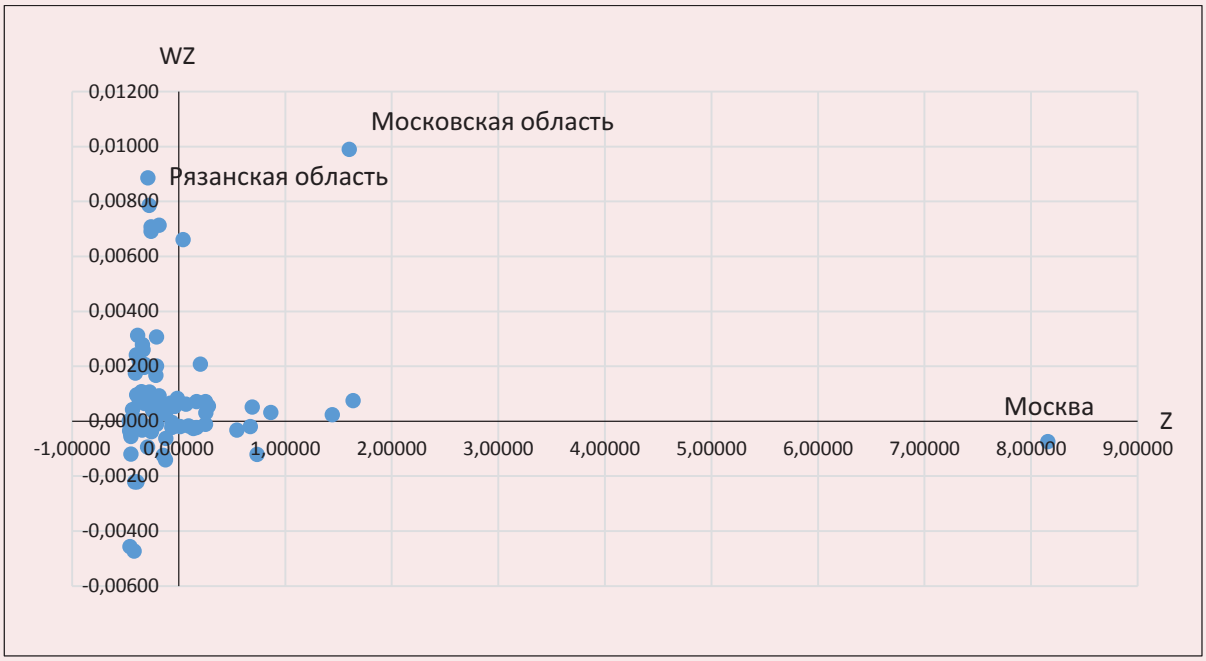
Параметры пространственной автокорреляции, выявленные на базе оценки валового регионального продукта, несколько отличаются от определенных ранее характеристик тесноты взаимосвязи между присущими рассмотренным субъектам РФ значениями показателя «численность постоянного населения». Величина глобального индекса Морана (-0,001) меньше его математического ожидания, что позволяет сделать вывод об отрицательной автокорреляции (при этом итоги проведения z-теста подтверждают значимость полученных результатов). Это означает, что изменение значений рассматриваемого параметра при перемещении между регионами происходит «скачкообразно», а разница между объемами ВРП соседствующих территорий, как правило, достаточно существенна.

В то же самое время между пространственным распределением параметров численности населения и объемов произведенного продукта есть и много общего. Так, ярко выраженными лидерами по величине оцениваемого показателя, имеющими наиболее тесные связи с соседями, снова являются Москва и Московская область (*рис. 3*), а территории, которые их окружают, лидируют в группе LH (регионы, для которых характерны отрицательная автокорреляция и невысокие значения ВРП).

При этом только для 19 субъектов РФ (*табл. 3*) характерны высокие значения локального индекса Морана, что означает наличие у них достаточно сильных взаимосвязей с регионами-соседями. Из них в число лидеров (по величине рассматриваемого показателя) наряду с уже отмеченными ранее попали Санкт-Петербург и Краснодарский край (однако масштабы тесноты их взаимосвязи с прилегающими территориями значительно уступают параметрам связанности Москвы (и Московской области) с соседними регионами).

[5] Столичный дрейф: из каких городов чаще всего переезжают жить в Москву // Strelka Mag. URL: https://strelkamag.com/ru/article/stolichnyi-dreif-iz-kakikh-gorodov-priezzhayut-zhit-v-moskvu (дата обращения: 18.12.2019).

Рис. 3. Пространственная диаграмма рассеяния индекса Морана для субъектов РФ (валовой региональный продукт)

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 458-459.

Таблица 3. Группы субъектов РФ, выделенные в соответствии с параметрами пространственной автокорреляции (показатель – валовой региональный продукт)*

Субъект РФ	I_{L_i}	Субъект РФ	I_{L_i}
LH		**HH**	
Рязанская область	-0,0026	Московская область	0,0159
Тверская область	-0,0022	г. Санкт-Петербург	0,0012
Калужская область	-0,0019		
Владимирская область	-0,0018		
Тульская область	-0,0013		
Ивановская область	-0,0012		
Костромская область	-0,0010		
Новгородская область	-0,0010		
Смоленская область	-0,0009		
Орловская область	-0,0008		
Псковская область	-0,0007		
LL		**HL**	
Республика Ингушетия	0,0021	г. Москва	-0,0060
Республика Северная Осетия-Алания	0,0020	Краснодарский край	-0,0009
Кабардино-Балкарская Республика	0,0009		
Чеченская Республика	0,0009		

* В таблице обозначены только те субъекты РФ, которые имеют наиболее сильные межтерриториальные связи с окружающими территориями (их значение локального индекса Морана, взятое по модулю, превышает модуль среднего значения рассчитанных локальных индексов Морана).
Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 458-459.

Анализ особенностей размещения регионов, попавших в разные группы (HH, HL, LH, LL), по территории страны (*рис. 4* и *5*), свидетельствует о достаточно высокой степени поляризации экономической активности в европейской части России. Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом.

Большая часть регионов Сибири, хотя и характеризуются весьма существенными значениями рассматриваемого показателя, слабо связаны с окружающими их территориями (во многом это объясняется значительными расстояниями между центрами экономической активности данных субъектов РФ). Территория Дальнего Востока и части Юга России не испытывают существенного влияния со стороны своих соседей (при этом приграничное расположение данных регионов делает обоснованной необходимость анализа степени их взаимосвязи с близко расположенными зарубежными странами и регионами – вполне возможно, что они попадают в зону влияния экстремумов экономического развития, находящихся за границами Российской Федерации), а регионы Урала, характеризующиеся достаточно высокими значениями ВРП (главным образом автономные округа), имеют (в рамках рассматриваемого параметра) более тесные взаимосвязи с Москвой, чем друг с другом (о чем свидетельствуют результаты расчетов значений показателей LISAij, определенные для регионов Урала и Москвы). Выявленная закономерность находит подтверждение в итогах анализа статистических данных, характеризующих межрегиональный товарооборот. Так, товарооборот Тюменской области (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) с Москвой более чем в 4 раза превышает товарооборот со Свердловской областью, более чем в 10 раз – с Челябинской областью, более чем в 160 раз – с Курганской областью. В структуре межрегионального торгового оборота Челябинской области лидирующие позиции также занимает Москва (хотя и доли Свердловской области и Ямало-Ненецкого автономного округа достаточно высоки) [46, с. 839]. Несколько иная ситуация сложилась в Свердловской области: А.А. Глумов в своем исследовании хозяйственных связей уральских территорий [47] отмечает, что Челябинская область опережает Москву по масштабам торгового оборота с данным регионом; более того, если объединить статистику по югу Тюменской области и входящим в ее состав автономным округам, Москва в получившейся структуре торгово-экономических связей Свердловской области окажется лишь на третьем месте. В то же время «тяготение» северных территорий Урала к административному центру страны не вызывает сомнения: сходство масштабов экономических систем и перспективность рынков сбыта определяет высокую заинтересованность территорий друг в друге. Не случайно в научной литературе получает распространение подход, в соответствии с которым особое внимание при определении перспектив успешного взаимодействия субъектов уделяется не географической, а «организованной» (основанной на их сходстве, принадлежности к единой системе отношений) близости [48]. В свою очередь недостаточно высокий уровень межтерриториальной кооперации между уральскими регионами признают хозяйствующие субъекты, рассматривающие соседние регионы как возможные рынки сбыта производимой продукции, что приводит к активизации их попыток усилить межрегиональную интеграцию: в 2019 г. по инициативе представителей промышленного комплекса Уральского федерального округа был сформирован Экспертно-координационный совет УрФО, призванный способствовать развитию кооперации между территориями округа и объединивший бизнес, властные структуры, научное сообщество.

Продолжая пояснение полученных в ходе проведенного исследования результатов, следует отметить, что наиболее сильные прямые межтерриториальные связи экономического лидера (Москвы) с иными территориями носят «удаленный» характер: регионы, испытывающие прямой эффект от развития полюса роста, территориально с ним разобщены (исключение составляет лишь Московская область). Субъекты РФ, расположенные рядом с Московским регионом, также находятся под его существенным воздействием, однако характер наблюдаемых взаимосвязей (см. рис. 5) не позволяет сделать вывод о наличии прямой зависимости между их экономическим развитием. При этом наличие сильных обратных межтерриториальных связей с Москвой характерно для всех территорий, «опоясывающих» Московский регион.

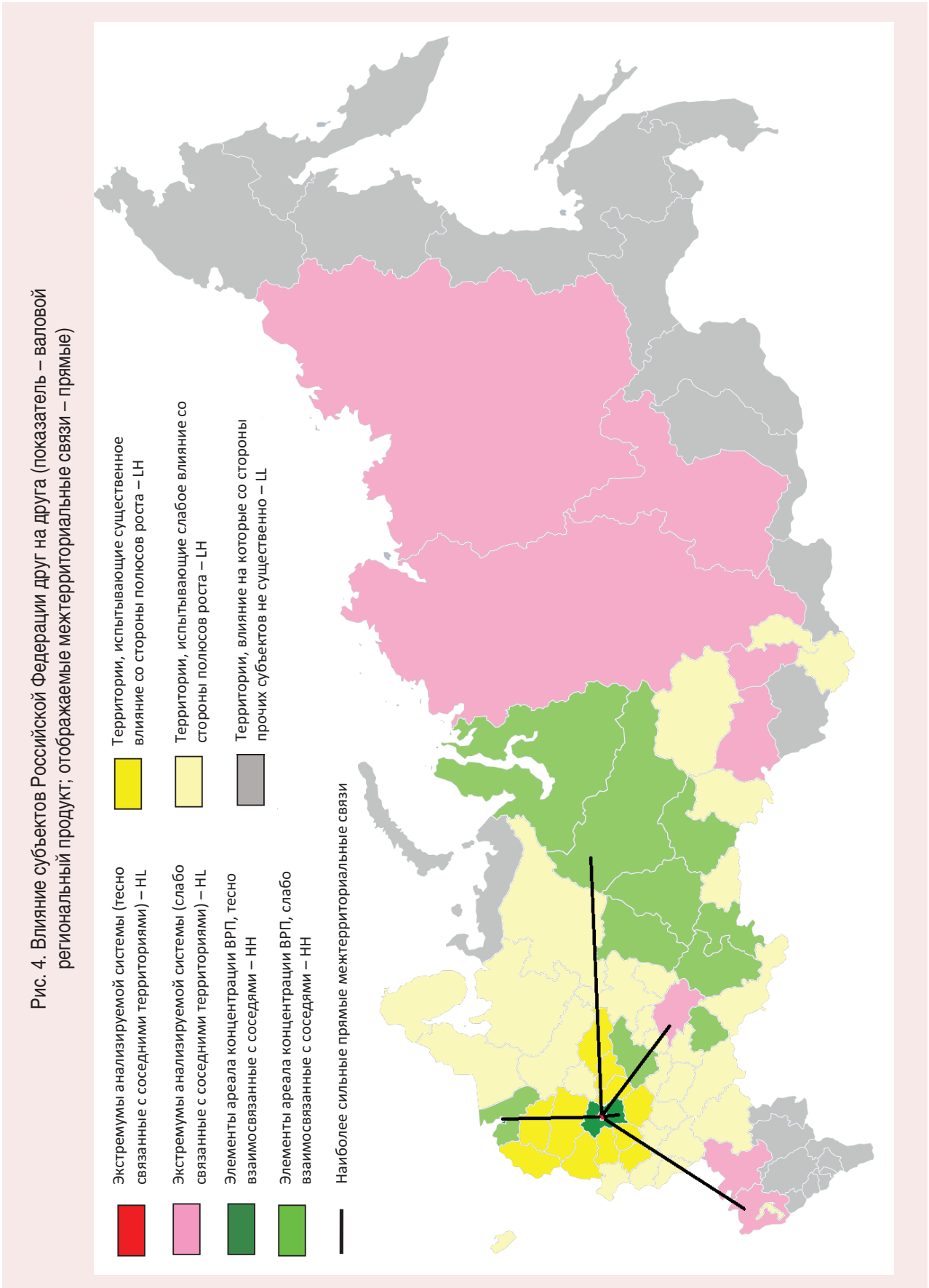

Рис. 4. Влияние субъектов Российской Федерации друг на друга (показатель – валовой региональный продукт; отображаемые межтерриториальные связи – прямые)

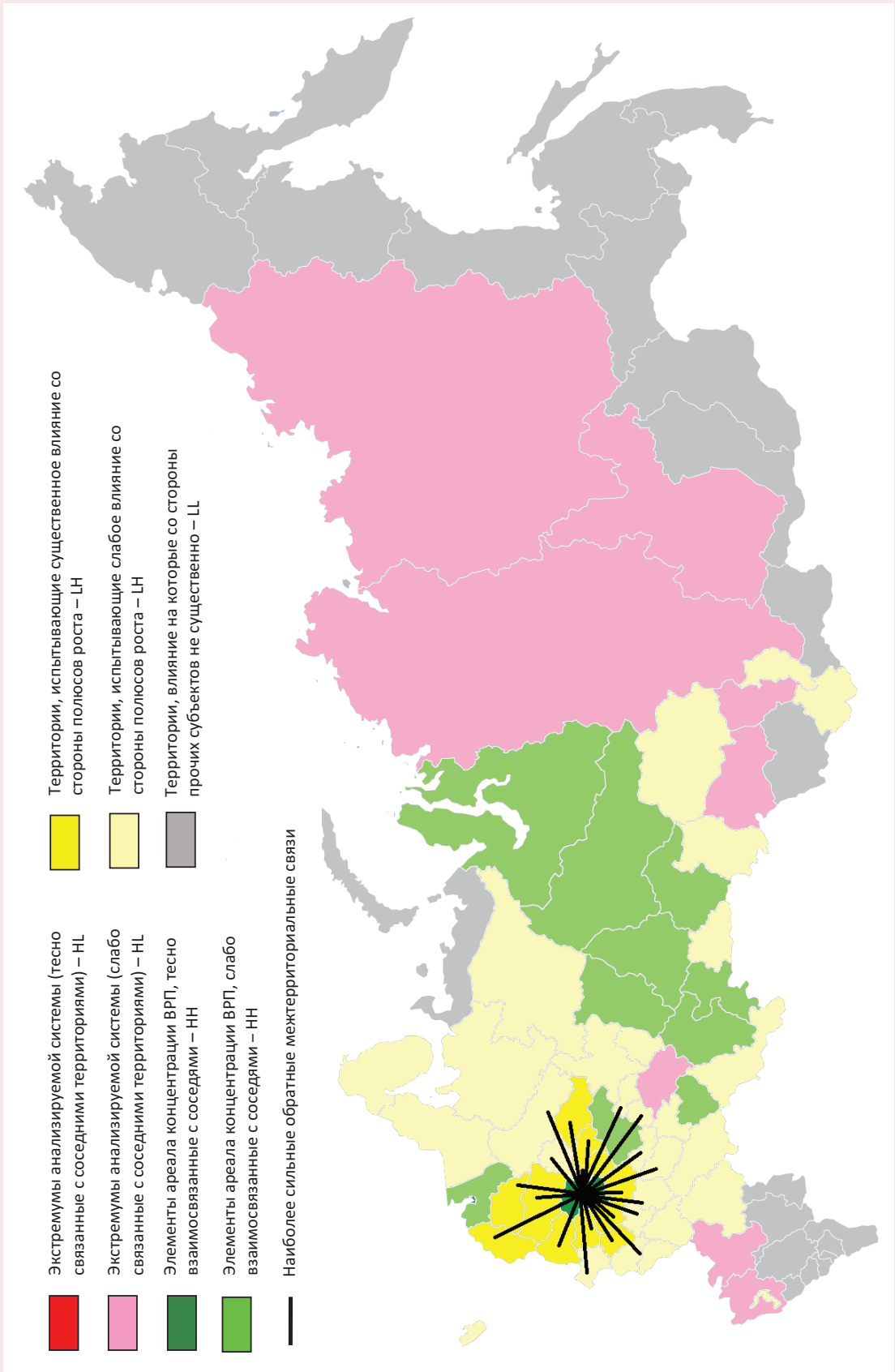

Рис. 5. Влияние субъектов Российской Федерации друг на друга (показатель – валовой региональный продукт; отображаемые межтерриториальные связи – обратные)

Заключение

Используемый методический подход, несомненно, имеет свои ограничения (он позволяет выявлять взаимосвязи между территориями на основе учета исключительно их местоположения и величины значений рассматриваемого показателя), кроме того, в рамках данного исследования был проведен анализ только двух переменных. Рассмотрение дополнительных параметров, а также изменение масштабов исследования (например, переход на уровень муниципальных образований) позволило бы выявить большее количество закономерностей, идентифицировать и другие полюса роста, кластеры (следует, однако, отметить, что процесс выявления центров развития и оценки их перспектив является крайне сложным и не может базироваться только на методе пространственной автокорреляции, который выступил методической основой данного исследования). В то же время проделанная работа делает возможным предложение нескольких тезисов.

Воздействие территориальных лидеров – полюсов роста – на окружающее их пространство может быть весьма неоднозначно. Проведенные расчеты доказали, что близость к передовым социально-экономическим системам, которые (в соответствии с теорией диффузии инноваций) должны генерировать импульсы развития своим соседям, не только не дает регионам существенных преимуществ, но и оборачивается масштабным оттоком ресурсов, лишь обостряющим имеющиеся у них проблемы. Динамичные преобразования полюсов роста обусловливают потребность в значительном количестве дополнительных ресурсов, которые «стягиваются» извне (в первую очередь источником этих ресурсов становятся ближайшие соседи). Это позволяет критически подойти к некоторым положениям теорий поляризованного развития и диффузий инновации: нельзя однозначно утверждать, что появление в социально-экономическом пространстве субъектов, опережающих в своем развитии окружение и стимулирующих экономический рост масштабных систем (например, национальной экономики), окажет позитивное воздействие на все элементы хозяйственного комплекса: их воздействие на ближайших соседей будет скорее негативным.

В связи с этим одновременное решение таких задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, как «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий» и «обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных центров экономического роста», представляется достаточно сложным. Это совсем не означает, что территории, окружающие столицы, административные центры и лидеров экономического развития, обречены. Скорее следует учитывать, что формирование (поддержка развития) полюсов роста не является универсальным средством, использование которого обеспечит решение всех имеющихся проблем, а в особом внимании при осуществлении поляризации экономики нуждаются территории, соседствующие с лидерами. Разработка приоритетов и механизмов взвешенной региональной политики, позволяющей учитывать как интересы национальной экономики, так и возможности преобразования территорий, соседствующих с точками роста, является перспективной темой для дальнейших исследований.

Литература

1. Анимица Е.Г., Сурнина Н.М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. 2006. № 3. С. 34–46.
2. Бухвальд Е.М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9–25. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10042
3. Татаркин А.И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3 (21). С. 28–36.

4. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. Т. 44. № 4. С. 7-27.
5. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Драма Азии: пер. с англ. / общ. ред. Р.А. Ульяновского. М.: Прогресс, 1972. 767 с.
6. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
7. Boudeville J. *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh, 1966. 192 p.
8. Pottier P. Axes de Communication et Développement Economique. *Revue économique*, 1963, vol. 14, pp. 58-132.
9. Hagerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
10. Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment a schumpeterian perspective. *Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv)*, 1979, vol. 115, no. 4, pp. 629–652.
11. Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press, 1966. 279 p.
12. Richardson H.W. *City Size and National Spatial Strategies in Developing Countries. World Bank Staff Working Paper no. 252.* Washington, D.C., 1977.
13. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 5, pp. 1002–1037.
14. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999. 367 p.
15. Porter M. *On Competition, Updated and Expanded Edition*. Harvard Business Review Press, 2008. 576 p.
16. Amber Naz A., Niebuhr A., Peters J. What's behind the disparities in firm innovation rates across regions? Evidence on composition and context effects. *The Annals of Regional Science*, 2015, vol. 55, no. 1, pp. 131–156. DOI: 10.1007/s00168-015-0694-9.
17. Batabyal A., Nijkamp P. The magnification of a lagging region's initial economic disadvantages on the balanced growth path. *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 2019, vol. 3, no 3, pp. 719–730. DOI: 10.1007/s41685-019-00118-7.
18. Otsuka A., Goto M. Total factor productivity and the convergence of disparities in Japanese regions. *The Annals of Regional Science*, 2016, vol. 56, no. 2, pp. 419–432. DOI: 10.1007/s00168-016-0745-x.
19. Shin E. Disparities in access to opportunities across neighborhoods types: a case study from the Los Angeles region. *Transportation*, 2018. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s11116-018-9862-y#citeas. DOI: 10.1007/s11116-018-9862-y.
20. Li Z., Ding Ch., Niu Y. Industrial structure and urban agglomeration: evidence from Chinese cities. *The Annals of Regional Science*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 191–218. DOI: 10.1007/s00168-019-00932-z
21. Otsuka A. How do population agglomeration and interregional networks improve energy efficiency? *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 2019. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s41685-019-00126-7. DOI: 10.1007/s41685-019-00126-7.
22. Rossi F., Dej M. Where do firms relocate? Location optimisation within and between Polish metropolitan areas. *The Annals of Regional Science*, 2019. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s00168-019-00948-5. DOI: 10.1007/s00168-019-00948-5.
23. Морошкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 638–357. DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.2.48-66.
24. Коняева Т.В. Исследование региональных диспропорций в развитии цифровой экономики Приволжского федерального округа // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 76–80. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11080
25. Bufetova A.N. Trends in the concentration of economic activity and disparities in Russia's spatial development. *Regional Research of Russia*, 2017, vol.7, no. 2, pp. 120–126. DOI: 10.1134/S2079970517020022
26. Русановский В.А., Бровкова А.В., Марков В.А. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 136–163. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-136-163
27. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969. 336 с.
28. Леонов С.Н. Эмпирический анализ поляризованного развития субъекта Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 3. С. 449–458.

29. Иванов Т.Н. Моделирование потенциальных «полюсов роста» экономики региона // Российское предпринимательство. 2014. №9 (255). С. 82–88.
30. Дронов С.Е. Проблемы активизации точек роста в регионах России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 9. С. 37–41.
31. Шайхутдинова Г.Ф. Формирование личностных, экономических и организационных компонентов предпринимательства в координатах инновационной экономики. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2013. 80 с.
32. Миргородская Е.О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере большого Ростова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. Т. 19. № 4. С. 6–20. С. 7. DOI: 10.15688/jvolsu3.2017.4.1
33. Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 776–789.
34. Hubert L.J., Golledge R.G., Costanza C.M. *Gener*alized procedures for evaluating spatial autocorrelation. Geographical Analysis, 1981, no. 13, pp. 224–233. DOI: 10.1111/j.1538-4632.1981.tb00731.x
35. Jackson M.C., Huang L., Xie Q. et al. A modified version of Moran's I. International Journal of Health Geographics, 2010, no. 9. Available at: https://ij-healthgeographics.biomedcentral.com/articles/10.1186/1476-072X-9-33. DOI: 10.1186/1476-072X-9-33
36. Luo Q., Griffith D., Wu H. Spatial autocorrelation for massive spatial data: verification of efficiency and statistical power asymptotics. *Journal of Geographical Systems,* 2019, no. 21, pp. 237-269. DOI: 10.1007/s10109-019-00293-3
37. Waldhor T. The spatial autocorrelation coefficient Moran's I under heteroscedasticity. *Statistics in Medicine,* 1996, vol. 15, no. 7-9, pp. 887-892. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0258(19960415)15:7/9<887::AID-SIM257>3.0.CO;2-E
38. Балаш О.С. Статистическое исследование пространственной кластеризации регионов России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 2-1. С. 56–65.
39. Русановский В.А., Марков В.А. Влияние пространственного фактора на региональную дифференциацию безработицы в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5. С. 144–157. С. 147.
40. Lv K., Lin Y., Kang J. Spatial econometric analysis on industrial structure and environmental pollution. *International Conference on Frontiers of Energy, Environmental Materials and Civil Engineering*. DEStech Publications, Inc, 2013. Pp. 76–89.
41. Галлямова Л.И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4. С. 9–17.
42. Говорухин Г.Э. Российский Дальний Восток: потерянные ожидания освоенного пространства (социологический подход) // Власть и управление на востоке России. 2008. № 4 (45). С. 115–120.
43. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
44. Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география. М.: Кодекс, 2013. С. 188–223.
45. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 18–44.
46. Яковлева Н.В., Ишунькина Е.А. Межрегиональное экономическое сотрудничество Челябинской области // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 5. С. 831–843. DOI: 10.24891/re.16.5.831
47. Глумов А.А. Исследование хозяйственных связей Свердловской области с регионами Урала // Управленец. 2018. Т. 9. № 1. С. 8–13. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-1-2
48. Пожидаев Р.Г. Эволюция концепции близости и актуальная кластерная политика // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3. С. 26–34.

Сведения об авторе

Арина Валерьевна Суворова – кандидат экономических наук, врио зам. директора по научной работе, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Av_suvorova_av@mail.ru)

Suvorova A.V.

Development of Growth Poles in the Russian Federation: Direct and Reverse Effects

Abstract. The understanding of economic polarization as one of the possible sources of economic development is rooted in a number of scientific papers and in strategic planning documents. This understanding requires the revision of the implications that emerge due to the formation and development of growth poles. The goal of our present research is to develop an approach that will help assess the impact of growth poles on the surrounding space. Scientific novelty of the work consists in the justification of an approach to the identification of direct and reverse effects of the development of growth poles, which allows us to measure the scale of the impact they have on the territories concentrated around. Theoretical and methodological basis of the study is formed by a set of scientific ideas in the field of regional economics, spatial analysis and modeling. Using the assessment of spatial autocorrelation (by determining the values of Moran's Global Index and Moran's Local Index) and the implementation of cartographic analysis, we assess the relationships between individual constituent entities of the Russian Federation according to the resulting parameters of territory development such as "permanent population" and "gross regional product". According to the calculations we prove that the influence of growth poles on the surrounding space is ambiguous: the territories located near large-scale socio-economic systems do not receive a significant impetus to their own development; moreover, they lose the resources they already have. The revealed pronounced reverse effect of economic polarization determines the importance of applying a balanced approach to the use of growth poles as a tool of economic development. The results of our research can be used in the work of public authorities at different levels and can also form the basis for further studies related to the measurement of the effects of development of growth poles and the development of priorities and mechanisms of regional policy, taking into account the interests of the territories that surround them.

Key words: growth pole, assessment of the effect, direct effect, opposite effect, spatial autocorrelation, Moran's Index.

Information about the Author

Arina V. Suvorova – Candidate of Sciences (Economics), Interim Deputy Director for Science, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Av_suvorova_av@mail.ru)

Статья поступила 15.11.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
УДК 332.13, ББК 65.05
© Лукин Е.В.

Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход*

Евгений Владимирович
ЛУКИН
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Аннотация. В статье показана растущая роль внутреннего спроса в развитии современной экономики. Проиллюстрирована ситуация с емкостью внутренних рынков крупнейших стран мира. Обосновано, что низкий объем внутрироссийского спроса тормозит экономическую динамику и ухудшает качество социально-экономического развития Российской Федерации. Перспективным направлением расширения внутреннего потребительского и инвестиционного спроса видится проведение государственной политики по повышению доходов населения, компаний и государства в рамках удлинения собственных цепочек добавленной стоимости, производящих товары и услуги для конечного использования. В связи с этим целью настоящего исследования стал анализ существующих цепочек добавленной стоимости, оценка степени их фрагментации, отраслевой и территориальной специфики. Методологической основой выступила теория межотраслевого баланса. Информационным источником являлись базовые таблицы «затраты – выпуск» и данные ЕМИСС. Новизна исследования заключается в адаптации межотраслевого подхода к оценке фрагментации производства к региональному уровню и выявлении современных закономерностей в функционировании российских цепочек добавленной стоимости на основе его апробации на материалах субъектов Российской Федерации. Результаты расчетов позволили выявить усредненное положение 125 отраслей российской экономики в цепочках снабжения и сбыта. Количественно оценена степень фрагментации производственных цепочек различных отраслей, обоснованы факторы, обусловливающие длину того или иного производственного

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2135.2019.6.
Для цитирования: Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
For citation: Lukin E.V. Sectoral and territorial specifics of value-added chains in Russia: the input-output approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7

процесса. Рассчитано среднее расстояние по сбытовой цепочке, которое проходит продукция до момента ее использования конечным потребителем. Рассмотрена региональная фрагментация производства в России. Выявлен ряд статистически значимых зависимостей между положением регионов в цепочках добавленной стоимости и результатами их социально-экономического развития.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, таблицы «затраты – выпуск», фрагментация производства, длина производственной цепочки, расстояние до конечного потребителя.

1. Введение

Современная глобальная экономика становится фрагментированной и многополярной. Идет процесс смены глобализационной парадигмы. В силу объективных причин (децентрализация глобального управления, снижение производственных издержек в результате цифровизации, развития робототехники и т.п.) становится экономически выгоднее производить товары в непосредственной близости к потребителю, нежели транспортировать их по всему миру из государств с низким уровнем издержек. Производство перемещается в страны потребительского спроса, страны с развитым внутренним рынком.

По емкости внутреннего рынка Россия существенно уступает ряду других стран (США, Китаю, Индии, Японии) и Европейскому союзу *(табл. 1)*. В расчете на душу населения совокупный внутренний спрос по паритету покупательной способности (ППС) в России в 2,6 раза ниже, чем в США, и в 2 раза ниже, чем в Германии[1].

Малая емкость внутрироссийского рынка является одним из основных сдерживающих экономическое развитие факторов. Она ведет к недопотреблению населением товаров и услуг, сокращению стимулов у предприятий для наращивания производства и углубления переработки сырья. Итогом этого стало отсутствие спроса внутри страны на многие виды продукции, экспорт низкотехнологичных товаров. Такое положение вещей усугубляет по спирали развитие экономики: из-за недополученной добавленной стоимости сокращаются доходы компаний, государства и населения. Это приводит к снижению потребительского спроса и возможностей для инвестирования.

В процессе реформирования российской экономики разрушена значительная часть существовавших в советское время экономических связей между регионами. Доля межрегионального оборота в ВВП страны упала за 1990–1994 гг. с 25 до 16% [1]. Возрождение межрегиональных связей идет медленными темпами.

Таблица 1. Совокупный внутренний спрос в 2017 г. (без учета ППС)

Страны	Конечное потребление		Валовое накопление		Совокупный внутренний спрос	
	Объем, трлн. долл. США	Удельный вес, % от итога	Объем, трлн. долл. США	Удельный вес, % от итога	Объем, трлн. долл. США	Удельный вес, % от итога
Мир	59,296	100,0	20,184	100,0	79,481	100,0
США	16,053	27,1	3,986	19,7	20,038	25,2
ЕС	13,129	22,1	3,497	17,3	16,626	20,9
Китай	6,468	10,9	5,169	25,6	11,637	14,6
Япония	3,653	6,2	1,158	5,7	4,811	6,1
Германия	2,672	4,5	0,750	3,7	3,422	4,3
Индия	1,857	3,1	0,760	3,8	2,617	3,3
Россия	**1,117**	**1,9**	**0,353**	**1,7**	**1,470**	**1,8**
Источник: рассчитано на основе данных WorldBank.						

[1] Численность населения РФ – 146,8 млн. чел., США – 325,1, Германии – 82,8 млн. чел. Коэффициент пересчета по ППС (ВВП) для РФ – 0,42, для США – 1, для Германии – 0,85. Соответственно совокупный внутренний спрос в расчете на душу населения по ППС в РФ равен 24,0 тыс. долл. США, в США – 61,6, в Германии – 48,6 тыс. долл. США (рассчитано на основе данных WorldBank).

Рис. 1. Динамика грузооборота транспорта в России в 1991–2018 гг., % к 1991 г.

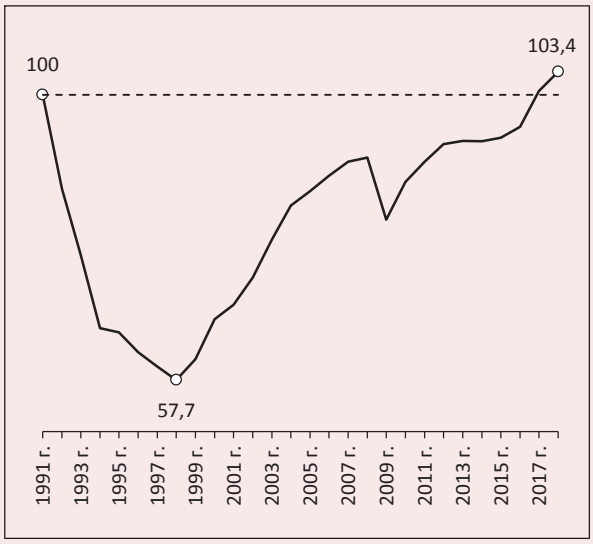
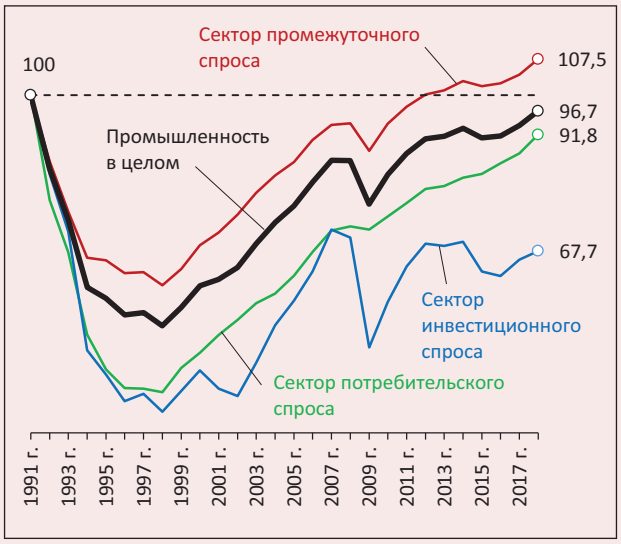

Рис. 2. Динамика промпроизводства в России в 1991–2018 гг., % к 1991 г.

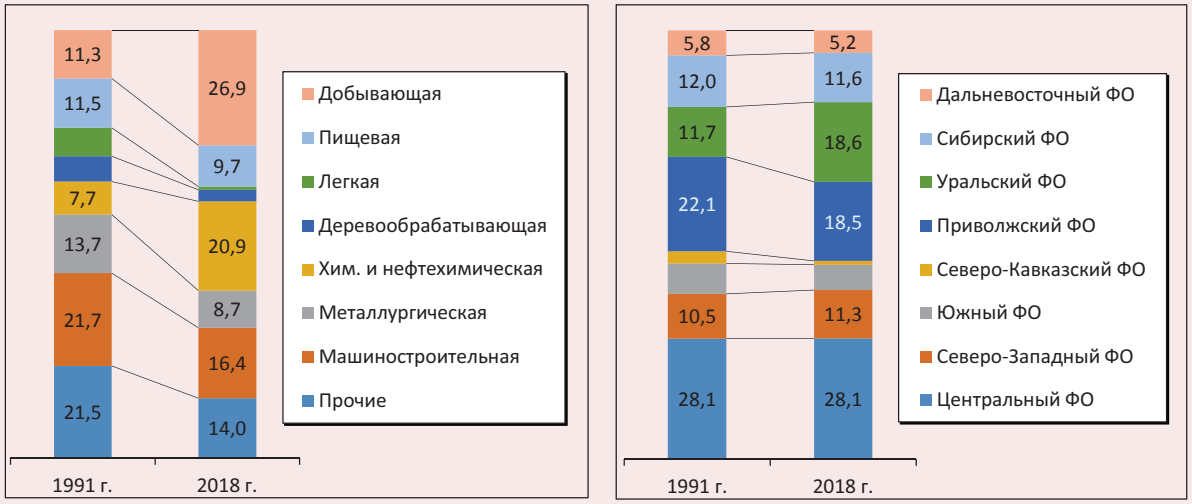
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Восстановить объемы грузооборота транспорта удалось только в 2017 г. (*рис. 1*), объемы промпроизводства до сих пор уступают уровню 1991 года (*рис. 2*). При этом локомотивами роста выступают отрасли по добыче и промежуточной переработке сырьевых ресурсов. В то же время в ряде важнейших для страны отраслей промышленности из секторов инвестиционного и потребительского спроса – машиностроительной, легкой – наблюдается упадок.

Разнонаправленная динамика развития различных секторов промышленности находит свое отражение в изменении структуры выпуска (*рис. 3*). Эти трансформации, в свою очередь, обусловливают перераспределение валовой добавленной стоимости (доходов) в пользу экспортоориентированных отраслей промежуточного спроса. Практикуемая фиксация прибыли на стадии добычи сырья и производства полуфабрикатов ведет к депрессии производства конечной продукции, деградации производства машинных средств производства [2]. В итоге снижается внутренний спрос на фундаментальную и прикладную науку, НИР и НИОКР, НТП, ухудшается материально-техническая база образования и здравоохранения [2], сокращается число исследовательских организаций и численность их персонала (*табл. 2*). Серьезный вызов представляет также сжатие заселенного и используемого пространства страны, индикатором которого является негативная динамика численности населения и объемов хозяйственной деятельности в сельской местности [3].

В целом итогом проводимых в России рыночных реформ стало формирование экономической модели, рост при которой во многом зависит от внешней конъюнктуры и результатов экспортно-импортной деятельности. Качество экономического роста при существующей модели нельзя признать удовлетворительным. Она усиливает отставание от промышленно развитых стран в научно-технологической и инновационной сферах и по объемам товарного производства высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики. Критических величин достигла зависимость от импорта технологий. По данным Минпромторга РФ [4], доля импорта в ряде стратегических отраслей в 2014 году превышала 80%, при этом в станкостроении – более 90%, в тяжелом машиностроении – до 80%, в легкой промышленности – до 90%, в радио-

Рис. 3. Структура промышленности в России в 1991 и 2018 гг., % к итогу

а) Отраслевая структура

б) Территориальная структура

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 2. Число организаций, выполнявших исследования и разработки

Организация	1991 г.	2017 г.	2017 г. к 1991 г., %
Научно-исследовательские организации	1831	1577	86,1
Конструкторские организации	930	273	29,4
Проектные и проектно-изыскательские организации	559	23	4,1
Опытные заводы	15	63	В 4,2 раза
Образовательные организации высшего образования	450	970	В 2,2 раза
Организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	400	380	95,0
Прочие	379	658	173,6
Итого	4564	3944	86,4
Справочно: численность персонала, занятого исследованиями и разработками, тыс. чел.	1677,8	707,9	42,2
выдано патентов на изобретения, тыс. шт.	66 (1990 г.)	34	51,5
Источник: Росстат.			

электронике – до 90%, в фармацевтической и медицинской промышленности – до 80%[2].

Перед страной встает проблема выбора новой стратегии качественного экономического роста, рассчитанной на долгосрочную перспективу. Для изменения ситуации необходима государственная политика по повышению доходов всех субъектов экономики (населения, компаний, государства) за счет формирования собственных цепочек добавленной стоимости (ЦДС), производящих продукцию для конечного потребления.

Осуществление такой политики невозможно без анализа действующих цепочек добавленной стоимости, учета их отраслевой и территориальной специфики, что и стало целью настоящего исследования.

[2] В сентябре 2014 г. Правительство РФ утвердило «План содействия импортозамещению в промышленности», содержащий 22 отраслевых плана импортозамещения до 2020 г. По мнению экспертов, большинство индикаторов не достигается. URL: https://tagilcity.ru/news/economy/06-11-2018/importozameschenie-v-rossii-chto-poluchilos-za-pyat-let

2. Теоретические аспекты исследования

Для начала определимся с понятиями валовой добавленной стоимости и цепочки добавленной стоимости.

Согласно руководству по Национальным счетам ООН[3], валовая добавленная стоимость равна выпуску продукции за вычетом промежуточного потребления. Она отражает стоимость всех товаров и услуг, которые имеются для различных видов использования, кроме промежуточного потребления. Удельный вес валовой добавленной стоимости в выпуске характеризует ту часть стоимости продукции, которую создал непосредственно ее производитель. Соответственно, чем больше этот вес, тем меньше для производства закупается промежуточных товаров и услуг, тем слабее экономические связи с предприятиями-поставщиками. Высокая доля добавленной стоимости обычно свойственна тем отраслям[4], которые находятся в начале производственной цепочки и связаны с поставкой материалов, компонентов и услуг для последующего использования [5].

В исследовательской литературе под цепочкой добавленной стоимости понимается полный спектр видов деятельности, которые осуществляются предприятиями для доведения товара или услуги от стадии разработки до использования конечным потребителем [6]. Процесс разрастания ЦДС характеризует географическую фрагментацию производства в соответствии с принципами сравнительных преимуществ.

Концепция ЦДС (а точнее глобальных ЦДС) возникла в 1970-е гг. как попытка найти ответ на вопрос о том, почему одни страны развиваются быстрее других. Для этого анализировалось участие государств в глобальном разделении труда, оценивалась их вовлеченность в процесс создания стоимости по всей технологической цепочке – от момента проектирования продукта до его реализации конечному потребителю.

В настоящее время анализ и прогнозирование вовлеченности территорий в ЦДС продолжается. Признанным аналитическим инструментом исследования межтерриториальных межотраслевых связей выступает межотраслевой баланс. Созданы международные базы данных межстрановых таблиц «затраты – выпуск» TiVA[5], WIOD[6], GTAP[7] и др. Накоплен значительный опыт по теоретическим и методологическим аспектам разработки межтерриториальных межотраслевых моделей [7–10] (в том числе межрегиональных [11–15]).

3. Методика исследования

Настоящее исследование опирается также на методологию межотраслевого баланса. Согласно ей, в закрытой экономике, если смотреть со *стороны сбыта*, для каждой отрасли i ($i = 1, \ldots, n$) величина валового выпуска x_i суммарно равна объему его конечного использования f_i и объему промежуточных продаж отраслям экономики $\sum_j z_{ij}$ (*рис. 4*).

Если обозначить затраты продукции отрасли i на производство единицы продукции отрасли j через $a_{ij} = z_{ij}/x_j$, то валовой выпуск x_i можно записать как:

$$x_i = f_i + \sum_j a_{ij} x_j \ . \qquad (1)$$

При итеративном применении формулы (1) валовой выпуск отрасли i выражается в виде последовательности периодов, отражающих использование продукции данной отрасли в производственной цепочке (2):

$$x_i = f_i + \sum_j a_{ij} f_j + \sum_{j,k} a_{ik} a_{kj} f_j + \sum_{j,k,l} a_{il} a_{lk} a_{kj} f_j + \ldots \ . \qquad (2)$$

Первый член в правой части уравнения (2) – f_i – показывает стоимость конечных продаж продукции отрасли i, второй – объем прямых

[3] Национальные счета: практический вводный курс. Нью-Йорк: ООН, 2006. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesf/seriesf_85r.pdf

[4] Примерами отраслей с высокой долей добавленной стоимости в выпуске являются добыча нефти (75%) и газа (68%), услуги в сфере недвижимости (84%), финансов (70%) и образования (73%).

[5] TiVA (Trade in Value-Added) содержит традиционные показатели внешнеэкономической деятельности, а также инди-каторы, характеризующиее участие национальных экономик в глобальных ЦДС. Информация представлена по 65 странам (в том числе по России) с разбивкой на 36 отраслей.

[6] WIOD (World Input-Output Database) включает национальные и межстрановые межотраслевые таблицы «затраты – выпуск» по 43 странам (включая Россию) в разрезе 56 отраслей.

[7] GTAP (Global Trade Analysis Project) содержит информацию о двусторонней торговле, транспортных тарифах и протекционистских мерах 140 стран по 57 продуктам.

Рис. 4. Межотраслевой баланс производства и распределения продукции

Отрасли		Промежуточное потребление. Потребители					Конечное использование	Итого использование
		1	…	j	…	n		
Производители	1	z_{11}	…	z_{1j}	…	z_{1n}	f_1	x_1
	…	…	…	…	…	…	…	…
	i	z_{i1}	…	z_{ij}	…	z_{in}	f_i	x_i
	…	…	…	…	…	…	…	…
	n	z_{n1}	…	z_{nj}	…	z_{nn}	f_n	x_n
Валовая добавленная стоимость		v_1	…	v_j	…	v_n		
Итого ресурсы		x_1	…	x_j	…	x_n		

промежуточных продаж продукции отрасли *i* всем отраслям *j* (*j = 1, ..., n*), используемой в качестве ресурсов в их производственных процессах первого цикла. Остальные члены указывают на косвенные промежуточные продажи отрасли *i* всем отраслям (включая отрасль *i*), которые используются в качестве ресурсов в их производственных процессах второго, третьего и последующих циклов [8].

Со стороны снабжения объем используемых отраслью *j* ресурсов x_j складывается из стоимости закупаемых у других отраслей промежуточных ресурсов $\sum_i z_{ij}$, а также потребления основного капитала, оплаты труда и прибыли, соответствующих валовой добавленной стоимости отрасли v_j. Обозначив долю продукции отрасли *i*, используемую в производстве отрасли *j*, через $b_{ji} = z_{ij}/x_i$, x_j можно записать как

$$x_j = v_j + \sum_i x_i b_{ji} . \quad (3)$$

Если итеративно применять формулу (3), то x_j выражается в виде последовательности периодов, отражающих процесс снабжения отрасли *j* ресурсами:

$$x_j = v_j + \sum_i v_i b_{ji} + \sum_{i,k} v_i b_{ik} b_{kj} + \sum_{i,k,l} v_i b_{ik} b_{kl} b_{lj} + \ldots . \quad (4)$$

Первый член в правой части уравнения (4) – v_j – характеризует стоимость закупаемых отраслью *j* первичных ресурсов (рабочей силы, административных услуг, капитала), второй – объем прямых промежуточных закупок отраслью *j* в отраслях *i* (*i = 1, ..., n*), который требуется для первого цикла производственного процесса отрасли *j*. Остальные члены характеризуют косвенные промежуточные закупки продукции отраслью *j* во всех отраслях (включая и саму отрасль *j*), используемой в качестве ресурсов в производственном процессе отрасли *j* второго, третьего и последующих циклов.

Для определения среднего положения выпуска отрасли в цепочке сбыта[8] (расстояния до конечного потребителя) авторами работы [16] предлагается каждое слагаемое в формуле (2) умножать на расстояние от конечного использования плюс 1 и нормировать на валовой выпуск данной отрасли:

$$u_i = 1 \cdot \frac{f_i}{x_i} + 2 \cdot \frac{\sum_j a_{ij} f_j}{x_i} + 3 \cdot \frac{\sum_{j,k} a_{ik} a_{kj} f_j}{x_i} + 4 \cdot \frac{\sum_{j,k,l} a_{il} a_{lk} a_{kj} f_j}{x_i} + \ldots . \quad (5)$$

В ситуации, когда весь выпуск отрасли *i* направляется на конечное потребление, показатель u_i принимает значение 1. Чем больше расстояние, которое необходимо пройти продукции отрасли до конечного потребителя, тем выше величина u_i.

Аналогично, для фиксации усредненного положения отрасли в цепочке снабжения[9] (длины производственной цепочки), в работах [17, 18] используется следующий показатель:

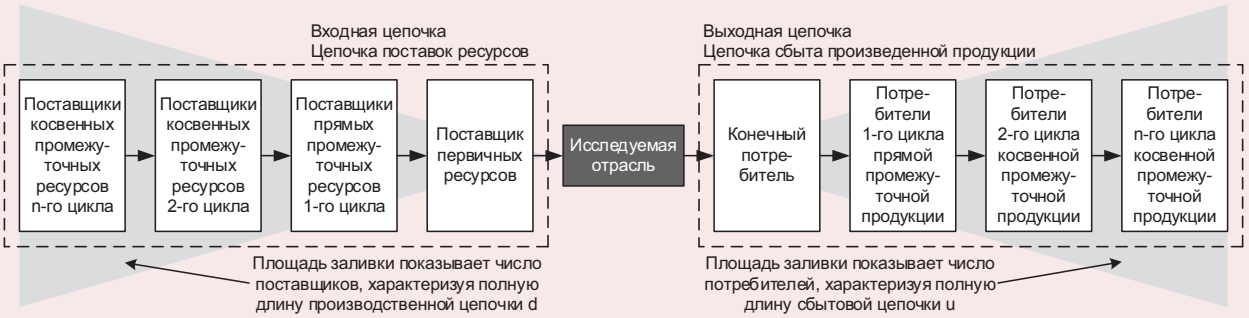
$$d_j = 1 \cdot \frac{v_j}{x_j} + 2 \cdot \frac{\sum_i v_i b_{ji}}{x_j} + 3 \cdot \frac{\sum_{i,k} v_i b_{ik} b_{kj}}{x_j} + 4 \cdot \frac{\sum_{i,k,l} v_i b_{ik} b_{kl} b_{lj}}{x_j} + \ldots . \quad (6)$$

[8] Output supply chain.
[9] Input demand chain.

Таблица 3. Интерпретация значений показателей *u* и *d* [18]

	Расстояние до конечного потребителя (*u*)	Длина производственной цепочки (*d*)
Больше	Большая доля промежуточного потребления (малая доля конечного потребления) в валовом выпуске Сложные и прочные промежуточные связи по поставкам продукции с технологически связанными отраслями	Большая доля промежуточной продукции (малая доля добавленной стоимости) в потребляемых ресурсах Сложные и прочные промежуточные связи по поставкам потребляемых ресурсов с технологически связанными отраслями
Меньше	Малая доля промежуточного потребления (большая доля конечного потребления) в валовом выпуске Простые и слабые промежуточные связи по поставкам продукции с технологически связанными отраслями	Малая доля промежуточной продукции (большая доля добавленной стоимости) в потребляемых ресурсах Простые и слабые промежуточные связи по поставкам потребляемых ресурсов с технологически связанными отраслями

Рис. 5. Цепочка добавленной стоимости отрасли

Минимальное значение d_j принимает в случае малой доли промежуточной продукции в потребляемых отраслью *j* ресурсах (т.е. в случае, когда производство не требует каких-либо промежуточных товаров).

В целом переменные *u* и *d* характеризуют фрагментацию производства, показывая положение отраслей в цепочках сбыта и снабжения (*табл. 3*; *рис. 5*).

Получение точных значений *u* и *d* затруднено бесконечным суммированием членов в уравнениях (5) и (6). Поэтому на практике используются альтернативные выражения, основанные на известных в межотраслевом балансе соотношениях[10]. В работе [16] показано, что альтернативный вариант расчета дает те же результаты.

Расстояние до конечного потребителя определяется как

$$U_i = 1 + \sum_j a_{ij} U_j \ . \qquad (7)$$

или в матричном виде:

$$U = \left[I - A\right]^{-1} 1 \ , \qquad (8)$$

где I – единичная матрица; A – матрица с типичным элементом a_{ij}; 1 – единичный вектор.

Показатель, характеризующий длину производственной цепочки, может быть записан как

$$D_j = 1 + \sum_i b_{ji} D_i \ , \qquad (9)$$

или в матричной форме:

$$D = 1 \cdot \left[I - B\right]^{-1} \ , \qquad (10)$$

где B – матрица с типичным элементом b_{ji}.

Для случая открытой экономики показатели U и D рассчитывают аналогично по формулам (8) и (10), но с учетом экспорта и импорта товаров и услуг.

Взвешивание показателей U и D при агрегировании осуществляется соответственно на основе добавленной стоимости отраслей и стоимости товаров, используемых для конечного потребления.

[10] Речь об обратной матрице Леонтьева $I + A + A^2 + ... = (I - A)^{-1}$ и обратной матрице Гоша $I + B + B^2 + ... = (I - B)^{-1}$.

Если рассматривать экономику регионов как совокупность отраслей, то использование рассматриваемых показателей с учетом удельного веса соответствующих отраслей в экономике позволит охарактеризовать положение регионов в цепочках добавленной стоимости. Мы предлагаем расчет агрегированных показателей U и D по региональной экономике (соответственно U_R и D_R), определяемых как сумма произведений отраслевых показателей U_i и D_j и удельных весов отраслей в валовом выпуске (w):

$$U_R = \sum_i U_i w_i \,, \qquad (11)$$

$$D_R = \sum_j D_j w_j \,, \qquad (12)$$

Отметим, что оценка фрагментации производства по схожим методикам проводилась по экономикам США [16, 19], Китая [20, 21], Польши [22], стран Азии [23] и в мировом разрезе [18, 24]. Для России исследовались только сбытовые цепочки [25, 26], цепочки снабжения исследованы впервые.

3. Источники данных

Для расчета показателей, характеризующих фрагментацию производства в российской экономике, использовались данные базовых таблиц «затраты – выпуск» Росстата за 2011 г. в разрезе 125 отраслей, а также данные ЕМИСС об объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами за 2017 г. в разрезе 263 отраслей (эти отрасли агрегировались до 125-отраслевой номенклатуры таблиц «затраты – выпуск») по субъектам РФ. В силу того что официальной статистикой региональные таблицы «затраты – выпуск» не разрабатываются, для расчета показателей по регионам использовалось допущение о схожести усредненных технологических процессов в одноименных отраслях в целом по стране и в отдельных регионах (брались страновые значения показателей U и D по отраслям экономики).

4. Фрагментация производства в российской экономике

Средневзвешенное количество стадий производства в экономике России оказалось меньше 2, т.е. производственные ресурсы проходят в среднем менее двух переделов до достижения ими конечного потребителя[11]. Простым объяснением этого является растущая роль услуг в российской экономике (в 2018 г. они формировали более 60% валовой добавленной стоимости), которые требуют меньшего количество стадий производства и располагаются ближе к конечному спросу, чем продукция товаропроизводящих отраслей.

4.1. Отраслевая специфика российских ЦДС

Наиболее фрагментированными отраслями экономики России являются отрасли промышленности[12]. Средняя длина производственной цепочки (D) в обрабатывающих производствах составляет 2,57, в энергетике – 2,56 (*рис. 6*). В структуре их производственного потребления преобладает (занимая более 70%) промежуточная промышленная продукция (сырье, электроэнергия, полуфабрикаты), что обусловливает необходимость проведения множества операций по ее переработке (*табл. 4*).

Транспортная отрасль за счет активного использования продукции машиностроения (которая до момента своего изготовления проходит большое число переделов) и услуг по содержанию дорог насчитывает усредненно 2,15 стадий производства. Схожая длина производственной цепочки – 2,10 – в строительстве, которое вполне заслуженно считают одной из самых мультипликативных отраслей экономики (в ней наибольшая доля потребления продукции обрабатывающей промышленности – более 58% в общем объеме потребленных ресурсов; она очень близка к конечному потребителю).

Наименее фрагментированными отраслями являются отрасли сферы коммерческих и социальных услуг, а также добывающие отрасли. Малая длина производственных цепочек в них во многом обусловлена слабым

[11] Поразительным фактом является то, что средневзвешенное количество стадий производства в США также не превышает 2 (по данным за 2002 г.). Кроме того, фрагментация производства там в последние 50 лет имеет устойчивую тенденцию к уменьшению [17], что во многом объясняет разворот в промышленной политике Д. Трампа в сторону реиндустриализации и переноса предприятий в США.

[12] В исследовании было выделено 7 укрупненных отраслей экономики: добыча (разделы A, B,C по ОКВЭД), обработка (D), энергетика (E), строительство (F), транспорт (I), коммерческие (G, H, J, K) и социальные (L, M, N, O) услуги.

взаимодействием с технологически связанными отраслями по линии поставок потребляемых ресурсов и интенсивным использованием прямых затрат труда (это особенно касается социальных услуг – госуправления, образования и здравоохранения; *табл. 5*).

Рис. 6. Длина производственной цепочки (*D*) в 7-ми укрупненных отраслях экономики РФ

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 4. Структура производственного потребления 7 укрупненных отраслей экономики РФ, % к итогу

Отрасли-производители	Отрасли-потребители						
	Добыча	Обработка	Энергетика	Строительство	Транспорт	Коммерческие услуги	Социальные услуги
Добыча	25,6	23,6	10,7	2,6	1,1	0,9	2,0
Обработка	26,4	45,1	7,8	58,3	23,7	15,7	23,7
Энергетика	8,2	5,2	52,4	1,8	7,6	4,7	10,4
Строительство	2,8	1,1	1,9	7,9	4,9	3,4	16,2
Транспорт	13,3	6,8	1,8	5,8	30,4	21,4	10,3
Коммерческие услуги	22,7	17,5	24,8	22,5	30,7	49,9	28,2
Социальные услуги	0,8	0,6	0,6	1,2	1,5	4,1	9,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Справочно: промышленность	60,3	73,9	71,0	62,6	32,4	21,3	36,1
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.							

Таблица 5. Структура валовой добавленной стоимости 7 укрупненных отраслей экономики РФ, % к итогу

Затраты	Добыча	Обработка	Энергетика	Строительство	Транспорт	Коммерческие услуги	Социальные услуги
Оплата труда	16,2	43,9	46,4	37,3	46,9	27,7	77,8
Чистые другие налоги на производство	0,1	1,4	3,3	0,5	1,8	1,0	1,1
Потребление основного капитала	6,2	7,5	8,8	1,8	6,8	14,1	15,9
Чистая прибыль	77,5	47,2	41,6	60,4	44,5	57,2	5,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.							

Рисунок 7. Расстояние до конечного потребителя (*U*) в 7-ми укрупненных отраслях экономики РФ

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Ранжирование отраслей по расстоянию до конечного потребителя (длине сбытовой цепочки) представлено на *рисунке 7*. К отраслям, выпуск в которых практически полностью расходуется на конечное потребление, относятся социальные услуги ($U = 1{,}09$) и строительство (1,42).

Ярко выраженная удаленность от конечного потребления характерна для энергетики (3,02), транспорта (2,74) и добычи (2,66). Их продукция используется в качестве ресурсов и промежуточных товаров в технологически связанных отраслях экономики. Обрабатывающие производства (2,09) и сфера коммерческих услуг (1,92) располагаются примерно посередине ЦДС.

Поскольку рассматриваемые укрупненные отрасли экономики весьма неоднородны по своим производственным структурам, увеличим масштаб и рассмотрим *U* и *D* в 32-отраслевой разбивке.

Дальше всех от конечных потребителей – примерно в трех стадиях по ЦДС – расположены отрасли по добыче полезных ископаемых ($U \approx 4$; *табл. 6*). Чуть ближе ($U \approx 3$) находится ряд промежуточных отраслей обрабатывающей промышленности (нефтепереработка, химия, металлургия, деревообработка), энергетика, финансовая деятельность, транспорт и связь. В одной стадии от конечных потребителей ($U \approx 2$) разместились торговля, операции с недвижимостью, полиграфия, машиностроение, сельское хозяйство и рыболовство. Остальные отрасли направляют практически всю выпускаемую продукцию непосредственно домохозяйствам и представителям госуправления ($U \approx 1$), обеспечивая их продовольствием, одеждой, услугами в области питания, проживания, здравоохранения и образования.

Значительно меньше разброс значений показателя *D*, характеризующего длину производственных цепочек. В двух стадиях по ЦДС от поставщиков первичных ресурсов (работников, органов государственной власти, инвесторов; $D \approx 3$) расположены 12 отраслей экономики, в одной стадии ($D \approx 2$) – еще 18 отраслей. Две отрасли слабо взаимодействуют с другими отраслями экономики, закупая большую часть необходимых ресурсов (рабочую силу, административные услуги и капитал) непосредственно у поставщиков первичных ресурсов ($D \approx 1$).

Таблица 6. Усредненные значения *U* и *D* по 32 отраслям экономики России

U, D	Кол-во	Отрасль
$U \approx 4$	2	Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (3,65); добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических (3,51)
$U \approx 3$	12	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (3,17); производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (3,10); металлургическое производство (2,91); лесное хозяйство (2,87); целлюлозно-бумажное производство (2,75); транспорт и связь (2,74); обработка древесины и производство изделий из дерева (2,71); химическое производство (2,63); производство прочих неметаллических минеральных продуктов (2,63); финансовая деятельность (2,58); производство резиновых и пластмассовых изделий (2,54); производство готовых металлических изделий (2,53)
$U \approx 2$	10	Издательская и полиграфическая деятельность (2,38); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (2,06); производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (2,00); прочие производства (1,95); рыболовство, рыбоводство (1,95); производство машин и оборудования (1,93); сельское хозяйство (1,90); оптовая и розничная торговля (1,85); производство транспортных средств и оборудования (1,63); предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (1,55)
$U \approx 1$	8	Текстильное и швейное производство (1,49); строительство (1,42); производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака (1,34); гостиницы и рестораны (1,32); государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение (1,13); производство кожи, изделий из кожи и производство обуви (1,12); образование (1,08); здравоохранение и предоставление социальных услуг (1,05)
$D \approx 3$	12	Производство резиновых и пластмассовых изделий (2,89); производство транспортных средств и оборудования (2,80); прочие производства (2,72); производство готовых металлических изделий (2,71); производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака (2,64); металлургическое производство (2,63); производство прочих неметаллических минеральных продуктов (2,57); целлюлозно-бумажное производство (2,55); производство и распределение электроэнергии, газа и воды (2,54); производство кожи, изделий из кожи и производство обуви (2,53); производство машин и оборудования (2,53); химическое производство (2,51)
$D \approx 2$	18	Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (2,47); рыболовство, рыбоводство (2,44); обработка древесины и производство изделий из дерева (2,43); текстильное и швейное производство (2,41); издательская и полиграфическая деятельность (2,40); производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (2,35); строительство (2,11); транспорт и связь (2,06); гостиницы и рестораны (2,03); лесное хозяйство (2,02); сельское хозяйство (2,01); добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических (1,91); предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (1,82); здравоохранение и предоставление социальных услуг (1,72); государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение (1,69); оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (1,67); добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (1,63); финансовая деятельность (1,51)
$D \approx 1$	2	Образование (1,49); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (1,45)
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.		

В *таблице 7* представлена структура производственных затрат отраслей экономики, характеризующая соотношение потребления первичных и промежуточных ресурсов и позволяющая понять, чем обусловлена длина того или иного производственного процесса. Так, высокая трудоемкость (вес затрат на оплату труда) определяет малую длину производственной цепочки в образовании, здравоохранении и госуправлении, значительная капиталоемкость (вес потребления основного капитала) – в добыче полезных ископаемых и операциях с недвижимым имуществом. Отрасли обрабатывающей промышленности (что логично) имеют более длинные производственные цепочки, так как они материалоемки и закупают основную долю необходимых им ресурсов у других отраслей экономики. В целом результаты корреляционного анализа показывают, что чем выше материалоемкость и чем ниже трудо- и капиталоемкость производства, тем длиннее производственная цепочка конкретной отрасли (*табл. 8*).

Заканчивая рассмотрение отраслевой специфики российских ЦДС, продемонстрируем, не останавливаясь на подробном описании результатов, наибольшие и наименьшие значения показателей *D* и *U* отраслей экономики в максимально доступном масштабе (в 125-отраслевой разбивке; *табл. 9*).

Таблица 7. Структура производственных затрат отраслей экономики России, % к итогу

Отрасль	Первичные ресурсы			Промежуточные ресурсы отраслей	*D*
	Оплата труда	Чистые другие налоги на производство	Потребление основного капитала		
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	3,1	0,4	1,8	94,7	2,353
Металлургическое производство	10,0	0,6	2,2	87,2	2,626
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	11,0	0,4	1,7	86,9	2,638
Химическое производство	12,0	0,6	2,5	84,9	2,513
Производство резиновых и пластмассовых изделий	13,7	0,4	1,6	84,3	2,885
Прочие производства	14,6	0,3	3,3	81,9	2,718
Целлюлозно-бумажное производство	14,7	0,7	2,8	81,7	2,551
Сельское хозяйство	18,2	-3,0	4,2	80,6	2,005
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	15,7	1,1	3,0	80,2	2,538
Производство транспортных средств и оборудования	18,6	0,1	2,7	78,6	2,801
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	18,7	0,6	2,5	78,2	2,570
Обработка древесины и производство изделий из дерева	19,4	0,6	2,6	77,4	2,426
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	22,2	0,2	1,1	76,6	2,532
Рыболовство, рыбоводство	20,1	0,6	3,4	75,9	2,442
Текстильное и швейное производство	22,8	0,2	1,3	75,8	2,412
Производство готовых металлических изделий	20,1	0,4	3,9	75,6	2,714
Издательская и полиграфическая деятельность	25,6	0,4	1,5	72,4	2,401
Строительство	26,9	0,4	1,3	71,5	2,105
Производство машин и оборудования	26,2	0,4	2,3	71,2	2,527
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	17,4	1,9	10,0	70,7	1,631
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	25,7	0,4	4,4	69,4	2,472
Гостиницы и рестораны	27,8	0,5	3,0	68,7	2,028
Транспорт и связь	27,8	1,1	4,0	67,1	2,059
Лесное хозяйство	31,5	0,1	2,7	65,6	2,018
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	30,0	1,2	5,1	63,7	1,908
Оптовая и розничная торговля	32,3	0,6	9,4	57,7	1,668
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	41,9	0,8	6,1	51,3	1,823
Финансовая деятельность	45,4	4,9	4,6	45,1	1,510
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	27,1	0,8	28,9	43,2	1,451
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	58,4	0,7	1,9	39,0	1,719
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	43,4	0,3	17,5	38,8	1,693
Образование	67,4	1,7	3,0	27,9	1,490
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.					

Таблица 8. Корреляция отраслевых характеристик с показателями *D* и *U*

Характеристика отрасли	*D*	*U*
Материалоемкость (отношение промежуточного потребления к выпуску)	0,969*	0,005
Трудоемкость (отношение оплаты труда к выпуску)	-0,356*	-0,216*
Капиталоемкость (отношение потребления основного капитала к выпуску)	-0,276*	0,012
Рентабельность (отношение чистой прибыли к выпуску)	-0,640*	0,142
* Эти коэффициенты корреляции значимы при $p<0,05$. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.		

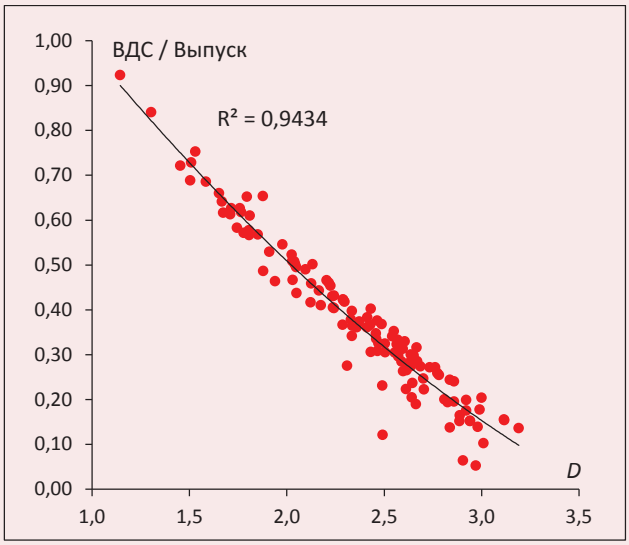
Таблица 9. Продукты с наибольшими и наименьшими значениями *U* и *D*

Ранг	Длина производственной цепочки			Расстояние до конечного потребителя	
	Продукт	*D*	ВДС/В*	*Продукт*	*U*
1	Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	3,191	0,14	Уголь каменный и уголь бурый (лигнит); торф	4,432
2	Оборудование для сельского и лесного хозяйства	3,117	0,15	Руды железные	4,427
3	Продукция первичной обработки черных металлов прочая	3,115	0,16	Продукция коксовых печей	4,376
4	Провода и кабели изолированные	3,011	0,10	Газ природный	4,156
5	Трубы и элементы трубопроводные	3,001	0,20	Вторичное сырье	4,104
…	…	…	…	…	…
121	Услуги в области образования	1,510	0,73	Услуги в области здравоохранения	1,049
122	Вспомогательные услуги в сфере финансового посредничества	1,505	0,69	Чемоданы, дамские сумки и аналогичные изделия; шорно-седельные изделия и упряжь	1,039
123	Услуги по финансовому посредничеству	1,454	0,72	Изделия табачные	1,025
124	Услуги, связанные с недвижимым имуществом	1,303	0,84	Одежда из кожи	1,006
125	Услуги по аренде машин и оборудования, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,145	0,92	Услуги общественных организаций, не включенные в другие группировки	1,000

* ВДС/В – отношение валовой добавленной стоимости к выпуску.
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

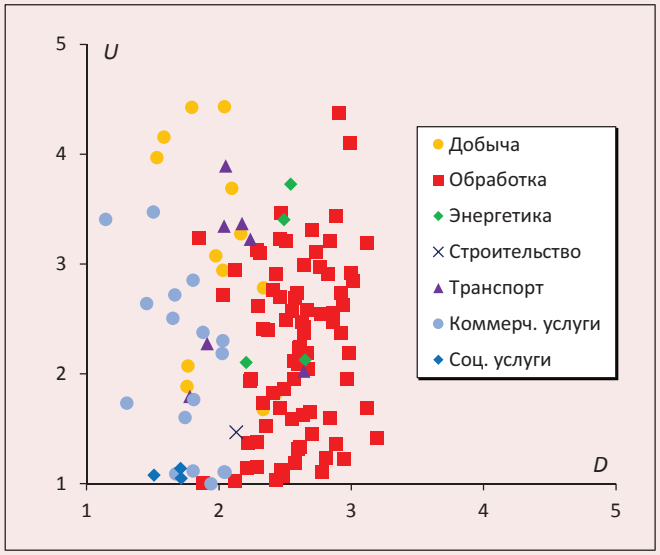
Самые длинные производственные цепочки, как правило с небольшой добавленной стоимостью на каждой стадии, имеют различные подотрасли машиностроения, самые короткие – услуги в сфере финансов, недвижимости и образования. Между степенью фрагментированности производства и уровнем создаваемой на разных его стадиях добавленной стоимости существует сильная отрицательная корреляция (*рис. 8*).

Рис. 8. Зависимость между длиной производственной цепочки (*D*) и долей добавленной стоимости в выпуске 125 отраслей экономики России

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 9. Диаграмма рассеяния значений показателей *U* и *D* 125 отраслей экономики России

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

По индексу, характеризующему количество этапов между производством и конечным спросом, наибольшие значения демонстрируют отрасли, производящие сырьевые товары: уголь, железную руду, кокс, газ, наименьшие – отрасли легкой промышленности, общественные организации.

Графическое распределение отраслей в зависимости от длины их производственной и сбытовой цепочек представлено на *рисунке 9*. Статистической взаимосвязи между значениями *D* и *U* не прослеживается (коэффициент корреляции равен -0,005).

4.2. Региональная специфика российских ЦДС

Размах отраслевых значений *D* и *U* и разнообразие производственной специализации российских регионов обусловили значительную территориальную дифференциацию ЦДС. Логично, что положение того или иного региона в производственных и сбытовых цепочках определяется номенклатурой выпускаемой им продукции. Так, дальше всего от поставщиков первичных ресурсов ($D_R \approx 3$) располагаются регионы, в структуре экономики которых преобладают наиболее ресурсоемкие производства автомобилестроительной (Калужская и Калининградская области) и металлургической (Липецкая, Вологодская и Челябинская области) ориентации (*табл. 10*). Основная часть российских регионов (80 из 85) имеют схожие длины производственных цепочек ($D_R \approx 2$), располагаясь в среднем в одной стадии от поставщиков первичных ресурсов. Среди них наиболее короткие производственных цепочки – $D_R \in [1{,}7; 2{,}0)$ – у регионов со слабо диверсифицированной экономикой, специализирующейся на добыче нефти, газа и железной руды (Ханты-Мансийский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, республики Саха (Якутия) и Карелия, Сахалинская и Астраханская области), оптовой торговле (республики Калмыкия и Дагестан).

Наибольшая протяженность сбытовых цепочек – $U_R \in [3{,}0; 3{,}7)$ – характерна для ресурсодобывающих регионов (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа, республики Саха (Якутия) и Коми, Кемеровская, Сахалинская, Астраханская, Оренбургская и Магаданская области, Забайкальский край), продукция которых, до того как дойти до конечного российского потребителя, проходит еще в среднем 2–2,5 передела. Значения показателя U_R регионов, специали-

Таблица 10. Распределение регионов России по величине показателей UR и DR

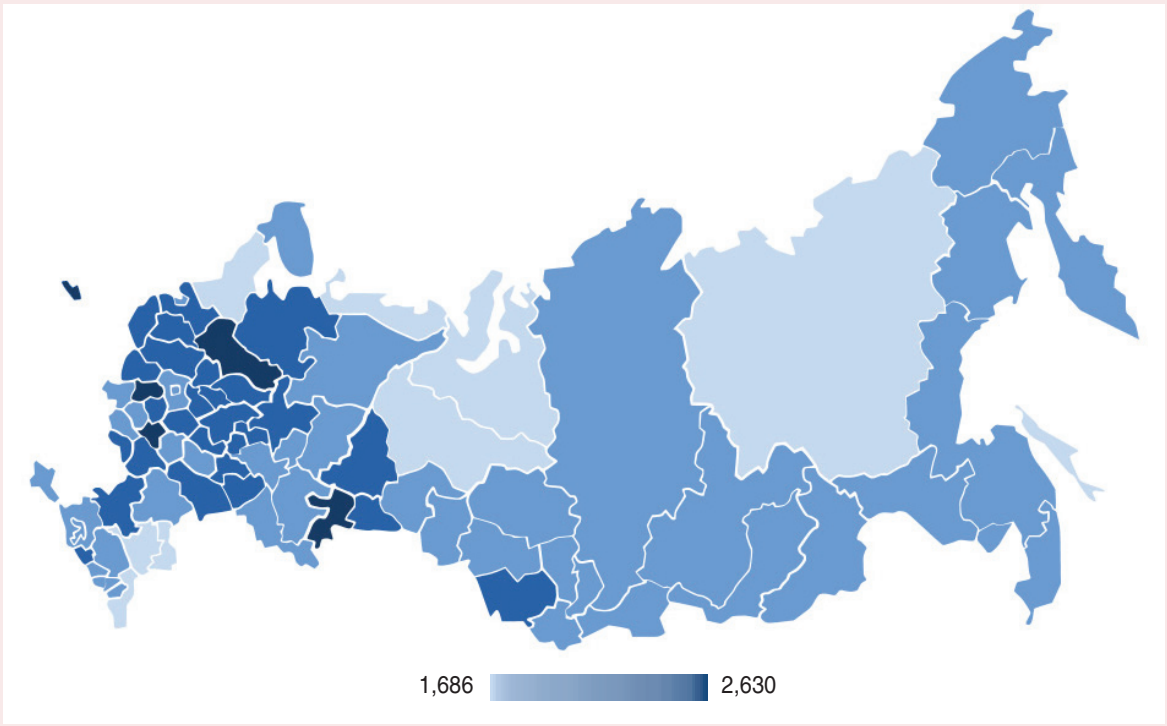
Длина производственной цепочки (D_R)		Расстояние до конечного потребителя (U_R)			
		$U_R \approx 2$	$U_R \approx 3$		$U_R \approx 4$
		$U_R \in [1,6; 2,5)$	$U_R \in [2,5; 3,0)$	$U_R \in [3,0; 3,5)$	$U_R \in [3,5; 3,7]$
$D_R \approx 2$	$D_R \in [1,7; 2,0)$	–	Респ. Калмыкия, Респ. Карелия, Респ. Дагестан	Ханты-Мансийский АО, Сахалинская обл., Астраханская обл., Респ. Саха (Якутия)	Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО
	$D_R \in [2,0; 2,3)$	Респ. Бурятия, Приморский край, Краснодарский край, Курская обл., Чеченская Респ., Новосибирская обл., Брянская обл., г. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Респ. Крым, г. Севастополь, Респ. Алтай, Пензенская обл., Московская обл., Камчатский край, Орловская обл., Респ. Адыгея, Кабардино-Балкарская Респ., Тамбовская обл., Респ. Северная Осетия-Алания, Респ. Ингушетия	Респ. Тыва, Иркутская обл., Респ. Хакасия, Томская обл., Пермский край, Тюменская обл. (без АО), Красноярский край, Еврейская автономная обл., Респ. Татарстан, Омская обл., Волгоградская обл., Амурская обл., Мурманская обл., Респ. Башкортостан, Хабаровский край, г. Москва, Респ. Удмуртия	Чукотский АО, Респ. Коми, Оренбургская обл., Магаданская обл., Забайкальский край	Кемеровская обл.
	$D_R \in [2,3; 2,5)$	Самарская обл., Белгородская обл., Ленинградская обл., Тульская обл., Алтайский край, Архангельская обл. (без АО), Нижегородская обл., Тверская обл., Смоленская обл., Ростовская обл., Новгородская обл., Кировская обл., Рязанская обл., Ярославская обл., Воронежская обл., Костромская обл., Курганская обл., Респ. Марий Эл, Респ. Чувашия, Карачаево-Черкесская Респ., Ивановская обл., Владимирская обл., Респ. Мордовия, Псковская обл., Ульяновская обл.	Свердловская обл., Саратовская обл.	–	–
$D_R \approx 3$	$D_R \in [2,5; 2,7]$	Калужская обл., Калининградская обл.	Липецкая обл., Вологодская обл., Челябинская обл.	–	–
Источник: рассчитано на основе данных Росстата.					

зирующихся на обрабатывающей промышленности[13] (Омская, Калужская, Владимирская, Липецкая, Тульская, Нижегородская, Новгородская, Свердловская, Челябинская и Вологодская области, Красноярский край), лежат в диапазоне от 2,1 до 3. Наименьшие значения U_R зафиксированы в регионах, в которых слабо развита промышленность, в структуре экономики преобладают сельское хозяйство, пищевое производство, торговля и сектора здравоохранения, образования и госуправления (республики Ингушетия, Тыва, Северная Осетия-Алания, Алтай, Калмыкия, Адыгея, Дагестан, Крым, Чеченская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская; Камчатский и Ставропольский края; г. Севастополь).

Географическое распределение региональных показателей D_R и U_R по территории страны представлено на *рисунках 10* и *11*. Предприятия регионов европейской части России в среднем занимают более высокое положение в производственных цепочках. Именно на них в силу близости к местам скопления населения направляются полуфабрикаты со всей страны (из регионов Сибири и Дальнего Востока через Урал) для производства конечной продукции.

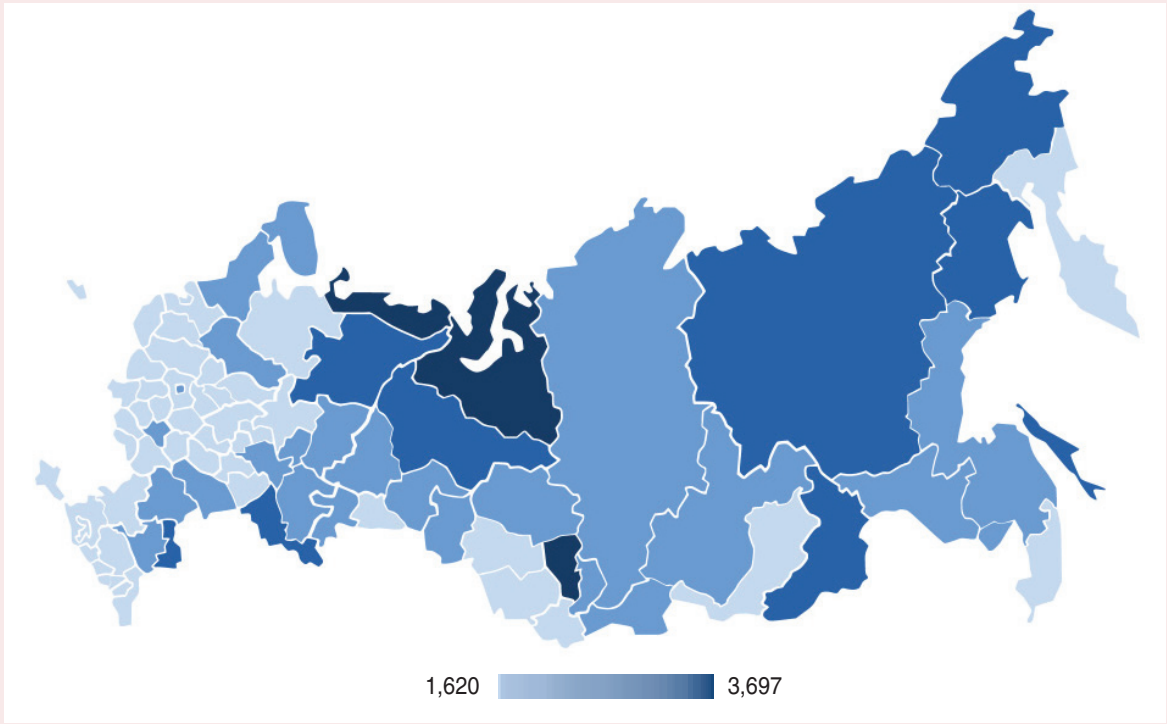
[13] Доля валовой добавленной стоимости, создаваемой обрабатывающими производствами, превышает 30% ВРП.

Рис. 10. Агрегированный показатель D_R по экономике регионов России

Источник: построено на основе данных Росстата.

Рис. 11. Агрегированный показатель U_R по экономике регионов России

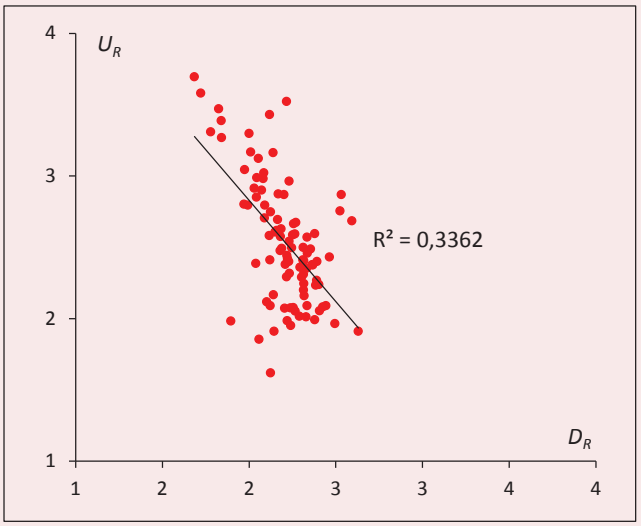

Источник: построено на основе данных Росстата.

Между местом региона в производственной и сбытовой цепочках прослеживается сильная отрицательная связь (коэффициент корреляции между D_R и U_R равен -0,580; *рис. 12*). В среднем регион, близкий к конечным потребителям в сбытовых цепочках, оказывается дальше от поставщиков первичных ресурсов в производственных цепочках. То есть в российских ЦДС на региональном уровне довольно ярко прослеживается территориальное разделение труда, когда одни регионы специализируются на добыче различных полезных ископаемых, другие – на их первичной переработке, третьи – на изготовлении конечной продукции из полуфабрикатов.

В то же время примечательно, что положение того или иного региона в ЦДС в значительной мере определяет уровень его социально-экономического развития. Отмечается сильная корреляция показателей D_R и U_R со среднедушевыми объемами ВРП, инвестиций в основной капитал, доходами населения и консолидированного бюджета (*табл. 11*).

Рис. 12. Диаграмма рассеяния значений агрегированных показателей U_R и D_R регионов России в 2017 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 11. Корреляция характеристик социально-экономического развития регионов с показателями DR и UR

Характеристика	D_R	U_R
Среднедушевой объем ВРП	-0,544*	0,574*
Фондоемкость ВРП	-0,355*	0,229*
Удельный вес убыточных организаций	-0,226*	0,203*
Среднедушевой объем инвестиций в основной капитал	-0,519*	0,497*
Среднедушевой объем экспорта	-0,318*	0,439*
Среднедушевой объем импорта	-0,020	0,078
Среднедушевое число малых предприятий	0,187	0,004
Среднедушевые доходы консолидированного бюджета	-0,453*	0,523*
Среднедушевая численность работников органов власти	-0,326*	0,380*
Среднедушевые затраты на научные исследования и разработки	-0,017	0,198
Затраты на технологические инновации	-0,252*	0,353*
Среднедушевые доходы населения	-0,452*	0,522*
Среднемесячная начисленная заработная плата работников	-0,514*	0,622*

Окончание таблицы 11

Характеристика	D_R	U_R
Среднедушевое фактическое потребление домашних хозяйств	-0,387*	0,437*
Среднедушевое число легковых автомобилей	0,240*	-0,022
Среднедушевая площадь жилых помещений	0,483*	-0,153
Общий коэффициент рождаемости	-0,539*	0,250*
Общий коэффициент смертности	0,627*	-0,241*
Коэффициент миграционного прироста	0,151	-0,333*
Заболеваемость населения	-0,158	0,427*
Уровень безработицы	-0,210*	-0,155
Уровень преступности	-0,158	0,475*
* Эти коэффициенты корреляции значимы при p<0,05. Источник: рассчитано на основе данных Росстата.		

Значения всех этих индикаторов в среднем выше в тех регионах, которые располагаются в начале производственных и в конце сбытовых цепочек. При этом наиболее «обделенным» является среднее звено – регионы с развитой обрабатывающей промышленностью. Можно констатировать, что государство в целом слабо справляется с задачей перераспределения доходов по ЦДС. Этот вывод подтверждается и другими исследователями [27].

5. Заключение

Проведенное исследование дало возможность количественно оценить степень фрагментации производства в российской экономике на основе анализа производственных и сбытовых цепочек отраслей и региональных экономик (как совокупности отраслей). Его результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Положение той или иной отрасли в цепочке снабжения и цепочке сбыта, как правило, различно, т.к. структура выпуска продукции не идентична структуре закупки промежуточных материалов. Например, обрабатывающие производства находятся в конце производственной цепочки и в середине сбытовой. При этом на разагрегированном отраслевом уровне в России (в отличие, скажем, от США [19]) отсутствует корреляция между длинами производственных и сбытовых цепочек. Одним из возможных объяснений этого может быть существенный диспаритет в экспортно-импортных операциях, характеризующийся вывозом сырьевых ресурсов и ввозом продуктов высоких переделов (в закрытой экономике длины производственных и сбытовых цепочек равны).

2. Длина производственной цепочки конкретной отрасли определяется соотношением потребления первичных и промежуточных ресурсов. Материалоемкие производства включают больше производственных стадий, трудо- и капиталоемкие – соответственно меньше. Удельный вес валовой добавленной стоимости сокращается по мере удлинения производственной цепочки. Чем более фрагментировано производство, тем меньше создается добавленной стоимости на каждой его стадии.

3. Расположение отраслей в сбытовой цепочке верно отражает ранжирование, когда одно производство выступает преимущественным поставщиком продукции для другого. К примеру, производители книг ($U = 1{,}935$) закупают расходные материалы у производителей бумаги ($U = 2{,}245$), которые, в свою очередь, используют продукцию производителей целлюлозы ($U = 3{,}211$). Данное свойство крайне ценно для практического использования при проектировании ЦДС.

4. Российской экономике свойственны значительная дифференциация положения регионов в ЦДС и доставшееся в наследство от СССР четкое территориальное разделение труда. Существует зависимость между местом региона в производственных и сбытовых цепочках. Регион, который в среднем располагается в конце сбытовых цепочек (т.е. специализируется на выпуске конечной продукции), оказывается дальше от поставщиков первичных ресурсов в производственных цепочках (т.е. использует больше полуфабрикатов).

5. Положение региона в ЦДС оказывает влияние на результаты его социально-экономического развития. Сопоставление значений D_R и U_R с ключевыми индикаторами регионального развития позволило выявить их взаимосвязи с ВРП, инвестициями в основной капитал, экспортом, доходами консолидированного бюджета, потреблением населения (и даже с рождаемостью, смертностью, заболеваемостью и преступностью).

Новизна исследования, обусловливающая его вклад в развитие науки, заключается в адаптации межотраслевого подхода к оценке фрагментации производства к региональному уровню и выявлении современных закономерностей в функционировании российских ЦДС на основе его апробации на материалах субъектов РФ. Материалы статьи могут быть полезны для лиц, принимающих управленческие решения, при обосновании экономической политики на региональном уровне. Перспективы дальнейших исследований связаны с методическим и аналитическим обеспечением использования предлагаемого инструментария в практике государственного регулирования экономики. Важным видится учет отраслевой специализации регионов в существующих национальных ЦДС, а также выработка направлений государственной политики по их удлинению на основе форсайт-исследования производственных и сбытовых цепочек промышленно развитых стран.

Литература

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
2. Губанов С. Неоиндустриальная парадигма развития: краткое обобщение // Экономист. 2017. № 11. С. 22–39.
3. Лукин Е.В. Тенденции развития социально-экономического пространства России // Вопросы территориального развития. 2014. № 7 (17). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1425
4. Кульков В.М. Завершился ли переходный период в экономике России? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 45–59.
5. Мурадов К.Ю. Встроена ли Россия в глобальные цепочки создания стоимости? // Вестник НГУЭУ. 2015. № 4. С. 92–117.
6. Kaplinsky R. Globalisation and unequalisation: what can be learned from value chain analysis? *Journal of Development Studies,* 2000, vol. 37 (2), pp. 117–146. DOI: 10.1080/713600071.
7. Широв А.А. Использование таблиц «затраты – выпуск» для обоснования решений в области экономической политики // Проблемы прогнозирования. 2018. № 6. С. 12–25.
8. Miller R.E., Blair P.D. *Input-Output Analysis: Foundations and Extensions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 768 p.
9. Oosterhaven J., Hewings G. Interregional input-output models. In: *Handbook of Regional Science*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2014. Pp. 875–901. DOI: 10.1007/978-3-642-23430-9_43.
10. Cadarso M.A., Monsalve F., Arce G. Emissions burden shifting in global value chains – winners and losers under multi-regional versus bilateral accounting. *Economic Systems Research,* 2018, vol. 30 (4), pp. 439–461. DOI: 10.1080/09535314.2018.1431768.
11. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 120–150.
12. Faturay F., Lenzen M., Nugraha K. (2017). A new sub-national multi-region input-output database for Indonesia // Economic Systems Research. 2007. Vol. 29 (2). Pp. 234–251. DOI: 10.1080/09535314.2017.1304361.
13. Oosterhaven J., Polenske K.R. Modern regional input-output and impact analyses. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories.* 2009. Pp. 423–439.
14. Zhang Z., Shi M., Zhao Z. The Compilation of China's interregional input-output model 2002. *Economic Systems Research,* 2015, vol. 27 (2), pp. 238–256. DOI: 10.1080/09535314.2015.1040740.
15. Mi Z., Meng J., Zheng H., Shan Y., Wei Y.M., Guan D. A multi-regional input-output table mapping China's economic outputs and interdependencies in 2012, *Scientific Data,* 2018, vol. 5, article number: 180155. DOI: 10.1038/sdata.2018.155.

16. Antràs P., Chor D., Fally T., Hillberry R. Measuring the upstreamness of production and trade flows. *American Economic Review,* 2012, vol. 102 (3), pp. 412–416. DOI: 10.3386/w17819.
17. Fally T. *Production Staging: Measurement and Facts.* University of Colorado-Boulder, 2012. 64 p.
18. Miller R.E., Temurshoev U. Output upstreamness and input downstreamness of industries/countries in world production. *International Regional Science Review*, 2017, vol. 40 (5), pp. 443–475. DOI: 10.1177/0160017615608095.
19. Fally T. *On the Fragmentation of Production in the US.* University of Colorado-Boulder, 2011. 49 p.
20. Chen B. Upstreamness, exports, and wage inequality: evidence from Chinese manufacturing data. *Journal of Asian Economics,* 2017, vol. 48, pp. 66–74.
21. Ju J., Yu X. Productivity, profitability, production and export structures along the value chain in China. *Journal of Comparative Economics,* 2015, vol. 43 (1), pp. 33–54.
22. Hagemejer J., Tyrowicz J. Upstreamness of employment and global financial crisis in Poland: the role of position in global value chains. In: *Economics of European Crises and Emerging Markets.* 2017. Pp. 217–236. DOI: 10.1007/978-981-10-5233-0_10.
23. Ito T., Vézina P.-L. Production fragmentation, upstreamness, and value added: evidence from factory Asia 1990–2005. *Journal of the Japanese and International Economies,* 2016, vol. 42, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.jjie.2016.08.002.
24. Beladi H., Chakrabarti A., Hollas D. Cross-border mergers and upstreaming. *World Economy,* 2017, vol. 40 (3), pp. 598–611. DOI: 10.1111/twec.12320.
25. Кузнецов Д., Седалищев В. Исследование среднего положения отраслей российской экономики в цепочках добавленной стоимости // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 48–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-03.
26. Лукин Е.В. Оценка положения экономики российских регионов в цепочках добавленной стоимости // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 27–36. DOI: 10.15838/ptd.2019.2.100.1.
27. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.

Сведения об авторе

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зам. зав. отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Lukin E.V.

Sectoral and Territorial Specifics of Value-Added Chains in Russia: the Input-Output Approach

Abstract. This paper shows the growing role of domestic demand in the development of the modern economy. We consider the capacity of domestic markets of the largest countries of the world. We prove that the low volume of domestic demand inhibits economic dynamics and worsens the quality of socio-economic development of the Russian Federation. We consider that a promising direction for expanding domestic consumer and investment demand is the implementation of state policy to increase the incomes of the population, companies and the state in the framework of lengthening their own value-added chains that produce goods and services for final use. In this regard, the goal of this study is to analyze the existing value-added chains, assess the degree of their fragmentation, sectoral and territorial specifics. The input-output theory serves as a methodological basis for our study. The information source is represented by basic input-output tables and the data of the Unified Interdepartmental Statistical Information System. The novelty of the research consists in adjusting the multidisciplinary approach to the assessment of fragmentation of production to suit the needs of the regional level and in identifying modern patterns in the functioning of Russian value-added chains on the basis of the approbation of the approach on the

materials of Russian regions. According to the results of the calculations we reveal the average position of 125 branches of the Russian economy in the supply and sales chains. We substantiate the degree of fragmentation of production chains of various industries; we substantiate the factors that determine the length of a production process. We calculate the average distance along the sales chain, which the goods cover to the moment of their use by the end consumer. We consider regional fragmentation of production in Russia. We reveal a number of statistically significant dependencies between the position of regions in the value-added chains and their socio-economic development performance.

Key words: value-added chains, input-output tables, fragmentation of production, length of the production chain, distance to the end user.

Information about the Author

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Статья поступила 22.10.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.8
УДК 332.1+339.924, ББК 65.049(2)
© Бардаль А.Б.

Потенциал интеграции транспортного комплекса востока России в международный рынок транспортных услуг

Анна Борисовна
БАРДАЛЬ
Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: Bardal@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9944-4714; ResearcherID: V-7615-2017

Аннотация. Восточные районы России являются естественной контактной зоной страны с активно развивающимся Азиатским регионом. Ключевые государства Северо-Восточной Азии: КНР, Япония, Республика Корея – выступают крупнейшими участниками мировой торговли на современном этапе. Обслуживание масштабных товарных потоков с Европейским союзом и США обеспечивается рынком транспортных услуг, посредством которого выстраиваются наиболее эффективные схемы доставки. В этих условиях транспортная система востока России имеет объективные предпосылки для встраивания в международную транспортную систему. Цель представленного исследования состоит в оценке потенциала интеграции транспортной системы Дальнего Востока в рынок транспортных услуг Северо-Восточной Азии. При этом оценка интеграционных возможностей была проведена на основе разделения территории востока России на районы по результатам кластерного анализа. Данный подход представляется новым для достижения поставленной исследовательской цели. Необходимость разделения связана с тем, что Дальний Восток представляет собой регион значительный по площади, крайне неоднородный по внутреннему составу, экономико-географическим и социально-экономическим характеристикам. Субъекты РФ в составе ДФО обладают, в том числе, различным интеграционным потенциалом и уровнем развития транспортной системы. В качестве критериев деления при использовании кластерного анализа выступали показатели развития транспортной сети и масштабы внешнеэкономической активности. В результате расчетов Дальний Восток разделен на пять

Для цитирования: Бардаль А.Б. Потенциал интеграции транспортного комплекса востока России в международный рынок транспортных услуг // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 150–165. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.8

For citation: Bardal' A.B. The potential for integration of the transport complex of the East of Russia into the international market of transport services. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 150–165. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.8

районов, отличающихся по потенциалу интеграционного взаимодействия транспортной системы с рынком транспортных услуг Северо-Восточной Азии. В работе представлены особенности выделенных районов, характеристики транспортных систем и перспективы участия в международном транспортном рынке. В дальнейшем возможно проведение исследования с учетом проектов развития транспортной системы Дальнего Востока, корректирующих перспективы интеграционных взаимодействий.

Ключевые слова: интеграция, транспортная система, Дальний Восток России, кластерный анализ, Северо-Восточная Азия, рынок транспортных услуг.

Введение

Пограничное положение восточных районов России формирует предпосылки взаимодействия с крупными по масштабам экономического развития странами Азиатского региона (КНР, Япония, Республика Корея). Эти страны к настоящему моменту имеют развитые торговые взаимодействия с мировым хозяйством и обширные транспортные связи, обслуживающие торговлю. Так, по итогам 2018 г. совокупный экспорт товаров КНР, Японии и Республики Корея составил 3,8 трлн. долл. США, импорт – 3,4 трлн. долл. США[1]. При этом в числе важнейших торговых партнеров ведущих азиатских стран выступают США и государства Европейского союза.

Дальний Восток России географически относится к Северо-Восточной Азии (СВА), имея тем самым предпосылки интеграции в происходящие процессы. В этих условиях транспортная система востока России, взаимодействуя с международной транспортной системой, могла бы участвовать в обслуживании торговых потоков стран СВА. Активное вовлечение транспортной системы Дальнего Востока в международный транспортный рынок может рассматриваться как потенциальный драйвер экономического развития восточных регионов, соответствующий актуальным направлениям государственной политики России на современном этапе. Однако до настоящего времени масштабы такого участия незначительны.

Цель данного исследования состоит в оценке потенциала интеграции транспортной системы Дальнего Востока в рынок транспортных услуг СВА на основе кластерного подхода с выделением районов. Научной новизной проведенного исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, является анализ интеграционного потенциала российской транспортной системы на полигоне Северо-Восточной Азии, а также возможность увеличения степени разнообразия, соответственно, устойчивости и эффективности проектируемых в настоящее время международных транспортно-интеграционных систем в СВА. Применение кластерного анализа является элементом новизны, позволяющей расширить ряд инструментальных методов при достижении поставленной цели.

Работы об основах экономической интеграции проблемы транспортного обеспечения напрямую не затрагивают [1; 2; 3]. При рассмотрении различных форм и уровней интеграции наличие транспортной инфраструктуры предполагается в качестве одного из поддерживающих интеграционные процессы элементов.

Непосредственное изучение процессов интеграции транспортных систем в современной литературе связано в первую очередь с построением эффективных взаимодействий в объединенной Европе. В этом контексте рассматриваются вопросы сопряжения транспортных систем отдельных стран в рамках общей транспортной системы Европейского союза (ЕС), в частности влияние отдельных видов транспорта на экологию и выявление наиболее масштабных эмитентов загрязняющих веществ в транспортном секторе. При этом отмечается негативное влияние автомобильного транспорта и актуальность применения мероприятий по снижению выбросов углекислого газа в среднесрочной перспективе (период 2020–2030 гг.). По оценкам отсрочка процессов декарбонизации транспортной системы приведет к росту затрат на этот процесс в рамках ЕС

[1] International Trade Center. URL: http://www.trademap.org/ (дата обращения: 04.10.2019).

в период после 2030 г. [4; 5]. Оценивается динамика выбросов транспорта в отдельных странах Европы, являющихся крупнейшими эмитентами углеводорода, включая расчет в разрезе межсекторальных связей [6].

Одним из важнейших вопросов при рассмотрении интеграции транспортных систем является пересечение границ. Эта проблема также наиболее ярко проявляется на примере ЕС. В современной литературе рассматриваются пространственные характеристики развития сети и другие факторы, определяющие транспортную мобильность в трансграничных перемещениях объединенной Европы, в том числе в рамках транспортных коридоров. Наличие адекватных транспортных связей представляется одним из ключевых факторов создания единого экономического пространства. Предлагается оценивать проницаемость границ через соотношение спроса и предложения на трансграничные перемещения по маршрутам используемых видов транспорта, а также рассматривать интеграцию транспортных систем в рамках транспортных коридоров как процесс достижения устойчивости с точки зрения не только экологии, но и социально-экономического развития [7; 8; 9].

Еще одно направление исследования интеграции транспортных систем относится к включению в мировое транспортное пространство бывших республик СССР. В публикациях представлены сравнительные преимущества транзитных маршрутов стран Центральной Азии и Евразийского союза, оцениваются масштабы и направления транспортных связей и перспективные параметры транспортных проектов Евразийского экономического союза [10; 11; 12].

В публикациях по вопросам интеграции в СВА, в т.ч. с точки зрения транспортных систем, рассматриваются возможные эффекты создания различных условий функционирования, применение мер государственного регулирования, снижение экологической нагрузки на окружающую среду [13; 14; 15]. Так, для воздушного транспорта, актуального в условиях отсутствия единой наземной сети между странами региона, исследуются конкурентные стратегии ключевых аэропортов, параметры уязвимости сети, последствия введения режима «открытое небо» ведущими странами СВА [16; 17]. Показаны положительные эффекты как для пользователей услуг воздушного транспорта, так и для авиакомпаний в случае либерализации рынка авиаперевозок. В качестве важной дополняющей меры выявлена политика распределения мест для внутренних и международных потоков в аэропортах. Определены устойчивость функционирования сети аэропортов СВА и узлы, наиболее подверженные рискам [18; 19].

Исследования о проблемах развития морского транспорта, обслуживающего товарные потоки в пределах региона СВА, а также хозяйственных связей стран региона с миром посвящены анализу направлений развития портов ключевых государств, стратегиям сотрудничества в области морского транспорта. Так, при сравнении конкурентных преимуществ морских контейнерных портов трех ведущих стран СВА – КНР, Японии, Республики Корея – была выявлена (для оценки были выбраны 20 критериев и проведен опрос экспертов) лидирующая позиция порта Пусан [20]. Отмечен переход от конкуренции между портами к сотрудничеству в отдельных странах. Показано, что в Японии расширение сотрудничества морских портов позволяет более эффективно использовать существующие мощности, а также государственное и частное финансирование целевых инвестиций в новые активы [21]. Рассматривается стратегия сотрудничества морских портов в Китае, методы поощрения которой и возможные схемы реализации разработаны правительством страны на национальном и провинциальном уровнях [22; 23].

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Вопрос оценки потенциала интеграции транспортной системы восточных районов России в рынок транспортных услуг СВА является дискуссионным, его решение не может быть простым и однозначным. Во-первых, сложным представляется объект исследования – транспортная система Дальнего Востока, включающая различные виды транспорта, функционирующие в отличающихся по внутренним характеристикам территориальных системах, связи и взаимодействия между ними и другими агентами рынка транспортных услуг и экономики в целом. Во-вторых, исследование осложняется нестабильностью ситуации, возникающей как в процессе преобразования отдельных

элементов транспортного комплекса России, так и под влиянием колебаний параметров экономических систем (национального и международного уровня).

Первое из указанных выше обстоятельств приводит к тому, что рассматривать потенциал интеграции транспортной системы Дальнего Востока без учета внутренней дифференциации столь масштабного объекта представляется малопродуктивным. Более результативным представляется подход, основанный на исследовании ключевых характеристик, динамики и перспектив транспорта региона с целью выделения однородных сегментов. В этом случае появляется возможность определения районов, исторически связанных специализацией транспортной системы, хозяйственными взаимодействиями, уровнем внешнеэкономических связей и возможными направлениями дальнейшего встраивания в транспортный рынок СВА.

Сегментация территории Дальнего Востока может проводиться с различными целями [24; 25; 26; 27; 28; 29]. Несмотря на то что характеристика транспортной сети является одним из критериев определения классификационных единиц в отдельных работах, исследований с целью выявления однородных районов с точки зрения интеграционного потенциала транспортного комплекса нет. Однако имеются работы, близкие с точки зрения решаемых задач.

Так, в работах Тихоокеанского института географии ДВО РАН рассматриваются варианты экономического районирования Дальневосточного побережья с учетом геополитических интересов для исследования процессов прибрежно-морского природопользования. На основе комплекса факторов – географических, исторических, политических и других, взаимодействующих между собой и оказывающих большое влияние на стратегический потенциал государства и его внешнюю политику, – выделяется пять районов: Арктический, Северотихоокеанский, Охотоморский, Япономорский, Туманганский. Районы отличаются стратегическими функциями, проблемами, а также выделяемым «вектором действия» – ключевым направлением функционирования экономики. Выделенные районы не имеют жесткой корреляции с существующей сеткой административно-территориального деления и включают частично территорию Дальнего Востока, а также прибрежные воды *(рис. 1)* [30].

Этот вариант районирования косвенно отражает наличие потенциала сотрудничества в сфере транспорта со странами СВА, но не может быть использован для целей автора, поскольку в нем рассматривается не вся территория ДФО, а лишь прибрежные районы.

Транспорт учитывается также в других работах коллектива ТИГ ДВО РАН при исследовании динамики экономических структур территории Дальнего Востока: предлагается вариант экономического районирования и развития магистральных дорог региона с учетом транспортных сетей сопредельных стран [31], позволяющий анализировать процессы формирования и развития сети железных и автомобильных дорог как результат *региональной экономической политики (рис. 2)*.

Этот вариант районирования территории Дальнего Востока также не может быть принят в качестве базового для проводимого исследования, поскольку: а) не охватывает всю территорию ДФО; б) направлен на обоснование управленческих решений по развитию региона и, соответственно, учитывает не только текущее, но и перспективное состояние дорожной сети; в) учитывает крайне ограниченный перечень параметров транспортного комплекса.

При оценке потенциала интеграции транспортной системы Дальнего Востока в рынок транспортных услуг СВА определенный интерес представляет схема экономико-географического тяготения субъектов востока России к Тихому океану, где выделены две зоны в границах ДФО, с учетом экономической близости к АТР [32]. Первая зона включает субъекты РФ, имеющие выход к Тихому океану: Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, ЧАО. Вторая зона включает территории, тяготеющие экономически к АТР, но не выходящие к Тихому океану – Республика Саха (Якутия), Амурская область и ЕАО *(рис. 3)*.

Этот вариант районирования соответствует в определенной степени задачам исследования, но требует детализации с учетом показателей транспортного комплекса Дальнего Востока.

Рис. 1. Районирование Дальневосточного побережья с позиций геополитических интересов России

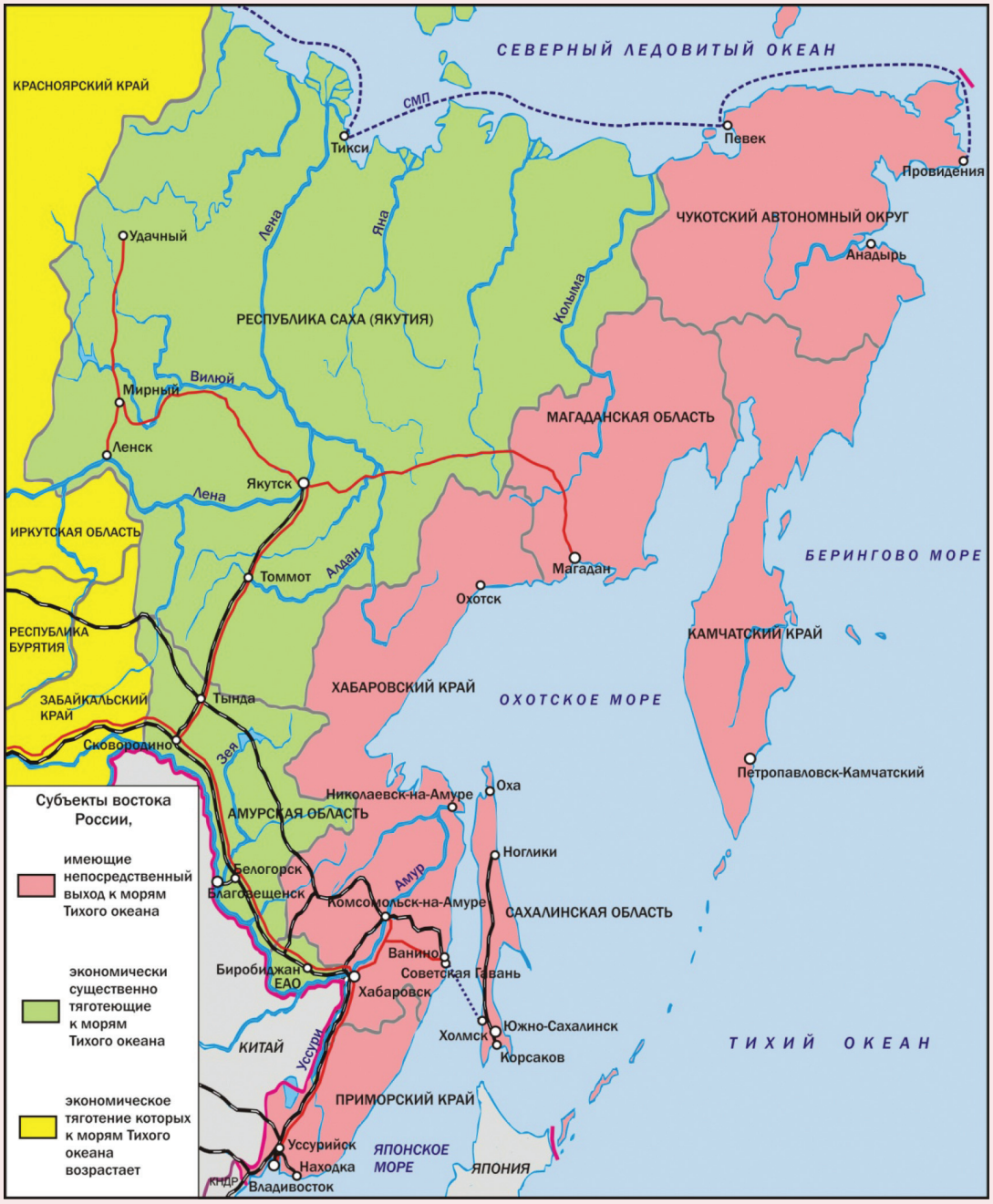
Источник: составлено В.Д. Хижняком по: Районирование, делимитация прибрежных зон Дальнего Востока России и их функциональное зонирование / В.П. Каракин, Б.В. Преображенский, В.В. Жариков, А.А. Степанько, И.С. Арзамасцев, М.Т. Романов // Прибрежно-морское природопользование: теория, индикаторы, региональные особенности. Владивосток: Дальнаука, 2010. 308 с. С. 220.

Рис. 2. Экономическое районирование и развитие сети магистральных дорог на Дальнем Востоке России

Источник: составлено В.Д. Хижняком по: Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальная организация хозяйства в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Ученые записки ЗабГГПУ. 2013. № 1 (48). С. 152.

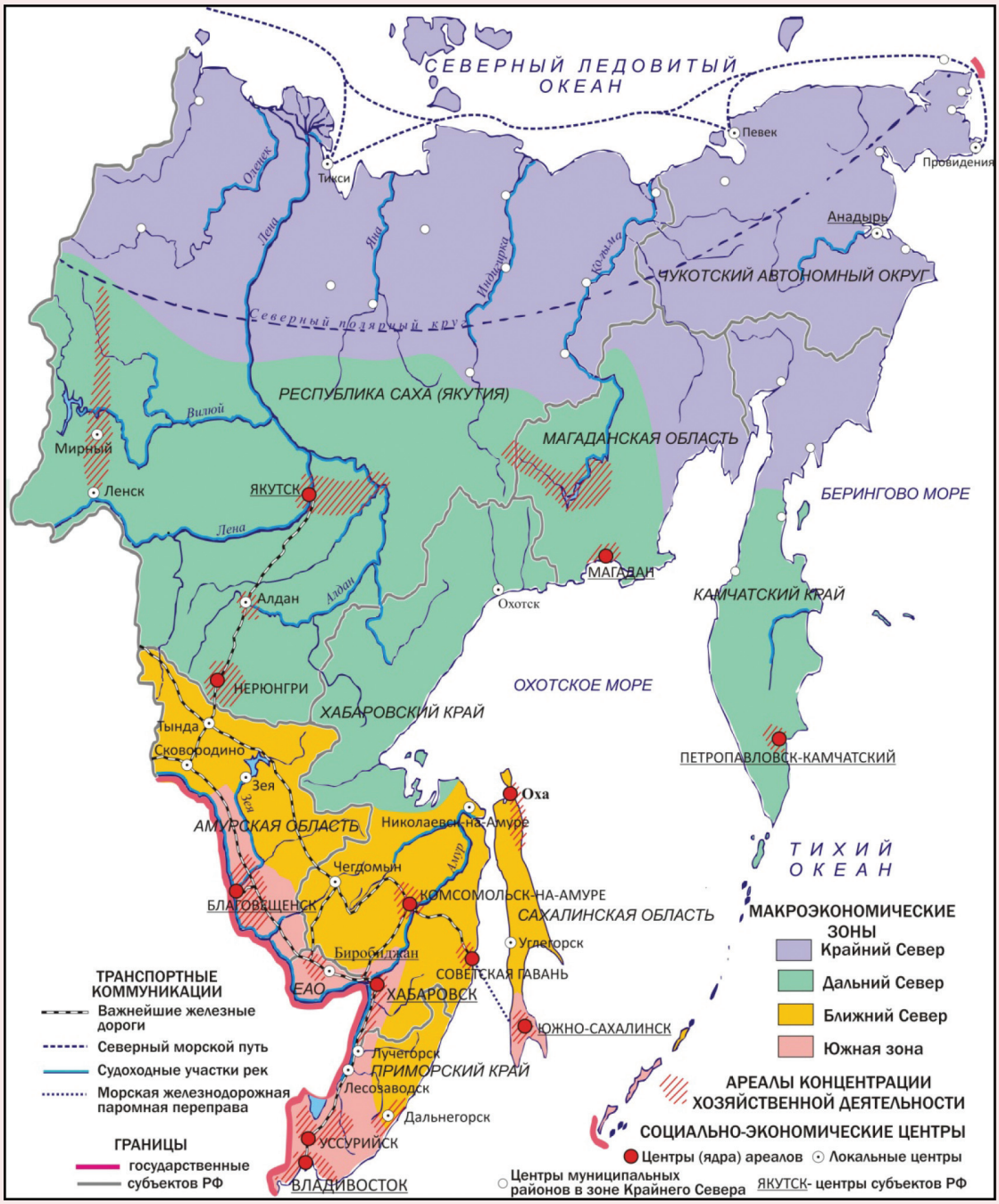
Рис. 3. Зоны тяготения субъектов РФ востока России к Тихому океану

Источник: составлено В.Д. Хижняком по: Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с. С. 48.

Значительный интерес с точки зрения экономического районирования представляет подход, который сформирован в ИЭИ ДВО РАН, в рамках которого разделение территории Дальнего Востока проводится с учетом разнообразия ведения экономической деятельности природного и социального характера [33]. Предлагается выделение четырех макроэкономических зон, определяемых системой ландшафтных поясов и зон: Крайний Север (Субарктика), Дальний Север, Ближний Север и Юг *(рис. 4)*.

Рис. 4. Макроэкономические зоны Дальнего Востока

Источник: составлено В.Д. Хижняком по: Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Внутрирегиональное разнообразие // Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с. С. 160–161.

Выделенные макроэкономические зоны позволяют учесть природные факторы, влияющие на развитие транспортного комплекса Дальнего Востока, и содержательно обосновывают проводимое районирование. Поэтому при интерпретации результатов кластерного анализа будем принимать во внимание варианты районирования, представленные на рисунках 3 и 4.

Разделение Дальнего Востока на более мелкие районы проводится посредством применения кластерного анализа[2]. При этом расчеты производились в разрезе субъектов РФ в составе ДФО (в составе, по состоянию на начало 2018 г., 9 субъектов РФ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ) и муниципальных районов (Хабаровский край). Субъекты РФ на территории Дальнего Востока, за исключением Хабаровского края, рассматривались как целостные единицы. Территория Хабаровского края при выделении районов с учетом макроэкономического зонирования (см. рис. 4) разделена на две части: а) северную, б) южную и центральную часть. К северной части отнесены Аяно-Майский, Охотский и Тугуро-Чумиканский муниципальные районы; к южной и центральной частям – Амурский, Бикинский, Ванинский, Верхнебуреинский, Вяземский, Комсомольский, им. Лазо, Нанайский, Николаевский, им. Полины Осипенко, Советско-Гаванский, Солнечный, Ульчский и Хабаровский муниципальные районы края.

Кластерный анализ проведен на основе показателей развития транспортной инфраструктуры, работы транспортной системы и масштаба внешнеэкономических связей за 2018 г.: плотность железных дорог (км на 10 тыс. км^2), плотность автомобильных дорог (км на 1 тыс. км^2), плотность внутренних водных путей (км на 1 тыс. км^2), объем перевозок грузов железнодорожным транспортом[3] (млн. т), объем перевозок грузов автомобильным транспортом (млн т), грузооборот автомобильного транспорта (млн. т-км), экспорт (млн долл. США), импорт (млн. долл. США), объем экспорта (тыс. т), объем импорта (тыс. т). При расчетах использовались официальные данные Росстата и Дальневосточного таможенного управления.

Поскольку использовались показатели различной размерности, то перед проведением процедуры кластеризации они были нормированы по размаху значений [34]:

$$x* = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}},$$

где x^* – нормализованные значения показателя;

x – исходные значения;

x_{min} – минимальное значение показателя;

x_{max} – максимальное значение показателя.

Включение в перечень анализируемых показателей объемов экспортно-импортных операций субъектов РФ на Дальнем Востоке изменяет полученные ранее лишь на основе параметров транспортных сетей и оценки транспортной работы [35].

Анализ и пояснение полученных результатов

По результатам кластерного анализа на территории Дальнего Востока России выделено пять районов *(рис. 5)*: район I – Республика Саха (Якутия), район II – Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область и северная часть Хабаровского края; район III – южная и центральная части Хабаровского края, Амурская область и ЕАО; район IV – Сахалинская область; район V – Приморский край. Характеристики транспорта в разрезе полученных по результатам кластеризации районов ДФО приведены в *таблицах 1, 2* и *3*.

Рассмотрим специфику выделенных районов с точки зрения характеристики транспортной системы и потенциала интеграции в рынок транспортных услуг СВА.

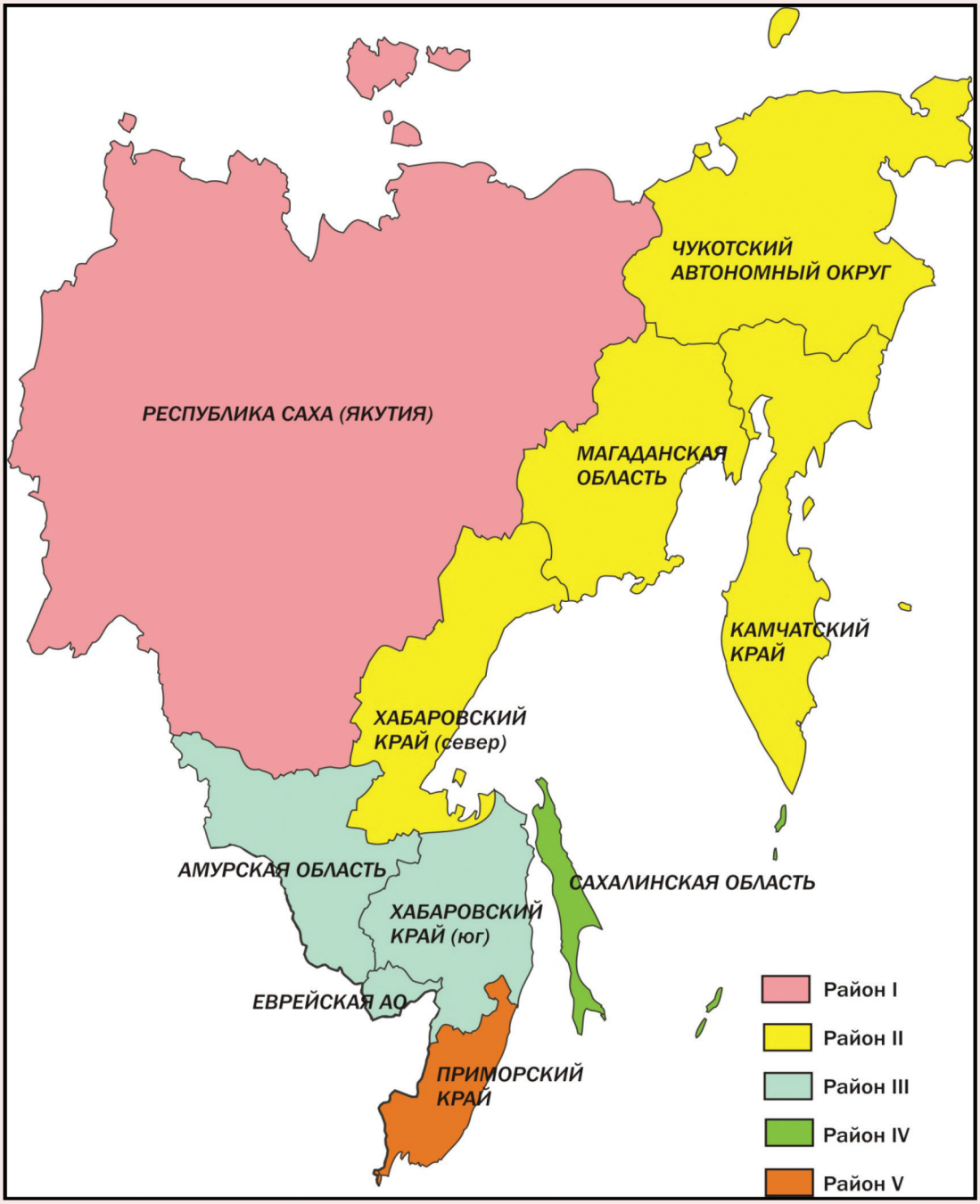
На территории *района I* наибольшую долю в структуре перевозок занимает внутренний водный транспорт. Этот район включает территорию Республики Саха (Якутия), где речным транспортом традиционно выполняется значительная часть перевозок в рамках системы «северного завоза»[4].

[2] Использовалась программа «AtteStat», мера связи – манхеттенское расстояние, метод анализа – метод средней связи Кинга.

[3] Отправление и прибытие грузов.

[4] Северный завоз – система ежегодных государственных мероприятий по обеспечению территорий Крайнего Севера Сибири, Дальнего Востока и европейской части России основными жизненно важными товарами (прежде всего продовольствием и нефтепродуктами) перед зимним сезоном.

Рис. 5. Разделение ДФО на районы с учетом транспортно-экономических факторов

Источник: составлено В.Д. Хижняком по данным автора.

Таблица 1. Характеристика транспортных сетей общего пользования выделяемых районов

Район	*Протяженность транспортных сетей, км*		
	Железные дороги	Автомобильные дороги	Внутренние водные пути*
Район I	524,5	30353,0	7734,0
Район II	0,0	7601,7	1417,1
Район III	5575,8	29512,7	3437,0
Район IV	835,2	4987,6	0,0
Район V	1558,7	16811,2	222,0
Районы	*Плотность транспортных сетей*		
	Железные дороги, км на 10 тыс. км^2	Автомобильные дороги, км на 1 тыс. км^2	Внутренние водные пути, км на 1 тыс. км^2
Район I	1,7	98,4	25,1
Район II	0,0	36,7	6,8
Район III	72,8	385,4	44,9
Район IV	95,9	572,6	0,0
Район V	94,6	1020,7	13,5

* Рассматривалась протяженность внутренних водных путей с гарантированными габаритами судового хода.
Рассчитано по: Транспорт / Росстат. URL: https://www.gks.ru/folder/23455 (дата обращения: 10.10.2019).

Таблица 2. Характеристика транспортной работы и внешнеэкономических связей выделяемых районов

Район	Перевозки грузов, млн т		Грузооборот автомобильного транспорта, млн. т-км
	Железнодорожный транспорт	Автомобильный транспорт	
Район I	13,1	14,3	1934
Район II	0,0	8,8	595
Район III	91,5	48,3	1315
Район IV	2,1	8,8	362
Район V	119,4	18,2	1130

Рассчитано по: Транспорт / Росстат. URL: https://www.gks.ru/folder/23455 (дата обращения: 10.10.2019).

Таблица 3. Характеристика внешнеэкономических связей выделяемых районов

Район	Экспорт		Импорт	
	тыс. т	Млн. долл. США	тыс. т	Млн. долл. США
Район I	6202,8	4643,0	27,5	271,6
Район II	4651,3	2384,4	84,6	248,0
Район III	8669,6	2093,1	327,0	822,9
Район IV	40396,2	15272,7	117,5	690,4
Район V	6882,8	3439,9	2106,8	4131,8

Рассчитано по: Транспорт / Росстат. URL: https://www.gks.ru/folder/23455 (дата обращения: 10.10.2019).

Однако в последние годы проблемы с обмелением рек и развитие наземной транспортной инфраструктуры изменяют структуру транспортной работы [36]. Наиболее значительные изменения инфраструктуры связаны с завершением в 2014 г. строительства железной дороги Беркакит – Нижний Бестях (участок до 2018 г. находился в режиме временной эксплуатации для грузового движения), а также активным строительством автомобильных дорог: за период 2010–2018 гг. протяженность автомобильных дорог общего пользования возросла на 51,7% – до 30,4 тыс. километров[5]. В настоящее время железная дорога в Якутии проложена до станции Нижний Бестях, линия связывает Байкало-Амурскую магистраль с правым берегом

[5] Протяженность путей сообщения и объекты дорожной инфраструктуры / Росстат. URL: https://www.gks.ru/folder/23455 (дата обращения: 09.10.2019).

реки Лена (город Якутск расположен на противоположном берегу). По эксплуатируемому участку дороги за 2018 г. перевезено 5,5 млн. т грузов[6]. На территории района I функционирует лишь один воздушный пункт пропуска через государственную границу в г. Якутске.

Выделение Якутии в отдельный район представляется обоснованным. Этот субъект РФ географически отдален от стран СВА и, вследствие этого, не может быть интегрирован в международный транспортный рынок в той же степени, что и районы юга Дальнего Востока (район III, район V). Однако масштабное строительство сети автомобильных дорог и железной дороги создает потенциал развития интеграционных связей Республики Саха (Якутия).

Перспективы интеграции района I в рынок транспортных услуг СВА связаны с развитием наземной транспортной сети и активизацией использования Северного морского пути (СМП), значительная часть восточного участка которого проходит вдоль северных границ Республики Саха (Якутия). Таким образом, текущие возможности интеграции в рынок транспортных услуг СВА для района I невысоки, однако имеется значительный потенциал.

Для *района II* ключевым видом транспорта является водный, используемый в основном для организации внутрирегиональных перевозок. Морской транспорт обслуживает каботажные перевозки и прибрежные пассажирские перевозки. Речной транспорт используется при организации «северного завоза».

Район II включает наименее обеспеченные наземными транспортными сетями территории Дальнего Востока: Камчатский край, северную часть Хабаровского края, Магаданскую область и Чукотский автономный округ. В этих субъектах РФ (территориях) отсутствуют железные дороги, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием крайне низка – 2,7 км на 1 тыс. км^2. В отсутствие круглогодичных автодорог и с учетом суровых климатических условий широко используются автозимники[7].

Хотя на территории района II расположено девять функционирующих пунктов пропуска через государственную границу РФ, значительного влияния на интеграционный потенциал они не оказывают, поскольку пять из них действуют на нерегулярной либо сезонной основе. Постоянно действуют лишь пункты в морских портах Магадан, Охотск и Петропавловск-Камчатский, а также воздушный пункт пропуска Петропавловск-Камчатский.

Интеграционный потенциал транспортной системы района II с точки зрения возможности участия в рынке транспортных услуг СВА может значительно возрасти при активизации перевозок по СМП. В этом случае морские порты субъектов РФ в составе района II могут стать опорными пунктами при организации движения по СМП и будут задействованы для размещения узлов связи, в качестве промежуточных и ремонтных баз, точек размещения спасательных подразделений МЧС России и т.д.

Район III представляет собой территории с наиболее диверсифицированной транспортной инфраструктурой, в т.ч. в рамках трансграничных взаимодействий с Азиатским регионом. В состав района III включены обладающие развитой наземной транспортной сетью Амурская область, ЕАО, а также центральная и южная части Хабаровского края. Транспорт этого района выполняет транзитную и контактную функции. Транзитная функция заключается в том, что через входящие в состав района территории проходят широтные магистральные железные и автомобильные дороги: Транссибирская и Байкало-Амурская, федеральная трасса «Амур», посредством которых осуществляется перевозка грузов из восточной Сибири на рынки стран АТР. Контактная функция подразумевает, что в силу пограничного положения данных субъектов РФ транспорт призван обслуживать внешнеэкономические связи. Этому способствует наличие участков государственной границы с КНР (по реке) на территории района III. Для осуществления контактной функции в границах района III функционируют 14 пунктов пропуска через государственную границу, в т.ч. пять в пределах Амурской области, два – в ЕАО и восемь – в центральной и южной частях Хабаровского края. Половина из них (7 пунктов) – это грузопассажирские смешанные пункты

[6] Сайт АО «АК ЖДЯ». URL: https://rw-y.ru/info/raskrinfo/ (дата обращения: 13.10.2019).

[7] Автозимник – дорога некруглогодичного действия, для устройства которой снег уплотняют и выравнивают грейдерами, на реках намораживают ледовые переправы.

пропуска, осуществляющие перевозки летом речным транспортом, а зимой – автомобильным по льду.

Интеграционный потенциал района III возрастет в перспективе с окончанием строительства транспортной инфраструктуры международного сотрудничества: железнодорожного (ЕАО) и автомобильного (Амурская область) мостов между РФ и КНР, завершение строительства которых планируется в 2020 г. Таким образом, потенциал интеграции района III в рынок транспортных услуг СВА значителен, однако интеграционные связи с высокой вероятностью будут ограничены сотрудничеством с КНР.

Выделение Сахалинской области в отдельный *район IV* в рамках проводимого деления объясняется сочетанием слабо развитой транспортной системы и значительного объема внешнеэкономических связей (экспорт, 89% стоимостного объема экспорта[8] составляют сырая нефть и СПГ). На территории района IV функционируют шесть пунктов пропуска через государственную границу, в т.ч. пять – морских.

Повышение интеграционного потенциала района IV связано с реализацией проектов по развитию транспортной инфраструктуры. Действительно, проводимая реконструкция железнодорожной сети острова Сахалин, начавшаяся в 2003 г. (завершение проекта в 2020 г.), в совокупности с программой развития морских портов, аэропортов и перспективой строительства транспортного перехода на материк (мост, дамба либо тоннель через пролив Невельского), значительно повысит возможности транспортной системы района IV во взаимодействии со странами СВА. При условии положительных внешних факторов, в отдаленной перспективе возможна реализация транспортной связи острова Сахалин с островами Японского архипелага.

Район V включает территорию Приморского края. Этот район, высокодиверсифицированный по видам транспорта, имеет разветвленную сеть железных и автомобильных дорог, на его территории расположены крупные транспортные узлы регионального и национального значения. При определенных сходствах с районом III по уровню развития транспортной инфраструктуры он отличается высокой степенью реализации в настоящее время имеющегося интеграционного потенциала.

Географически этот район является территорией выхода Транссибирской железнодорожной магистрали и ряда федеральных автомобильных дорог к морским портам Тихоокеанского побережья: это Владивосток, Находка, Восточный. По итогам 2018 г. на порты Приморского края приходилось 70% общего объема перевозок морским транспортом[9] ДФО. В портах действуют шесть пунктов пропуска через государственную границу РФ.

Всего на территории района V находятся 15 пунктов пропуска через государственную границу, включая три железнодорожных пункта пропуска РФ с КНР и КНДР: 1) Гродеково (РФ) – Суйфэньхэ (КНР); 2) Махалино (РФ) – Хунчунь (КНР); 3) Хасан (РФ) – Туманган (КНДР) и пять автомобильных.

Транспортная инфраструктура района V продолжает развиваться. При относительно высоком текущем уровне перспективы интеграции района I в транспортный комплекс СВА высоки. Интеграционный потенциал имеется в части развития перевозок через МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» с использованием автомобильного, железнодорожного и морского видов транспорта.

Полемика по поводу результатов

Проведенные исследования расширяют представления о перспективных масштабах международной транспортной кооперации как условия общеэкономической интеграции в зоне Северо-Восточной Азии, а также позволяют дополнить аналитическую базу для сравнительного анализа вариантов конструирования международной транспортной системы в этом регионе мира.

Предлагаемое районирование Дальнего Востока основано на попытке учета уровня развития транспортной инфраструктуры и масштабов внешнеэкономических взаимодействий субъектов РФ в составе ДФО со странами СВА.

[8] Внешняя торговля Сахалинской области–2018 / Дальневосточное таможенное управление. URL: http://dvtu.customs.ru/folder/147054 (дата обращения: 20.10.2019).

[9] Объем междупортовых перевозок грузов морским транспортом / ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/39233 (дата обращения: 20.10.2019).

Полученные результаты позволяют достоверно оценить сложившиеся в настоящее время возможности интеграции транспортной системы Дальнего Востока в международный транспортный рынок. Выделенные по результатам кластерного анализа пять районов отличаются как уровнем развития транспортной сети, так и масштабами транспортной работы и внешнеэкономических связей.

Представленное районирование позволяет дифференцированно подойти к вопросам управления интеграционными взаимодействиями Дальнего Востока и СВА и может служить основой для формирования адресной стимулирующей политики государства [37].

Безусловно, результаты исследования могут быть уточнены в дальнейшем. Представляется два возможных направления развития исследования. Во-первых, при наличии более детальной информации о характеристиках транспортной системы восточных районов (например, в разрезе муниципальных образований) может быть проведено более точное разделение, не привязанное к субъектам РФ. Во-вторых, в дальнейшем может быть проведено исследование с учетом не только текущих характеристик, но и реализуемых/планируемых проектов развития транспортной системы восточных районов России. Это позволит более полно представить стратегические перспективы интеграции.

Литература

1. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Ill.: R.D. Irwin, 1961. 324 p.
2. Balassa B. Trade creation and trade diversion in the european common market. *The Economic Journal*, vol. 77, 1967, pp. 1–21. DOI: 10.2307/2229344
3. Viner J. *The Customs Union Issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. Pp. 41–55.
4. Heinrichs H., Jochem P., Fichtner W. Including road transport in the EU ETS (European Emissions Trading System): A model-based analysis of the German electricity and transport sector. *Energy*, 2014, vol. 69, pp. 708–720. Available at: https://doi.org/10.1016/j.energy.2014.03.061
5. Siskos P., Zazias G., Petropoulos A., Evangelopoulou S., Capros P. Implications of delaying transport decarbonisation in the EU: A systems analysis using the PRIMES model. *Energy Policy*, 2018, vol. 121, pp. 48–60. Available at: https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.06.016
6. Sajid M.J., Cao Q., Kang W. Transport sector carbon linkages of EU's top seven emitters. *Transport Policy*, 2019, vol. 80, pp. 24–38. Available at: https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2019.05.002
7. Medeiros T. Cross-border transports and cross-border mobility in EU border regions. *Case Studies on Transport Policy,* 2019, vol. 7, no. 1, pp. 1–12. Available at: https://doi.org/10.1016/j.cstp.2018.11.001
8. Oberg M., Nilsson K.L., Johansson C. Major transport corridors: the concept of sustainability in EU documents. *Transportation Research Procedia*, 2017, vol. 25, pp. 3694–3702. Available at: https://doi.org/10.1016/j.trpro.2017.05.339
9. Cavallaro F., Dianin A. Cross-border commuting in Central Europe: features, trends and policies. *Transport Policy,* 2019, vol. 78, pp. 86–104. Available at: https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2019.04.008
10. Sultanov T., Suleimenov T., Tlepiyeva G., Sansyzbajeva Z. Development of transit potential in conditions of integration of the Republic of Kazakhstan into the world transport system. *Procedia Computer Science*, 2019, vol. 149, pp. 430–435. Available at: https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.01.158
11. Формирование глобальной Евразии: проблемы сопряжения транзитных систем / В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, А.А. Медков, М.М. Чернышов. М.: ФГБУН Институт проблем рынка РАН, 2018. 131 с.
12. Ларин О.Н. Перспективы интеграции транспортных систем Евразийского экономического союза // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 152–170.
13. Ha H.-K., Oh J.E. (Eds.). *Building an Integrated Transport Market for China, Japan, and Korea: Building a Regional Coordinating Institution*. Sejong: Korea Transport Institute, 2003. 245 p. Available at: https://english.koti.re.kr/user/bbs/BD_selectBbs.do?q_bbsCode=1017&q_bbscttSn=20120519000000070602&q_clCode=6&q_lang=eng
14. Chia S.Y. ASEAN economic integration and physical connectivity. *Asian Economic Papers*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 198–215. DOI: 10.1162/ASEP_a_00438

15. Kim T.-S., Breazeale K. (Eds.). A Design for Northeast Asian Transport Market Integration -The Cases of ASEAN and NAFTA. Sejong: Korea Transport Institute, 2004. 226 p. Available at: https://english.koti.re.kr/user/bbs/BD_selectBbs.do?q_bbsCode=1017&q_bbscttSn=20161121152201318&q_clCode=6&q_lwprtClCode=-1&q_lang=eng
16. Adler N., Fu X., Oum T.H., Yu C. Air transport liberalization and airport slot allocation: the case of the Northeast Asian transport market. *Transportation Research Part A*, 2014, vol. 62, pp. 3–19. Available at: https://doi.org/10.1016/j.tra.2014.02.003
17. Kim S., Yoon Y. On node criticality of the Northeast Asian air route network. *Journal of Air Transport Management*, 2019, vol. 80, 101693. Available at: https://doi.org/10.1016/j.jairtraman.2019.101693
18. Chung T., Han J. Evaluating competitiveness of transshipment cargo in major airports in Northeast Asia: airport branding. *The Asian Journal of Shipping and Logistics,* 2013, vol. 29, no. 3, pp. 377–394. Available at: https://doi.org/10.1016/j.ajsl.2013.12.005
19. Zhang Y., Zheng X., Lu W. Measuring the openness of Chinese international air transport policy. *Transport Policy*, 2018, vol. 72, pp. 208–217. Available at: https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.03.014
20. Yang Y.-C., Chen S.-L. Determinants of global logistics hub ports: comparison of the port development policies of Taiwan, Korea, and Japan. *Transport Policy*, 2016, vol. 45, pp. 179–189. Available at: https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2015.10.005
21. Shinohara M., Saika T. Port governance and cooperation: the case of Japan. *Research in Transportation Business & Management*, 2018, vol. 26, pp. 56–66. Available at: https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2018.02.009
22. Huo W., Zhang W.,Chen P. S.-L. Recent development of Chinese port cooperation strategies. *Research in Transportation Business & Management*, 2018, vol. 26, pp. 67–66. Available at: https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2018.01.002
23. Wu S., Yang Z. Analysis of the case of port co-operation and integration in Liaoning (China). *Research in Transportation Business & Management*, 2018, vol. 26, pp. 18–25. Available at: https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2018.02.007
24. Планово-экономический атлас Дальневосточного экономического района. Вып. 2. Общая характеристика развития и размещения производительных сил. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 1989. 33 с.
25. Экономическая политика: региональное измерение. Владивосток : Дальнаука, 2001. 224 с.
26. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток : Дальнаука, 2004. 232 с.
27. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с.
28. Минакир П. А. Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
29. Бакланов П.Я., Каракин В.П., Шейнгауз А.С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 27–45.
30. Районирование, делимитация прибрежных зон Дальнего Востока России и их функциональное зонирование / В.П. Каракин, Б.В. Преображенский, В.В. Жариков, А.А. Степанько, И.С. Арзамасцев, М.Т. Романов // Прибрежно-морское природопользование: теория, индикаторы, региональные особенности. Владивосток : Дальнаука, 2010. 308 с.
31. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальная организация хозяйства в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Ученые записки ЗабГГПУ. 2013. № 1 (48). С. 143-155.
32. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток : Дальнаука, 2009. 168 с.
33. Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Внутрирегиональное разнообразие // Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с.
34. Миркин Б.Г. Методы кластер-анализа для поддержки принятия решений: обзор: препринт. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 88 с.
35. Бардаль А.Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: трансформация и интеграция / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2019. 336 с.

36. Егорова Т.П., Делахова А.М. Методический инструментарий комплексной оценки транспортной обеспеченности локальных экономических систем в регионах Севера // Тренды и управление. 2018. № 1. С. 14–28. DOI: 10.7256/2454-0730.2018.1.24926

37. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 146–155.

Сведения об авторе

Анна Борисовна Бардаль – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Bardal@mail.ru)

Bardal' A.B.

The Potential for Integration of the Transport Complex of the East of Russia into the International Market of Transport Services

Abstract. The eastern regions of Russia are the convenient zone in which Russia cooperates with the actively developing Asian region. The key states of North-East Asia such as China, Japan, and the Republic of Korea are the largest participants in world trade at the present stage. The servicing of large-scale commodity flows with the European Union and the U.S. is provided by the market of transport services, by means of which the most effective schemes of delivery are built. Under these conditions, the transport system of the East of Russia has objective prerequisites for integration into the international transport system. The goal of our present study is to assess the potential of integration of the transport system of the Far East in the market of transport services in North-East Asia. At the same time, we assess integration opportunities with the help of dividing the territory of the East of Russia into districts based on the results of cluster analysis. Considering the achievement of the research goal, this approach is a new one. The need for division is due to the fact that the Far East is quite a large region, extremely heterogeneous in its internal composition, economic-geographical and socio-economic characteristics. Constituent entities of the Russian Federation as part of the Far Eastern Federal District have, among other things, different integration potential and level of development of the transport system. In the course of cluster analysis we use indicators of transport network development and the scale of foreign economic activity as the criteria for division. As a result of our calculations, we divide the Far East into five regions that differ in the potential of integration interaction of the transport system with the market of transport services in North-East Asia. The paper presents specific features of the selected areas, characteristics of transport systems and prospects for participation in the international transport market. In the future, it is possible to conduct a study taking into account the projects for development of the transport system of the Far East, which adjust the prospects for integration interactions.

Key words: integration, transport system, Russian Far East, cluster analysis, North-East Asia, transport services market.

Information about the Author

Anna B. Bardal' – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Bardal@mail.ru)

Статья поступила 20.11.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
УДК 338.45, ББК 65.305.02
© Леонидова Е.Г., Сидоров М.А.

Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста*

Екатерина Георгиевна
ЛЕОНИДОВА
Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eg_leonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Максим Андреевич
СИДОРОВ
Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: maxis44@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

Аннотация. В условиях экономического системного кризиса и дестабилизации внешней среды экономика Российской Федерации и ее регионов испытывает структурные ограничения, которые связаны с ее несбалансированностью. Результатом такого положения дел является сокращение внутреннего спроса на производимую продукцию, что не стимулирует предприятия увеличивать ее объём. Это актуализирует проблему поиска направлений, способных в современных экономических условиях устранить структурные диспропорции и обеспечить экономический рост. Одним из таковых выступает активизация отраслевых драйверов роста, то есть тех отраслей и секторов народного хозяйства, увеличение спроса на продукцию которых оказывает существенное позитивное влияние на экономику. В связи с этим целью статьи стало выявление и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-010-01012 А.

Для цитирования: Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9

For citation: Leonidova E.G., Sidorov M.A. Structural changes in the economy: searching for sectoral drivers of growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9

научное обоснование необходимости стимулирования в них производства товаров и услуг с целью структурных изменений в экономике на национальном и региональном уровнях. В данном исследовании в качестве драйверов рассмотрены машиностроение, информационно-коммуникационные технологии и туризм, обладающие большим мультипликативным эффектом, способствующие экономическому росту. В статье проведена оценка последствий стимулирования выделенных секторов экономики в контексте структурных изменений как на уровне страны, так и в территориальном разрезе, что образует научную новизну исследования. Результаты исследования позволили выявить проблемы развития машиностроения, информационно-коммуникационных технологий и туризма, подтвердить значимость их развития для экономики, выражающуюся в существенном приросте основных экономических показателей, обусловленном увеличением производства товаров и услуг. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также инструментарий, базирующийся на методологии межотраслевого баланса. В дальнейшем будут продолжены работы по определению соответствия закрепленных в стратегических документах параметров развития данных секторов и полученных в исследовании результатов для более глубокого осмысления проблем структурной перестройки экономики.

Ключевые слова: структурные изменения, экономика, экономический рост, машиностроение, сектор ИКТ, туризм.

Введение. Экономика России и ее регионов характеризуется замедлением темпов роста, сокращением внутреннего потребительского спроса, доходов населения, доминированием топливно-энергетического сектора в ущерб развитию высокотехнологичных производств, что актуализирует вопрос структурных преобразований. Согласно исследованиям, «...за 2009–2017 гг. среднегодовой темп роста валового внутреннего продукта в России составил всего 0,7%, в том числе по причине не отвечающей современным реалиям структуры российской экономики» [1].

Видение российских экономистов относительно перспектив ее модернизации в 2019 и 2020 гг. не представляется оптимистичным: эксперты, среди которых аналитики Центра структурных исследований РАНХиГС[1], Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики»[2], Института экономической политики им. Е.Г. Гайдара [2], сходятся во мнении, что экономического роста в ближайшем будущем не предвидится. Это актуализирует необходимость разработки направлений по изменению сложившейся ситуации, особенно в связи с поставленной перед страной задачей – к 2024 году войти в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечив темпы экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности[3]. Учеными отмечается, что в настоящее время достижение экономического роста в стране возможно на основе стимулирования потребления, в частности, роста объемов внутреннего потребительского спроса и проведения инвестиционной политики [3; 4]. В связи с этим возникает потребность в выявлении и научном обосновании активизации отраслевых драйверов роста, увеличение спроса на продукцию которых обеспечивает структурные изменения экономики.

В научных работах господствует точка зрения о ключевой роли обрабатывающей промышленности как драйвера экономического роста [5]. Между тем, согласно последним исследованиям, эффективность структурной политики следует связывать с расширением перечня направлений ее проведения, что под-

[1] «...Пока нет никаких реальных стимулов для роста экономики в 2020 году. На следующий год он составит около 1% роста» (источник: Это наш потолок: Счетная палата не верит в Россию // Газета.ru. 2019. 14 окт. Реж. дост.: https://www.gazeta.ru/business/2019/10/14/12754940.shtml?updated).

[2] Ближайшие перспективы экономического роста в условиях слабого внутреннего спроса и нестабильной ситуации в мировой экономике становятся все более туманными (источник: Комментарии о государстве и бизнесе: бюлл. / НИУ «Высшая школа экономики». 2019. 27 сент. Реж. дост.: https://dcenter.hse.ru/newkgb).

[3] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

разумевает создание условий для развития новых секторов, а также видов деятельности с целью преодоления моноструктурности [6]. Как отмечает директор Института экономики РАН д.э.н. Е.Б. Ленчук, «поиск новых драйверов экономического роста является стратегическим вызовом для России...» [7, с. 173–189].

Современная экономическая политика не в полной мере использует потенциал таких отраслей, как машиностроение, туризм и сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)[4], вклад которых в формирование налоговой базы, увеличение занятости населения и стимулирование экономической активности достаточно высок.

Одной из причин такого положения вещей является отсутствие информации о мультипликативных эффектах, получаемых от развития данных секторов, что не способствует формированию у органов власти представления о них как о высокодоходных и перспективных с точки зрения возможности изменения сложившихся структурных пропорций.

Между тем, развитие данных отраслей для обеспечения структурных преобразований экономики имеет достаточное значение. Так, исследователями выявлено, что развитие машиностроения создает предпосылки для повышения темпов роста валового регионального продукта (ВРП) до 7–8% в год и улучшения социально-экономических показателей в регионах РФ [8].

Недооцененным с позиции обеспечения потенциальных мультипликативных эффектов остается сектор ИКТ. По экспертным расчетам, его вклад в российскую экономику составляет только 3% ВВП против 6–7% в развитых странах [9]. В то же время он имеет большой потенциал роста, что объясняется растущим спросом на его услуги со стороны государства, бизнеса и населения.

Перспективность развития туризма в России обусловлена наличием уникальных туристских ресурсов и спроса среди населения на качественный отдых. В настоящее время ряд системных проблем в отрасли препятствует ее заметному влиянию на структурные трансформации. Хотя очевидно, что эффект для экономики от ее развития можно ощутить за достаточно короткий срок и при сравнительно небольших инвестициях: по разным оценкам туризм оказывает влияние на 32–53 смежные отрасли.

Таким образом, научную гипотезу исследования образует идея о том, что активизация таких отраслей, как машиностроение, ИКТ и туризм, стимулирует потребительский спрос, обеспечивая прирост показателей по всем видам экономической деятельности, выводя экономику страны и ее регионов на траекторию роста.

В связи с этим целью статьи стало выявление и научное обоснование необходимости стимулирования отраслевых драйверов экономического роста, развитие которых способствует обеспечению структурных изменений в экономике на национальном и региональном уровнях. Достижение цели исследования требовало решения следующих задач: оценка функционирования и выявление ключевых ограничений развития рассматриваемых секторов; оценка эффектов от их стимулирования на основе метода межотраслевого баланса; выявление территориального распределения данных эффектов; обоснование предложений по активизации данных отраслей.

Теоретические аспекты исследования. Вопросам структурных преобразований экономики все чаще уделяется внимание в научных работах, что подтверждает актуальность исследования подобных проблем [1; 3; 4; 6; 10–18]. Учеными предлагаются различные варианты изменения сложившейся ситуации. К направлению структурных реформ можно отнести стимулирование внутреннего спроса и расширение индустриальной базы [12]. Оптимизации структуры экономики также способствует выявление перспективных отраслей, которые способны сгладить имеющиеся диспропорции. Отмечается, что структурная политика для развивающихся стран состоит в том числе в поиске отраслей-драйверов роста [13].

[4] Выбор отраслевых драйверов экономического роста обусловлен их высоким мультипликативным эффектом. Согласно проведенным нами расчетам на основе метода межотраслевого баланса, мультипликатор для машиностроительной отрасли составляет 2,7, что соответствует самому высокому значению среди всех отраслей промышленного производства. Для сферы услуг наибольшие значения мультипликатора принадлежат туризму (1,9) и сектору информационно-коммуникационных технологий (1,8).

При этом, по мнению ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, следует учесть, что в этом случае целью структурной политики становится не увеличение/уменьшение доли какой-либо отрасли в структуре выпуска, а «выстраивание такой функциональной структуры экономики, которая обеспечивает в динамике устойчивый экономический рост за счет устранения наиболее серьезных диспропорций спроса, производства и параметров эффективности, снижая чрезмерную нагрузку на отдельные отраслевые комплексы в рамках функционирования компенсационных механизмов» [14, с. 21–22].

Исследователями подчеркивается, что в ходе проведения структурной экономической политики должны учитываться региональные условия ее реализации [18] и наличие адекватного статистического и аналитического инструментария ее оценки [1].

Важным направлением при определении секторов – потенциальных драйверов роста – выступает оценка эффекта для экономики от их стимулирования. Одну из последних работ по данной проблематике представляет исследование экспертов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [19], в котором определено влияние выполнения национальных проектов на динамику макроэкономических и отраслевых показателей экономики России в 2019–2024 г. на основе динамической межотраслевой модели. Поскольку поиск отраслей-драйверов, активизация которых меняет структурные пропорции экономики, и определение последствий для экономики от их стимулирования не являются исчерпывающими, мы продолжаем работу в этом направлении, используя межотраслевое моделирование.

Новизна результатов состоит в развитии методологии и совершенствовании инструментария использования межотраслевого баланса с целью оценки последствий стимулирования спроса на продукцию таких отраслей, как машиностроение, ИКТ и туризм, для экономики на национальном и региональном уровнях в контексте структурных изменений, что отличает наше исследование от аналогичных работ других ученых.

Методика исследования. Для оценки функционирования и выявления ключевых ограничений развития рассматриваемых отраслей, обоснования предложений по их активизации использовались общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Для обоснования гипотезы о влиянии стимулирования этих отраслей на экономику страны и ее регионов применен метод межотраслевого баланса, который дает возможность проведения сценарного межотраслевого моделирования экономики.

В качестве инструмента прогнозирования использована межотраслевая модель, содержащая включенные в нее виды деятельности «Машиностроение», «Информационное-коммуникационные технологии» и «Туризм», отдельно не представленные в российской статистике. Расчет туристского выпуска и туристской добавленной стоимости выполнен с помощью методического инструментария, представленного в работе [20].

Выделение рассматриваемых отраслей основано на агрегировании данных, характеризующих отгрузку товаров, выполнение работ и оказание услуг российскими предприятиями в 2017 г., содержащих расширенный перечень производств, отнесенных к тому или иному виду деятельности.

Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y, т.е. производится расчет полных затрат.

Приведем алгоритм расчета.

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг рассчитывается матрица прямых затрат *A*. Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j:

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j . \quad (3)$$

Элемент a_{ij} матрицы *A* показывает расход товара *i* непосредственно при производстве единицы продукции отрасли *j*.

2. Далее вычисляется матрица полных затрат $B = (E - A)^{-1}$. Для этого из единичной матрицы *E* вычитается матрица *A*. Полученная матрица возводится в степень -1, т.е. находится обратная матрица $(E - A)^{-1}$.

Элемент b_{ij} матрицы *B* характеризует потребность в валовом выпуске отрасли *i*, который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли *j*. Коэффициенты полных затрат отражают всё многообразие и сложные косвенные связи, возникающие в процессе общественного воспроизводства.

3. Матрица полных затрат, умноженная на вектор планируемого конечного потребления y_j, равняется валовому выпуску продукции всех отраслей x_i:

$$x_i = f(y_1, y_2, ..., y_n) = \sum_{j=1}^{n} b_{ij} y_j . \quad (4)$$

Далее на основе целевых показателей развития отраслей-драйверов, установленных в программных и стратегических документах, были рассчитаны прогнозные темпы их роста до 2024 г. Затем на основе межотраслевой модели выполнен расчет объема реализации продукции машиностроения, ИКТ и туризма при увеличении конечного спроса на нее с учетом полученных прогнозов. Также был оценен вклад данных отраслей в дополнительный прирост численности работников и фонда заработной платы.

Оценка территориальных эффектов, образующихся при стимулировании спроса на продукцию этих отраслей, проведена по федеральным округам РФ в пропорциях структуры выпуска продукции, численности работников и фонда заработной платы, полученных по стране в целом.

Основные результаты исследования. Оценим текущее состояние и определим ограничения развития машиностроения, ИКТ и туризма в России, рассматриваемых в нашем исследовании как отраслевые драйверы роста, в которых стимулирование производства товаров и услуг обеспечивает рост экономики страны и ее субъектов.

Отрасль машиностроения последние десятилетия находится в состоянии стагнации, что усугубляется негативным влиянием внешнеэкономических факторов и внутреннего экономического кризиса. Так, по расчетам экспертов ИНП РАН, в 2018 г. ее вклад в динамику промышленного производства составил 0,1% против 65% сырьевого сектора [21]. Этот структурный дисбаланс находит отражение в обеспечении экономического роста страны в целом. Судя по динамике развития российского машиностроения за последние годы *(рис. 1)*, говорить о его устойчивом росте, а следовательно, и позитивном влиянии на процесс структурных изменений экономики страны пока не приходится.

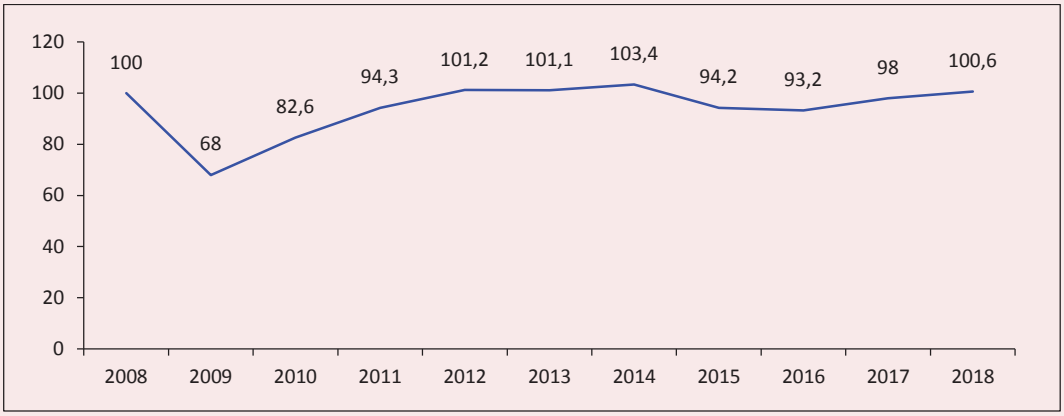
Можно выделить целый ряд факторов, которые сдерживают развитие машиностроительной отрасли, в числе которых использование устаревшего оборудования, что является причиной низкого качества выпускаемой продукции и, как следствие, ее неконкурентоспособности, а также острое недоинвестирование и нехватка квалифицированных кадров [22; 23]. Между тем, машиностроение – это базовая отрасль всей экономики, ведущая к инновационному развитию, представляющая собой один из факторов конкурентоспособности страны на мировой арене.

Правомочность рассмотрения сектора ИКТ как драйвера экономического роста обусловлена его спецификой, которая заключается в противоречии между ускоренным развитием подобных технологий и их быстрым «моральным и физическим устареванием», стимулирующими спрос на новую продукцию [24].

Вклад данного сектора в российскую экономику, несмотря на перспективность его развития с точки зрения модернизации существующих отраслей и возникновения новых, не велик.

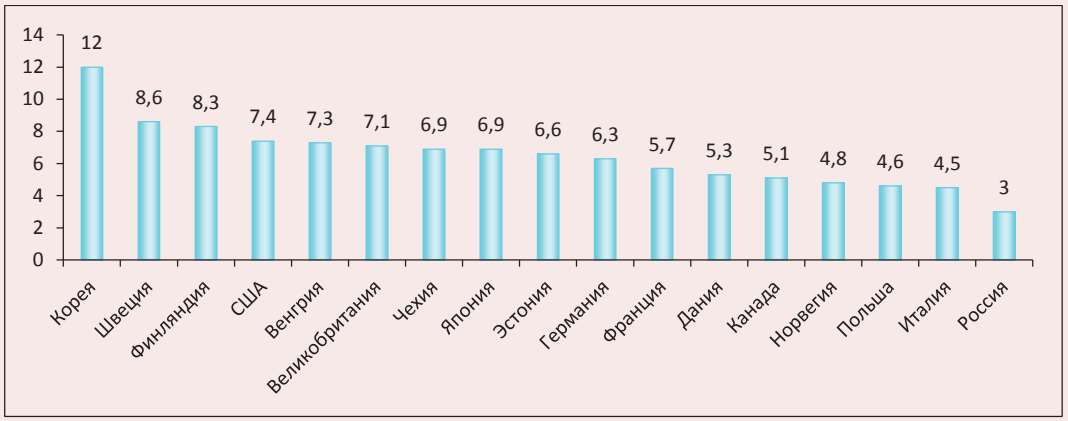
Так, в 2017 г. его доля в экономике составила 3% ВВП или 2,5 трлн руб., что значительно меньше, чем в развитых зарубежных странах [9] *(рис. 2)*.

Рис. 1. Динамика развития машиностроения РФ, в % к уровню 2008 г.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Рис. 2. Вклад сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП в 2017 г., в % к итогу

Источник: Россия: от цифровизации к цифровой экономике. Реж. дост.: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsifrovaya-ekonomika-14-09-18-1.pdf

Анализ научных работ, посвященных влиянию сектора информационно-коммуникационных технологий на экономику, показал перспективность его развития с целью структурных изменений. Так, в исследовании на основе таблиц «затраты–выпуск» определено, что данный сектор способствует структурной перестройке экономики Японии [25]. Другими авторами на основе анализа, выполненного на примере 159 стран за период с 2000 по 2009 год, выявлена положительная взаимосвязь между темпами роста реального ВВП на душу населения и индексом использования ИКТ [26].

Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования ИНП РАН выполнен прогноз вклада сектора ИКТ в прирост ВВП России в 2018–2030 гг., который показал, что цифровизация способна обеспечить условия почти для половины прироста ВВП в целевом сценарии [27].

Хотя ряд показателей демонстрируют усиление в РФ процессов цифровизации (широкое распространение интернета, реализация цифровых проектов, инициируемых государством), существует ряд проблем, препятствующих более ощутимому влиянию ИКТ на экономику:

невысокая доля занятых в производстве информационных услуг, ограничения государством деятельности частных компаний, занятых в секторе.

В то же время, по оценкам специалистов [9], развитие сектора ИКТ имеет большой потенциал, связанный с ростом количества занятых в нем, увеличением числа цифровых проектов со стороны государства, повышением доли бизнеса на российском рынке IT-индустрии.

Потенциал развития туризма для экономики страны и ее регионов состоит в том, что данный сектор является одним из важнейших направлений стимулирования внутреннего потребительского спроса [20], устранения структурных диспропорций [28].

При этом, несмотря на рост основных показателей функционирования российского туризма в сегменте питания и размещения *(табл. 1)*, его экономический эффект проявляется не в полной мере.

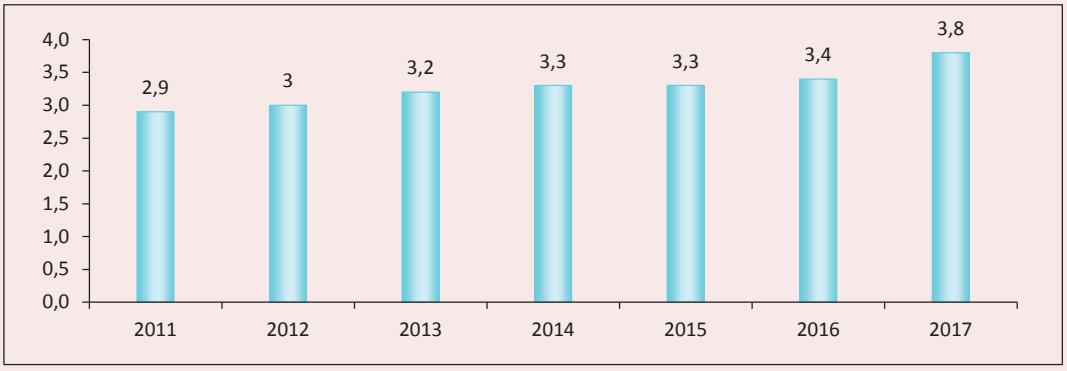
На *рисунке 3* представлен вклад туризма в валовой внутренний продукт страны. В 2017 году его доля в структуре российской экономики составила 3,8% (для сравнения: в Китае – 11%; во Франции – 9,5%; в США – 7,8%[5]). Вместе с тем следует учесть, что межстрановые сопоставления в отношении данного показателя носят приблизительный характер из-за отсутствия единой методики его расчета.

Однако нам представляется, что вклад валовой добавленной стоимости туризма в экономику страны может быть гораздо выше с учетом того обстоятельства, что туристская подвижность жителей внутри страны крайне слаба. Это подтверждают результаты проведенных

Таблица 1. Показатели развития туризма в РФ

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 к 2011, в %
Число коллективных средств размещения	12585	13062	14019	14583	15590	20135	20534	28072	223,1
Численность размещенных лиц, тыс. человек	34746	37399	41065	42635	44219	49284	54431	73694	212,1
Число ресторанов, кафе, баров	63505	66462	70275	76367	78661	80601	82429	85408	134,5
В них мест, тыс.	3359,7	3588,6	3832,4	4169,9	4306,2	4360,4	4388,0	4534,1	135,0
Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.									

Рис. 3. Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, в %

Источник: данные Росстата.

[5] Данные Всемирного совета по туризму и путешествиям.

ВЦИОМ социологических опросов, согласно которым в среднем менее половины жителей России во время летних отпусков путешествуют по стране *(табл. 2)*.

Причем тенденция проведения большинством россиян своего отдыха без выезда за пределы границ постоянного проживания достаточно устойчива и почти не меняется с течением времени: за последние семь лет доля таких респондентов незначительно варьировалась – в диапазоне от 44 до 48%.

Потенциал развития отрасли видится в наращивании внутреннего туристского потребления, и прежде всего за счет активизации внутреннего туризма. Так, в Стратегии развития туризма РФ до 2035 года одним из целевых ориентиров является двукратный рост числа поездок, совершенных внутри страны, в расчете на одного жителя. Кроме того, резервы повышения вклада туризма в экономику в контексте структурных изменений заключаются в расширении доступности туристских услуг для населения, в том числе в отношении его отдельных категорий (детей, пенсионеров, лиц старшего возраста, многодетных семей т.д.).

Приоритетность развития рассматриваемых отраслей-драйверов для российской экономики закреплена в стратегических документах и программах развития. Так, в государственной программе Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»[6] заложены темпы роста индекса промышленного производства машиностроительной отрасли до 2020 г., по которым можно судить о ее динамике в среднесрочной перспективе.

В паспорте национального проекта «Цифровая экономика»[7] планируется увеличить к 2024 г. внутренние затраты в ВВП на развитие цифровой экономики с 1,7% в 2018 году до 5,1%.

В Стратегии развития туризма Российской Федерации до 2035 года[8] указано, что его вклад в ВВП страны по сравнению с уровнем 2017 года должен возрасти в 5,1 раза.

Приведенные нами целевые показатели рассматриваемых отраслей позволили рассчитать среднегодовой темп их роста, а также определить динамику их развития на период до 2024 года, т.е. к тому сроку, когда экономика

Таблица 2. Предполагаемые места отдыха россиян в период летнего отпуска

Варианты ответа	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Дома	55	56	48	45	46	40	45	47	45	44
На даче, садовом участке	19	19	25	22	22	26	35	29	34	26
В другом городе, селе России	9	9	9	11	4	11	9	12	14	9
На Черноморском побережье Кавказа (Сочи, Туапсе, Анапа и т.д.)	10	8	10	10	9	10	8	11	12	9
В Крыму	2	2	2	2	9	7	8	10	9	6
За границей (за пределами бывшего СССР)	5	5	8	9	6	6	3	6	4	10
В других местах на территории бывшего СССР (кроме Прибалтики)	2	2	2	2	1	1	1	2	3	2
В Прибалтике	0	0	0	1	0	0	0	1	1	1
Затрудняюсь ответить	7	6	5	6	5	8	6	4	4	4
Источник: Лето-2019: отпускные планы и предпочтения россиян / ВЦИОМ. Реж. дост.: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9710										

[6] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 328.

[7] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16.

[8] Стратегия развития туризма в России до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 года № 2129-р.

Таблица 3. Прогнозные темпы роста машиностроения, ИКТ и туризма в РФ в 2018–2024 гг.

Отрасль	Среднегодовой рост, в %	2018 к 2024, раз
ИКТ	118	2,7
Туризм	111	1,9
Машиностроение	104	1,3
Источник: рассчитано авторами.		

РФ должна стать одной из пяти крупнейших в мире. Результаты расчетов представлены в *таблице 3*.

Полученный прогноз показал, что к 2024 г., при заложенном темпе роста, среди рассматриваемых отраслей больше всех должен вырасти сектор ИКТ – в 2,7 раза.

Реализация мероприятий по развитию машиностроения, ИКТ и туризма будет способствовать росту спроса на их продукцию, который заложен в рамках отмеченного выше прогнозного темпа роста отраслей.

Расчеты, проведенные на основе сформированной межотраслевой модели, позволили определить значимость стимулирования этих отраслей для экономики страны и ее регионов.

В частности, выявлено, что шесть лет активного стимулирования машиностроения, сектора ИКТ и туризма обеспечат дополнительный прирост ВВП на 4,1 %, а ежегодный его прирост только от их развития составит 0,7%.

Валовой выпуск продукции в целом по экономике за 2018–2024 гг. увеличится на 4,7%, в том числе: туризм – в 2,4 раза, машиностроение – на 16,1%, сектор ИКТ – на 2,4% *(табл. 4)*.

Рост спроса на продукцию данных отраслей потребует прироста числа работников и фонда заработной платы. Согласно расчетам, дополнительный прирост численности работников составит 1868 тыс. чел., фонда заработной платы – 864 млрд. рублей.

Несмотря на положительный эффект для экономики, вызванный стимулированием этих сфер, обращает на себя внимание то, что эффект от активизации машиностроения и сектора информационно-коммуникационных технологий по сравнению с туристской отраслью не столь выражен. Причиной этого является тот факт, что в формировании ресурсов продукции этих отраслей используется в основном продукция импортного производства, в то время как образование валовой добавленной стоимости туризма формируется за счет собственных ресурсов. В частности, можно отметить, что российскими компаниями используется преимущественно импортное программное обеспечение – доля в затратах на его покупку составляет более 70% [9]. В машиностроительной отрасли удельный вес отечественной продукции на внутреннем рынке также не велик: по некоторым оценкам, в 2014 году зависимость от зарубежного оборудования в таких ключевых направлениях, как станкостроение и тяжелое машиностроение, достигала 80–90% [29]. Полученные нами результаты расчетов согласуются с выводами исследователей, занимающихся оценкой мультипликативных эффектов прироста выпуска в различных секторах экономики на основе модели межотраслевого баланса. Так, в работе ученых ИНП РАН обосновано, что в тех секторах, для которых характерна более высокая доля затрат на импортное оборудование в общем объеме капитальных затрат (в частности, в машиностроении), снижение оценок эффекта прироста добавленной стоимости сильнее, чем в других [30].

Таким образом, дальнейшее стимулирование данных отраслей будет скорее развивать не отечественную экономику, а народное хозяйство стран-импортеров, что ставит под вопрос переход России к высокотехнологичному развитию.

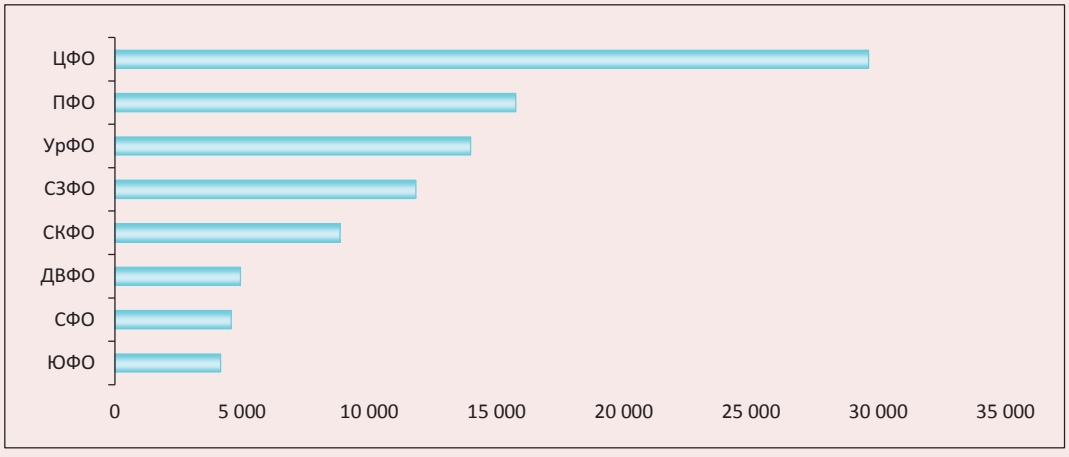
По нашим расчетам, использование в секторе ИКТ только отечественного оборудования позволит дополнительно обеспечить прирост ВВП на 0,08%. В этом случае в целом по экономике валовой выпуск продукции возрастет еще на 0,13%, численность работников – на 0,12%, а фонд заработной платы – на 0,11%.

Использованный нами инструментарий дал возможность выявить распределение эффекта от стимулирования данных отраслей в территориальном разрезе. В частности, был рассчитан прирост выпуска продукции по федеральным округам *(рис. 4)*.

Таблица 4. Эффект от стимулирования машиностроения, сектора ИКТ и туризма для экономики РФ

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, в %	Прирост валового выпуска, в млрд. руб.	Прирост численности работников, тыс. чел.	Прирост фонда заработной платы, млрд. руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	101,8	67,5	27,2	7,8
Рыболовство, рыбоводство	103,3	6,6	2,0	1,6
Добыча полезных ископаемых	101,6	118,1	15,8	14,2
Обрабатывающие производства конечного спроса	102,6	173,2	72,9	27,9
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	102,0	21,2	8,5	3,1
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	103,5	411,1	43,2	25,7
Машиностроение	**116,1**	**880,3**	**391,7**	**196,2**
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	103,0	178,9	61,9	29,9
Строительство	100,7	50,8	16,1	6,5
Оптовая и розничная торговля	101,5	214,0	86,1	33,2
Туризм	**240,6**	**1750,2**	**793,9**	**324,0**
Гостиницы и рестораны (без туризма)	103,5	25,4	14,9	3,9
Транспорт (без туризма)	104,6	289,4	138,0	70,9
Связь (без ИКТ)	116,0	23,3	42,7	24,1
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	**102,4**	**70,6**	**18,6**	**14,1**
Финансовая деятельность	103,4	100,3	35,3	35,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (без ИКТ)	102,8	316,8	40,6	14,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	100,3	19,4	11,5	6,0
Образование	100,1	2,6	6,8	2,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	100,1	2,0	3,0	1,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (без туризма и ИКТ)	100,9	12,1	37,9	20,7
В целом по экономике	**104,7**	**4733,6**	**1868,4**	**864,1**
Источник: рассчитано авторами.				

Рис. 4. Прирост валового выпуска продукции от стимулирования потребления товаров и услуг машиностроения, сектора ИКТ и туризма (суммарно) в разрезе федеральных округов, млрд. руб.

Источник: рассчитано авторами.

Судя по результатам расчетов, наибольший эффект от стимулирования машиностроения, сектора ИКТ и туризма ощутит Центральный федеральный округ, что довольно ожидаемо и объясняется расположением здесь города федерального значения Москвы, являющегося центром притяжения туристов как внутренних, так и въездных, а также лидером по развитию коммуникаций и информационных технологий в стране. За счет этого данный округ значительно опережает остальные территории. Так, отставание его ближайшего соседа – Приволжского федерального округа – составляет почти два раза.

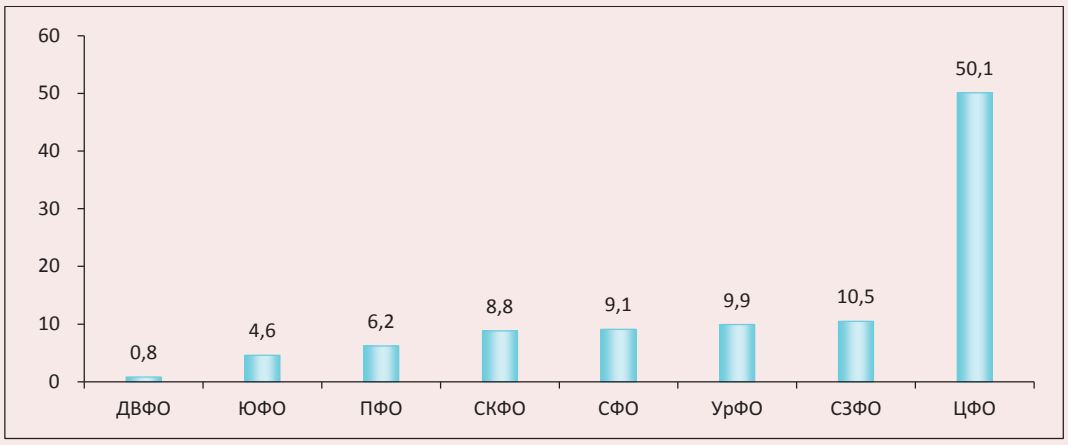
Проанализируем более подробно, каким образом распределится эффект по регионам от роста спроса на продукцию каждой из рассматриваемых отраслей. Так, от увеличения выпуска продукции туристской отрасли наибольший эффект придется на Центральный федеральный округ: его доля составит 50% *(рис. 5)*, в то время как значения этого показателя в СЗФО, УрФО, СФО и СКФО ощутимо ниже. Данные территории занимают примерно одинаковое положение – их вес в отрасли колеблется от 8,8 до 10,5%. Это говорит о территориальных диспропорциях, сложившихся в развитии туристической деятельности в стране, и о необходимости создания новых туристских центров.

Следует отметить, что доля Дальневосточного федерального округа в исследуемой отрасли довольно низкая – 0,8%, что, вероятно, связано со слабой туристической деятельностью в этом регионе, занимающем около 40% территории России[9], несмотря на его высокий туристско-рекреационный потенциал.

Что касается стимулирования машиностроительного сектора, то наиболее существенно оно отразится на Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах, поскольку данные территории являются центрами машиностроения в стране *(рис. 6)*. Стоит добавить, что лидерство ЦФО здесь не столь заметно по сравнению с другими округами, и это свидетельствует о необходимости наращивания в них потенциала этой отрасли. В наименьшей степени эффект от повышения потребления продукции машиностроительной отрасли скажется в Южном федеральном округе, на долю которого придется 0,9%.

Согласно нашим расчетам, на Центральный федеральный округ придется наибольший эффект и при стимулировании сектора информационно-коммуникационных технологий – его доля составит почти 50% *(рис. 7)*. Вместе с тем

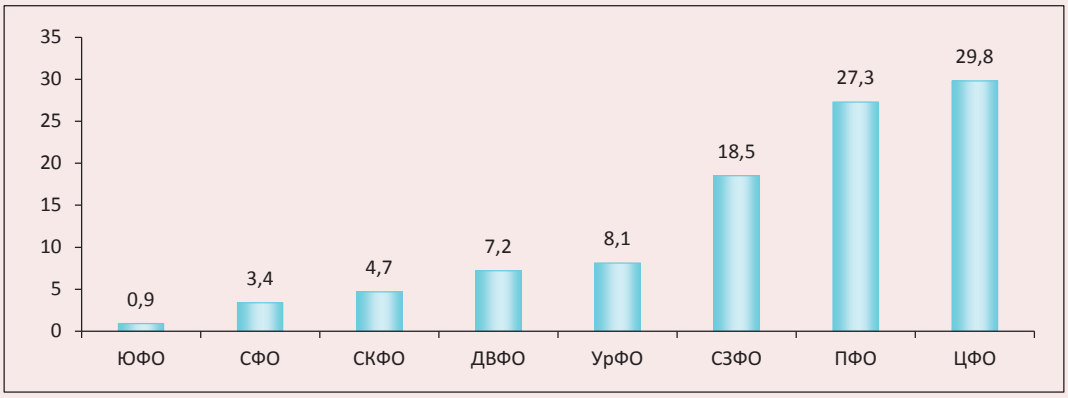
Рис. 5. Территориальное распределение эффекта от стимулирования туризма в РФ, в % к итогу

Источник: рассчитано авторами.

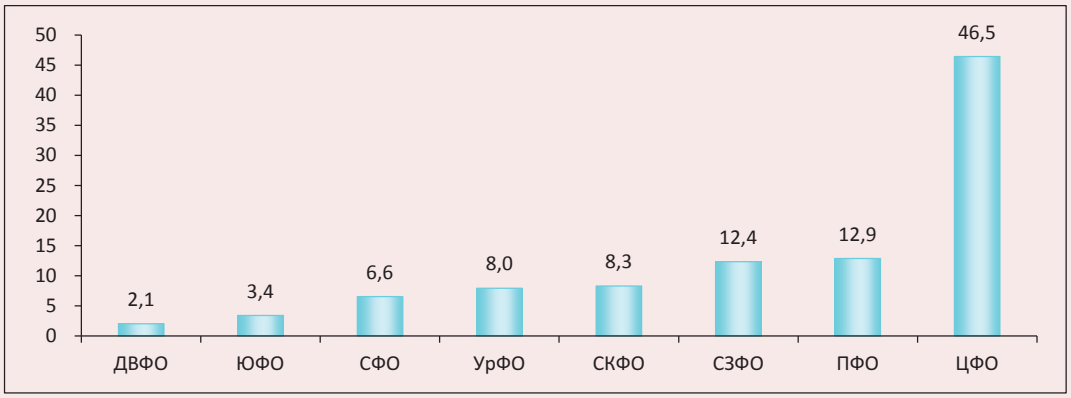
[9] ДВФО является крупнейшим по размерам федеральным округом в стране, занимая площадь 6 952 555 км^2.

Рис. 6. Территориальное распределение эффекта от стимулирования машиностроения в РФ, в % к итогу

Источник: рассчитано авторами.

Рис. 7. Территориальное распределение эффекта от стимулирования сектора ИКТ в РФ, в % к итогу

Источник: рассчитано авторами.

Приволжский и Северо-Западный федеральные округа имеют в данном секторе схожий удельный вес – порядка 12–13%. Это говорит о потенциале российских регионов в процессе формирования добавленной стоимости, образующейся от продукции цифровой индустрии. При этом Дальневосточный федеральный округ с долей в 2,1% вновь станет аутсайдером, так же как и в случае распределения эффекта от увеличения спроса на продукты и услуги сферы туризма (0,8%).

Таким образом, оценка распределения эффекта в масштабах страны и в территориальном разрезе привела к заключению о значимости для экономики страны стимулирования отраслей, рассматриваемых в качестве драйверов экономического роста.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Стимулирование таких отраслей, как машиностроение, ИКТ и туризм, вносит положительный вклад в темпы роста ВВП страны. Увеличение спроса на продукцию только этих трех отраслей в период 2018–2024 гг. дополнительно активизирует экономический рост на 4,1%. При этом стоит учесть, что существенной проблемой в данном процессе является преобладание продукции зарубежного производства в машиностроении и цифровой индустрии. Представляется, что создание условий для производства высококачественного отечественного оборудования поможет еще больше увеличить вклад этих секторов в экономику.

Активизация развития отраслей-драйверов даст возможность усложнить структуру российской экономики в направлении роста доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, производящих высокотехнологичную продукцию, и увеличения внутреннего потребительского спроса на товары и услуги.

2. Результаты выполненного нами межотраслевого моделирования позволили оценить эффект от стимулирования отраслей-драйверов в пространственном аспекте. Наблюдаемые существенные территориальные диспропорции в сторону Центрального федерального округа, который получит наибольший эффект от прогнозируемого роста спроса на продукцию машиностроения, сектора ИКТ и туризма, диктуют необходимость более рационального и эффективного развития остальных территорий с учетом их специфики.

Вызывает опасение тот факт, что ряд регионов, среди которых Дальневосточный и Южный федеральные округа, оказались в числе аутсайдеров по величине эффекта, генерируемого отраслями-драйверами, что свидетельствует о необходимости пересмотра политики в части сбалансированности развития территорий, в том числе в отношении проведения более рациональной инвестиционной политики.

3. Для активизации спроса на товары и услуги рассматриваемых отраслей-драйверов необходима реализация комплекса мер по снятию ограничений их развития, что возможно за счет формирования дополнительного потребительского спроса на отечественную продукцию (для машиностроения и сектора ИКТ), встраивания производств в межрегиональные технологические цепочки (для машиностроения), повышения потребительской и инвестиционной привлекательности туристской отрасли.

4. Формирование спроса на товары и услуги машиностроения, сектора ИКТ и туризма требуют обеспечения необходимого уровня инвестиций. Источниками для усиления инвестиционной составляющей могут быть средства, образующиеся в результате перераспределения дохода от экспорта сырьевых ресурсов, привлечения финансовых ресурсов населения и бюджета, а также создания привлекательных условий для инвестирования бизнеса в рассматриваемые отрасли.

Подводя итог, стоит отметить, что в России и ее регионах имеется потенциал для развития отраслей, который необходимо использовать с целью изменения сложившихся структурных диспропорций. Одновременно с этим в задачу органов управления должно входить осуществление политики по его раскрытию, в том числе за счет создания необходимой технологической базы, формирования соответствующего спроса на производимую продукцию и услуги с учетом его неравномерности в территориальном аспекте. Развитие машиностроительной отрасли, сектора ИКТ и туризма способствует ускорению темпов роста ВВП, повышению эффективности и конкурентоспособности экономики страны и ее регионов в долгосрочной перспективе.

Научная значимость исследования состоит в развитии научных положений в отношении выявления отраслевых драйверов экономического роста, разработке методического инструментария, позволяющего оценить их влияние на экономику страны и регионов на основе метода межотраслевого баланса. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов органами власти при определении направлений, обеспечивающих структурные изменения. В дальнейшем будут продолжены работы по определению соответствия закрепленных в стратегических документах параметров развития данных секторов и полученных в исследовании результатов для более глубокого осмысления проблем структурной перестройки экономики.

Литература

1. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: аналитический доклад / НИУ ВШЭ; под науч. рук. Е.Г. Ясина. М., 2018. 252 с.
2. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. / С.М. Дробышевский, Г.И. Идрисов, А.С. Каукин, П.Н. Павлов, С. Г. Синельников-Мурылев // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5–31.

3. Сухарев О.С. Структурная динамика экономики России: к новой модели роста // Вопросы территориального развития. 2016. № 4 (34). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1975
4. Замараев В., Маршова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.
5. Behun M., Gavurova B., Tkacova A., Kotaskova A. The impact of the manufacturing industry on the economic cycle of European Union Countries. *Journal of Competitiveness*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 23–39. DOI: 10.7441/joc.2018.01.02
6. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-5-28
7. Ленчук Е.Б. Новая индустриализация как условие формирования новой модели экономического роста. Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М.: Государственная Дума, 2016. 320 с.
8. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Роль машиностроения в процессе диверсификации экономики регионов // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.1 5838/tdi.2018.5.45.3
9. Россия: от цифровизации к цифровой экономике. Режим доступа: http://stolypin.institute/wp-ontent/uploads/2018/09/issledovanie_tsifrovaya-ekonomika-14-09-18-1.pdf
10. Ускова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН, 2013. 170 с.
11. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.
12. Кондратьев В. Конец глобализации или новый этап? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 12. С. 6–17.
13. Миронов В.В., Коновалова Л.Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 54–78. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78
14. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широва. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.
15. Eicher T.S., Schreiber T. Structural policies and growth: time series evidence from a natural experiment. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 91, pp. 169–179. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2009.05.003.
16. Freire C. Economic diversification: a model of structural economic dynamics and endogenous technological change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, no. 49, pp. 13–28.
17. Kucera D., Jiang X. Structural transformation in emerging economies: leading sectors and the balanced growth hypothesis. *Oxford Development Studies*, 2019, vol. 47, pp. 188–204.
18. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 43–52.
19. Баранов А.О., Гореев А.В. Оценка влияния национальных проектов на развитие экономики России с использованием динамической межотраслевой модели // ЭКО. 2019. № 49 (10). С. 94–114. http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-94-114.
20. Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2018, vol. 11, no. 4, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8
21. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики / А.А. Широв, Н.А. Михеева, М. С. Гусев, К. Е. Савчишина // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 5–15.
22. Мельников А.Е. Роль машиностроения в экономике регионов Европейского Севера России // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 667–672.
23. Тополева Т.Н. Устойчивое развитие машиностроительного комплекса в конкурентной среде // Экономические исследования и разработки. URL: http://edrj.ru/article/05-02-2018

24. Носонов А. М. Особенности формирования и закономерности развития рынка информационных услуг в России // Современные проблемы территориального развития: электрон. журн. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-zakonomernosti-razvitiya-rynka-informatsionnyh-uslug-v-rossii
25. Zuhdi U., Mori S., Kamegai K. Analyzing the role of ICT sector to the national economic structural changes by decomposition analysis: the case of Indonesia and Japan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences,* 2012, vol. 65, pp. 749–754. Available at: https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.11.194
26. Farhadi M., Ismail R., Fooladi M. Information and communication technology use and economic growth. *PLoS ONE,* 2012, no. 7 (11). Available at: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048903
27. Цифровизация российской экономики – от тактических задач к стратегической повестке. Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2019-04-01cifro.pdf
28. Massidda C., Etzo I. The determinants of Italian domestic tourism: a panel data analysis. *Tourism Management*, 2012, no. 33, pp. 603–610.
29. Доля импорта в отраслях промышленности России // Режим доступа: http://www.vestifinance.ru/infographics/4721 (дата обращения 06.09.2019).
30. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты–выпуск» / М.Ю. Ксенофонтова, А.А. Широв, Д.А. Ползиков, А. А. Янтовский // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 3–13.

Сведения об авторах

Екатерина Георгиевна Леонидова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: maxis44@yandex.ru)

Leonidova E.G., Sidorov M.A.

Structural Changes in the Economy: Searching for Sectoral Drivers of Growth

Abstract. In the conditions of a system-wide economic crisis and destabilization of the external environment, the economy of the Russian Federation and its regions is experiencing structural limitations, which are associated with its imbalance. As a result, domestic demand for manufactured products is reducing; such a situation does not encourage enterprises to increase their output. This makes it necessary to search for the ways to eliminate structural disproportions and provide economic growth in modern economic conditions. One of such ways is to promote sectoral drivers of growth, that is, those industries and sectors of the national economy, the increase in demand for products in which has a significant positive impact on the economy. In this regard, the goal of this article is to identify and scientifically substantiate the need to stimulate the production of goods and services in economic sectors so as to promote structural changes in the economy at the national and regional levels. In this study, we consider mechanical engineering, information and communication technologies and tourism as drivers, which have a large multiplier effect and contribute to economic growth. The article assesses the consequences of stimulating the selected sectors of the economy in the context of structural changes both at the nationwide level and in the territorial context; this provision forms the scientific novelty of the study. The findings of the study reveal problems in development of mechanical engineering, information and communication technologies and tourism, confirm the importance of their development for the economy; the importance is expressed in a significant increase in the main economic indicators due to the increase in the production

of goods and services. We use general scientific methods such as analysis, synthesis, comparison, generalization, and the tools based on the input-output methodology. In the future, we plan to continue our work aimed at determining the correspondence of the parameters of development of these sectors contained in the strategic documents and the results obtained in the study for a deeper understanding of the problems of structural adjustment of the economy.

Key words: structural changes, economy, economic growth, engineering, ICT sector, tourism.

Information about the Authors

Ekaterina G. Leonidova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: maxis44@yandex.ru)

Статья поступила 12.11.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
УДК 331.104, ББК 65.24
© Попов А.В., Соловьева Т.С.

Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни*

Андрей Васильевич
ПОПОВ
Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-1770-7566; ResearcherID: I-8418-2016

Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА
Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: solo_86@list.ru
ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. В настоящее время концепция прекаризации занятости является одной из наиболее обсуждаемых тем в сфере социально-трудовых отношений. Причиной этого служит тот факт, что данный феномен затрагивает гораздо больше людей, чем безработица, представляя угрозу для обеспечения достойных условий труда в современных условиях хозяйствования, когда на первый план выходят гибкие формы занятости. Их использование, несмотря на множество положительных моментов, зачастую оборачивается дестабилизацией трудовых отношений, эффекты которой выходят далеко за рамки конкретного рабочего места. В этой связи целью настоящей статьи стало изучение и классификация последствий прекаризации занятости на различных

* Исследование подготовлено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ МК-3571.2019.6).

Для цитирования: Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10

For citation: Popov A.V., Solov'eva T.S. Analyzing and classifying the implications of employment precarization: individual, organizational and social levels. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10

уровнях организации общества. В ходе исследования были использованы общенаучные методы критического анализа, обобщения, сравнения, классификации, которые выступили базисом для анализа отечественной и зарубежной научной литературы по рассматриваемой проблематике. Результаты показали, что последствия прекаризации занятости носят действительно многогранный характер. На индивидуальном уровне это проявляется в ухудшении материального благополучия, социальной защищенности и, как следствие, состояния здоровья, а также в неопределенности личностных/семейных и профессиональных перспектив. Хотя в рамках организации и могут наблюдаться определенные выгоды, дестабилизация трудовых отношений несет куда больше угроз, заключающихся в снижении производительности труда, росте текучести кадров и увеличении издержек, связанных со здоровьем и безопасностью работников. Всё это может негативно сказываться на жизнедеятельности общества в целом, отражаясь на функционировании рынка труда, степени социальной сплоченности, устойчивости политической ситуации, масштабах социального неравенства и социальной эксклюзии, темпах социально-экономического развития. Перспективы дальнейших исследований состоят в рассмотрении обозначенных последствий прекаризации занятости с учетом специфики социально-трудовой сферы в России.

Ключевые слова: прекаризация занятости, рынок труда, неустойчивая занятость, нестандартная занятость, социально-трудовые отношения, прекариат.

Введение

Глобальная мобильность капитала и рабочей силы, повсеместное внедрение цифровых технологий, демографическое старение населения и другие тенденции современного общества оказывают значительное влияние на сферу социально-трудовых отношений. Это касается не только вопросов перераспределения рабочей силы между секторами экономики, но и сущностных основ организации трудового процесса, одной из важнейших характеристик которого стала гибкость. В результате с середины 70-х гг. XX века активное развитие получили нестандартные формы занятости (временная, неполная, самозанятость, заемный труд и т.д.), принципиально отличавшиеся от традиционного для индустриальной эпохи найма на условиях полного рабочего времени и заключения бессрочного трудового договора с работодателем [1, с. 3–4]. Об интенсивности изменений красноречиво свидетельствуют данные о продолжительности рабочего времени в странах ОЭСР: в период 1970–2018 гг. среднее количество отработанных за год часов сократилось[1] с 1975 до 1734. При этом появляются все новые формы занятости (фриланс, телетруд, сервисные виды труда и т.д.), заметно расширяющие возможности для непосредственного взаимодействия с клиентами. Согласно оценкам отечественных ученых, удельный вес нестандартных работников в России имеет тенденцию к росту и приближается к 20% [2, с. 343].

Вместе с тем последствия подобных преобразований весьма противоречивы. С одной стороны, распространение нестандартной занятости способствует повышению экономической активности населения (в особенности представителей уязвимых групп) и снижению трудовых затрат, обеспечивает благоприятные условия для совмещения работы и личной жизни, профессиональной самореализации и т.д., что позитивно сказывается на субъектах рынка труда. С другой стороны, гибкость трудовых отношений зачастую оборачивается снижением устойчивости положения работников [3], что в научной литературе связывают с процессом прекаризации занятости, характеризующим нарастание нестабильности. Несмотря на отсутствие концептуальной и терминологической ясности, многие ученые склонны придерживаться точки зрения о крайне негативном воздействии данного феномена на качество трудовой жизни. Как правило, это приводит к ситуации, получившей название неустойчивая занятость, когда работник вынужденно сталкивается с неблагоприятными условиями труда, социальной незащищенностью, снижением или задержкой заработной платы, высоким ри-

[1] Hours worked // OECD Data. Available at: https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm

ском потери работы[2] и т.д., что в конечном итоге может сказаться на общей стабильности [4]. В настоящее время прекаризация занятости все чаще рассматривается в качестве глобального вызова, последствия которого охватывают самые разнообразные области жизнедеятельности [5].

В рамках данного исследования под прекаризацией занятости мы понимаем процесс дестабилизации трудовых отношений, обусловленный их трансформацией, что проявляется в снижении устойчивости положения работников и общества в целом. В отличие от большинства существующих трактовок предложенное определение наглядно отражает сущность изучаемого феномена, характер и масштабы его последствий, а отсутствие излишней конкретики позволяет обратиться к широкому спектру проблемных вопросов, что с учетом межстрановых особенностей представляется весьма перспективным.

В связи с отсутствием объективных критериев неустойчивости определить реальные масштабы проблемы достаточно затруднительно. На сегодняшний день процессы прекаризации обычно интерпретируются сквозь призму неустойчивой занятости, которая оценивается посредством индикаторов неформального сектора [6], различных форм нестандартной занятости и незавершенной безработицы [7], условий труда [8], уровня доходов [9], социальной незащищенности [10] и др. Кроме того, большой популярностью пользуются и синтетические показатели, рассчитанные на данных социологических опросов [11, 12]. В результате в зависимости от принятых критериев вовлеченность в неустойчивые трудовые отношения может значительно варьироваться: 22% в Канаде (2015 г.) [13], от 4% до трети всех занятых в США (2014–2017 гг.) [14], от 50 до 76% в России (2016 г.) [15].

Прекаризацию занятости характеризуют как системный риск, для изучения которого требуется подход, учитывающий многогранность и масштабы ее последствий, комплексность и междисциплинарность исследования [16, с. 47]. Следовательно, формирование целостного представления о возможных эффектах, обусловленных распространением данного феномена, является актуальной научной задачей. Этому способствует тот факт, что в академическом сообществе особое внимание уделяется качеству трудовой жизни работников, в то время как организационный и общественный уровни часто остаются вне исследовательского фокуса. Однако в интересах проведения эффективной политики в сфере труда и занятости необходимо рассматривать проявления прекаризации в комплексе «индивид–организация–государство», поскольку процессы, происходящие на различных уровнях организации общества, взаимосвязаны между собой и взаимовлияют друг на друга. Отсюда цель настоящего исследования заключается в изучении и классификации последствий прекаризации занятости на индивидуальном, организационном и общественном уровнях.

Материалы и методы

Как было сказано ранее, в современной научной литературе отсутствует консолидированная точка зрения на сущность процесса прекаризации, что выражается в размытости сложившегося понятийного аппарата и методологическом плюрализме в подходах к исследованию неустойчивых трудовых отношений. В большинстве случаев к ним относят такие формы, как: временная, случайная, неполная, сезонная, резервная, неформальная, самозанятость и т.д. Хотя экспертами Международной организации труда (МОТ) и подчеркивается, что признаки прекаризации могут наблюдаться не только в рамках нестандартной занятости, но и стандартной[3]. В результате, обращаясь к большому количеству работ в данной области, достаточно сложно придерживаться какой-то одной точки зрения. В связи с этим мы попытались максимально широко взглянуть на проблему дестабилизации трудовых отношений. Для этого в ходе анализа нами рассматривались публикации, посвященные последствиям прекаризации занятости без учета теоретико-методологических различий, что накладывает некоторые ограничения на полученные выводы.

[2] Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf

[3] Там же.

Следует также отметить, что тенденции прекаризации в сфере труда характеризуют ситуацию прежде всего в наиболее благополучных странах, где законодательно закрепилась стандартная модель занятости, гарантирующая работникам определенный уровень социальной защищенности. Об устойчивости трудовых отношений во многих бедных регионах мира очень сложно говорить в принципе, что подтверждают данные МОТ за 2018 г., согласно которым масштабы нестабильной занятости на этих территориях превышают 70%[4]. Вместе с тем даже в развитых странах системы социального обеспечения заметно разнятся, поэтому последствия прекаризации занятости могут иметь свою специфику в межстрановом разрезе.

Информационной базой исследования послужили отечественные и зарубежные научные труды по изучаемой проблематике. Отбор научной литературы, преимущественно эмпирической направленности, производился с помощью баз данных Google Scholar, Scopus, Web of Science и РИНЦ по ключевым словам. Далее на основании анализа аннотаций отбирались работы, которые непосредственно затрагивали тему последствий прекаризации занятости. На последнем этапе оставшиеся публикации систематизировались в три группы в соответствии с аналитическими рамками настоящего исследования.

В ходе исследования применялись общенаучные методы критического анализа, обобщения, сравнения, классификации, основанные на системно-логическом и междисциплинарном подходах. Обобщающим результатом исследования стала разработка классификации последствий прекаризации занятости на индивидуальном, организационном и общественном уровнях.

Последствия прекаризации занятости: индивидуальный уровень

Большинство исследований, посвященных тематике прекаризации занятости, сосредоточены на изучении влияния данного феномена на качество трудовой жизни, которое напрямую сказывается на трудоспособности человека. В этом случае дестабилизация трудовых отношений воспринимается исключительно с негативной точки зрения, поскольку неустойчивость положения работника носит не добровольный характер (как это бывает, например, с нестандартными формами занятости), а является следствием вынужденных обстоятельств и не подразумевает получение каких-либо выгод. Кроме того, как показывает практика, последствия прекаризации выходят далеко за рамки социально-трудовой сферы.

Материальное положение и социальная защищенность. Исследование, проведенное на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, выявило негативное воздействие неустойчивости занятости на трудовые доходы работников [17, с. 61]. При этом было доказано, что в случае наличия одного фактора уязвимости средний доход снижается на 13,6%, а в случае двух – на 20,5%. Данные канадского исследования PEPSO подтверждают различия в доходе между домохозяйствами и лицами, находящимися в условиях неустойчивой занятости, по сравнению с гарантированной занятостью [18, с. 38]. В период 2011–2014 гг. разрыв составил примерно 40 тыс. долл. в год и продемонстрировал тенденцию к росту (в среднем на 5%).

Усугубляет положение тот факт, что, поскольку дестабилизация трудовых отношений обычно ведет к утрате социальных гарантий, работники не получают оплачиваемые больничные листы и отпуска, компенсацию за неблагоприятные условия труда [19, с. 18–20]. В свою очередь работодатели не осуществляют уплату страховых взносов в пенсионный фонд. В конечном итоге все это может привести к материальному неблагополучию и отразиться на возможностях доступа к качественной медицинской помощи и нормальному жилью [20], на потреблении качественных товаров и услуг, на обеспечении благополучия детей [21]. В частности, исследования в Канаде показали, что каждый десятый и каждый третий неустойчиво занятые из домохозяйств с низким уровнем доходов отмечают соответственно «частую нехватку денег даже на еду» и «время от времени» [22, с. 67–73]. Та же самая ситуация выявлена в отношении оплаты различных расхо-

[4] Нестабильная занятость не является синонимом неустойчивой занятости как результата процесса ее прекаризации. Статистический показатель нестабильной занятости отражает совокупную долю самозанятых работников и помогающих им членов семьи в общей численности занятых (источник: Vulnerable employment (modeled ILO estimate) // World Bank Open Data. Available at: https://data.worldbank.org).

дов, связанных с подготовкой детей в школу и внешкольными мероприятиями. Кроме того, ввиду ограниченных финансовых возможностей такие работники просто не могут приобрести свое собственное жилье, поэтому живут с родителями (или другими родственниками) либо вынуждены снимать недорогое жилье, в т.ч. совместно с другими людьми [4, с. 80]. В результате возникает т.н. «ловушка нестабильности» [10, с. 48–49], при которой материальные и временные затраты работника не компенсируются доходом, получаемым в условиях неустойчивой занятости. Напротив, нередко приходится соглашаться на неоплачиваемое увеличение трудовой нагрузки и количества должностных обязанностей, поскольку любые возражения могут стать причиной лишения рабочего места [23, с. 40–41].

Здоровье работника. Проведенный анализ показал, что в научной литературе отмечается наличие тесной связи между прекаризацией занятости и самочувствием работника. В подобном случае неустойчивость рассматривается как социальный фактор здоровья [24]. В силу слабой социальной защищенности, неурегулированности режима работы и т.д. такие трудовые отношения подвергают индивида высокому уровню травматизма и заболеваемости на рабочем месте [25]. Согласно Национальному обследованию состояния здоровья канадцев за 1998 г., по сравнению со средними показателями по стране при неустойчивой занятости респонденты заметно хуже оценивали свое состояние [26, с. 30]. Некоторые ученые также связывают различные проявления прекаризации с повышенным риском употребления алкоголя и наркотиков [27, 28]. Кроме того, в отдельных работах было установлено влияние неустойчивости занятости на риски сексуальных домогательств и насилия. Так, австралийские и канадские работники, занятые временно или неполный рабочий день, в отличие от постоянно занятых подвергаются значительно большим угрозам в данном отношении [29; 30, с. 10].

Как показывают исследования, дестабилизация трудовых отношений имеет особенно негативные эффекты на психологическое самочувствие индивидов [31]. Многие работы в этой области, по мнению ряда специалистов, берущие начало в модели требований-контроля (Job Demand-Control model) Р. Карасека [32], связывают снижение удовлетворенности работой, истощение и депрессию с низким уровнем контроля со стороны работников и высокими затратами психосоциальных усилий, что в долгосрочной перспективе может привести к болезням, обусловленным стрессом [26, с. 30]. На основании данных о более чем 2,7 млн. занятых в Италии Ф. Москоне с коллегами выявили причинно-следственную связь между прекаризацией занятости и назначением психотропных препаратов [33]. При этом выяснилось, что переход с постоянной на временную работу увеличивает риски ухудшения состояния психического здоровья. Похожие результаты, полученные в Южной Корее, доказали взаимосвязь между возникновением тяжелых симптомов депрессии (в т.ч. суицидальных мыслей) и неустойчивой занятостью [34, 35]. Данные углубленных интервью с жителями Швеции, имеющими опыт подобных трудовых отношений, свидетельствуют о том, что они испытывали постоянный стресс из-за неопределенности сохранения работы, ее режима и будущего облика, желания найти постоянную работу [22]. Причем это может влиять и на здоровье супруга [36]. В результате повышение неустойчивости положения работника приводит к появлению страха быть «запертым» на таких рабочих местах, что интерпретируется как «потеря контроля» с соответствующими негативными последствиями для здоровья, в частности ухудшением психического состояния, особенно у молодежи и населения среднего возраста [37]. Необходимо отметить, что сами по себе беспокойство и негативные эмоции индивида по поводу своей работы некоторые исследователи относят к субъективным факторам прекаризации трудовых отношений [38]. Кроме того, возникновение отклонений в психическом здоровье может сказываться и на физическом состоянии. Те работники, которые чаще испытывают чувство тревожности, чаще страдают от общих психосоматических осложнений, в том числе бессонницы, головных болей и снижения общей самооценки здоровья [39].

Хотя во многих исследованиях не выявлено значимых гендерных различий в субъективном восприятии здоровья среди неустойчиво занятых работников [40, 41], существует мнение, что в силу ряда факторов (гендерная сегрегация,

большая подверженность трудовой дискриминации, необходимость совмещения трудовых и домашних обязанностей и т.д.) прекаризация занятости может нанести больше вреда здоровью женщин, чем мужчин [42]. В то же время в рамках Национальной программы проверки здоровья и питания в Южной Корее были получены результаты, свидетельствующие о том, что нестандартные условия труда у мужчин чаще связаны с заболеваниями опорно-двигательного аппарата и печени, а у женщин – с психическими расстройствами [43]. Однако, по мнению специалистов, исследования прекаризации занятости как новой социальной детерминанты здоровья работников и их семей находятся в начальной стадии и требуют проведения дальнейших измерений [44, с. 233].

Планирование будущего и семейное благополучие. Отсутствие гарантий занятости накладывает неопределенность на личную жизнь работников и их планы на будущее [45], препятствует способности принимать ключевые решения относительно личной жизни и формирования семьи [46, 47]. Так, пожилые люди, находящиеся в неустойчивых трудовых отношениях, хотя и планируют выйти на пенсию позже, чем те, которые заняты на более стабильной работе, но из-за неблагоприятных условий труда принимают решение о досрочном выходе на пенсию [48]. Неустойчивость занятости может негативно влиять на репродуктивные установки работников, поскольку отсутствуют гарантии отпуска по уходу за ребенком, возрастает риск потери работы [49, с. 86]. Данные лонгитюдного исследования Swiss Household Panel показали, что в целом нестабильность работы снижает у мужчин и женщин реализацию намерений в отношении рождения детей [50, с. 19]. Происходит откладывание воплощения в жизнь таких важных личных событий, как создание серьезных отношений и воспитание детей [51]. Кроме того, вовлеченные в неустойчивую занятость индивиды не могут проводить столько времени со своей семьей, сколько им хотелось бы, по причине неудобного графика работы, необходимости поиска дополнительных источников заработка [22]. В результате нарушается баланс личной и трудовой жизни, увеличивается вероятность возникновения стрессовых ситуаций, что негативно сказывается на семейном благополучии и удовлетворенности жизни в целом.

Возможности повышения квалификации и получения профессионального опыта. Прекаризация занятости отрицательно влияет на человеческий капитал, в частности, работодатели в таких условиях ограничивают вложения в образование работников. Иногда им приходится самим оплачивать свое обучение, чтобы сохранить рабочее место или повысить шансы на получение работы с более благоприятными условиями [18, с. 57]. К тому же в случаях отсутствия у индивида трудового договора накопление стажа работы официально не фиксируется, что может в перспективе стать препятствием для трудоустройства на более достойные вакансии. Судя по данным исследования, проведенного в Нидерландах, неустойчивый характер работы в начале трудовой карьеры приводит, как правило, к неблагоприятной ситуации с занятостью и в дальнейшем (к примеру, работники, которые начинали свою трудовую деятельность с временной занятости, вероятнее всего, и по достижении 35 лет будут трудоустроены на временную работу) [52, с. 16]. Кроме того, неопределенность и непродолжительные трудовые отношения негативно влияют на удовлетворенность своим профессиональным опытом, вплоть до ощущения его отсутствия [53, с. 47]. Ситуация может усугубляться, если неустойчиво занятый работник занимает должность, на которой он не может в полной мере использовать свои знания и навыки и поэтому не до конца реализует свой потенциал. В результате у него разрушается связь с профессией [54, с. 59–62], т.е. развивается депрофессионализация.

Последствия прекаризации занятости: организационный уровень

Эффекты прекаризации трудовых отношений выходят далеко за пределы жизнедеятельности конкретных индивидов. Это рано или поздно отражается на тех организационных структурах, которые создают такие условия для своих работников [55]. Хотя количество исследований в отношении индивидуального уровня проявлений прекаризации занятости значительно больше, чем в отношении организационного и общественного уровней, можно отметить, что для работодателей, прибегающих к дестабилизации трудовых отношений, существуют как выгоды, так и риски (*таблица)*.

Предполагаемые выгоды и риски неустойчивых трудовых отношений для работодателя

Выгода/риск	Содержание
Предполагаемые выгоды	
Краткосрочная экономия затрат и сокращение долгосрочных обязательств	Краткосрочная экономия затрат достигается за счет того, что некоторые категории работников, характеризующиеся неполной, временной или срочной занятостью, зарабатывают меньше, чем их «постоянные» коллеги, не получают социальных гарантий и, как правило, не имеют выходного пособия. Долгосрочные обязательства также сокращаются или отсутствуют, поскольку, например, временные трудовые отношения означают, что работодатели не обязаны выплачивать пенсии или предоставлять долгосрочные пособия.
Гибкость кадрового состава	Неустойчивые трудовые отношения повышают гибкость кадрового состава и дают работодателям возможность быстро реагировать на рыночные изменения. В условиях стандартных трудовых отношений сложнее осуществлять действия по перемещению, найму или высвобождению кадров.
Способность удовлетворить спрос	Рост спроса часто обусловливает потребность в дополнительных ресурсах. В этом случае существует меньше препятствий для найма временной рабочей силы, которая может позволить организациям удовлетворить этот спрос.
Привлечение работников	Некоторые работники, особенно те, кто может рассчитывать на рыночную премию за обладание уникальными навыками, не заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве. Кроме того, отдельные люди просто предпочитают гибкость, которая достигается при временных трудовых отношениях.
Определение ресурсов	Найм работника на временной основе является эффективным способом снижения риска, связанного с подбором постоянного персонала. В этом случае, если сотрудник соответствует требованиям, ему могут быть предоставлены более выгодные условия.
Предполагаемые риски	
Более высокая текучесть кадров	Использование временных работников повышает риск текучести кадров, поскольку они более склонны к увольнению. Это может привести к увеличению расходов на профориентацию и обучение.
Снижение активности и согласованности действий	Сотрудники, находящиеся в неустойчивых трудовых отношениях, работают меньше, чем занятые на постоянной основе, и менее склонны вкладывать больше времени и усилий в выполнение своих обязанностей. Кроме того, деятельность этих работников в меньшей степени согласована с целями организации, что снижает отдачу от инвестиций в персонал.
Снижение производительности	Как правило, работники, вовлеченные в стабильные трудовые отношения, имеют более высокий уровень профессиональных навыков и знаний по сравнению с неустойчиво занятыми, работа которых менее продуктивна, что снижает общую эффективность работы организации.
Риски для здоровья и безопасности	Работники, находящиеся в неустойчивых трудовых отношениях, создают для организации дополнительные риски, связанные с их здоровьем и безопасностью, поскольку не обладают теми же знаниями и опытом, что и их штатные коллеги.
Снижение удовлетворенности клиентов	Плохое взаимодействие с клиентами может иметь значительные негативные последствия, в результате чего некоторые работодатели считают, что наличие непостоянных работников на должностях, особенно связанных с работой в сфере услуг, представляет собой неприемлемый риск.
Источник: Precarious employment employer's perspective: report // KPMG. Available at: https://pepso.ca/documents/kpmg-uw-report-precarious-employment-may-2014.pdf	

Среди основных «стимулов» использования наиболее подверженных неустойчивости форм занятости можно выделить напряженность финансовой ситуации, изменение потребностей организации, налоговые обязательства, возможности ротации кадров и т.д. В то же время существуют и определенные риски, которые, по мнению самих работодателей, перевешивают выгоды [56, с. 8]. Рассмотрим основные из них.

Производительность труда. Неустойчивость занятости тесно связана с мотивацией и производительностью труда. При этом работники чувствуют меньшую удовлетворенность от проделанной работы, у них снижаются мотивация и трудовая активность [57, 58]. В достаточно большом количестве публикаций показано, что в компаниях, прибегающих к использованию менее устойчивых форм трудовых отношений, снижается производительность труда [59, 60]. Однако согласно иной точке зрения, сотрудники, которые боятся риска увольнения, могут начать работать более интенсивно, чтобы повысить свою ценность для организации [61]. Вместе с тем, как показывают исследования, креативность и способность индивида решать проблемы снижаются, если его работа имеет признаки неустойчивости [62].

Текучесть кадров. Социальная незащищенность, отсутствие определенности и другие негативные характеристики неустойчивых трудовых отношений могут оказать решающее влияние на желание остаться в данной организации, что проявляется в высоком уровне текучести кадров [63, с. 43]. В этом случае возникают риск потери квалифицированных работников, которые могут найти себе более достойную работу, риск появления у работодателя издержек на поиск и обучение новых сотрудников и риск общего изменения кадровой политики. При этом если признаки неустойчивой занятости затрагивают основную часть рабочих мест, это может привести к постепенной потере персоналом конкретных корпоративных навыков, приобретенных во время работы в компании, что может ограничить способность последней реагировать на рыночные изменения [64, с. 6].

Риски для здоровья и безопасности работников. Как уже было сказано выше, прекаризация занятости оказывает значительное негативное влияние на здоровье и безопасность работников. Причем работодатель рискует столкнуться с проблемами производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а также с необходимостью покрытия убытков из-за отсутствия человека на работе и выплаты ему компенсации за временную нетрудоспособность. Кроме того, неудобный график работы, связанный с необходимостью возвращения домой в вечерние и ночные часы, сопровождается проблемами безопасности, особенно для женщин [65, с. 85].

Последствия прекаризации занятости: общественный уровень

Процессы, происходящие на индивидуальном и организационном уровнях, взаимосвязаны и могут оказывать воздействие на жизнедеятельность общества в целом. Согласно докладу МОТ, опубликованному по результатам работы Симпозиума по вопросам политики и законодательного регулирования в борьбе с неустойчивой занятостью, который состоялся в 2011 г., влияние прекаризации трудовых отношений на социум является самым обескураживающим[5]. Это проявляется во многих дезориентирующих и разобщающих практиках.

Рынок труда. Процессы прекаризации занятости напрямую сказываются на функционировании рынка труда. Так, популярность временных контрактов в период экономического кризиса может обернуться их использованием на систематической основе, что приведет к еще большей экономической неопределенности, поскольку расходы фирмы, связанные с увольнением штатных сотрудников, и ее гибкость в отношении кадровой политики только усиливают друг друга[6]. При этом сосуществование стандартных и нестандартных рабочих мест может способствовать дальнейшей сегментации рынка труда, когда в одном секторе работники имеют благоприятные условия труда и гарантии занятости, а в другом – сталкиваются с неопределенностью и социальной уязвимостью (даже при выполнении одних и тех же видов работ). Известно также мнение, что вовлеченность в неустойчивые трудовые отношения снижает шансы на трудоустройство на постоянной основе, что оборачивается ростом безработицы и занятости на вторичном рынке труда [66, с. 4].

Общественное участие. Среди неустойчиво занятого населения наблюдается более низкий уровень социальной сплоченности и соседского участия. Как показывают исследования, прекаризация трудовых отношений отрицательно сказывается на участии людей в общественной деятельности, в частности в волонтерстве [65]. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой индивиды, которые, например, вовлечены в неполную или временную занятость, чаще участвуют в общественной деятельности. Однако это характерно в большей степени для домохозяйств с высоким доходом [18, с. 121–123]. Сотрудники, подверженные неустойчивости на рабочем месте, реже являются членами профсоюзного движения [18, с. 63], что заметно сокращает перечень способов защиты их трудовых прав. В силу подобного положения многие работники не чувствуют уверенности в себе, чтобы начать отстаивать права,

[5] From precarious work to decent work. Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to combat Precarious Employment // ILO. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf

[6] Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf

а значит, подвергаются риску быть уволенными. Это в свою очередь провоцирует кризис гражданского участия в профсоюзном движении. Вместе с тем выявлено, что переход от неустойчивой к стабильной занятости повышает интенсивность социальных взаимодействий на 13% и вероятность участия в выборах на 20% [18, с. 128-136]. Углубленные интервью с неустойчиво занятыми канадцами показали, что такой характер труда препятствует сплоченности и коллективным действиям: работники рассматривают друг друга как конкурентов за будущие рабочие места, что приводит к возникновению чувства изоляции и отчужденности [67, с. 147].

Политическая стабильность. Социальная незащищенность всегда лежит в основе любой политической силы [68, с. 122]. Процессы прекаризации (в т.ч. в сфере занятости) подрывают общественные устои, необходимые для построения демократического общества, отдавая приоритет индивидуальной ответственности [69]. Уязвимость в различных ее формах выступает причиной возникновения недовольства и социальных конфликтов. Член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко подчеркивает, что это недовольство является реакцией не бедных людей, а неустроенных, надеющихся на справедливое решение имеющихся проблем [70, с. 245]. В целом, как указывал Г. Стэндинг, неопределенность положения может сделать работников более восприимчивыми к формированию радикальных взглядов [10]. Сотрудники перестают требовать что-то от конкретного руководства и обращаются к органам власти. К примеру, движение EuroMayDay, ставшее выражением протеста против роста незащищенной занятости, адресует правительствам призыв к улучшению условий труда [10, с. 1–3]. В то же время исследования ФНИСЦ РАН показывают снижение интереса к политике у людей, подверженных неустойчивости на рабочем месте (если в 2003 г. об отсутствии интереса к политике высказалось 36% респондентов, то в 2013 г. – 63%) [70, с. 235].

Социальное неравенство и эксклюзия. Неустойчивый характер занятости и его проявления зачастую приводят к росту неравенства населения (как общему, так и в разрезе отдельных составляющих: материальной, образовательной, жилищной и др.), исключенности из системы социального обеспечения и из общества в целом. Социальное отчуждение может являться следствием угрозы снижения финансовой независимости и социальной незащищенности. При этом первичным следствием выступает доходное неравенство, которое порождает возникновение других его видов. К примеру, результаты исследований свидетельствуют о том, что широкое распространение временной занятости способствует усилению неравенства в оплате труда в странах ОЭСР и Латинской Америки [71]. Неустойчивое финансовое положение может обусловить неравенство в доступе к различным благам и услугам, изменение моделей потребления. Так, временные работники и краудворкеры встречаются со значительными сложностями в получении кредита на жилье [72]. Обобщающим результатом обозначенных процессов может стать трансформация социальной структуры общества и формирование нового класса – прекариата [10, 70].

Социально-экономическое развитие. Как уже было сказано выше, прекаризация занятости негативно воздействует на производительность труда, что непосредственно сказывается на показателях развития экономики. Это может выражаться в росте теневой занятости и «серых» заработных плат, снижении налоговых и страховых взносов [73]. Исследование на материалах отдельных субъектов СЗФО установило, что распространение неустойчивой занятости приводит к потерям от недоиспользования человеческого капитала в размере от 1% (Калининградская область) до 7% (Республика Карелия) ВРП [74, с. 286]. Наряду с этим снижаются темпы внедрения инноваций [75]. В силу того что в условиях неустойчивой занятости индивиды склонны откладывать рождение детей, это может отрицательно повлиять и на рождаемость среди населения в целом. К подобным выводам пришли ученые, анализировавшие ситуацию на рынке труда в Италии и Испании [76]. Отсутствие гарантий оплаты больничных листов и дефицит доступа к качественной медицинской помощи также могут существенно влиять на общественное здоровье населения, а ограниченные возможности повышения квалификации препятствуют накоплению человеческого капитала.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ показал поистине многогранный характер последствий прекаризации занятости, проявляющийся на индивидуальном, организационном и общественном уровнях. Данное обстоятельство мы постарались учесть в предлагаемой классификации этих последствий (*рисунок*). Поскольку рассматриваемый феномен является объектом пристального внимания ученых из самых различных областей знания, можно предположить, что обозначенный нами перечень вызываемых им негативных эффектов будет только расширяться. В рамках же настоящего исследо-

Классификация последствий прекаризации занятости
по уровню организации общества

Социально-экономические последствия прекаризации занятости	
Общественный уровень	*Нарушение функционирования рынка труда*. Прекаризация занятости способствует нарастанию неопределенности в отношении конъюнктуры рынка труда, что может спровоцировать, например, усиление его сегментации и рост безработицы. *Снижение социальной сплоченности и отказ населения от участия в общественной жизни*. Прекаризация занятости может повлечь за собой рост атомизации общества, поскольку неопределенность трудовой жизни негативно сказывается на социальном взаимодействии, порождая изоляцию и отчуждение. *Дестабилизация политической ситуации*. Неустойчивость занятости является причиной недовольства и социальных конфликтов, которые в условиях отсутствия эффективного диалога с работодателем не только становятся политической повесткой, но и делают работников более подверженными радикальным настроениям. *Углубление социального неравенства и рост социальной эксклюзии*. Распространение неустойчивой занятости продуцирует трансформацию социальной структуры общества, в результате чего формируется новый класс – прекариат, во многом отрезанный от различных благ и услуг. *Замедление темпов социально-экономического развития*. Многогранность негативных последствий прекаризации занятости в конечном итоге оказывает деструктивное воздействие на социально-экономическое развитие территорий.
Организационный уровень	*Снижение производительности труда*. Дестабилизация трудовых отношений, как правило, оборачивается снижением производительности труда, поскольку работники становятся менее заинтересованными в результатах своей деятельности. *Рост текучести кадров*. Использование менее устойчивых форм занятости может подтолкнуть сотрудников к поиску другой работы, что приведет к увеличению издержек найма/увольнения работников и рисков потери конкретных корпоративных навыков. *Увеличение рисков, связанных со здоровьем и безопасностью работников*. Негативное влияние прекаризации занятости на здоровье работников создает предпосылки для увеличения расходов на персонал.
Индивидуальный уровень	*Снижение материального благополучия и социальной защищенности*. Прекаризация занятости негативно сказывается на трудовых доходах работников и, как правило, ведет к утрате социальных гарантий, что в совокупности отражается на благосостоянии. *Ухудшение состояния здоровья*. Неблагоприятные условия труда как одно из характерных проявлений прекаризации занятости наносит серьезный вред физическому и психическому здоровью работников. *Неопределенность личного и семейного будущего*. Отсутствие гарантий занятости в случае дестабилизации трудовых отношений препятствует формированию и реализации жизненных планов. *Ограничение возможностей повышения квалификации и получения профессионального опыта*. Неустойчивая занятость заметно сужает профессиональные перспективы работников, в результате чего они вынуждены работать в сложившихся условиях.

Источник: составлено авторами.

вания мы попытались сделать акцент на представлении того, как процесс дестабилизации трудовых отношений выходит за рамки трудовой жизни работников и распространяется на общество в целом, создавая угрозы устойчивости социально-экономическому положению территорий. На фоне стремительного развития нестандартных форм занятости данные вопросы видятся особенно актуальными и требующими детального изучения применительно к конкретным условиям внешней среды, так как межстрановые особенности могут накладывать серьезный отпечаток на функционирование социально-трудовой сферы.

Вместе с тем масштабность последствий процесса прекаризации занятости диктует необходимость совершенствования теоретико-методологических основ его исследования. В настоящее время наблюдается такая ситуация, когда одни и те же понятия зачастую трактуются совершенно по-разному. Поэтому внесение в эту область концептуальной и терминологической ясности должно стать отправной точкой для формирования целостной картины, отражающей сущность прекаризации занятости и ее проявлений на различных уровнях организации общества, что послужит основой разработки соответствующего методического инструментария.

Проведенное нами исследование вносит вклад в развитие представлений о возможных эффектах прекаризации занятости в контексте сложившегося в научной литературе теоретико-методологического плюрализма. В качестве научной новизны нам хотелось бы обратить внимание на предложенную классификацию последствий изучаемого феномена по уровням организации общества, наглядно отражающую риски для различных субъектов социально-трудовых отношений. Полученные нами результаты могут стать поводом для предметного обсуждения актуальности обозначенных последствий для России, поскольку, несмотря на пристальное внимание отечественных ученых к тематике прекаризации занятости, конкретные эмпирические исследования встречаются крайне редко. Все это позволяет лучше понять перспективы развития сферы социально-трудовых отношений в ракурсе глобальных вызовов и угроз. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить о необходимости формирования правовых условий для внедрения более гибких форм занятости и расширения возможностей использования нестандартных трудовых договоров, что потребует приведения российского трудового законодательства в соответствие с вызовами современности. Кроме того, нельзя не отметить важность совершенствования государственной политики, направленной на осуществление реальных действий по созданию высокопроизводительных рабочих мест, последовательную легализацию неформального сектора экономики, модернизацию служб занятости и т.д. В противном случае мы можем столкнуться с дальнейшей дестабилизацией трудовых отношений, что поставит под сомнение возможность обеспечения не только достойных условий труда, но и устойчивости социально-экономического развития страны в целом.

Литература

1. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
2. Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д.э.н. М., 2018. 414 с.
3. Tangian A.S. Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005. *WSI-Diskussionspapier*, 2004, vol. 153, 77 p.
4. Pembroke S. *Precarious work precarious lives: how policy can create more security*. Dublin: TASC, 2018. 122 p.
5. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, 2009, vol. 74, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1177/000312240907400101
6. Agarwala R., Chun J. Gendering Struggles against Informal and Precarious Work. *Political Power and Social Theory*, 2018, vol. 35, pp. 1–28. DOI: 10.1108/S0198-871920180000035001
7. Barbier J.-C. Employment precariousness in a European cross-national perspective. A sociological review of thirty years of research. *CES working papers*, 2011, vol. 78, 40 p.

8. Letourneux V. *Precarious Employment and Working Conditions in Europe*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1998. 108 p.
9. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Экономика. 2013. Вып. 1. С. 25–32.
10. Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
11. Puig-Barrachina V., Levecque K., Muntaner C. Measuring employment precariousness in the European Working Conditions Survey: the social distribution in Europe. *Work*, 2014, vol. 49, pp. 143–161. DOI: 10.3233/WOR-131645
12. Vivesa A., Gonzáleza F., Moncadae S., Llorense C., Benach J. Measuring precarious employment in times of crisis: the revised Employment Precariousness Scale (EPRES) in Spain. *Gaceta Sanitaria*, 2015, vol. 29, no. 5, pp. 379–382. DOI: 10.1016/j.gaceta.2015.06.008
13. Lewchuk W. Precarious jobs: Where are they, and how do they affect well-being? *The Economic and Labour Relations Review*, 2017, vol. 28, no. 3, pp. 402–419. DOI:10.1177/1035304617722943
14. Chan J., Nair M., Rhomberg C. Precarization and Labor Resistance: Canada, the USA, India and China. *Critical Sociology*, 2019, vol. 45, no. 4–5, pp. 469–483. DOI:10.1177/0896920519827634
15. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. № 2. С. 91–104. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00018
16. Санкова Л.В. Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194). С. 44–53. DOI: 10.12737/7400
17. Матвеева Т.А. Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3 (193). С. 56–68. DOI: 10.12737/5645
18. Lewchuk W., Lafleche M., Procyk S., Cook S., Dyson D., Goldring L., Lior K., Meisner A., Shields J., Tambureno A., Viducis P. *The Precarity Penalty. The impact of employment precarity on individuals, households and communities – and what to do about it*. Toronto: PEPSO, 2015. 200 p.
19. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений / В.Н. Бобков, Е.А. Черных, У.Т. Алиев, Е.И. Курильченко // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5. С. 13–26.
20. Vives A., Amable M., Ferrer M., Moncada S., Llorens C., Muntaner C., Benavides F.G., Benach J. Employment precariousness and poor mental health: evidence from Spain on a new social determinant of health. *Journal of environmental and public health*, 2013, vol. 97865. DOI: 10.1155/2013/978656
21. Macassa G., Bergström H., Malstam E., Hiswåls A.S., Soares J., Ahmadi N., Marttila A. Experiences of Employment Precariousness and Psychological Well-being in East Central Sweden. *Health Science Journal*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 491–497. DOI:10.21767/1791-809X.1000491
22. Lewchuk W., Lafleche M., Dyson D. *It's More than Poverty. Employment Precarity and Household Well-being*. Toronto: PEPSO, 2013. 120 p.
23. Неустойчивая занятость и ее последствия для работников / А. Ляпин, Г. Нойнхеффер, Л. Шершукова, П. Бизюков. М.: Центр социально-трудовых прав, 2007. 48 с.
24. Benach J., Vives A., Amable M., Vanroelen C., Tarafa G., Muntaner C. Precarious employment: Understanding an emerging social determinant of health. *Annual Review of Public Health*, 2014, vol. 35, no. 1, pp. 229–253. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-032013-182500
25. Quinlan M., Mayhew C., Bohle P. The Global Expansion of Precarious Employment, Work Disorganization, and Consequences for Occupational Health: A Review of Recent Research. *International Journal of Health Services*, 2001, vol. 31, no. 2, pp. 335–414. DOI: 10.2190/607H-TTV0-QCN6-YLT4
26. Lewchuk W., de Wolff A., King A., Polanyi M. From job strain to employment strain: Health effects of precarious employment. *Just Labour*, 2003, vol. 3, pp. 23–35. DOI: 10.25071/1705-1436.165
27. Cheng W., Cheng Y. Alcohol drinking behaviours and alcohol management policies under outsourced work conditions: A qualitative study of construction workers in Taiwan. *International Journal of Drug Policy*, 2016, vol. 28, pp. 43–47. DOI: 10.1016/j.drugpo.2015.08.011
28. Bachman J., Schulenberg J. How part-time work intensity relates to drug use, problem behaviour, time use and satisfaction among high school seniors: Are these consequences merely correlates? *Developmental Psychiatry*, 1993, vol. 29, no. 2, pp. 220–235. DOI: 10.1037/0012-1649.29.2.220

29. Lamontagne A., Smith P., Louie A., Quinlan M., Shoveller J., Ostry A. Unwanted sexual advances at work: Variations by employment arrangement in a sample of working Australians. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 2009, vol. 33, no. 2, pp. 173–179. DOI: 10.1111/j.1753-6405.2009.00366.x
30. Vézina M.E., Cloutier E., Stock S., Lippel K., Fortin E. *Québec survey on working and employment conditions and occupational health and safety: summary report*. Quebec: EQCOTESST, 2011. 49 p.
31. Чуйкова Т. С., Сотникова Д. И. Особенности отношения к работе в условиях негарантированной занятости // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 1. С. 6–19.
32. Karasek R. Job Decision Latitude, Job Demands and Mental Strain: Implications for Job Redesign. *Administrative Science Quarterly*, 1979, vol. 24, pp. 285–308. DOI:10.2307/2392498
33. Moscone F., Tosetti E., Vittadini G. The impact of precarious employment on mental health: The case of Italy. *Social Science & Medicine*, 2016, vol. 158, pp. 86–95. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.03.008
34. Jang S.-Y., Jang S.-I., Bae H.-C., Shin J., Park E.-C. Precarious employment and new-onset severe depressive symptoms: A population-based prospective study in South Korea. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 2015, vol. 41, no. 4, pp. 329–337. DOI: 10.5271/sjweh.3498
35. Han K.-M., Chang J., Won E., Lee M.-S., Ham B.-J. Precarious employment associated with depressive symptoms and suicidal ideation in adult wage workers. *Journal of Affective Disorders*, 2017, vol. 218, pp. 201–209. DOI: 10.1016/j.jad.2017.04.049
36. Marcus J. The effect of unemployment on the mental health of spouses – Evidence from plant closures in Germany. *Journal of Health Economics*, 2013, vol. 32, pp. 546–558. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2013.02.004
37. Canivet C., Aronsson G., Bernhard-Oettel C., Leineweber C., Moghaddassi M., Stengård J., Westerlund H., Östergren, P.O. The negative effects on mental health of being in a non-desired occupation in an increasingly precarious labour market. *SSM–Population Health*, 2017, vol. 3, pp. 516–524. DOI: 10.1016/j.ssmph.2017.05.009
38. Федорова А.Э., Каташинских В.С., Дворжакова З. Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 802–814. DOI: 10.17059/2016-3-16
39. Rocha C., Crowell J.H., McCarter A.K. The Effects of Prolonged Job Insecurity on the Psychological Well-Being of Workers. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 2006, vol. 33, pp. 9–28.
40. Virtanen M., Kivimaki M., Joensuu M., Virtanen P., Elovainio M., Vahtera J. Temporary employment and health: A review. *International Journal of Epidemiology*, 2005, vol. 34, pp. 610–622. DOI: 10.1093/ije/dyi024
41. Ferrie J.E., Shipley M.J., Stansfeld S.A., Marmot M.G. Effects of chronic job insecurity and change in job security on self reported health, minor psychiatry morbidity, physiological measures, and health related behaviours in British civil servants: The Whitehall II study. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2002, vol. 56, pp. 450–454. DOI: 10.1136/jech.56.6.450
42. Menéndez M., Benach J., Muntaner C., Amable M., O'Campo P. Is Precarious Employment More Damaging to Women's Health Than Men's? *Social Science & Medicine*, 2007, vol. 64, no. 4, pp. 776–781. DOI: 10.1016/j.socscimed.2006.10.035
43. Kim I.H., Khang Y.H., Muntaner C., Chun H., Cho S.I. Gender, precarious work, and chronic diseases in South Korea. *American Journal of Industrial Medicine*, 2008, vol. 51, no. 10, pp. 748–757. DOI: 10.1002/ajim.20626
44. Benach J, Vives A, Tarafa G, Delclos C, Muntaner C. What should we know about precarious employment and health in 2025? Framing the agenda for the next decade of research. *International Journal of Epidemiology*, 2016, vol. 45, no. 1, pp. 232–238. DOI: 10.1093/ije/dyv342
45. Clarke M., Lewchuk W., de Wolff A., King A. This just isn't sustainable: Precarious employment, stress and workers' health. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2007, vol. 30, pp. 311–326. DOI: 10.1016/j.ijlp.2007.06.005
46. Green F. Unpacking the misery multiplier: How employability modifies the impacts of unemployment and job insecurity on life satisfaction and mental health. *Journal of health economics*, 2011, vol. 30, pp. 265–276. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2010.12.005
47. Попов А.В. Неустойчивая занятость: распространенность и социально-демографические характеристики работников // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 264–279.
48. Livanos I., Nuñez I. Early exit or longer stay? The effect of precarious employment on planned age of retirement. *Personnel Review*, 2017, vol. 46, no. 8, pp. 1571–1589. DOI: 10.1108/PR-04-2015-0110
49. Modena F., Sabatini F. I would if I could: Precarious employment and childbearing intentions in Italy. *Review of Economics of the Household*, 2012, vol. 10, pp. 77–97.

50. Hanappi D., Ryser V-A., Bernardi L., Le Goff J-M. Precarious work and the fertility intention-behavior link: An analysis based on the Swiss Household Panel data. *LIVES Working Papers*, 2012, vol. 17, pp. 1–27. DOI:10.12682/lives.2296-1658.2012.17
51. Golsch K. *The impact of labour market insecurity on the work and family life of men and women: A comparison of Germany, Great Britain, and Spain*. Frankfurt: Peter Lang, 2005. 286 p.
52. Luijkx A.R.C.M., Wolbers M.H.J. *The impact of employment precarity on early labour market careers and family formation in the Netherlands* / In: P. Barbieri (ed.). Flexible employment and the welfare state in Europe. Cheltenham: Edward Elgar, 2018. pp. 1–33.
53. Szczygiel I. *The impact of precarious employment on social work skill engagement and career satisfaction for women: a master thesis*. Hamilton: McMaster University, 2016. 79 p.
54. Дружилов С.А. Профессия, профессиональная деятельность, субъект в системе «Человек–Профессия–Общество» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 3. С. 39–66.
55. Procyk S., Lewchuk W., Shields J. *Precarious employment: Causes, consequences and remedies*. Halifax: Fernwood Publishing, 2017. 160 p.
56. Blecher L., Younger T., MacDougall A., Hunter P., Powdrill T. *Precarious work*. London: Local Authority Pension Fund Forum, 2018. 24 p.
57. Battisti M., Vallanti G. Flexible wage contracts, temporary jobs, and firm performance: Evidence from Italian firms. *Industrial Relations*, 2013, vol. 52, no. 3, pp. 737–764. DOI: 10.1111/irel.12031
58. Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2018.2.93.1
59. Lisi D. The impact of temporary employment and employment protection on labour productivity: Evidence from an industry-level panel of EU countries. *Journal for Labour Market Research*, 2013, vol. 46, no. 2, pp. 119–144. DOI: 10.1007/s12651-013-0127-0
60. Lucidi F., Kleinknecht A. Little innovation, many jobs: An econometric analysis of the Italian labour productivity crisis. *Cambridge Journal of Economics*, 2010, vol. 34, no. 3. pp. 525–546. DOI: 10.1093/cje/bep011
61. Sverke M., Hellgren J. Exit, voice, and loyalty reactions to job insecurity: Do unionized and non-unionized employees differ? *British Journal of Industrial Relations*, 2001, vol. 39, no. 2, pp. 167–182. DOI: 10.1111/1467-8543.00195
62. Probst T.M., Stewart S.M., Gruys M.L., Tierney B.W. Productivity, counterproductivity and creativity: The ups and downs of job insecurity. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 2007, vol. 80, no. 3, pp. 479-497. DOI: 10.1348/096317906X159103
63. Rasmussen S., Refslund B., Sørensen O.H., Larsen T.P. *Reducing precarious work in Europe through social dialogue: the case of Denmark*. Aalborg: Aalborg University, 2016. 109 p.
64. Berg J. Non-standard employment: challenges and solutions. *IUSLabor*, 2016, vol. 3. pp. 1–9.
65. Premji S. Precarious employment and difficult daily commutes. *Relations industrielles*, 2017, vol. 72, no. 1, pp. 77–98. DOI: 10.7202/1039591
66. Li J. Precarious work and labor market segmentation: a comparative study on mainland China and Hong Kong. *The Journal of Chinese Sociology*, 2019, vol. 6, no. 17, pp. 1–22. DOI:10.1186/s40711-019-0105-1
67. Lewchuk W., Dassinger J. Precarious employment and precarious resistance: «we are people still». *Studies in Political Economy*, 2016, vol. 97, no. 2, pp. 143–158. DOI: 10.1080/07078552.2016.1211397
68. Bauman Z. *Collateral Damage: Social Inequalities in a Global Age*. London: Polity Press, 2011. 188 p.
69. Näsström S., Kalm S. A democratic critique of precarity. *Global Discourse*, 2015, vol. 5, no. 4, pp. 556–573. DOI: 10.1080/23269995.2014.992119
70. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
71. Cazes S., de Laiglesia J. *Temporary contracts and wage inequality* / In: J. Berg (ed.). Labour markets, institutions and inequality: Building just societies in the 21st century. Geneva: ILO, 2015. pp. 147–184.
72. Berg J. Income security in the on-demand economy: Findings and policy lessons from a survey of crowdworkers. *Comparative Labour Law and Policy Journal*, 2016, vol. 37, no. 3, pp. 543–576.
73. Бобков В. Н. Неустойчивость занятости – глобальная проблема современности // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Книга 4 / отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 41–49.

74. Попов А. В. Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 212. № 4. С. 270–293.
75. Kleinknecht A., van Schaik F.N., Zhou H. Is flexible labour good for innovation? *Cambridge Journal of Economics*, 2014, vol. 38, no. 5, pp. 1207–1219. DOI: 10.1093/cje/bet077
76. Bonet R., Cruz C., Fernández-Kranz D., Justo R. Temporary contracts and work–family balance in a dual labor market. *Industrial and Labor Relations Review*, 2013, vol. 66, no.1, pp. 55–87. DOI: 10.1177/001979391306600103

Сведения об авторах

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Татьяна Сергеевна Соловьева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86 @list.ru)

Popov A.V., Solov'eva T.S.

Analyzing and Classifying the Implications of Employment Precarization: Individual, Organizational and Social Levels

Abstract. Currently, the concept of employment precarization is one of the most discussed topics in the field of social and labor relations. It is due to the fact that this phenomenon affects more people than unemployment and poses a threat to the provision of decent working conditions in modern economic environment, when flexible forms of employment are coming to the fore. Their use, despite many positive aspects, often leads to the destabilization of labor relations, the effects of which go far beyond the specific workplace. In this regard, the goal of our article is to study and classify the implications of employment precarization at different levels of society organization. We use general scientific methods such as critical analysis, generalization, comparison, and classification, which serve as the basis for the analysis of domestic and foreign scientific literature on the subject. The findings of our study prove that the effects of employment precarization are indeed multifaceted. At the individual level, this is manifested in the deterioration of material well-being, social security and health, and also in the uncertainty of personal/ family and professional prospects. There may be benefits in the framework of the organization, but the destabilization of labour relations poses far greater threats, such as reduced productivity, increased staff turnover, and increased costs associated with the health and safety of employees. All this can have a negative impact on the life of society as a whole, affecting the functioning of the labor market, the degree of social cohesion, the stability of the political situation, the scale of social inequality and social exclusion, and the pace of socio-economic development. The prospects for further research are to consider the implications of employment precarization, taking into account the specifics of the social and labor sphere in Russia.

Key words: employment precarization, labor market, unstable employment, non-standard employment, social and labor relations, precariat.

Information about the Authors

Tat'yana S. Solov'eva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru).

Andrei V. Popov – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Статья поступила 28.10.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11
УДК 331.55, ББК 65.5
© Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С.

Иностранные мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России*

Иван Андреевич
АЛЕШКОВСКИЙ
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 13а
E-mail: aleshkovski@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9276-3133

Александр Александрович
ГРЕБЕНЮК
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 13а
E-mail: gaa-mma@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9003-4551

Виктор Анатольевич
КРАВЕЦ
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 61
E-mail: kravets@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0001-7461-7458

Анастасия Сергеевна
МАКСИМОВА
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, кор. 1
E-mail: lubijizn@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3847-1791; ResearcherID: R-7401-2016

* Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 17-78-10168.

Для цитирования: Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: Оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты. тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 197–208. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11

For citation: Aleshkovskii I.A., Grebenyuk A.A., Kravets V.A., Maksimova A.S. Foreign Migrants in the Russian Labor Market: the Estimate of Their Overall Number and Their Contribution to Russia's GDP. *Economic and Social Changes: Facts. Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 197–208. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11

Аннотация. На сегодняшний день Российская Федерация является одним из мировых лидеров среди стран-реципиентов международных трудовых мигрантов. Россия входит в первую десятку стран мира по объему денежных переводов, отправляемых иностранными работниками на родину. Вместе с тем наличие с рядом стран постсоветского пространства особых правовых режимов въезда в Россию и нахождения на ее территории делает невозможным точную статистическую оценку общей численности иностранных граждан, работающих на российском рынке труда. В рамках настоящего исследования предложена методология косвенной оценки общей численности иностранных работников на российском рынке труда на основе данных о денежных переводах, отправляемых мигрантами на родину, оценки уровня доходов трудовых мигрантов в России и структуре их использования. В результате исследования было установлено, что, в соответствии со «средним сценарием», на территории России в 2017 году трудилось около 7,2 млн. иностранных граждан, из которых только около 2,9 млн. человек работали легально. Исследование позволило сделать вывод, что около 60% иностранных работников в России не учитываются в данных Федеральной службы государственной статистики России и Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. На основании оценки общей численности иностранных трудовых мигрантов в России в настоящем исследовании приводится оценка вклада трудовых мигрантов в ВВП России. По нашим оценкам, в 2017 году вклад иностранных работников в российский ВВП составил около 6,4%.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, нелегальная миграция, трудящиеся-мигранты, денежные переводы.

Введение

Начиная со второй половины XX века процессы глобализации в сочетании с нарастанием межстрановой социально-экономической дифференциации способствовали резкой интенсификации миграционных потоков населения, привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире. В настоящее время в мире насчитывается более 258 миллионов мигрантов [1, с. 4], при этом ежегодно в различные формы межгосударственных перемещений (как постоянные, так и временные) вовлечены сотни миллионов людей [2]. Объективным явлением на рынке труда развитых стран стали иностранные трудящиеся-мигранты, а эмиграция за рубеж превратилась в один из основных способов повышения уровня благосостояния в развивающихся странах. Численность трудящихся-мигрантов, по оценкам Международной организации труда, составляет около 164 миллионов человек [3, с. 6]. По данным Всемирного Банка, в 2017 году мигранты перевели в развивающиеся страны более 466 миллиардов долларов США, что в три раза больше, чем поступления по официальным каналам. При этом общая сумма денежных переводов мигрантов превысила 613 миллиардов долларов [4, с. 4].

Россия является классическим примером страны – крупного реципиента международных трудовых мигрантов, одним из центров притяжения рабочей силы в рамках евразийской миграционной системы. Количественно оценить общую численность иностранных граждан, осуществляющих (легально и нелегально) трудовую деятельность на территории нашей страны, крайне сложно. Так, по данным Главного управления по вопросам миграции населения МВД РФ, в 2018 году было оформлено 1 млн. 682,6 тыс. патентов и 148,3 тыс. разрешений на работу иностранным гражданам[1].

Основными донорами рабочей силы для российского рынка труда являются республики СНГ (Киргизия, Молдова, Таджикистан, Украина, Узбекистан), из которых в Россию прибывают преимущественно трудовые ресурсы с низким уровнем развития человеческого капитала. Так, более чем на семь миллионов

[1] Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/ Дата обращения: 20.04.2019. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2017 году. М.: Росстат, 2018. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm. Дата обращения: 20.04.2019.

въехавших для осуществления трудовой деятельности в 2017 году приходилось около 27 тысяч высококвалифицированных специалистов, имевших действующее разрешение на работу, что составляет менее 0,4% от общей численности миграционного потока[2].

Трудовые миграционные потоки формируют целый ряд «контрпотоков» в страны – доноры рабочей силы. Помимо возвратной трудовой миграции и потока информации, которая является важным фактором формирования миграционных процессов, большое значение имеет финансовый поток. Так, по данным Центрального банка России, объем денежных переводов в страны СНГ в 2017–2018 годах составлял более 13 млрд долларов США[3].

Методология исследования

На сегодняшний день не существует «прямых» статистических инструментов оценки общей численности (легальных и нелегальных) иностранных работников на российском рынке труда. Опубликованные цифры носят оценочный характер ввиду значительного нелегального компонента международной трудовой миграции.

Методы оценки численности нелегальных трудовых мигрантов аналогичны методам оценки других «неформальных» социально-экономических процессов и имеют те же методические проблемы. Главная из них заключается в том, что провести полноценный учет «недокументированных» мигрантов, по определению, невозможно [5; 6; 7].

В целом все методы оценки численности нелегальных мигрантов в конечном счете основываются на использовании имеющихся статистических данных, а также анализе зарегистрированных случаев нелегальной миграции. Основываясь на наблюдаемых и учтенных показателях, в свою очередь, можно сделать вывод о масштабах «ненаблюдаемых» явлений (общей численности нелегальных мигрантов, численности нелегальных трудящихся-мигрантов и т.д.) [6; 7; 8; 9].

В рамках настоящего исследования предложена методология оценки общей численности иностранных трудящихся-мигрантов на российском рынке труда на основе анализа денежных переводов, отправляемых мигрантами на родину, а также оценки вклада трудовых мигрантов в валовой внутренний продукт России.

Источниками статистических данных являлись данные Банка России о денежных переводах трудовых мигрантов на родину, данные Федеральной службы государственной статистики России о средней заработной плате на рынке труда и национальном ВВП и данные социологических исследований о заработной плате и производительности трудовых мигрантов.

Денежные переводы трудящихся-мигрантов из России

Одной из основных целей международных трудовых мигрантов является отправка денежных средств (переводов) на родину. По данным Банка России, в 2017–2018 годах иностранными трудовыми мигрантами из России было переведено более 17 млрд. долларов. Статистические данные о величине переводов отчетливо демонстрируют, что спад объемов денежных средств, наблюдавшийся в 2015–2016 годах, сменился ростом в 2017 году. Причем в рублевом эквиваленте объем переводов в 2017 году превзошел показатель 2014 года (*табл. 1*). Можно сделать вывод о том, что отдельные отрасли российской экономики, использующие труд мигрантов, начинают преодолевать кризисные явления российской экономики.

В 2018 году в страны СНГ было переведено около 14 млрд. долларов США. При этом на постсоветском пространстве наибольшие финансовые потоки из России были направлены в Узбекистан (3,69 млрд. долларов), в Таджикистан (2,62 млрд. долларов) и Киргизию (2,23 млрд. долларов). В страны дальнего зарубежья было переведено около 4,7 млрд. долларов.

По данным Всемирного банка, по совокупному объему отправленных переводов Россия занимает лидирующие позиции в мире, располагаясь на 6-м месте по итогам 2017 года (*рис. 1*).

При этом, если бы курс российского рубля к американскому доллару оставался на уровне 2013 года (средневзвешенный курс с 01.01.2013 по 31.12.2013 составлял 31,8 рубля за доллар США), Россия в приведенном списке занимала бы 3-ю строчку с показателем 40,5 млрд.

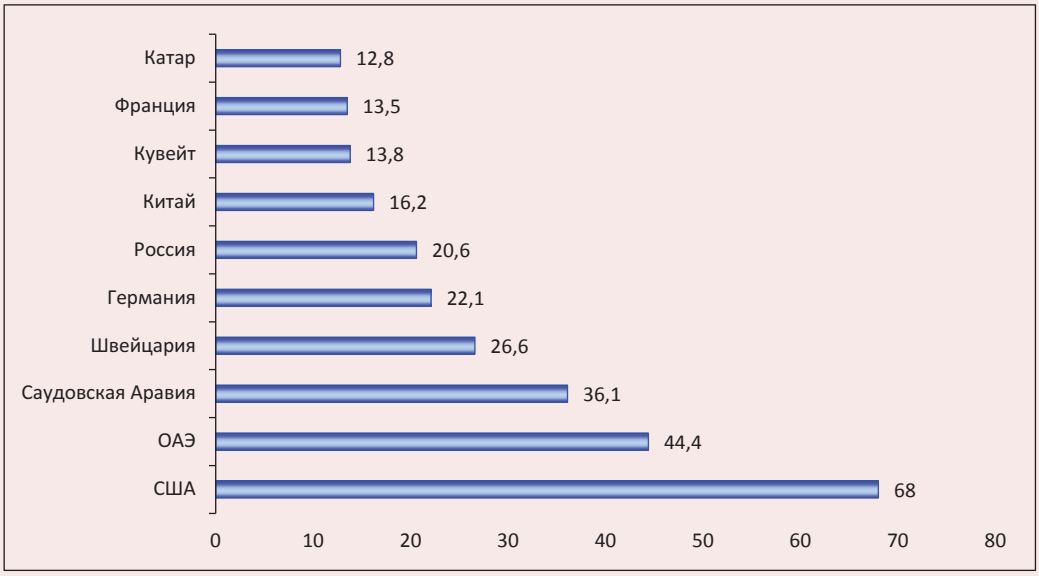
[2] Официальный сайт Центрального Банка РФ. Режим доступа: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/CrossBorder/Personal_Remittances_CIS.xlsx. Дата обращения: 20.04.2019.

[3] Официальный сайт Центрального Банка РФ. Режим доступа: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/CrossBorder/Personal_Remittances_CIS.xlsx. Дата обращения: 20.04.2019.

Таблица 1. Денежные переводы иностранных работников на родину

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Денежные переводы мигрантов на родину, млрд. долл. США	30,4	27,0	16,3	14,2	17,9	18,8
В % к предыдущему году	120%	89%	60%	87%	126%	105%
Денежные переводы мигрантов на родину, млрд. руб.	968,4	1038,0	994,5	948,6	1043,1	1178,6
В % к предыдущему году	123%	107%	96%	95%	110%	113%
Рассчитано по: данные Центрального Банка России.						

Рис. 1. Страны-лидеры по денежным переводам мигрантов на родину, млрд. долл. США, 2017 г.

Источник: построено по данным Всемирного банка [10].

долларов. Вместе с тем наибольшим значением денежных переводов из России является показатель 2013 года, когда общий объем денежных переводов превысил 37,2 млрд. долларов.

Оплата труда иностранных работников в России

Особенности учета иностранных работников на территории России и формы их трудоустройства не позволяют получать данные о средней заработной плате мигрантов. Патентная система и серые, нелегальные формы найма делают эту задачу невыполнимой для прямых статистических методов. Для целей настоящего исследования необходимо прибегнуть к использованию данных социологических исследований, прежде всего опросов трудовых мигрантов.

Для расчета общего количества иностранных работников, занятых на российском рынке труда, обратимся к данным о заработной плате, полученным в рамках исследования Центра этнополитических и региональных исследований, выполненного для НИУ ВШЭ. По данным исследования, средняя заработная плата внешнего трудового мигранта в 2017 году в России составляла 30,1 тыс. рублей, что составляет 76,9% от средней заработной платы гражданина России.

Как мы видим (*табл. 2*), разрыв между уровнями оплаты труда мигрантов и россиян в 2012–2017 годах устойчиво составлял около 25%. При этом, начиная с 2015 года, сформировалась тенденция к постепенному сокращению этого разрыва.

Таблица 2. Сравнение средней заработной платы российских и иностранных работников

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата российских работников*, руб.	26629	29792	32495	34030	36709	39167
Средняя заработная плата иностранных работников**, руб.	19766	21833	23900	25966	28032	30100
Соотношение средних зарплат россиян и иностранных работников**, %	74,2	73,3	73,5	76,3	76,4	76,9
* По данным Росстата. ** Рассчитано нами по данным исследований Центра этнополитических и региональных исследований.						

Используя данные Росстата о численности иностранных работников, рассчитаем примерную совокупную годовую заработную плату, которую получают трудовые мигранты в России. Как мы видим из *таблицы 3*, совокупный объем годовой заработной платы иностранных работников значительно вырос за последние 5 лет. В то же время в 2016 году этот показатель больше совокупного объема денежных переводов на 4835,9 млн. рублей. Иными словами, денежные переводы составили 99,5% от годовой заработной платы иностранных работников. При этом определенная часть денежных переводов проходит по неформальным сетям и не учитывается Центральным банком России. Отсюда мы можем сделать вывод, что значительное количество трудящихся-мигрантов не учитывается российской государственной системой статистического наблюдения.

Даже если учесть, что при предложенном подходе в статистику попадают как временные трудовые мигрантов, так и иностранцы, имеющие разрешение на временное проживание или вид на жительство, можно сделать вывод о двукратном превышении фактической численности иностранных граждан, осуществляющих в Российской Федерации трудовую деятельность, над официальными данными.

Оценка общей численности иностранных работников в России

Структура расходования заработной платы трудовых мигрантов, как правило, состоит из следующих компонентов: расходы на продукты питания, на аренду жилья, на налоги и обязательные платежи, а также средства, отправляемые семьям на родину (денежные переводы) [11;12;13;14].

Имея информацию о доле заработной платы, которую мигрант переводит на родину, и совокупном объеме денежных переводов трудовых мигрантов, можно оценить общую численность иностранной рабочей силы, включая нелегальный компонент.

Как свидетельствует целый ряд исследований, временно проживающие иностранцы расходуют существенно меньшую часть их доходов в стране назначения, чем местные жители и мигранты, переселяющиеся на постоянное место жительства. Так, по данным исследования Т. Бауэра, М. Зиннинга, в 2000–2003 гг. в Германии уровень сбережений среди местного населения составлял 8,6%, тогда как среди временных мигрантов (с учетом денежных переводов на родину) достигал 11,8% [15, с.10]. По данным другого исследования М. Зиннинга, временные мигранты в Германии в среднем сбе-

Таблица 3. Соотношение совокупной заработной платы трудовых мигрантов и общего объема денежных переводов мигрантов на родину

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Совокупный объем годовой заработной платы мигрантов, млн. руб.	670067,4	780250,3	952835,6	1055517,9	953446,8	938608,2
Объем денежных переводов трудовых мигрантов на родину, млн. руб.	788394,1	968370,3	1038000,6	994467,2	948610,9	1043129,5
Сальдо, млн. руб.	–118326,7	–188120,0	–85165,0	61050,7	4835,9	-104521,3
Источник: рассчитано авторами по данным Центрального банка РФ и Росстата.						

регали на 24% больше средств и переводили на родину на 21% больше средств, чем постоянные мигранты [13, с. 14].

По результатам обследования временных мексиканских мигрантов в США, в начале 2000-х годов объем денежных переводов на родину трудящихся-мигрантов составлял в среднем около 40% их заработка. При этом более высокая доля переводов в доходах отмечалась у нелегальных мигрантов, лиц с низким уровнем образования и невысоким уровнем владения английским языком [12, с. 57].

По данным исследования Международной организации по миграции (Миссия на Украине), украинские мигранты за рубежом тратят в среднем около 35% на покрытие своих потребностей, около 35% направляют на сбережение. Денежные переводы украинских мигрантов на родину составляют в среднем около 30% от величины их ежемесячного дохода [16, с. 57]. В то же время, согласно данным исследования, проведенного Национальным агентством финансовых исследований совместно с компанией Western Union, трудовые мигранты из стран СНГ отправляют около 40% своих доходов в Российской Федерации на родину [15].

Рассчитаем оценочное количество иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории России, основываясь на доле заработка, которую они переводят на родину.

Используем три сценария.

1. Сценарий № 1 («высокий»): трудовые мигранты отправляют на родину 30% от заработной платы.
2. Сценарий № 2 («средний»): трудовые мигранты отправляют на родину 40% от заработной платы.
3. Сценарий № 3 («низкий»). Трудовые мигранты отправляют на родину 50% от заработной платы.

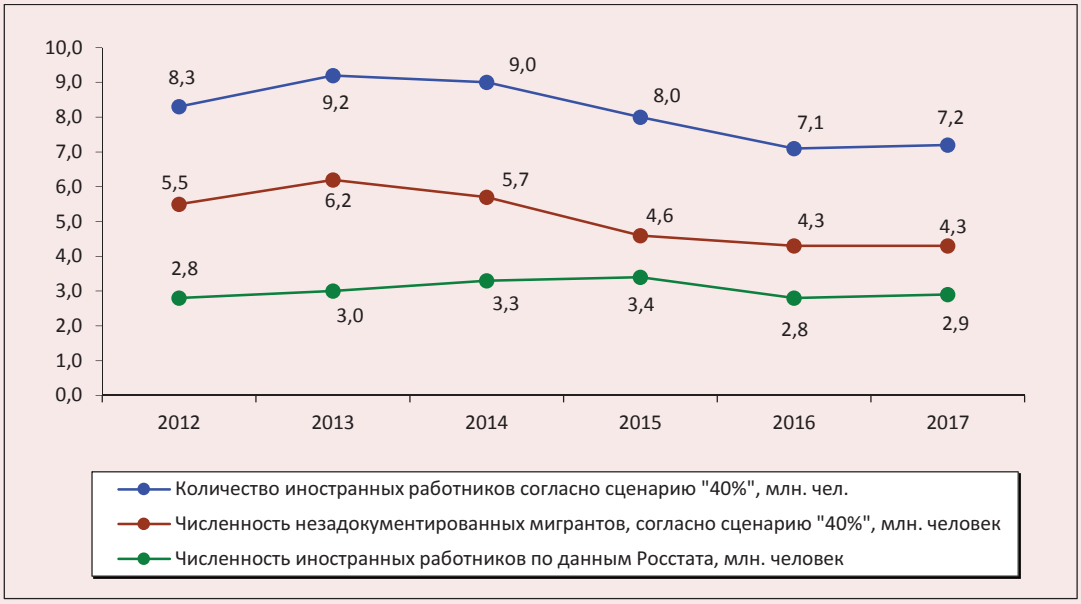
На основе данных об объеме денежных переводов мигрантов на родину в *таблице 4* приведены оценки общей численности иностранных работников на российском рынке труда в соответствии с «высоким», «средним» и «низким» сценариями.

Использовав в качестве основного «средний сценарий» (трудовой мигрант отправляет на родину 40% заработка, полученного в Российской Федерации), получим, что в 2017 году оценочная численность иностранных работников на российском рынке труда составила около 7,2 млн. человек. Таким образом, при среднем сценарии можно сделать вывод, что около 4,3 млн. иностранных работников в России (почти 60%) не были выявлены и не учитываются в данных Федеральной службы государственной статистики России и Главного управления по вопросам миграции МВД РФ (*рис. 2*). Отметим, что, согласно исследованию Центра экономической стратегии 2018 г., только 38% украинских

Таблица 4. Оценка общей численности иностранных работников на российском рынке труда

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Объем денежных переводов трудовых мигрантов на родину, млрд. руб.	788,4	968,4	1038,0	994,5	948,6	1043,1
Совокупный объем годовой заработной платы мигрантов при сценарии № 1, млрд. руб.	2628,0	3228,0	3460,0	3314,9	3162,1	3477,1
Совокупный объем годовой заработной платы мигрантов при сценарии № 2, млрд. руб.	1971,0	2421,0	2595,1	2486,2	2371,5	2607,8
Совокупный объем годовой заработной платы мигрантов при сценарии № 3, млрд. руб.	1576,8	1936,7	2076,0	1988,9	1897,2	2086,2
Количество иностранных работников при сценарии № 1, млн. чел.	11,1	12,3	12,1	10,6	9,4	9,6
Количество иностранных работников при сценарии № 2, млн. чел.	8,3	9,2	9,0	8,0	7,1	7,2
Количество иностранных работников при сценарии № 3, млн. чел.	6,6	7,4	7,2	6,4	5,6	5,8
Источник: расчеты авторов.						

Рис. 2. Динамика оценочной общей численности иностранных работников на российском рынке труда

Источник: расчеты авторов.

трудовых мигрантов за рубежом работает легально. Таким образом, доля нелегальных мигрантов среди украинских трудящихся-мигрантов составляет около 60% [17].

По нашим оценкам, наибольшее количество иностранных работников трудилось на территории России в 2013 году (9,2 млн. человек), при этом основную часть из них (67%) составляли нелегальные трудовые мигранты (6,2 млн. человек). Санкционное давление, усилившее кризисные процессы в российской экономике, привело к снижению в 2014–2016 годах общей численности иностранной рабочей силы на российском рынке труда. Этот процесс отражают как данные официальной статистики, так и наши подсчеты. Показатели 2017 года продемонстрировали впервые с 2013 года рост, что может являться косвенным индикатором улучшения макроэкономического состояния в России.

Необходимо отметить, что полученная нами численность нелегальных (незадокументированных) мигрантов носит оценочный характер. Однако данные расчеты имеют инструментальную значимость, позволяя оценить общее количество иностранных работников, находящихся в России, и предлагают новый методологический подход в расчете численности нелегальных мигрантов.

Оценка вклада иностранных работников в ВВП России

Расчет вклада трудовых мигрантов в создание ВВП России является сложной задачей [18; 19]. Во-первых, отсутствуют точные данные о количестве трудовых мигрантов на территории страны. При этом имеются противоречия даже в официальных статистических данных. Так, например, имеются расхождения между численностью мигрантов, въехавших в Россию для осуществления трудовой деятельности, по данным Пограничной службы ФСБ РФ, и численностью официально работающих в России трудовых мигрантов, по данным Росстата. Во-вторых, в России отсутствует статистическая информация о структуре занятости трудовых мигрантов. Отсутствуют официальные данные о численности мигрантов по видам экономической деятельности, что не позволяет провести оценку вклада мигрантов в развитие отдельных отраслей российской промышленности. В-третьих, скудность статистической информации не позволяет точно определить уровень

производительности труда иностранных работников: ни рассчитать средний уровень по всем отраслям российской экономики, ни вычислить показатели по отдельным видам экономической деятельности [20; 21].

Одним из наиболее используемых методов измерения вклада трудовых мигрантов в ВВП принимающего государства является оценка через занятость. Однако при оценке вклада трудовых мигрантов в создание ВВП их доля в общей численности занятых позволяет получить лишь приблизительное представление, но не может служить корректной оценкой такого вклада. Как правило, отраслевые структуры занятости иностранных граждан и граждан страны не совпадают, а производительности труда, в свою очередь, варьируются по видам экономической деятельности. В рамках отдельных отраслей экономики также различается индивидуальная продуктивность работников, косвенным индикатором которой может служить уровень образования (продолжительность обучения) последних [22, с.110]. Основываясь на таком подходе, эксперты МОТ провели соответствующие измерения для экономики США в 2010 г. При том что мигранты составляли 17,5% от численности рабочей силы США, их вклад в создание ВВП страны с учетом повышенной доли иностранных работников среди занятых в отраслях со сравнительно низкой производительностью труда (сельское хозяйство и услуги домохозяйствам) оценивался в 15,8%, а с учетом более низкого уровня образования иностранных работников – в 14,8% [23, с. 31]. Косвенным индикатором производительности труда иностранных работников может также служить относительный уровень их заработной платы (в сравнении с заработной платой граждан страны), причем не реально получаемой, а потенциальной, которая при прочих равных условиях соответствовала бы профессионально-квалификационному составу иностранных работников. По оценкам МОТ, в Европе средние валовые месячные заработки иностранных работников были на 17,5% ниже, чем у местных работников. Однако в этой разнице лишь 6,2% можно объяснить профессионально-квалификационными факторами, остальные же 11,3% фактически не имеют отношения к продуктивности, будучи обусловлены дискриминацией, худшей защищенностью приезжих работников коллективными договорами и т.п. При этом, по данным исследования, объясняемый (потенциальный) разрыв в заработках в ряде стран (в том числе в Дании, Швеции, Германии и Польше) складывается даже в пользу мигрантов [22, с. 110].

В исследовании Филиппа Мартина, который также использует метод оценки вклада мигрантов в ВВП Таиланда через их долю в занятости, указывается, что производительность труда мигрантов может составлять только около 50% от производительности местного населения [10].

Как уже отмечалось нами выше, миграционный поток в Российскую Федерацию имеет низкие показатели развития человеческого капитала. Это обусловлено, с одной стороны, низким уровнем развития систем образования основных стран-доноров рабочей силы, а с другой стороны, высоким спросом в российской экономике на низкоквалифицированную рабочую силу. В этой связи, как и в США, и странах Европейского союза, производительность труда иностранных работников на российском рынке труда в среднем будет меньше, чем у граждан Российской Федерации [20].

В рамках настоящего исследования приводится оценка вклада иностранных работников в создание российского ВВП, основанная на ранее оцененных нами данных об общей численности иностранных работников на российском рынке труда. Также в исследовании приводится сравнение оценки, полученной исходя из наших расчетов, с оценкой, базирующейся на официальных данных о численности иностранных трудовых мигрантов в России (*табл. 5*).

Согласно данным, основанным на расчетах авторов и приведенным в таблице, доля иностранных работников на российском рынке труда в 2017 году составляла около 9%. Наибольшая доля занятых мигрантов в российской экономике наблюдалась в 2013 году – в этот период на внешних трудовых мигрантов приходилось более 11% всех занятых в экономике. В свою очередь, судя по официальным данным, в 2017 году доля иностранцев в общей численности занятых в России составляла менее 4%.

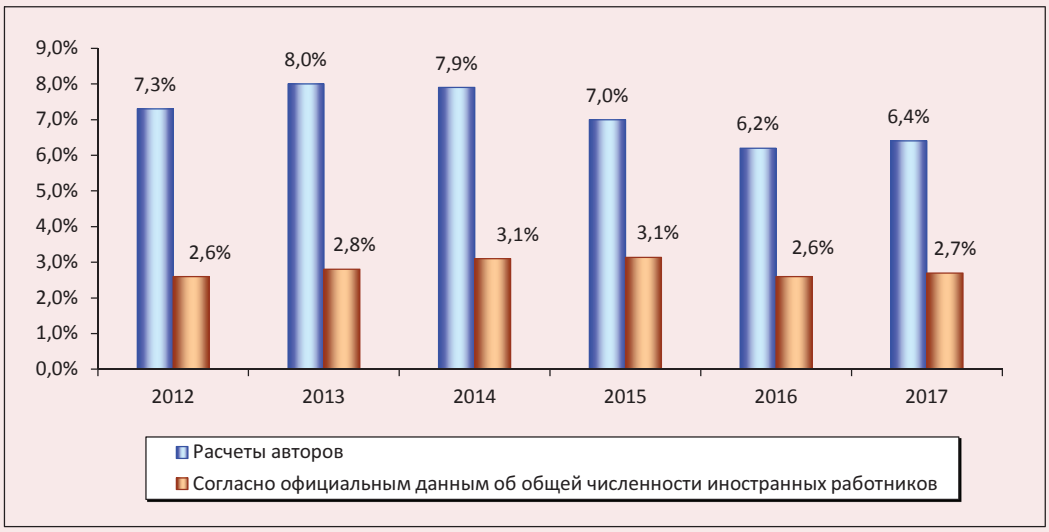
Таблица 5. Оценка доли иностранных работников в общей численности занятых в Российской Федерации

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Занятые, тыс. чел.	71545	71391	71539	72324	72393	72315,9
Трудовые мигранты из-за рубежа, тыс. чел. (данные исследования)	8309,7	9240,3	9048,1	7979	7050,1	7219,8
Доля мигрантов в общей численности занятых (данные исследования), %	10,4	11,5	11,2	9,9	8,9	9,1
Трудовые мигранты из-за рубежа, тыс. чел. (официальные данные)	2825,0	2978,1	3322,3	3387,5	2834,4	2910,3
Доля мигрантов в общей численности занятых (официальные данные), %	3,8	4,0	4,4	4,5	3,7	3,9
Источник: расчеты авторов.						

Основываясь на нашей оценке общей численности иностранных работников в Российской Федерации и официальных данных Федеральной службы государственной статистики России, проведем оценку вклада мигрантов в создание ВВП России (*рис. 3*). Развивая подход МОТ, предложенный для США [23], а также ввиду низких показателей развития человеческого капитала входящего трудового миграционного потока, скорректируем производительность труда иностранных работников на уровне 70% от уровня производительности труда в среднем по российской экономике.

Полученные результаты отчетливо демонстрируют значительное расхождение между расчетами, основанными на данных нашего исследования, и расчетами, опирающимися на официальную информацию о численности иностранных работников в России. Согласно нашим расчетам, общий вклад иностранных трудовых мигрантов в 2017 году составил 6,4% ВВП, что в абсолютных показателях составляет около 5,9 трлн. рублей (101 млрд. долларов США). При этом максимальный вклад мигрантов в ВВП был отмечен в 2013 году. Он составлял около 8% ВВП, что в абсолютных значениях равнялось 5,9 трлн. рублей (184 млрд. долларов США).

Рис. 3. Оценка вклада иностранных работников в ВВП России

Источник: расчеты авторов.

Выводы

1. Проведенное исследование показало, что данные официальной статистики значительно занижают общее число иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории России. В связи с этим оценка вклада трудовых мигрантов в создание ВВП России, сделанная на основе официальных данных, не отражает реальной картины.

2. Используемый в настоящей работе методологический подход позволил оценить количество нелегальных трудовых мигрантов на территории России и общую численность иностранных работников на российском рынке труда. Основываясь на «среднем» сценарии (трудовой мигрант отправляет на родину в среднем 40% своего заработка), мы установили, что в 2017 году численность иностранных работников на российском рынке труда составляла около 7,2 млн. человек. Из них около 4,3 млн. человек не были статистически выявлены и не учитывались в данных Федеральной службы государственной статистики РФ и Главного управления по вопросам миграции МВД РФ.

3. В ходе настоящего исследования было установлено, что доля иностранных работников в общей численности занятых в России составляет около 9%, что в 2,3 раза выше оценки Федеральной службы государственной статистики РФ. При этом максимальное значение этого показателя было достигнуто в 2013 году (11,5%).

4. Согласно нашим оценкам, общий вклад иностранных работников в создание ВВП России в 2017 году составил 6,4%, что в абсолютных показателях составляет 5,9 трлн. руб. (101 млрд. долларов США), и это в 2,4 раза выше оценок, выполненных на основе официальных данных Росстата. При этом максимальный вклад мигрантов в создание ВВП России был также отмечен в 2013 году. Он составлял 8% ВВП, что в абсолютных значениях равнялось 5,9 трлн. рублей (184 млрд. долларов США).

5. Положительная динамика таких показателей, как денежные переводы мигрантов на родину (как в рублевом, так и в долларовом эквивалентах), доля внешних трудовых мигрантов на российском рынке труда, вклад трудовых мигрантов в создание российского ВВП, отчетливо указывает на то, что спрос на иностранную рабочую силу в России начинает расти. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что в ряде отраслей российской экономики, активно использующих труд иностранных работников, наблюдается оживление.

Литература

1. *International Migration Report 2017. Highlights (ST/ESA/SER.A/404)*. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York: United Nations. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf. Дата обращения: 21.04.2019.
2. Алешковский И.А. Глобализация международной миграции: социальные проблемы и политические последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 2. С. 213–224. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-2-213-224.
3. *ILO Global Estimates of International Migrant Workers — Results and Methodology. 2nd edition*. Geneva: ILO, 2018. 61 p.
4. *Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook. Migration and Development Brief 29. April 2018.* World Bank, 2018. Available at: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30280. Дата обращения: 20.04.2019.
5. Алешковский И.А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. 2014. № 2. С. 129–136.
6. Единый рынок труда в ЕЭП: экономический эффект соглашений в области трудовой миграции / В.А. Ионцев, И.В. Ивахнюк, А.Г. Магомедова, И.А. Алешковский, Ю.А. Прохорова, К.Д. Шевченко, Е.В. Глод // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 2 (15). С. 6–24.
7. Borjas G. The labor supply of undocumented immigrants. *Labour Economics,* 2017, vol. 46, pp. 1–13.
8. Jandl M. Methods, approaches and data sources for estimating stocks of irregular migrants. *International Migration*, 2011, vol. 49 (5), pp. 53–77. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2011.00701.x.

9. Morehouse C., Blomfield M. *Irregular Migration in Europe*. Migration Policy Institute (MPI), December 2011. Available at: https://www.migrationpolicy.org/research/TCM-irregular-migration-europe. Дата обращения 20.04.2019.
10. Martin P. *The Economic Contribution of Migrant Workers to Thailand: Towards Policy Development*. Bangkok: ILO, 2007. 32 p.
11. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79.
12. Amuedo-Dorantes C., Bansak C., Pozo S. On the remitting patterns of immigrants: evidence from Mexican survey data. *Federal Reserve Bank of Atlanta Economic Review*, First Quarter 2005.
13. Bauer Th., Sinning M. The savings behavior of temporary and permanent migrants in Germany. *Journal of Population Economics,* 2011, vol. 24, no. 2, pp. 421–449.
14. Sinning M. *Determinants of Savings and Remittances: Empirical Evidence from Immigrants to Germany. August 2007. IZA Discussion Paper No. 2966.* Bonn: IZA. Available at: http://ftp.iza.org/dp2966.pdf. Дата обращения 20.04.2019.
15. Кто и как отправляет денежные переводы из России: социологический портрет отправителей денежных переводов / Национальное агентство финансовых исследований, 2018. URL: https://nafi.ru/analytics/kto-i-kak-otpravlyaet-denezhnye-perevody-iz-rossii-sotsiologicheskiy-portret-otpraviteley-denezhnykh/ Дата обращения: 20.04.2019.
16. *Migration as an Enable of Development in Ukraine. A Study on the Nexus between Development and Migration-Related Financial Flows to Ukraine.* Kyiv: IOM, 2016.
17. *Ukrainian Economic Migration. Presentation by Hlib Vyshlinsky, 12th Europe-Ukraine Forum, Rzeszow, Poland 24 January, 2019.* Available at: https://ces.org.ua/en/wp-content/uploads/2019/01/migration_pres.pdf. Дата обращения 20.04.2019.
18. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 16–28. DOI: 10.12737/18147.
19. Jabbar J.B. The impact of migrant labors on Russian economy: production function approach. *R-Economy,* 2017, vol. 3, no. 2, pp. 90–102.
20. Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Методологические подходы к оценке воздействия внешней трудовой миграции на развитие финансово-бюджетной сферы принимающих мигрантов стран // Финансы: теория и практика. 2018. № 6. С. 10–15.
21. Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В. Стратегические резервы роста производительности труда в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 1 (9). С. 24–38.
22. Социальный контекст экономического развития в XXI веке / отв. ред. Е.Ш. Гонтмахер, И.В. Гришин, И.П. Цапенко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 238 с.
23. *The Contribution of Labour Mobility to Economic Growth*. International Labour Organisation, Organisation for Economic Co-operation and Development, World Bank Group. Joint paper for G20 Labour and Employment Ministers' Meeting, Ankara, 3–4 September 2015.

Сведения об авторах

Иван Андреевич Алешковский – кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13а; e-mail: aleshkovski@yandex.ru)

Александр Александрович Гребенюк – доктор экономических наук, заместитель директора ВШССН, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13а; e-mail: gaa-mma@mail.ru)

Виктор Анатольевич Кравец – доктор технических наук, заместитель директора МШЭ, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: kravets@mse-msu.ru)

Анастасия Сергеевна Максимова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: lubijizn@yandex.ru)

Aleshkovskii I.A., Grebenyuk A.A., Kravets V.A., Maksimova A.S.

Foreign Migrants in the Russian Labor Market: the Estimate of Their Overall Number and Their Contribution to Russia's GDP

Abstract. Nowadays Russian Federation is one of the world leaders according to the number of international labor migrants it receives. Russia is among the top ten countries according to the volume of remittances from foreign workers to their countries of origin. However, it is impossible to provide an exact statistical estimate for the total number of foreign citizens working in the Russian labor market since there continue to exist certain legal regimes within the post-Soviet area concerning entry into Russia and staying there. The present research analyzes a methodology for an indirect estimate of the overall number of foreign workers in the Russian labor market. The methodology is based on the data on money transfers to migrants' countries of origin, on the estimate of their income in Russia and on the structure of their usage. The research reveals that according to the "medium scenario" in 2017 there were about 7.2 million foreigners working in Russia, and only 2.9 million of them worked legally. The following conclusion can be made: about 60% of foreign workers in Russia are not included in the data of the Federal State Statistics Service of Russia and the General Administration for Migration Issues under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The estimate of the foreign workers' contribution to Russian GDP is based on the overall number of foreign labor migrants in Russia. According to our estimate, their contribution was around 6.4% in 2017.

Key words: international migration, labor migration, irregular migration, labor migrants, remittances.

Information about the Authors

Ivan A. Aleshkovskii – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Dean, Lomonosov Moscow State University (1, building 13A, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: aleshkovski@yandex.ru)

Aleksandr A. Grebenyuk – Doctor of Sciences (Economics), Deputy Director of the Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, building 13A, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: gaa-mma@mail.ru)

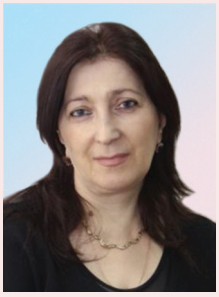
Viktor A. Kravets – Doctor of Sciences (Engineering), Deputy Director of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kravets@mse-msu.ru)

Anastasiya S. Maksimova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, RAS Institute of Socio-Political Research (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: lubijizn@yandex.ru)

Статья поступила 26.04.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12
УДК 316.012, ББК 60.7, 60.524
© Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А.

Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ

Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация, 129226, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

Оксана Викторовна
КУЧМАЕВА
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-0386-857X; Researcher ID: L-9513-2015

Наталья Александровна
БЕЗВЕРБНАЯ
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
E-mail: bezvad@mail.ru

Для цитирования: Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12

For citation: Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Current state and prospects of family policy in Russia: socio-demographic analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12

Аннотация. Целью работы выступает анализ мер и ожидаемых результатов государственной семейной политики, включая мероприятия Национального проекта «Демография» (2018), затрагивающие интересы семьи, что позволяет определить перспективы семейной политики. Статья базируется на анализе государственных документов, посвященных стратегии семейной и демографической политики, данных официальной статистики, переписей населения и выборочных обследований Росстата. Для выявления эффективности мер семейной политики с учетом дифференциации социально-демографического развития регионов использованы методы дескриптивной статистики, многомерного анализа данных – дисперсионного, кластерного анализа. Кластерный анализ позволил сформировать типологические группы регионов в зависимости от динамики рождаемости, уровня бедности и развития системы дошкольного присмотра – важнейших показателей, характеризующих реализацию стратегии семейной политики. Для российских семей играют роль экономические меры поддержки, эффективность которых доказана в ряде исследований, проведенных в странах мира. Однако их воздействие имеет свою специфику в связи с дифференциацией экономического развития регионов, возможностями развития социальной инфраструктуры и поддержки достойного уровня жизни семей с детьми, что важно учитывать при развитии семейной политики. Анализ результативности семейной политики позволяет говорить о необходимости внесения изменений в структуру реализуемых мер. Семейная политика должна носить долгосрочный, системный характер, быть направленной на создание условий, повышающих самостоятельность семьи в условиях современного социума и экономических отношений. Зачастую при формировании стратегии деятельности в сфере семейной политики отсутствует четкая увязка целей деятельности и индикаторов ее достижения. Сложные проблемы, требующие решения в интересах семьи (например, обеспечение возможностей для родителей сочетания семейных и профессиональных ролей) и нуждающиеся в объединении усилий различных субъектов, включая работодателей, пока остаются вне внимания семейной политики. Пересечение направлений деятельности и ожидаемых результатов не позволяет говорить об оценке эффективности отдельных стратегических документов в сфере семейной политики.

Ключевые слова: институт семьи, семейная политика, рождаемость, демографическая политика, эффективность семейной политики, Национальный проект «Демография».

Введение

Социально-демографическая политика в России выступает одним из основных элементов при формировании стратегии экономического развития страны. Ведущей целью государственного регулирования процессов воспроизводства населения выступает обеспечение страны необходимыми трудовыми ресурсами. От этого зависит состояние важнейших форм общественной жизни: экономики, качества жизни различных социальных слоев населения, уровня обороноспособности страны. И в достижении цели необходимого прироста численности населения за счет роста рождаемости демографическая политика пересекается в своих инструментах и мерах с семейной политикой, направленной на поддержку жизнедеятельности института семьи, реализацию ее основных, в том числе репродуктивной, функций. В силу этого в значительной части случаев в сфере государственной политики порой трудно разделить меры демографической и семейной политики, особенно когда дело касается решений, направленных на рост рождаемости, укрепление брачных отношений и укрепление межпоколенных связей. Актуализация процесса внедрения в социальную практику мер, формально включенных в программные документы демографической политики в России в последние годы, в действительности затрагивает и сферу институциональной поддержки семьи – семейную политику.

Осознание роли института семьи в жизни общества существенным образом повлияло на создание новой стратегии семейной политики с учетом происходящих в России изменений социально-политического и экономического характера, а так же привело к поиску наиболее обоснованных методов оценки ее эффективности.

Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года1 явилась значимым этапом развития государственной семейной политики. Она продолжила тренд на оказание системной поддержки семьям, прежде всего семьям с детьми, начавшийся программой «материнского капитала» в 2007 году – при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего детей семье предоставляется возможность воспользоваться значительной суммой (2017 г. – 453 тыс. рублей) при условии ее целевого расходования (пенсия матери, образование детей, приобретение жилья)[2]. Предыдущие стратегические документы, лежащие в основе реализации семейной политики, принятые в России в конце XX века[3], были ориентированы на особенности положения семьи в условиях социально-экономического и политического кризиса и в силу этого не учитывали долговременные тенденции трансформации института семьи.

Можем отметить заметную корреляцию между Концепцией семейной политики, принятой в 2014 г., Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года[4], Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[5] в отношении задач, направлений и ожидаемых результатов в контексте поддержки семьи. Принятые впоследствии программные документы («Национальная стратегия в интересах женщин»[6], «Десятилетие детства 2018–2027»[7]) также во многом взаимосвязаны по направлениям деятельности с Концепцией государственной семейной политики. Среди проблем, связанных с функционированием семьи, прежде всего уделяется внимание сокращению числа детей в семьях, увеличению числа бездетных семей, уменьшению стабильности семейных отношений. Ожидаемые результаты – рост общего и суммарного коэффициентов рождаемости, снижение уровня разводимости. Среди мер, направленных на повышение рождаемости – развитие системы дошкольного воспитания и присмотра, обеспечение при необходимости переквалификации и трудоустройства женщин, приступающих к трудовой деятельности после отпуска по уходу за ребенком.

В соответствии с Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 № 204 был разработан Национальный проект «Демография», который можно рассматривать как продолжение и развитие инициатив, содержащихся в ранее принятых программах демографического развития и оказания поддержки семье и детям. Так, в ходе реализации проекта предполагается достижение следующих целей: увеличить ожидаемую продолжительность здоровой жизни россиян до 67 лет, а также суммарный коэффициент рождаемости до 1,7 ребенка на 1 женщину и повысить долю граждан, ведущих здоровый образ жизни. Национальный проект «Демография» будет осуществляться по пяти направлениям, среди которых два напрямую касаются жизнедеятельности семьи: «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». Предполагается, что именно деятельность в данных направлениях позволит увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7 ребенка к 2024 году.

---

[1] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р.

[2] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ.

[3] Концепция государственной семейной политики 1993 г.; Основные направления государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712.

[4] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165069/

[5] О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/

[6] Об утверждении Национальной стратегии в интересах женщин на 2017–2022 гг.: Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р.

[7] Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240.

Увеличения рождаемости предполагается достичь как мерами, реализуемыми в России уже на протяжении нескольких лет, так и впервые включенными в рамки государственного стратегического документа.

Так, в ходе реализации проекта продолжится программа так называемого «материнского капитала», кроме того, остаются актуальными ежемесячные выплаты нуждающимся (малоимущим) семьям в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, а также предоставление ипотечных кредитов на льготных условиях (6% годовых) семьям, имеющим двух и более детей, денежные выплаты в случае рождения третьего ребенка или последующих детей (до достижения ребенком возраста 3 лет).

Предполагается увеличить масштабы деятельности по переобучению и повышению квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, а также созданию дополнительных мест в детских садах и яслях для детей в возрасте до трех лет в государственном и негосударственном секторах дошкольного образования.

Среди новаций проекта – увеличение за счет средств базовой программы обязательного медицинского страхования количества процедур экстракорпорального оплодотворения до 450 тыс. в год, что должно сказаться на росте рождаемости и сокращении числа бездетных супружеских пар. Отдельное внимание уделено информационному компоненту – созданию телевизионных программ, интернет-контента, периодических печатных изданий, реализующих проекты, направленные на пропаганду семейных ценностей, поддержку материнства и детства. Как уже отмечалось, предлагаемые меры в значительной степени затрагивают не только регулирование демографических процессов и процесса воспроизводства, но и функционирование института семьи.

Целью работы выступает анализ ожидаемых результатов реализации Национального проекта «Демография» в контексте предлагаемых мер, затрагивающих интересы семьи. Это позволит сделать определенные выводы о возможной эффективности Национального проекта по отношению к поддержке института семьи с учетом уже реализуемых мер и значительной региональной дифференциации демографических процессов и моделей семейной жизни. Предметом анализа выступают прежде всего меры, которые относятся к компетенции не только демографической, но и семейной политики.

Поиск наиболее эффективных моделей семейной политики является предметом исследования во многих странах мира, и Россия не стала исключением. Реализация Национального проекта «Демография» будет в значительной мере определять суть семейной политики в ближайшие годы, по крайней мере, в контексте поддержки репродуктивной, воспитательной и самосохранительной функций семьи. Тем самым крайне важно оценить подходы, используемые в рамках проекта, для достижения эффекта семейной политики. Авторы акцентируют свое внимание на результативности мер семейной политики, реализуемых после 2008 г. – в период активизации семейной политики в России, осуществления Концепции государственной семейной политики. Это позволяет выявить, насколько Национальный проект инновационен по отношению к стратегии семейной политики, реализуемой в стране, почему предпринятых ранее мер оказалось недостаточно.

Рассмотрение структуры Национального проекта «Демография» ставит целый ряд исследовательских вопросов. Какова логика формирования системы индикаторов и их количественных значений? Насколько объективно предлагаемые показатели будут отражать результаты реализации проекта с учетом пересечения направлений деятельности с другими программными документами в сфере семейной и демографической политики и необходимости учета потребностей российских семей? Можно ли оценить эффективность реализуемой политики, отдельных программ на основе утвержденных показателей результативности и насколько она эффективна? Насколько восприимчивы семьи к реализуемым мерам семейной и демографической политики? Каковы перспективы результативности Национального проекта «Демография»? Говоря об оценке эффективности семейной политики, необходимо учитывать и тот факт, что модель российской семьи весьма мозаична, основные индикаторы ее демографического и социального развития, которые находят отражение в качестве ожидаемых результатов в стратегических документах семейной политики, весьма дифференцирова-

ны по регионам страны. Соответственно, и реализуемые меры весьма отличаются по степени эффективности, что необходимо учитывать при разработке региональных стратегий семейной политики и оценке ее эффективности.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении показателей, выступающих индикаторами результативности целого ряда программных документов семейной политики в России, принятых в последние годы и позволяющих получить представление об отдельных аспектах положения семьи в регионах страны. Объективная оценка результативности семейной политики возможна только в комплексе, анализ эффективности отдельных мер различных программных документов приводит к излишней формализации процесса и не дает достоверной картины. Применение методов статистического анализа позволило выявить выравнивание показателей рождаемости, несмотря на существующую пока региональную дифференциацию моделей семьи и семейной политики в России, и включить в дискурс о перспективах результативности семейной политики (наряду с мерами, предусмотренными Национальным проектом «Демография») необходимость решения вопроса экономической самостоятельности семей, формирования баланса «семья–работа». Авторы полагают, что без реализации данных мер в различных регионах России говорить о достижении целевых показателей рождаемости Национального проекта «Демография» нельзя. При этом низкий уровень жизни семей с детьми делает их восприимчивыми к мерам экономической поддержки, размер которой пока оставляет желать лучшего.

Методология исследования

Статья базируется на анализе государственных документов, посвященных стратегии семейной и демографической политики, данных всероссийских переписей (2002 и 2010 гг.[8]), микропереписи 2015 года[9], официальной статистики[10] и выборочных обследований Росстата, в частности Комплексного обследования условий жизни населения[11] (проведено в 2016 году, выборочная совокупность составила 134 852 человека, данные репрезентативны для всех регионов России), Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения[12] (проведено в 2017 году, выборочная совокупность – 15 тыс. домохозяйств).

Для выявления эффективности мер семейной политики и дифференциации социально-демографического развития регионов использованы методы дескриптивной статистики, а также методы многомерного статистического анализа данных, в частности дисперсионного, кластерного анализа. Применение метода кластерного анализа дает возможность проведения группировки исследуемых объектов по нескольким признакам одновременно. Метод кластерного анализа позволил сформировать типологические группы регионов России (83 региона) в зависимости от динамики рождаемости, уровня бедности и развития системы дошкольного присмотра, что позволило сформулировать выводы о различном эффекте мер семейной политики для регионов с особенностями демографического и социально-экономического развития.

Подходы к оценке эффективности семейной политики

Эффективность семейной политики во многом определяется тем, насколько стратегия деятельности учитывает тенденции трансформации и характеристики института семьи [1, с. 103]. Современная семья основана на модели демографического поведения, характеризующейся гибким подходом к выбору жизненного пути, множеством различных стилей жизни [2]. Исследования в области методологии и практики семейной политики во многих странах

[8] Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18; Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

[9] Данные микропереписи населения России 2015 года. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

[10] Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

[11] Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения, 2016. Официальный сайт Росстата. //http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html(дата обращения: 14.05.2019).

[12] Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, 2017 // Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

направлены на поиск эффективных моделей семейной политики и оценки результативности предпринимаемых мер, факторов, определяющих потребность семей в тех или иных мерах поддержки.

С одной стороны, анализ семейной политики в странах Центральной и Восточной Европы позволяет исследователям сформировать ее типологию и сделать вывод о снижении рождаемости, которому семейная политика до настоящего времени не смогла воспрепятствовать [3]. Однако данный результат, возможно, носящий дискуссионный характер, не отменяет поиск перспективных методов и мер реализации семейной политики. Поиском эффективных мер семейной политики озадачены исследователи многих стран мира. Важнейшим направлением исследований выступает поиск валидных методов оценки эффективности реализуемых мер [4, с. 68; 5, с. 112], в том числе и мер демографической политики, в значительной степени затрагивающей интересы семей с детьми [6, с. 60, с. 44-47; 7, с. 60; 8; 9; 10]. Однако данная проблема ставит методологический вопрос о возможности оценки эффективности.

Среди мер семейной политики исследователи особо выделяют меры экономической поддержки семей с детьми, а также создание условий для сочетания семейных и профессиональных обязанностей родителей. Проведенный анализ предпринимаемых мер социального характера показал: если количество детей, посещающих детские дошкольные заведения, увеличивается на 20%, то плодовитость когорты возрастает на 0,05 ребенка. В ряде исследований отмечена «чрезвычайно сильная положительная взаимосвязь между рождаемостью и должной организацией услуг по уходу за ребенком» [11; 12, p. 230]. Исследования в Испании, проведенные на основе данных European Community Household Panel за 1994–2001 гг., подтвердили положительное влияние доступности учреждений по уходу за детьми на репродуктивное поведение женщин [13, p. 837-840].

Выявляется зависимость между доходами семей и рождаемостью, по-разному проявляющаяся в странах с различным уровнем экономического развития. Анализ взаимосвязи между экономическим развитием и рождаемостью свидетельствует, что обратная J-образная модель существует (рост рождаемости при достижении определенного уровня дохода), но только при достижении определенного уровня экономического развития и доходов населения в стране [14].

А.Э. Готье и Я. Хатциус проводят эконометрический анализ зависимости семейных пособий и рождаемости [15]. Однако детские пособия начинают приниматься во внимание семьями только тогда, когда составляют не менее 10 % от совокупного дохода семей-получателей и предоставляются на протяжении длительного времени [16]. Необходимо отметить, что подавляющая часть пособий в России не соответствует данным пожеланиям.

Исследования доказывают необходимость учета в семейной политике баланса «семья–работа» [17, p. 415; 18, p. 400]. При этом для оценки эффективности семейной политики разрабатываются интегральные показатели, в частности Индекс семейной политики, основанный на таких характеристиках, как предоставление странами образовательных услуг, отпуска по уходу за ребенком и экономических трансфертов для поддержки семей с детьми в возрасте 0–3 лет, как важнейших характеристиках модели современной семейной политики [19]. Полагая значимым фактором эффективности семейной политики баланс сферы труда и жизни, на основе анализа данных по 26 европейским странам авторы предлагают расчет Национального индекса баланса работы и жизни как комбинацию из пяти характеристик: время/график; работа; семья; здоровье; политика [20]. Эти характеристики учитывают тот контекст, среду, в которой существуют современные семьи.

Помимо выявления значимости реализации таких мер, как оказание помощи семье в уходе за детьми и их воспитании, исследования показали, что семейная политика в европейских странах все чаще направляется на поддержку «модернизированного» семейного образа жизни [21, p. 915-917]. Esping Andersen G. и Billari F.C. приходят к выводу, что именно распространение гендерно-эгалитарных норм может способствовать обращению вспять тенденции снижения рождаемости и брачности [22, p. 18]. Модель семьи не остается неизменной; институт семьи, выступая одним из старейших институтов социума, меняется, испытывая воз-

действие комплекса культурологических, экономических и социальных факторов. Исследование, проведенное в странах Европейского союза, позволило сделать вывод, что, содействуя совместимости ролей и сокращая гендерные издержки воспитания детей, семейная политика ведет к повышению уровня рождаемости и нивелированию различий в рождаемости в зависимости от уровня образования матерей [22; 23].

Эти выводы справедливы для многих стран мира. Анализ, проведенный на основе данных по 42 странам, показал, что страны из группы лидеров по рождаемости и благосостоянию концентрируются в группе с семейной политикой, поощряющей совмещение родительских обязанностей с занятостью и эгалитаризм в распределении семейных обязанностей [24].

В частности, страны Северной Европы и Франция разработали своеобразный «континуум поддержки», чтобы помочь родителям на протяжении первых лет жизни ребенка. Это означает предоставление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, доступ к недорогим и общедоступным дошкольным учреждениям для детей младшего возраста и уход за детьми младшего школьного возраста, не посещающими школу. Эта политика проводится с 1970-х годов, создавая стабильную благоприятную для семьи среду, в которой родители уверены в своем решении иметь больше детей. Наряду с этим происходит разделение ответственности за ведение домашних дел и воспитание детей внутри самой семьи, что также сказывается на репродуктивных устремлениях. Ситуация очень различается для разных стран мира. Например, в то время как французские и корейские женщины выполняют почти 4 часа неоплачиваемой работы по дому в день, французские мужчины помогают по дому почти два с половиной часа в день, в то время как корейские мужчины в среднем уделяют 45 минут своего времени [25, с. 170; 26; 27].

Методы оказания поддержки различаются, хотя и преследуют одну и ту же цель. Финляндия и Швеция проводят политику, обеспечивающую непрерывную поддержку родителей до тех пор, пока их дети не достигнут подросткового возраста: гибкий отпуск по уходу за детьми, доступные высококачественные услуги по уходу за детьми и сокращение рабочего времени для родителей с маленькими детьми. Канада и Великобритания выбрали более низкие налоговые ставки по сравнению с более высокими расходами на социальные услуги, хотя обе недавно начали расширять помощь, которую они предоставляют родителям.

Проблема, с которой сталкиваются исследователи и менеджмент социальной политики обусловлена не только многоаспектностью функционирования современной семьи, ее взаимосвязями с другими социальными институтами общества, но и комплексностью мер, реализуемых в интересах семьи в рамках различных направлений социальной деятельности.

Синергетический эффект влияния мер семейной политики ставит методические трудности перед исследователями, имеющими своей целью оценить каждую из мер по отдельности. В частности, выявляя влияние государственной политики на рождаемость в Швеции, Дж. Уокер заключает, что «они [родительские пособия] сильно связаны с женской заработной платой, сочетаемой с постоянными изменениями в подоходном налоговом законодательстве и другими факторами, связанными с заработной платой, делая невозможным оценку влияния родительских пособий отдельно» [цит. по. 25]. Подобная ситуация характерна и для России. О.Г. Исупова полагает, что затруднительно оценить эффективность мер семейной политики, поскольку весьма сложно предложить обоснованный механизм расчетов, но также и потому, что изменения в области рождаемости могут объясняться другими процессами, происходящими в обществе одновременно с введением мер семейной политики [26]. По крайней мере, сложно выявить влияние отдельных программ и концепций на повышение рождаемости.

Актуализация семейной политики в последние годы в России, формирование единой логики стратегических документов привели к поиску методики оценки эффективности предпринимаемых мер и выявлению наиболее результативных. При этом мнения авторов расходятся в оценке самой модели российской семейной политики, с чем нельзя не согласиться. А.А. Ткаченко в своей работе справедливо отмечает двойственность российской семейной политики [27, с. 50]. Действующую политику стимулирования рождаемости автор оценивает скорее как поддержку семей с низким доходом.

Е.В. Кочкина, анализируя систему показателей и оценку эффективности социальной политики в России в 2012–2015 гг., пришла к выводу о неэффективности государственных расходов на поддержку семьи и детей. Возможно, неэффективность семейной политики заключается и в нерациональном расходовании средств [28, с. 155].

В современных условиях эффективность действующих мер политики в сфере планирования семьи и поддержки рождаемости зачастую ставится под сомнение [29]. Ряд авторов, в частности М.В. Андреев, С.В. Захаров [30], полагают, что данные выборочных исследований отнюдь не позволяют говорить о значительной эффективности мер современной политики в России, направленной на повышение рождаемости.

Отдельное место занимает оценка роли программы «материнского капитала» в повышении рождаемости в 2007–2015 гг., хотя и эта тема довольно дискуссионна. Российская политика в этот период была направлена на стимулирование рождаемости, репродуктивной функции семьи прежде всего с помощью программы материнского капитала. В ходе анализа эффективности мер демографической политики в России в последние годы (в частности, введения в действие с 2007 года т.н. «материнского капитала», стимулирующего рождение 2-х и последующих детей) был осуществлен ретроспективный прогноз специального коэффициента рождаемости на 2007–2008 гг. по данным за 1987–2006 г. Расчет гипотетического числа рождений за 2007 и 2008 гг. при условии сохранения возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2006 г. показал, что фактическое число рождений в 2007 г. было больше на 8,3%, в 2008 г. – на 15,2%, чем могло бы быть при сохранении существовавших ранее тенденций [31].

В работе Ф. Слонимчик и А. Юрко определяется влияние введения в России с 2007 г. программы «материнский капитал» на повышение рождаемости – на 0,15 ребенка в расчете на величину суммарного коэффициента рождаемости [32, pp. 270].

Однако E. Borozdina, A. Rotkirch, A. Temkina полагают, что всё не так однозначно и российские женщины и семьи питают глубокое недоверие к программе «материнского капитала» и российской социальной политике, поскольку она посылает противоречивые сообщения [33]. Видимо, можно говорить о том, что эффект программы «материнского капитала» исчерпал себя, стоит подумать о введении системных мер поддержки, учитывающих современное положение семьи, стиль жизни россиян.

Так, Л.А. Попова [34, с. 85] говорит об эффективности программ федерального и региональных семейных капиталов в обеспечении режима воспроизводства населения страны, однако подчеркивая при этом необходимость принятия мер в рамках демографической и семейной политики, обеспечивающих повышение экономической самостоятельности семей, без чего институт семьи не сможет полноценно функционировать.

В.В. Елизаров, проанализировав цели семейной политики до 2024 года, делает вывод о необходимости дифференцировать целевые показатели для регионов и максимально реалистично наметить динамику значений целевых показателей по годам [36]. Безусловно, модели семейной жизни весьма дифференцированы по регионам России, однако вряд ли стоит считать оптимальным подход в оценке результативности семейной политики, включающий такую детализацию целевых показателей по отношению к репродуктивному поведению населения.

Говоря о перспективах семейной политики, А.И. Антонов [35] полагает, что эффективность семейной и демографической политики может быть достигнута только путем повышения ценности семейно-детного образа жизни. Однако каким образом это может быть достигнуто? Необходимо действительно научное обоснование стратегии семейной и демографической политик, не носящее декларативный характер и учитывающее сложность демографического поведения современного человека. Ценность семьи определяется отношением к ней общества, местом, которое она занимает в жизни человека, той ролью, которую семья играет в системе жизненных приоритетов. Для того чтобы быть эффективной, семейная политика должна носить долгосрочный, системный характер и быть направленной на создание условий, позволяющих институту семьи функционировать и удовлетворять потребности членов семей в условиях современного социума и модели экономических отношений.

В значительной части случаев при формировании стратегии деятельности в сфере семейной политики в России отсутствует четкая увязка целей деятельности и индикаторов ее достижения, обоснование значений целевых индикаторов. Сложные проблемы, требующие решения в интересах семьи, в частности обеспечение возможностей для родителей сочетания семейных и профессиональных ролей, формирование баланса «семья – работа», и нуждающиеся в объединении усилий различных субъектов, включая работодателей, пока остаются вне поля деятельности семейной политики. Видимо, этим объясняется недостаточная эффективность реализуемых программ и мер.

Говоря об оценке мер семейной политики самими их получателями, исследователи в России отмечают, что люди в целом выше оценивают меры, связанные с денежными выплатами, такие как беспроцентная ссуда (это деньги, получаемые сразу, а как их потом придется возвращать, можно пока не задумываться), федеральный и региональный материнские (семейные) капиталы, ежемесячные выплаты на каждого ребенка до трех лет и ежемесячные выплаты на третьего и последующих детей в размере прожиточного минимума [37, с. 260]. В определенной степени данная ситуация обусловлена невысоким уровнем жизни семей с несколькими детьми, что делает семьи весьма восприимчивыми к мерам экономической поддержки.

Для семей России, так же как и других стран, безусловно, играют важную роль экономические меры поддержки, эффективность которых доказана в целом ряде проектов, реализованных исследователями в различных странах мира. Их воздействие на российские семьи имеет свою специфику в связи со значительной дифференциацией экономического развития регионов, их возможностями в развитии социальной инфраструктуры и поддержки достойного уровня жизни семей с детьми. Однако трансформация института семьи в России проходит в том же направлении, что и в других странах мира, что говорит о необходимости решения методами семейной политики проблем семьи в условиях современного общества. Именно создание условий для благополучного функционирования семьи с несколькими детьми будет способствовать повышению ценности семейного образа жизни.

Результативность семейной политики в России

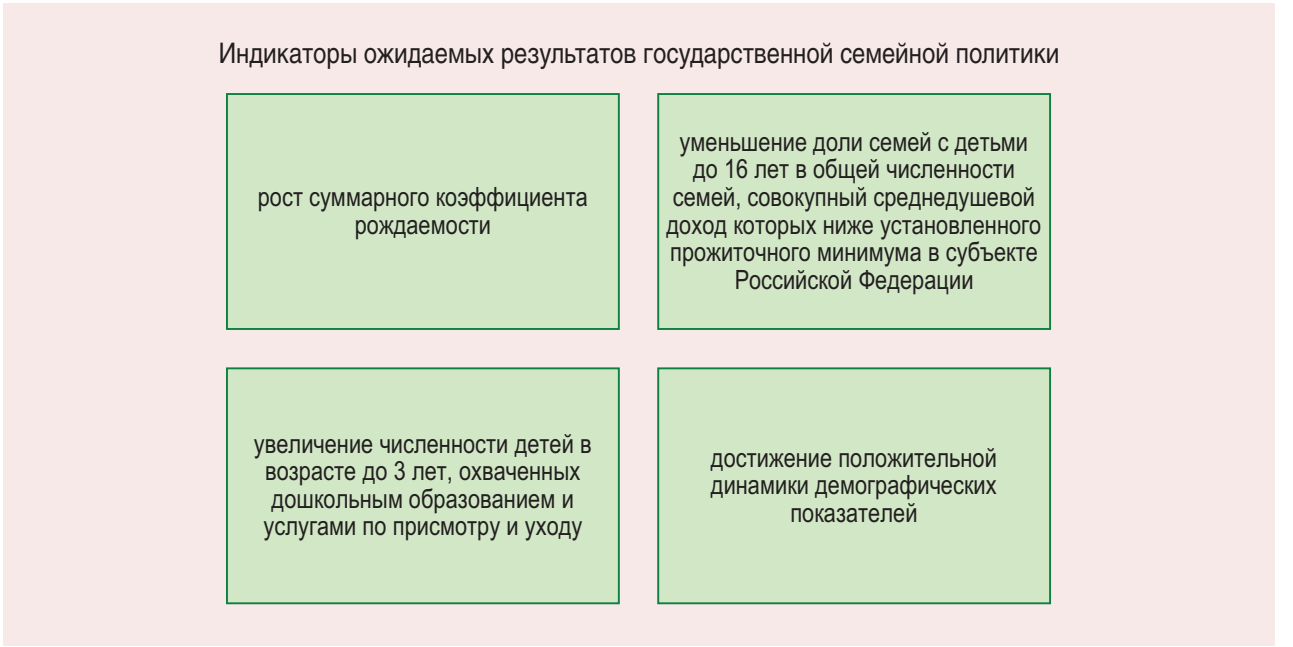
Меры семейной политики, направленные на повышение репродуктивного потенциала российских семей, в частности выплата «материнского капитала», в определенной степени повлияли на динамику рождаемости и структуру семей. Однако, несмотря на рост рождаемости, в том числе и под воздействием мер семейно-демографической политики, продолжившийся до 2016 г., в структуре домохозяйств с детьми значительная часть приходится на однодетные, хотя их доля и сократилась. К 2015 году (по данным микропереписи населения) доля однодетных домохозяйств сократилась до 59,8% (65,5% в 2010 г.) на фоне увеличения доли двухдетных домохозяйств до 31,1% (27,5% в 2010 г.), а трехдетных – до 9,1% (2010 г. – 7,0%) в структуре домохозяйств с детьми.

Кроме того, среди семейных домохозяйств увеличилось относительное число полных семей (с двумя родителями): если в 2002 г. число полных семей в 3 раза превышало число семей с одним родителем (неполные семьи), то в 2015 г. превышение достигло 3,3 раза. Увеличивается число детей, родившихся в зарегистрированном браке: если в 2005 г. доля детей, родившихся вне брака, достигала практически 30%, то к 2016 г. она сократилась до 21%[13].

Однако наряду с этим продолжаются долговременные тенденции. Рождаемость стареет. Средний возраст матери при рождении ребенка продолжает увеличиваться. Если средний возраст для совокупности матерей, родивших первого ребенка до 1994 года, составил 19,1 года, то к периоду 2015–2017 гг. он увеличился до 26,6 года. За этот же период средний протогенетический интервал (период от заключения брака до рождения первого ребенка) увеличился в 3 раза.

Основным индикатором результативности (ожидаемым результатом) Национального проекта «Демография» выступает суммарный коэффициент рождаемости – число детей, рожденных женщиной в течение всего репродуктивного возраста (15–49 лет). Однако этот индикатор, как и ряд других, был предложен еще для оценки результативности Концепции государственной семейной политики в 2014 году *(рисунок)*.

[13] Рассчитано по: Демографический ежегодник России–2017. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

Суммарный коэффициент рождаемости, относящийся к важнейшим демографическим показателям, составил в 2014 году 1,75 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста, его рост начался с 2006 года, за несколько лет до принятия Концепции. К 2017 году показатель понизился до 1,62, под воздействием демографических (сдвигов в календаре рождений) и экономических факторов. Значение показателя пока далеко от уровня, обеспечивающего хотя бы простое воспроизводство населения (2,1–2,2 ребенка). По прогнозу Росстата, учитывающему тенденции рождаемости, смертности и половозрастной структуры населения, к 2024 году суммарный коэффициент рождаемости, в зависимости от варианта прогноза, будет находиться в диапазоне от 1,54 до 1,74 ребенка. При этом целью реализации Национального проекта «Демография» выступает рост показателя до 1,7 ребенка. В этой связи не очень понятен вклад Национального проекта, наряду с мерами, предпринимаемыми в соответствии с Планом реализации Концепции государственной семейной политики, в повышение рождаемости.

Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 году, показали, что 11,5% женщин приняли решение о рождении своего первого ребенка, которого они не могли себе позволить без введения меры поддержки в форме «материнского капитала», 15,6% дали аналогичный ответ в отношении второго ребенка в их семье и 19,5% – третьего. Расчет на основании данных о распределении числа родившихся в 2007–2017 гг. по очередности рождения у матери показал, что меры поддержки со стороны государства в форме «материнского капитала» дали прибавку в 15% числа рождений в этот период (2,9 млн. рождений). Можно предположить, что продление программы «материнского капитала» до 2021 года позволит достичь поставленных целей – величины суммарного коэффициента 1,7 ребенка (преодолеть негативное влияние структурного фактора в ближайшие годы – сокращение численности женщин репродуктивного возраста). Численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) (в соответствии с прогнозом Росстата)[14] сократится к 2024 году на 2,8–3,5%. Особенно значительно уменьшится численность молодых женщин. Даже в случае сохранения к 2024 году интенсивности рождаемости на уровне 2016 года число рождений сократится на 20–36%. Подобные перспективы говорят о необходимости серьезных шагов в направлении поддержки семей.

[14] Рассчитано по: Численность населения по однолетним возрастным группам. Прогноз. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Обращаясь еще к одному индикатору ожидаемых результатов государственной семейной политики – доле семей с детьми, находящихся за чертой бедности, необходимо отметить, что уровень бедности семей с детьми в последние годы продолжает увеличиваться. Например, доля детей в возрасте до 16(18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, увеличилась с 20,7% в 2014 году до 25,9% к 2017 году. И именно значительный уровень бедности россиян потребовал принятия специализированной программы.

Приоритетным направлением должно стать развитие, так называемого, гибкого рынка труда, для того чтобы люди с семейными обязательствами не были лишены возможности реализовать свой профессиональный потенциал. Обращаясь к данным Комплексного обследования условий жизни населения, можно отметить, что 25,4% женщин, ищущих работу, хотели бы работать по графику неполного рабочего дня.

Кроме того, нерешенные проблемы в сфере услуг по уходу за детьми, престарелыми и инвалидами, неразвитость социальной инфраструктуры в целом отрицательным образом сказываются на демографических показателях, приводят к тому, что именно члены семьи несут на себе подавляющую часть нагрузки по уходу за детьми и нетрудоспособными членами семьи. Комплексное наблюдение за условиями жизни населения, проведенное Росстатом в 2016 году, свидетельствует о том, что 36,9% женщин и 24,6% мужчин ежедневно заняты уходом за детьми, 6,7% женщин и 4,1% мужчин ежедневно заняты уходом за другими лицами, нуждающимися в посторонней помощи. Женщины, имеющие детей, тратят 34,8 часа в неделю на уход и присмотр за ними. Данная цифра сопоставима с продолжительностью рабочей недели. Время, затрачиваемое мужчинами, почти в 2 раза меньше – 18,3 часа в неделю.

В 2014 г. охват детей в возрасте от 1 до 6 лет дошкольным образованием составил 64,6%, в 2017 г., через три года после начала реализации Концепции государственной семейной политики, – 66,5%. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, за 2014–2017 гг. увеличилась с 612 до 633 мест на 1000 детей[15]. Стоит отметить, что меры по развитию системы дошкольного образования и разделению с семьей функции по воспитанию детей дошкольного возраста были предусмотрены в рамках не только Концепции государственной семейной политики, но и Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, инициативы «Десятилетие детства», Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, Дорожной карты «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».

В 2017 г. число воспитанников учреждений дошкольного образования достигло 7477,9 тыс. человек, что составило 66,1% численности всех детей в возрасте 1–6 лет. Понятно, что не все родители считают оптимальным решением посещение ребенком детского сада. В 2016 г. 47,8% родителей, чьи дети не ходят в детский сад, полагали, что «дома ребенку лучше». За время реализации Концепции сократилась доля детей, которые не посещают дошкольные учреждения из-за отсутствия мест. Если в 2014 году 23,4% детей в возрасте 3–6 лет не посещали дошкольную образовательную организацию из-за отсутствия мест, то к 2016 году их доля сократилась до 10,3%. Однако всё же такая проблема, как дефицит мест в дошкольных образовательных учреждениях, до настоящего времени остается нерешенной.

Можно сделать вывод, что, с одной стороны, одни и те же показатели являются мерилом эффективности реализации целого ряда стратегических программ, направленных на решение демографических проблем и помощь семьям. Однако проблема доступности услуг по дошкольному образованию и присмотру за детьми остается, что оказывает влияние на репродуктивное поведение россиян, формирует конфликт интересов «семья – работа», деформирует структуру занятости, прежде всего женской. Значительными остаются масштабы бедности, риск оказаться в категории бедных для семей с детьми по-прежнему выше, чем для

[15] По данным Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

других категорий. Вряд ли стоит ожидать значительного роста рождаемости в ближайшие годы. С учетом дублирования индикаторов ожидаемых результатов в различных стратегических документах, посвященных семейной политике, не представляется возможным корректно провести оценку эффективности какой-либо отдельной инициативы, речь может идти лишь о результативности государственной политики в целом.

Региональная дифференциация индикаторов семейной политики

Для регионов России характерны весьма значительные различия в уровне и динамике показателей, которые рассматриваются как основные индикаторы результативности семейной политики. Это касается и демографических, и социально-экономических характеристик.

Во-первых, необходимо отметить, что регионы России дифференцированы по уровню бедности домохозяйств с детьми *(табл. 1)*. Причем уровень бедности семей с детьми значимо выше, чем средний показатель для всего населения (2017 г. – 13,2%).

Таблица 1. Уровень бедности домохозяйств с детьми (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, 2016 г.)

Доля (%) домохозяйств с детьми, находящихся за чертой бедности	Количество регионов
До 10	3
11-20	7
20-25	16
25-30	14
30-35	23
35-40	9
Свыше 40	13

Источник: рассчитано по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (дата обращения: 14.03.2019).

В 13 регионах страны в 2016 г. уровень бедности домохозяйств был выше 40% (Республика Северная Осетия-Алания, Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Псковская область, Республика Крым, Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва). Более чем в половине регионов страны уровень бедности семей с детьми был выше 30%.

Безусловно, есть взаимосвязь между уровнем рождаемости и уровнем жизни в ряде регионов России. Относительно более высокий уровень рождаемости сопровождается ростом бедности в силу повышения иждивенческой нагрузки при невысоких доходах. Именно низкий уровень жизни семей с детьми делает их восприимчивыми к мерам экономической поддержки.

Важнейший фактор, оказывающий влияние на возможность семьи реализовать свои репродуктивные планы, – развитие социальной инфраструктуры, обеспечивающей присмотр за детьми, помогающей разрешить конфликт «семья – работа» для работающих родителей. Обеспеченность местами в дошкольных учреждениях в последние годы увеличивалась и продолжает увеличиваться.

Дисперсионный анализ показал, что гипотезы о влиянии уровня бедности (F критерий равен 2,345, уровень значимости p = 0,045) и охвата дошкольными учреждениями (F-критерий равен 3,325, уровень значимости p = 0,049) на изменение уровня рождаемости в регионах России не отвергаются. Уровень рождаемости в регионах с различным уровнем бедности и развитием сферы дошкольного присмотра и воспитания отличаются. То есть уровень рождаемости в регионах страны колеблется, так же как и уровень бедности, доступность дошкольного образования. Однозначно говорить о прямом влиянии социально-экономических факторов на рождаемость не приходится. Скорее всего, речь идет о различиях в моделях рождаемости и социально-экономическом положении регионов.

Кластерный анализ, проведенный методом K-средних, позволил сформировать типологические группы регионов России с точки зрения динамики рождаемости и мер демографической и семейной политики. Данный метод доказал свою успешность в применении к исследованию положения семьи и семейной политики [38, с. 1179]. Использование метода кластерного анализа показало, что в контексте влияния на уровень рождаемости роль играет скорее динамика роста обеспеченности местами в дошкольных учреждениях, чем достигнутый уровень.

Проведенный для 83 регионов России кластерный анализ показал возможность их разбиения на 4 кластера на основе данных:

X_1 – суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных 1 женщиной за весь репродуктивный период), 2017 г.;

X_2 – уровень бедности семей с детьми (доля домохозяйств с детьми, находящихся за чертой бедности, %), 2016 г.;

X_3 – темп роста охвата детей в возрасте 1-6 лет дошкольным образованием (в % от численности детей в возрасте 1–6 лет), 2017/2008 гг., %;

X_4 – темп роста суммарного коэффициента рождаемости, 2017/2008 гг., %.

Кластерный анализ проводился методом Ворда. В силу различных единиц измерения у исследуемых показателей была проведена предварительная стандартизация данных.

Гипотеза о равенстве дисперсий внутри и между кластерами отвергается для всех переменных при 3-х и 79 степенях свободы. Значение p-вероятности ошибки при принятии гипотезы о неравенстве дисперсий – крайне низкое, не более 0,001 (F-критерий значим для всех переменных на уровне не менее 0,001). Это позволяет говорить о том, что принимается гипотеза о неравенстве дисперсий и, соответственно, кластеры сформированы корректно.

Распределение регионов по кластерам и средние значения переменных представлены в *таблицах 2* и *3*. Анализ значений переменных в кластерах показывает, что темпы роста рождаемости в период с 2008 г. были выше в тех регионах, где ниже уровень бедности. При этом рождаемость увеличивалась интенсивнее там, где изначальный уровень суммарного коэффициента рождаемости был ниже, то есть происходило увеличение числа прежде всего вторых и третьих рождений.

Обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях, напротив, более интенсивно росла в тех регионах, где изначально доступность услуг дошкольного воспитания и присмотра была наиболее низкой. По сути, в ходе реализации семейной политики на протяжении последнего десятилетия восполнялись пробелы в организации сети дошкольных учреждений.

Анализ кластеров показывает, что ситуация с уровнем рождаемости и его динамикой, социально-экономическими характеристиками жизнедеятельности семей в российских регионах весьма неоднородна. Для 26 регионов кластера 1 характерны самые низкие уровни бедности семей с детьми и показатели рождаемости, несмотря на наиболее значительные темпы ее роста в последние годы. Охват детей в возрасте 1–6 лет услугами учреждений дошкольного образования увеличился лишь на 9,9%.

Самый типичный – кластер 2. Сюда вошли 35 российских регионов. Для них характерен несколько более высокий уровень рождаемости, чем для регионов кластера 1, однако темпы роста рождаемости, напротив, были несколько ниже. В регионах кластера 2 наблюдается весьма значительный уровень детской бедности (33,6%, треть семей с детьми живут за чертой бедности).

Регионы кластера 3 (20 регионов) характеризуются более высоким уровнем рождаемости (хотя за анализируемый период рождаемость практически не увеличилась) и бедности семей с детьми (чем в кластерах 1 и 2), а также более значительными темпами роста охвата детей дошкольным образованием в последние годы (прирост составил 30,4%).

Два региона, вошедших в кластер 4 (Республика Ингушетия и Чеченская Республика) отличаются значительно более высоким уровнем рождаемости и бедности на фоне других реги-

Таблица 2. Средние значения переменных в кластерах

Переменная	Кластер 1 (26 регионов)	Кластер 2 (35 регионов)	Кластер 3 (20 регионов)	Кластер 4 (2 региона)
X_1 – суммарный коэффициент рождаемости, детей	1,61	1,67	1,70	2,25
X_2 – уровень бедности семей с детьми, %	18,8	33,6	37,7	57,7
X_3 – темп роста охвата детей в возрасте 1-6 лет дошкольным образованием, %	109,9	108,4	130,4	415,9
X_4 – темп роста суммарного коэффициента рождаемости, %	111,3	107,1	101,2	75,7

Таблица 3. Состав кластеров

Кластер 1 (26 регионов)	Белгородская область, Курская область, Ивановская область, Калужская область, Московская область, Тульская область, Ярославская область, г. Москва, Республика Коми, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан (Татарстан), Удмуртская Республика, Краснодарский край, Нижегородская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Томская область, Хабаровский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ
Кластер 2 (35 регионов)	Брянская область, Владимирская область, Костромская область, Республика Северная Осетия-Алания, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тверская область, Республика Карелия, Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Псковская область, Астраханская область, Пермский край, Республика Марий Эл, Чувашская Республика – Чувашия, Кировская область, Оренбургская область, Самарская область, Курганская область, Саратовская область, Ульяновская область, Тюменская область, Челябинская область, Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Амурская область, Магаданская область, Алтайский край, Забайкальский край
Кластер 3 (20 регионов)	Республика Дагестан, Воронежская область, Республика Калмыкия, Тамбовская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Липецкая область, Калининградская область, Республика Адыгея (Адыгея), Волгоградская область, Ростовская область, Ставропольский край, Пензенская область, Республика Хакасия, Кемеровская область, Омская область, Еврейская автономная область
Кластер 4 (2 региона)	Республика Ингушетия, Чеченская Республика

онов, а также весьма значительными темпами роста охвата услугами учреждений дошкольного образования и значительным (на 25%) снижением рождаемости в последнее десятилетие. Специфика ситуации позволила выделить их в отдельный кластер.

Анализ состава кластеров (*табл. 3*) не позволяет выявить каких-либо географических особенностей в формировании типологических групп регионов. Скорее речь может идти о специфике социально-экономической ситуации в регионах, входящих в тот или иной кластер.

Результаты кластерного анализа позволяют сказать, что в регионах России наблюдается выравнивание уровня рождаемости: происходит значительное снижение уровня рождаемости в регионах с высокой рождаемостью и некоторый рост, в том числе и под влиянием мер демографической и семейной политики, в регионах с относительно более низким ее уровнем.

При реализации мер семейной политики в регионах в ближайшей перспективе стоит иметь в виду, что рождаемость в регионах страны увеличивается в большей степени там, где выше уровень жизни семей с детьми и лучше обеспеченность услугами по дошкольному образованию.

Модель высокой рождаемости в регионах с традиционно более высоким распространением многодетности, видимо, исчерпала себя. Сложность организации жизни семьи, необходимость обеспечения достойного уровня жизни вступает в противоречие с установками многодетности. Не стоит полагать, что динамика рождаемости в регионах с традиционно более высокой рождаемостью позволит улучшить среднероссийские показатели. Рождаемость снижается и в этих регионах, показатели рождаемости весьма чувствительны к характеристикам социально-экономического благополучия.

Регионы весьма различаются по социально-экономическим возможностям поддержки семьи. В более благополучных регионах уровень обеспеченности услугами дошкольного образования выше. Прирост рождаемости здесь за 2008–2017 гг. был более значителен, чем в менее благополучных в социально-экономическом плане регионах с изначально более высоким уровнем рождаемости. Перспективы роста рождаемости в России, видимо, связаны с решением проблемы экономической самостоятельности семьи, решением проблемы сочетания семейных и внесемейных ролей родителями с несовершеннолетними детьми.

Низкий уровень жизни и обеспеченности услугами дошкольного образования привел к более низким темпам роста рождаемости (а где-то и снижению), несмотря на стимулирование рождаемости с использованием мер экономической поддержки (в частности, программы «материнского капитала»).

Выводы

Результаты исследования показали, что для России характерна значительная дифференциация регионов по уровню рождаемости, ее динамике и отклику на меры семейной политики, что вносит вклад в развитие теории и практики социально-демографических исследований семьи и семейной политики. Анализ показателей, выступающих индикаторами результативности целого ряда стратегических документов, позволяет сформулировать определенные рекомендации для реализации семейной политики.

Семьи оказываются объектом воздействия мер и семейной, и демографической политики. Однако в рамках оказания помощи семье в реализации ее функций, прежде всего репродуктивной и жизнеохранительной, направления и меры поддержки пересекаются, что зачастую затрудняет возможность их классификации. Именно здесь логика социально-экономической политики сталкивается с формализмом и дублированием мероприятий. Невозможно выделить и оценить эффективность отдельных стратегических программ в сфере семейной и демографической политики, поскольку многие меры, например рост рождаемости, снижение уровня бедности семей с детьми, рост обеспеченности услугами дошкольных учреждений, являются составными элементами различных программ. Речь может идти только об оценке эффективности государственной семейной политики в целом.

Многие программные документы включают набор мер по преодолению бедности семей и оказанию им помощи в воспитании детей. Бедность семей с детьми, несмотря на меры, декларируемые в ряде стратегических документов, остается весьма значительной. Однако современная модель рождаемости в России весьма динамично реагирует на социально-экономические условия жизнедеятельности семьи. Реализация программы «материнского капитала» привела к росту показателей рождаемости в тех регионах, где ее уровень изначально был более низким. Произошло снижение региональной дифференциации показателей рождаемости. Реализация репродуктивных намерений тормозится банальной нехваткой средств на обеспечение насущных потребностей детей в условиях масштабной бедности семей с детьми.

Уровень жизни семей с детьми при наблюдаемом уровне бедности домохозяйств нельзя повысить только мерами социальной поддержки. Необходимы системные изменения в системе оплаты труда. Именно такие меры должны занять ведущее место в системе экономической поддержки российских семей.

Поддержка семей в форме программы «материнского капитала» оказала определенное влияние на рост рождаемости. Однако в перспективе, с учетом динамики суммарного коэффициента рождаемости и характера половозрастной структуры населения, необходимы масштабные меры экономической поддержки семей, способствующие повышению их экономической самостоятельности, если государство заинтересовано в росте показателей рождаемости.

Дифференциация регионов по уровню рождаемости сокращается. При этом исследование показало, что семьи по-разному откликаются на меры семейной политики, низкий уровень доступности услуг дошкольного воспитания воспринимается как проблема в регионах с относительно более высоким уровнем жизни. В значительной части регионов России риск бедности для семей с детьми весьма значителен, что делает их в меньшей степени восприимчивыми к экономическим мерам семейной политики в той форме и тех размерах, в которых они существуют сейчас. Бедные семьи нуждаются в систематической поддержке, которая позволила бы им переступить порог бедности.

В России на современном этапе не сформированы те социальные механизмы, которые позволяли бы сочетать семейные обязанности и профессиональный рост в условиях современной модели экономической жизни, поэтому мужчины и женщины часто делают выбор в пользу профессиональной карьеры, не желая жертвовать чем-либо в интересах семьи и детей. Среди мер, сформированных Национальным проектом «Демография», практически не предусмотрено никаких мер, позволяющих семьям двигаться по пути формирования балан-

са «семья–работа», за исключением развития сети дошкольных учреждений. Не стоит упускать из виду, что семьи в относительно более благополучных регионах более восприимчивы при реализации своих репродуктивных планов к доступности качественного дошкольного образования.

Актуальные демографические проблемы, трансформация института семьи активизируют новые направления деятельности в сфере повышения престижности семейного образа жизни. Это необходимо учитывать при дальнейшем развитии Национального проекта «Демография». С нашей точки зрения необходимы системные изменения на рынке труда, долгосрочные программы по развитию гибкого рынка труда и семейного предпринимательства, создание социальной инфраструктуры, позволяющей совмещать и потребности семей, и профессиональную реализацию. При этом необходимы экономические стимулы для работодателей, осуществляющих мероприятия в интересах работников с семейными обязанностями. Необходимо снизить налоговую нагрузку на семьи с несколькими детьми посредством перехода к семейному налогу на доходы членов семьи (что предлагалось сделать еще при обсуждении плана мероприятий по реализации Концепции государственной семейной политики). С помощью системы семейных пособий возможно увеличение доходов лиц с семейными обязанностями с учетом их иждивенческой нагрузки. Это позволит понизить уровень бедности среди семей с несколькими детьми.

Не стоит надеяться на быстрый результат. Сложные решения, вовлеченность различных субъектов в решение проблем семьи требуют долгосрочных, финансово затратных программ, реализуемых как на федеральном уровне, так и с учетом региональной специфики положения семей с детьми. Необходимо увеличение доли расходов на семейные и материнские пособия по отношению к величине валового внутреннего продукта страны и валовых региональных продуктов регионов до 2,2%, как предполагалось еще в Указе об основных направлениях государственной семейной политики от 1996 г. Надо сказать, что отношение расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП в России сократилось с 1% в 1996–1997 гг. до 0,9% в 2016 году [39]. Подобная динамика косвенным образом свидетельствует о реальной значимости семейной политики в системе государственной деятельности.

Литература

1. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 103.
2. Lesthaeghe R. *Second Demographic Transition, Basil Blackwell.* URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (дата обращения : 08.07.2019).
3. Vishnevsky A., Jasilioniene A., Kotowska I., Krimer B., Kurylo I., Maslauskaite A., von der Lippe E., Muresan C., Pronko T., Puur A., Rasevic M., Sakkeus L., Sambt J., Sobotka T., Frejka T., Basten S., Šprocha B., Stankuniene V., Šťastná A., Stropnik N., Zeman K., Zvidrins P., Zakharov S.V. Fertility and family policies in Central and Eastern Europe. *Barnet Papers in Social Research*, 2015, no. 15-01 (9).
4. Андреева А.И., Горшкова И.Д., Ковалевская А.С. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ. Определения, подходы, практический опыт. М.: Проспект, 2014. 72 с.
5. Анализ эффективности бюджетных расходов на детей. Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации / Е.В. Дмитришина, М.Е. Кривелевич, Е.А. Литвиненко и др. // SPERO. 2011. № 15. С. 105–144.
6. Архангельский В.Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // СОЦИС. 2015. № 3. С. 56–64.
7. *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. 2007. № 5. С. 33–69.
8. Ermisch J. The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain. *The Journal of Human Resources,* 1988, no. 23(4), pp. 563–576;
9. Finch N., Bradshaw J. *Fertility and supporting the costs of children*. Paper presented at the conference Recent fertility trends in Northern Europe, Oslo, Norway, 2003.

10. Kravdal Ø. How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: a parity-specific approach. *Population Research*, 1996, no. 5 (6), pp. 187–216.
11. McDonald P. The "Toolbox" of public policies to impact on fertility — a global view. In: *Low Fertility, Families and Public Policies*. Sevilla: European Observatory on Family Matters, 2000.
12. McDonald P. An assessment of policies that support having children from the perspectives of equity, efficiency and efficacy. *Vienna Yearbook of Population Research,* 2006, pp. 213–234.
13. Baizan P. Regional child care availability and fertility decisions in Spain. *Demographic Research*, 2009, vol. 21, art. 27, pp. 803–842.
14. Lacalle-Calderon M., Perez-Trujillo M., Neira I. Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse j-shaped pattern. *European Journal of Population,* 2017, vol. 33, no. 1, pp. 1–31.
15. Gauthier A. H., Hatzius J. Family benefits and fertility: an econometric analysis. *Population Studies,* 1997, no. 51, pp. 295–306.
16. Макдональд П. Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // Материалы международного семинара, г. Москва, 14–15 сентября 2006 г. М. : Права человека, 2006. 101 с.
17. Hassan N.M. Work-life balance: a concern on effectiveness of job role and employee's engagement towards organizational goal. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences,* 2016, vol. 6, no. 11, pp. 411–422.
18. Elizalde-San Miguel B., Díaz Gandasegui V., Sanz García M.T. Begoña Elizalde-San Miguel. Family Policy Index: a tool for policy makers to increase the effectiveness of family policies. *Social Indicators Research*, 2019, vol. 142, no. 1, pp. 387–409.
19. Fernandez-Crehuet J.M., Gimenez-Nadal J.I., Recio L.E.R. The National Work-Life Balance Index: the European case. Social Indicators Research, 2016, no. 128 (1), pp. 341–359.
20. Ferragina E., Seeleib-Kaider M. Determinants of a Silent Revolution: understanding the expansion of family policy in rich OECD countries. Social Politics, 2015, no. 22(1), pp. 1–37.
21. Glass J., Simon R.W., Andersson M. A. Parenthood and happiness: effects of work-family reconciliation policies in 22 countries. American Journal of Sociology, 2015, no. 122(3), pp. 886–929.
22. Esping-Andersen G., Billari F.C. Re-theorizing family demographics. *Population and Development Review*, 2015, vol. 41, no. 1, pp. 1–31.
23. Baizan P., Arpino B., Delclòs C.E. The effect of gender policies on fertility: the moderating role of education and normative context. *European Journal of Population*, 2016, vol. 32, no. 1, pp. 1–30.
24. Семейная политика в ее связи с рождаемостью и благосостоянием семей с детьми. Анализ данных по странам мира / Н. Позднякова, Е. Сухорукова, А. Ромачевская, О. Синявская // Демоскоп Weekly. 2016. № 701-702. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0701/analit04.php (дата обращения : 08.07.2019).
25. Тындик А.О. Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. 2009. № 12. С. 157–176.
26. Исупова О.Г. Чему учит опыт семейной политики // Демоскоп Weekly. 2017. № 739-740. С. 1–25. URL : http://demoscope.ru/weekly/2017/0739/tema01.php (дата обращения : 08.07.2019).
27. Ткаченко О.А. Демографическое возрождение или deceptio visus? // Власть. 2018. № 1. С. 47–58.
28. Кочкина Е.В. Семейная, демографическая и «детская» политика в России 2012–2015 гг.: соотношение показателей и эффективности // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: колл. моног. М.: Экон-Информ, 2015. С. 152–165.
29. Bajos N., Le Guen M., Bohet A., Panjo H., Moreau C. *Effectiveness of Family Planning Policies: The Abortion Paradox*. 2014. URL: https://journals.plos.org/plosone/article/citation?id=10.1371/journal.pone.0091539 (дата обращения : 08.07.2019).
30. Андреев М.В., Захаров С.В. Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 2017. № 711-712. С. 1–25. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php; (дата обращения : 08.07.2019).
31. Захаров С.В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Ч. 1 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–38. URL : https://demreview.hse.ru/2016-3/196884104.html (дата обращения : 08.07.2019).

32. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia. *Labour Economics,* 2014, vol. 30, pp. 265–281.
33. Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A. Using maternity capital: citizen distrust of Russian family policy. *European Journal of Women's Studies,* 2016, vol. 23, no. 1. URL: https://doi.org/10.1177/1350506814543838 (дата обращения : 08.07.2019).
34. Попова Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 79–93.
35. Елизаров В.В. Целевые показатели демографического развития России на 2024 год: поможет ли опыт недавнего прошлого в их достижении? // Труды Вольного экономического общества России. 2018. № 3. С. 322–350.
36. Антонов А.И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения РФ // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. № 3. С. 264–275.
37. Исупова О.Г. Меры семейной политики в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г. // Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 260–301.
38. Шубат О.М., Шмарова И.В. Кластерный анализ как аналитический инструментарий политики народонаселения // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1175–1183.
39. Кучмаева О.В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 70–82.

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru), заведующий кафедрой, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1).

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Наталья Александровна Безвербная – младший научный сотрудник Институт социально-политических исследований Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; e-mail: bezvad@mail.ru)

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A.

Current State and Prospects of Family Policy in Russia: Socio-Demographic Analysis

Abstract. The goal of the work is to analyze the measures and expected results of the state family policy, including the activities of the national project "Demography" (2018), affecting the interests of the family, which allows us to determine the prospects of family policy. The article is based on the analysis of state documents on the strategy of demographic and family policy, official statistics, population censuses and sample surveys of Rosstat. We identify the effectiveness of family policy measures taking into account the differentiation of socio-demographic development of regions. To do this, we use methods of descriptive statistics and multidimensional data analysis – dispersion and cluster analysis. The cluster analysis makes it possible to form typological groups of regions depending on the dynamics of fertility, poverty level and the development of the preschool care system – the most important indicators characterizing the

implementation of family policy strategy. Economic support measures, the effectiveness of which has been proven in a number of studies conducted in countries around the world, are very important for Russian families. However, the impact of these measures has its own specific features in connection with the differentiation of economic development of regions, opportunities for the development of social infrastructure, and maintenance of a decent standard of living for families with children; it is important to take all this into account in the development of family policy. The analysis of the effectiveness of family policy suggests the need to change the structure of implemented measures. Family policy should be long-term and systemic; it should be aimed at creating conditions that increase the independence of the family in modern society and economic relations. Often, in the course of formation of a strategy for activities in the field of family policy, there is no clear link between the goals of activities and indicators of its achievement. Complex issues that need to be addressed in the interests of the family (for example, providing opportunities for parents to combine family and professional roles) and that need to unite the efforts of various actors, including employers, remain outside the focus of family policy. The intersection of activities and expected results does not allow us to assess the effectiveness of individual strategic documents in the field of family policy.

Key words: the institution of the family, family policy, birth rate, demographic policy, effectiveness of family policy, national project "Demography".

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru), head of department, Russian State Social University.

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Natal'ya A. Bezverbnaya – Junior Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: bezvad@mail.ru)

Статья поступила 17.06.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13
УДК 314.14:332.05-045.73(470-17+571-17), ББК 60.7:63.59:60.542.18
© Попова Л.А., Зорина Е.Н.

Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня*

Лариса Алексеевна
ПОПОВА
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: popova@iespn.komisc.ru
ORCID ID: 0000-0003-0549-361X; ResearcherID: O-6876-2017

Елена Николаевна
ЗОРИНА
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: zorina@iespn.komisc.ru

Аннотация. Целью статьи являются оценка изменения региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни населения России за 2003–2017 гг., рассмотрение особенностей уровня и темпов роста продолжительности жизни, гендерных различий показателя, разницы между городской и сельской местностью, структуры смертности по причинам смерти, уровня младенческой смертности в регионах России и обозначение региональных резервов дальнейшего роста продолжительности жизни населения. Актуальность темы обусловлена существенной региональной дифференциацией, значительным отставанием России от развитых стран и заявленными в этой области целями. Предложена группировка российских регионов на девять

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

Для цитирования: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

For citation: Popova L.A., Zorina E.N. Regional reserves for raising life expectancy in the conditions of convergence of its level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

групп с однолетними интервалами показателя и оценены изменения, произошедшие в ней за 2003–2017 гг. Установлено, что в условиях роста продолжительности жизни населения произошло заметное сближение регионов, уплотнение их к среднероссийскому уровню. Региональная конвергенция произошла за счет крайних по уровню показателя групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов, т.е. установлен догоняющий характер конвергенции. Это говорит о том, что в течение 2004–2017 гг. были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов с низким уровнем показателя, а в субъектах с высоким уровнем дальнейший рост является непростой задачей, поскольку возможности факторов первого порядка, в качестве которых рассматриваются гендерная дифференциация, разница между городским и сельским показателем, доля смертности от внешних причин смерти и уровень младенческой смертности, в значительной степени уже реализованы. Тем не менее все девять групп регионов пока обладают резервами увеличения продолжительности жизни, обусловленными теми или иными факторами роста первого порядка. Наибольшими резервами располагают группы с самым неблагоприятным уровнем показателя, но и в группе с очень высокой продолжительностью жизни населения отставание сельского показателя и величина младенческой смертности дают возможности дальнейшего повышения за счет факторов роста первого порядка.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни населения, регионы России, региональная конвергенция, группировка, факторы роста первого порядка, гендерная дифференциация, различия между городом и селом, причины смерти, младенческая смертность.

Введение

7 мая 2018 г. Президентом РФ был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1], в котором в качестве одной из первоочередных целей развития страны обозначено достижение к 2024 г. продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет. Масштабность поставленных задач наряду с существенным отставанием России от промышленно развитых стран определяют актуальность исследований в области резервов и возможностей роста продолжительности жизни российского населения.

В последние полтора десятилетия в России достигнуты значительные успехи в сокращении смертности и росте продолжительности жизни. За 2003–2017 гг. общий коэффициент смертности уменьшился с 16,4 на 1000 человек населения до 12,4‰ – на 24,4% (в 2018 г. зафиксировано небольшое повышение показателя)[2]. Параллельно со снижением произошли позитивные изменения в структуре смертности по причинам. Наиболее существенные темпы сокращения характерны для внешних причин (несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств) – в результате эта группа в 2006 г. уступила новообразованиям вторую позицию в структуре смертности по причинам, переместившись на закономерное для нее третье место. Ожидаемая продолжительность жизни россиян увеличилась на 8,1 года и достигла в 2018 г. 72,9 года (67,8 для мужчин и 77,8 для женщин). Это максимальные значения за историю России. Тем не менее отставание от развитых стран по-прежнему составляет около 12 лет, по мужскому показателю – более 15, по женскому – свыше 10 лет [1, с. 64].

Мужской показатель за 2003–2018 гг. вырос более существенно – на 9,3 года (с 58,5 до 67,8), женский – на 5,9 года (с 71,9 до 77,8). Т.е. вместе с ростом продолжительности жизни в России произошло уменьшение гендерной дифференциации показателя с 13,4 до 10 лет, но отставание мужского показателя остается очень значительным, представляя серьезный резерв роста продолжительности жизни населения [2]. В городской местности уровень показателя достиг в 2018 г. 73,3 года, в сельской – 71,7. До 2009 г. рост продолжительности жизни город-

[1] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 г. № 204. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/57425

[2] http://www.gks.ru

ского населения был значительнее – различия между городом и селом за 2003–2009 гг. увеличились с 2,0 до 2,97 года. В последние годы более высокими темпами увеличивается сельский показатель. Однако период 2003–2018 гг. в целом пока не отличается заметным сокращением отставания: в 2018 г. его уровень на 1,6 года ниже городского – подтягивание продолжительности жизни сельского населения также является резервом роста [3].

Общероссийский показатель продолжительности жизни складывается из уровня в разных регионах, который в 2017 г. варьируется от 66 лет в Чукотском автономном округе и Республике Тыва почти до 82 лет в Республике Ингушетия. Соответственно, одним из важнейших условий достижения поставленных в области продолжительности жизни российского населения целей является сокращение региональной дифференциации за счет подтягивания отстающих регионов до уровня лидеров.

Целью статьи являются оценка изменения региональной дифференциации продолжительности жизни населения России за 2003–2017 гг., рассмотрение особенностей уровня и темпов роста продолжительности жизни, гендерных различий показателя, разницы между городской и сельской местностью, структуры смертности по причинам смерти, уровня младенческой смертности в регионах России и обозначение региональных резервов дальнейшего роста продолжительности жизни российского населения.

Основные подходы к изучению региональной конвергенции/дивергенции продолжительности жизни

Устойчивость развития любой системы определяется сбалансированностью динамики ее отдельных компонентов. Значительная региональная дифференциация по уровню демографических показателей является препятствием для демографического развития страны и проведения государственной демографической политики, поэтому нуждается в исследовании. Изучение демографической конвергенции/дивергенции, т.е. снижения/роста контрастности распределения показателей между регионами, важно и для демографического прогнозирования, которое в огромной по территории и разнообразной по социально-экономическим и природно-климатическим условиям стране должно опираться на устойчивые тренды, определенные согласованностью изменений, происходящих в разных регионах [4].

Теоретическое осмысление феномена демографической конвергенции и конвергентной траектории развития стран и регионов изложено в работах основоположников концепций первого и второго демографического перехода [5, 6, 7, 8]. Фундаментальной основой к объяснению динамики ожидаемой продолжительности жизни и влияния на нее различных групп факторов является теория эпидемиологического перехода, который можно считать частью демографического, созданная А. Омраном [9] и получившая развитие в трудах других авторов, в том числе и отечественных [10, 11, 12, 13, 14]. Практические исследования посвящены конвергенции/дивергенции стран и регионов по уровню продолжительности жизни населения [15, 16, 17], а также изменениям в дифференциации смертности у разных групп населения [18].

В России проблемы смертности и продолжительности жизни в региональном разрезе чаще всего рассматриваются на уровне отдельных субъектов федерации [1, 19, 20] или групп территорий [21, 22, 23, 24] в сравнении с общероссийским уровнем. Имеются исследования, посвященные сравнительному анализу и типологии российских регионов по структуре смертности и уровню продолжительности жизни населения [25, 26, 27, 28, 29]. Однако, на наш взгляд, недостаток работ, посвященных конвергенции/дивергенции российских регионов по продолжительности жизни населения и их комплексному сравнительному анализу по уровню и темпам роста показателя, его гендерной и межпоселенческой дифференциации, структуре смертности по причинам и величине младенческой смертности, в условиях заявленных в стране целей по дальнейшему повышению продолжительности жизни населения весьма актуализирует тему статьи.

Конвергенция/дивергенция анализируемых процессов изучается с помощью самого разного набора индикаторов дифференциации. Исследования, в которых используется статистический инструментарий анализа конвергенции,

относятся преимущественно к изучению экономической сферы общества. В области демографии этот инструментарий применяется редко [4]. Наиболее известной и легко применяемой является методика σ-конвергенции [30], которая и будет использована в нашем исследовании.

Результаты оценки изменения региональной дифференциации

В 2003 г. в 57 субъектах федерации, а также в Республике Крым уровень продолжительности жизни населения был ниже, чем в среднем по России (64,8 года), в 26 регионах и Севастополе был выше среднероссийского[3]. В 2017 г. показатель ниже, чем в целом по стране (72,7 года), в 55 субъектах федерации, в трех регионах (Чувашия, Рязанская и Кировская области) он равен среднероссийскому уровню и в 27 регионах выше среднего[4]. Т.е. за 2003–2017 гг., в условиях роста продолжительности жизни населения, ситуация с количеством регионов с показателем выше и ниже среднероссийского уровня принципиально не изменилась. Лишь немного уменьшилось число субъектов с показателем ниже среднероссийского за счет достижения в трех регионах среднего уровня.

Однако за рассматриваемый период произошло уменьшение межрегионального разброса значений продолжительности жизни, уплотнение регионов к среднему уровню. В 2003 г. разница между максимальным и минимальным уровнями продолжительности жизни составляла 20,2 года (74,4 в Ингушетии и 54,2 в Тыве). В 2017 г. минимакс сократился до 15,5 года (81,6 в Ингушетии и 66,1 в Чукотском автономном округе) (*табл. 1*).

О региональной конвергенции продолжительности жизни населения России в 2003–2017 гг. свидетельствует и изменение среднеквадратического отклонения:

$$\sigma = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} \frac{(x_i - \bar{x})^2}{n}},$$

где x_i – величина продолжительности жизни населения в каждом регионе;

$\bar{x}$ – среднероссийское значение показателя;

n – количество регионов.

Большее значение среднеквадратического отклонения показывает больший разброс региональных уровней продолжительности жизни населения в сравнении со среднероссийским. Меньшее значение свидетельствует о том, что региональные уровни теснее сгруппированы вокруг среднего. В 2003 г. дисперсия российских регионов по величине продолжительности жизни населения составляла 10,2, в 2017 году – 5,4. Среднеквадратическое отклонение, соответственно, сократилось с 3,2 до 2,3. Т.е. за 2003–2017 гг. произошло снижение разброса регионов, сближение их со средним уровнем.

С применением одинакового по отношению к среднероссийскому уровню принципа группировки регионов на однолетние по диапазону продолжительности жизни населения группы в 2003 и 2017 гг. были выделены девять групп с условными названиями: очень высокий уровень продолжительности жизни, высокий уровень, существенно выше среднероссийского уровня, выше среднероссийского уровня, среднероссийский уровень, ниже среднероссийского

Таблица 1. Разброс в региональных значениях ожидаемой продолжительности жизни населения России в 2003 и 2017 гг.

Год	Минимальное значение, лет	Максимальное значение, лет	Разница между максимальным и минимальным значением, лет	Превышение максимального значения над минимальным, %	Отношение максимального значения к минимальному, раз
2003	54,2	74,4	20,2	37,3	1,37
2017	66,1	81,6	15,5	23,4	1,23
Источники. http://www.gks.ru, https://russia.duck.consulting/maps/96/2003, http://crimea.gks.ru, http://sevastopol.gks.ru					

[3] https://russia.duck.consulting/maps/96/2003; http://crimea.gks.ru; http://sevastopol.gks.ru

[4] http://www.gks.ru

уровня, существенно ниже среднероссийского уровня, низкий уровень, очень низкий уровень продолжительности жизни (*табл. 2, рисунок*).

Как видим, региональная конвергенция продолжительности жизни населения в условиях роста в 2004–2017 гг. произошла за счет крайних групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов, т.е. она носит догоняющий характер:

– количество субъектов федерации с очень низким и низким уровнями ожидаемой продолжительности жизни населения уменьшилось с 26 до 12 – в два с лишним раза;

– число регионов с очень высоким уровнем продолжительности жизни, высоким и существенно выше среднего уменьшилось с 18 до 10 – не столь значительно;

– за счет этого «встречного сдвига» сильно увеличились по составу группы с уровнями ниже среднероссийского (с 8 до 25) и существенно ниже среднероссийского (с 8 до 13) – в целом две указанные группы с 16 до 38;

– общее количество регионов со среднероссийским уровнем продолжительности жизни и выше среднероссийского не изменилось – составляет 25 и в 2003 г., и в 2017 г.

Очевидно, что в 2004–2017 гг. были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов с низким уровнем показателя. А в регионах с высокой ожидаемой продолжительностью жизни населения дальнейший рост является очень непростой задачей, поскольку возможности в значительной степени уже реализованы.

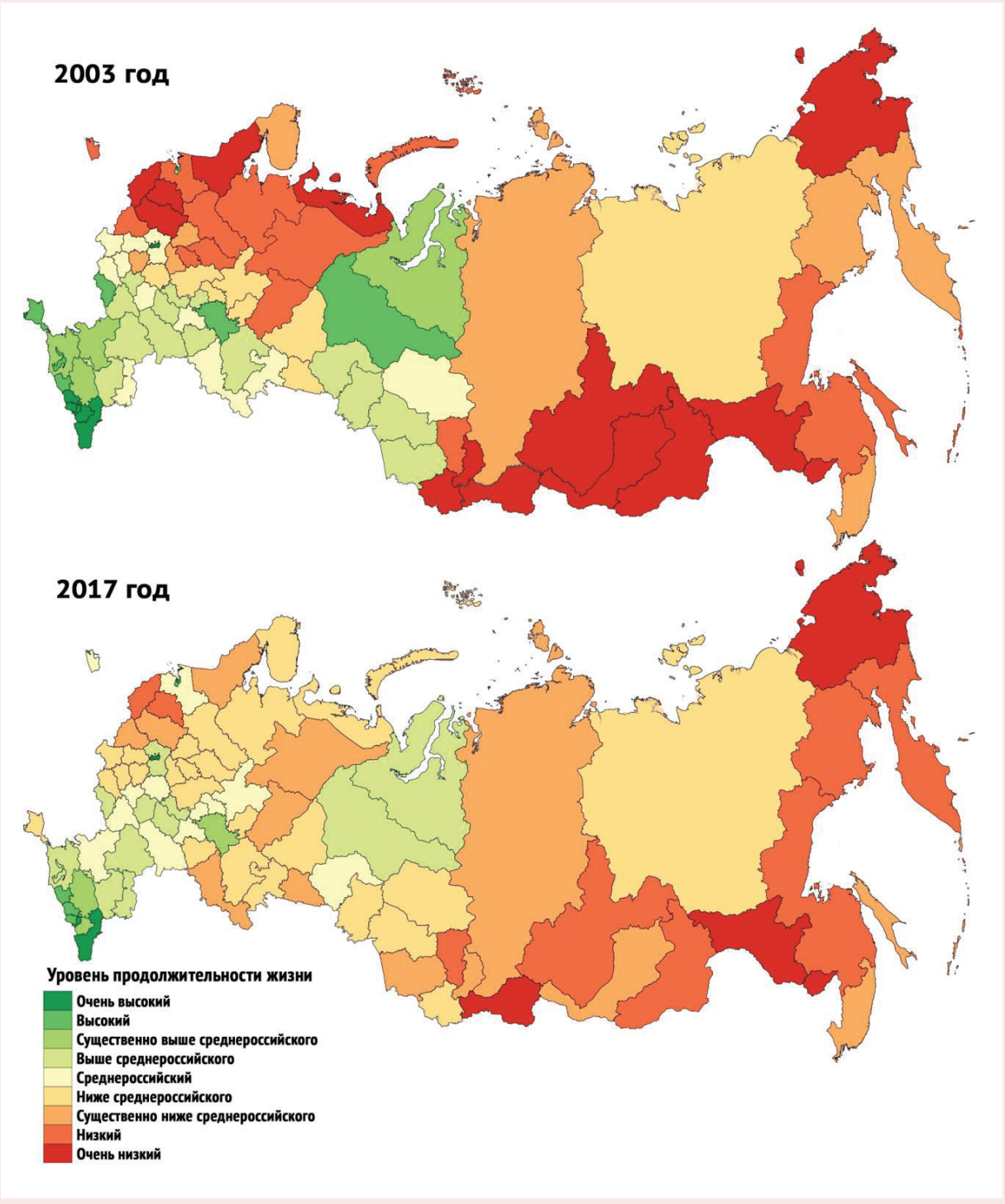
В каждой группе регионов были проанализированы особенности роста продолжительности жизни в 2003–2017 гг. и резервы роста, которые обусловлены факторами, лежащими на поверхности, доступными из официальной статистики. Назовем их факторами роста первого порядка. В их составе мы рассматриваем величину отставания мужского показателя, различия между городской и сельской местностью, долю смертности от внешних причин, уровень младенческой смертности – в сравнении со среднероссийским уровнем.

Наибольшими резервами роста за счет факторов первого порядка, очевидно, располагают регионы с самым неблагоприятным уровнем продолжительности жизни населения, поэтому анализ групп начинаем снизу.

Таблица 2. Группировка регионов России по отношению к среднероссийскому уровню ожидаемой продолжительности жизни населения в 2003 и 2017 гг.

2003 г.			2017 г.		
Группа	Количество регионов		Группа	Количество регионов	
Очень высокий уровень (68,3 лет и выше)	7	18	Очень высокий уровень (76,2 лет и выше)	3	10
Высокий уровень (67,3-68,2 лет)	6		Высокий уровень (75,2-76,1 лет)	4	
Существенно выше среднероссийского уровня (66,3-67,2 лет)	5		Существенно выше среднероссийского уровня (74,2-75,1 лет)	3	
Выше среднероссийского уровня (65,3-66,2 лет)	14	25	Выше среднероссийского уровня (73,2-74,1 лет)	13	25
Среднероссийский уровень (64,3-65,2 лет)	11		Среднероссийский уровень (72,2-73,1 лет)	12	
Ниже среднероссийского уровня (63,3-64,2 лет)	8	16	Ниже среднероссийского уровня (71,2-72,1 лет)	25	38
Существенно ниже среднероссийского уровня (62,3-63,2 лет)	8		Существенно ниже среднероссийского уровня (70,2-71,1 лет)	13	
Низкий уровень (61,3-62,2 лет)	12	26	Низкий уровень (69,2-70,1 лет)	8	12
Очень низкий уровень (до 61,2 лет)	14		Очень низкий уровень (до 69,1 лет)	4	

Региональная дифференциация ожидаемой продолжительности жизни населения России в 2003 и 2017 гг.

1. Очень низкий уровень продолжительности жизни населения

Очень низкая, до 69,1 года, ожидаемая продолжительность жизни населения в 2017 г. в четырех регионах: в Чукотском автономном округе, Республике Тыве, Еврейской автономной области и Амурской области. В 2003 г. все эти субъекты федерации также относились к группе с очень низким уровнем продолжительности жизни, которая на тот момент охватывала регионы с показателем до 61,2 лет, и в состав которой входили 14 регионов.

В занимавшей в 2003 г. последнее место Республике Тыва за 2003–2017 гг. произошел весьма значительный прирост показателя (на 12,1 года), и она уступила последнюю ранговую позицию Чукотскому АО. И Чукотка, и Тыва отличаются очень существенным отставанием сельского показателя продолжительности жизни и огромной, составляющей практически четверть, долей смертности населения от внешних причин, которая высока также в Амурской и Еврейской областях. Кроме Амурской области, для которой характерна невысокая смертность детей до 1 года, в остальных трех регионах группы максимальные по стране уровни младенческой смертности. Значительные резервы роста продолжительности жизни дает также гендерная дифференциация показателя, которая, за исключением Тывы, заметно превосходит среднероссийский уровень.

2. Низкий уровень продолжительности жизни населения

В восьми субъектах федерации продолжительность жизни населения в 2017 г. от 69,2 до 70,1 года. Согласно нашей группировке, это регионы с низким уровнем показателя. В 2003 г. аналогичная группа включала 12 регионов, в которых уровень продолжительности жизни составлял 61,3–62,2 года.

В большинстве из территорий этой группы (в Хабаровском и Забайкальском краях, Псковской, Новгородской и Иркутской областях) прирост продолжительности жизни населения в 2003–2017 гг. превышает средний по стране, в Кемеровской области – практически на среднероссийском уровне. Кемеровская область и Хабаровский край и в 2003 г. относились к группе с низким уровнем продолжительности жизни, Забайкальский край, Псковская, Новгородская и Иркутская области поднялись сюда из группы с очень низким уровнем. В отличие от вышеперечисленных шести регионов, в Магаданской области и Камчатском крае прирост продолжительности жизни населения в 2003–2017 гг. заметно ниже среднего по стране – эти два субъекта федерации за рассматриваемый период ухудшили свои позиции, опустившись из группы с более благополучной ситуацией.

Почти все регионы группы с низким уровнем продолжительности жизни характеризуются довольно значительной гендерной дифференциацией показателя, лишь в Камчатском и Забайкальском краях она не превышает среднероссийский уровень. Разница между городским и сельским показателями жизни, за исключением Новгородской и Кемеровской областей, заметно больше средней по стране. Практически везде велика доля смертности от внешних причин, исключением является лишь Новгородская область. Кроме Магаданской и Псковской областей, коэффициент младенческой смертности выше, чем по России. Т.е. в этой группе регионов, несмотря на достаточно значительный прирост продолжительности жизни, по-прежнему существенны резервы, обусловленные структурой смертности по причинам, отставанием мужского и сельского показателей, недостаточным контролем над младенческой смертностью.

3. Продолжительность жизни населения существенно ниже среднероссийского уровня

В 13 субъектах федерации продолжительность жизни в 2017 г. от 70,2 до 71,1 года. Это группа регионов с уровнем показателя существенно ниже среднероссийского. В 2003 г. к соответствующей группе относились восемь регионов с продолжительностью жизни в диапазоне 62,3–73,2 года.

Расширение группы произошло в большей мере за счет подтягивания отстающих территорий. В республиках Карелия, Коми, Бурятия и Хакасия, Пермском и Красноярском краях, Тверской, Смоленской и Сахалинской областях за 2003–2017 гг. произошел более значительный прирост продолжительности жизни, чем в целом по стране, в Алтайском и Приморском краях, Оренбургской и Курганской областях – ниже среднего. Республики Карелия, Бурятия и Хакасия и Тверская область за рассматриваемое время очень заметно улучшили свои ранговые позиции, поднявшись сюда из

последней группы с очень низким уровнем продолжительности жизни, перескочив группу с низким уровнем. Из группы с низким уровнем поднялись Республика Коми, Пермский край, Смоленская и Сахалинская области. Красноярский и Приморский края и в 2003 г. относились к группе регионов с уровнем продолжительности жизни населения существенно ниже среднероссийского. И напротив, Курганская область опустилась сюда из группы регионов с более благополучной ситуацией, Оренбургская область в 2003 г. относилась к регионам со среднероссийским уровнем продолжительности жизни, а Алтайский край – к группе с уровнем продолжительности жизни выше среднего по стране. Т.е. указанные субъекты в условиях роста продолжительности жизни населения России очень значительно ухудшили свое ранговое положение.

Все регионы этой группы характеризуются повышенной гендерной дифференциацией продолжительности жизни и, кроме Оренбургской и Тверской областей, сильным отставанием сельского показателя. Только в Карелии, Алтайском крае, Тверской и Смоленской областях доля внешних причин смерти незначительна. Более или менее благополучна ситуация с неестественными причинами также в Оренбургской области и Приморском крае. В остальных семи регионах они представляют существенный резерв роста продолжительности жизни. Также семь регионов группы – больше половины – характеризуются коэффициентом младенческой смертности выше среднего по России (за исключением республик Коми и Хакасия, Пермского края, Курганской, Тверской и Сахалинской областей). Таким образом, и в этой группе регионов имеются значительные резервы, обусловленные гендерной дифференциацией, отставанием сельского показателя, неблагоприятной структурой смертности по причинам, повышенным уровнем смертности на первом году жизни.

4. Продолжительность жизни населения ниже среднероссийского уровня

Самая большая группа российских регионов – 25 субъектов федерации характеризуются в 2017 г. показателем продолжительности жизни от 71,2 до 72,1 года. Это уровень ниже среднероссийского. В 2003 г. аналогичная группа включала всего восемь регионов с продолжительностью жизни 63,3–64,2 года.

Увеличение этой группы в три с лишним раза – на 17 регионов – произошло как снизу, так и сверху. Примерно в половине регионов из этой группы (республиках Удмуртия и Алтай, Ненецком АО, Ярославской, Архангельской, Нижегородской, Костромской, Мурманской, Ивановской, Вологодской, Владимирской и Тульской областях) за 2003–2017 гг. произошел прирост продолжительности жизни населения выше среднероссийского. Очень сильно изменили за это время свои ранговые позиции Ненецкий АО и Республика Алтай, которые поднялись в эту группу из последней, перескочив сразу две промежуточные группы. Архангельская, Костромская, Ивановская и Вологодская области поднялись из группы с низкой продолжительностью жизни, миновав одну группу. Тульская, Владимирская, Мурманская и Ярославская области поднялись из группы с продолжительностью жизни существенно ниже среднероссийского уровня. Республики Удмуртия и Саха (Якутия), а также Нижегородская и Свердловская области и в 2003 г. входили в группу регионов с показателем ниже среднероссийского уровня.

При этом в Свердловской области и Республике Саха (Якутия), а также в республиках Крым и Башкортостан, Томской, Калужской, Курской, Самарской, Орловской, Новосибирской, Челябинской, Омской и Брянской областях прирост продолжительности жизни за 2003–2017 гг. меньше, чем по России в целом. Курская, Орловская, Челябинская, Томская, Калужская и Брянская области опустились в эту группу из группы регионов со среднероссийским уровнем. Башкортостан, Омская, Новосибирская и Самарская области – из группы с уровнем выше среднероссийского, миновав среднероссийский уровень. А Республика Крым с приростом показателя за рассматриваемый период 4,2 года попала сюда из группы регионов с высоким уровнем продолжительности жизни населения.

Практически все регионы указанной группы (кроме Крыма и Мурманской области) характеризуются заметным отставанием мужского показателя. Зато во многих из них незначительное отставание сельского показателя: в Якутии, Ярославской, Нижегородской, Костромской, Вологодской, Владимирской, Тульской и Самарской областях. А в Крыму, Мурманской,

Ивановской и Калужской областях в 2016 г. он превышает городской, что свидетельствует об отсутствии принципиальной разницы между городом и селом и может рассматриваться другими регионами как позитивный опыт решения проблемы отставания продолжительности жизни сельского населения.

Высокой долей смертности от внешних причин характеризуются все северные регионы этой группы (Якутия, Ненецкий АО, Мурманская и Архангельская области), а также республики Удмуртия, Башкортостан и Алтай, Самарская, Свердловская, Челябинская, Омская и Томская области. В 12 регионах группы младенческая смертность превышает среднюю по стране, при этом в Республике Алтай, Брянской и Костромской областях, Алтайском крае и Башкирии – значительно. Таким образом, в регионах этой группы существенные резервы дальнейшего роста продолжительности жизни населения кроются прежде всего в сокращении гендерной дифференциации показателя, снижении доли смертности от внешних причин и коэффициента младенческой смертности.

5. Среднероссийский уровень продолжительности жизни населения

В 12 субъектах Российской Федерации продолжительность жизни населения в 2017 г. в диапазоне 72,2–73,2 года, который можно считать среднероссийским. В 2003 г. в эту группу входили 11 регионов с продолжительностью жизни от 63,3 до 65,2 года.

При почти неизменном количестве регионов группа со среднероссийским уровнем продолжительности жизни практически полностью обновилась (лишь один регион из 12 относится к этой группе и в 2003 г., и в 2017 г.), пополнившись как снизу, так и сверху. Сверху – немного более значительно. Республика Марий-Эл, Рязанская, Кировская и особенно Калининградская и Ленинградская области отличаются значительным ростом показателя за 2003–2017 гг. Калининградская и Ленинградская области поднялись в эту группу из группы с низкой продолжительностью жизни населения, миновав две группы. Марий-Эл, Рязанская и Кировская области поднялись из группы с показателем ниже среднероссийского уровня. В Чувашии, Тюменской, Воронежской, Ростовской, Саратовской, Липецкой и Ульяновской областях прирост продолжительности жизни от 6,7 до 7,6 года (при среднем по стране приросте 7,9). Из них Ульяновская область и в 2003 г. характеризовалась среднероссийским уровнем продолжительности жизни населения. Чувашия, Тюменская, Воронежская, Саратовская и Липецкая области за рассматриваемый период ухудшили позиции, опустившись сюда из группы с показателем выше среднероссийского уровня. А Ростовская область перешла из группы с уровнем существенно выше среднего, перескочив одну группу.

Регионы группы, кроме Тюменской, Ростовской, Саратовской и Калининградской областей, характеризуются повышенными гендерными различиями. Более чем для половины из них характерно заметное отставание сельского показателя. Меньше среднероссийских межпоселенческие различия в Рязанской, Воронежской, Саратовской и Ростовской областях, а в Ленинградской области соотношение в 2016 г. обратное: сельский показатель превышает городской. Чувашия и Марий-Эл, Воронежская, Тюменская, Ленинградская и Кировская области отличаются высокой долей внешних причин смерти, представляющей заметный резерв снижения смертности. В Ростовской области существенно больше среднего по стране коэффициент младенческой смертности. Таким образом, и в регионах группы со среднероссийским уровнем продолжительности жизни имеются значительные резервы дальнейшего роста, особенно за счет выравнивания гендерных различий и подтягивания сельского показателя.

6. Продолжительность жизни населения выше среднероссийского уровня

Тринадцать субъектов федерации относятся в 2017 г. к группе с уровнем продолжительности жизни от 73,2 до 74,1 года. В 2003 г. регионов с показателем в диапазоне 65,3–66,2 года, который на тот момент относился к уровню выше среднероссийского, было 14.

В Астраханской, Московской и Тамбовской областях прирост продолжительности жизни за 2003–2017 гг. значительнее среднего по стране. Эти регионы поднялись в рассматриваемую группу из группы субъектов со среднероссийским уровнем продолжительности жизни. Для Пензенской области характерна среднероссийская величина прироста показателя. Так же как Волгоградская область, Мордовия и Калмыкия,

она и в 2003 г. относилась к группе регионов с продолжительностью жизни выше среднероссийского уровня. Остальные шесть регионов этой группы за рассматриваемый период ухудшили свои позиции. Краснодарский край и Ямало-Ненецкий АО опустились в эту группу из группы с продолжительностью жизни существенно выше среднего, Белгородская область, Республика Адыгея и Ханты-Мансийский АО – из группы с высоким уровнем продолжительности жизни, город Севастополь с приростом показателя 3,7 года – из группы с очень высоким уровнем. Как видим, обновление группы регионов с продолжительностью жизни населения выше среднероссийского уровня в большей мере произошло сверху, т.е. за счет сокращения темпов прироста показателя при достижении высоких значений.

Регионы этой группы в основном характеризуются менее заметным отставанием мужского показателя. Лишь в Мордовии, Пензенской и Тамбовской областях гендерная дифференциация больше средней по стране. В большинстве регионов заметно незначительное отставание сельского показателя, а в Московской области, Краснодарском крае и Севастополе в 2016 г. он превышает городской уровень. Но в Адыгее, Мордовии, Ханты-Мансийском и особенно Ямало-Ненецком АО продолжительность жизни населения в сельской местности существенно ниже, чем в городской. В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, в Калмыкии значительным резервом дальнейшего увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения является также уменьшение смертности от внешних причин. В Астраханской области, Адыгее и Ямало-Ненецком АО коэффициент младенческой смертности превышает средний по стране.

7. Продолжительность жизни населения существенно выше среднероссийского уровня

В 2017 г. к группе регионов с величиной показателя 74,2–75,1 года относятся три субъекта федерации. В 2003 г. группа с продолжительностью жизни населения существенно выше среднероссийского уровня включала пять регионов с показателем от 66,3 до 67,2 года.

Все регионы этой группы характеризуются приростом продолжительности жизни ниже среднего по стране. Ставропольский край и в 2003 г. относился к соответствующей группе, Татарстан опустился сюда из группы с высоким уровнем продолжительности жизни населения, Чеченская Республика – из группы с очень высоким уровнем. Т.е. пополнение группы происходит сверху за счет замедления темпов прироста продолжительности жизни при достижении высоких уровней. В Ставропольском крае и особенно Чеченской Республике гендерные различия показателя значительно меньше, чем в целом по стране, в Татарстане – лишь чуть больше. Разница между городом и селом в Татарстане – на среднероссийском уровне, в Ставропольском крае немного превышает его, в Чеченской Республике соотношение обратное: показатель в сельской местности в 2016 г. заметно больше городского. Во всех регионах группы удельный вес смертности от внешних причин ниже среднероссийского уровня. Однако в Чечне и особенно в Ставропольском крае довольно велик коэффициент младенческой смертности. Таким образом, и в регионах этой группы есть резервы дальнейшего увеличения продолжительности жизни, находящиеся на поверхности: в Чечне и Ставропольском крае – это снижение смертности детей до 1 года, в Татарстане – сокращение отставания мужского показателя.

8. Высокий уровень продолжительности жизни населения

В группу с высоким уровнем продолжительности населения – 75,2–76,1 года – в 2017 г. входят четыре субъекта федерации. В 2003 г. к соответствующей группе, охватывавшей территории с уровнем показателя в диапазоне от 67,3 до 68,2 года, относились шесть регионов.

Санкт-Петербург с приростом продолжительности жизни больше среднего по стране поднялся сюда из группы регионов с показателем существенно выше среднероссийского уровня. Карачаево-Черкесская Республика традиционно относится к группе с высокой продолжительностью жизни населения. Кабардино-Балкария и Северная Осетия–Алания опустились за 2003–2017 гг. из группы с очень высоким уровнем.

Во всех регионах этой группы относительно благоприятный уровень гендерной дифференциации показателя и различий между городом и селом, особенно в Кабардино-Балкарии (а в Санкт-Петербурге нет сельского населения), существенно меньше процент смертности на-

селения от внешних причин. За исключением Карачаево-Черкессии, ниже среднероссийского уровня коэффициент младенческой смертности. Но, несмотря на пониженный уровень отставания мужского показателя, величина гендерных различий еще дает возможность рассматривать их как заметный резерв повышения продолжительности жизни населения.

9. Очень высокий уровень продолжительности жизни населения

К группе с условным названием «очень высокий уровень продолжительности жизни населения» в 2017 г. относятся три субъекта федерации с уровнем показателя 76,2 года и выше: Ингушетия, Москва и Дагестан. В 2003 г. к этой группе относилось семь регионов с продолжительностью жизни от 68,3 года.

Все три региона традиционно относятся к этой группе. Они и в 2003 г. занимали три верхние строчки в рейтинге российских регионов по уровню ожидаемой продолжительности жизни населения. Только Дагестан и Москва за рассматриваемый период поменялись местами, поскольку для Москвы характерен среднероссийский уровень прироста показателя, тогда как в Дагестане, как и в Ингушетии, в 2003–2017 гг. прирост был ниже среднего по стране. Во всех регионах благоприятная гендерная дифференциация показателя – практически как в индустриально развитых странах, в которых она увеличивается по сравнению с разницей, обусловленной медико-генетическими факторами, за счет снижения женской смертности в условиях гендерного равенства и охвата боль-

Таблица 3. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения за счет возможностей факторов первого порядка в 2017 г.

Резервы роста	Количество регионов	Регионы
Значительная гендерная дифференциация показателя ожидаемой продолжительности жизни	59	Республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Карелия, Коми, Марий-Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская, Чувашская и Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа и Еврейская автономная область
Существенное отставание продолжительности жизни сельского населения	47	Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Коми, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Хакасия и Чувашская, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Брянская, Иркутская, Калининградская, Кировская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская, Новосибирская, Омская, Орловская, Псковская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Томская, Тюменская, Удмуртская, Ульяновская и Челябинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО
Большая доля внешних причин смерти в структуре смертности по причинам	42	Республики Алтай, Башкортостан, Бурятия, Коми, Калмыкия, Марий-Эл, Саха (Якутия), Тыва, Удмуртская, Хакасия и Чувашская, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Воронежская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Псковская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тюменская и Челябинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО
Высокий уровень младенческой смертности	38	Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Тыва и Чеченская, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Астраханская, Брянская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Костромская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Ростовская, Смоленская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО, город Москва

шинства женщин регулярным медицинским контролем и обслуживанием, и составляет от 5 до 8 лет [31, с. 88]. Но и в этой группе территорий есть резервы роста первого порядка. В частности, все они характеризуются повышенным уровнем младенческой смертности, особенно Дагестан и Ингушетия, а Дагестан – также заметным отставанием сельского показателя.

В завершение анализа изменения региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни населения России за 2003–2017 гг. подытожим существующие резервы роста показателя за счет возможностей факторов первого порядка по регионам, что позволит выделить группы территорий, требующих решения сходных задач для дальнейшего повышения уровня продолжительности жизни (*табл. 3*).

В 59 субъектах федерации выше среднего по стране превышение женской продолжительности жизни, требующее более пристального внимания к вопросам, связанным с неблагоприятным образом жизни мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, с гендерными различиями в поведенческих факторах риска производственного, бытового и дорожного травматизма, с профилактикой рискового поведения. В 47 регионах наблюдается существенное отставание сельского показателя, предполагающее акцент на совершенствовании санитарно-бытовых условий на селе, повышении уровня жизни сельских жителей, улучшении их доступа к квалифицированным медицинским услугам. Практически в половине субъектов (42) значителен удельный вес смертности от неестественных причин, в основе которой лежат как поведенческие, так и средовые факторы риска: неблагополучная нравственно-психологическая и криминогенная атмосфера, низкий уровень и неблагоприятный образ жизни населения, недостаточный уровень безопасности условий труда, отдыха, передвижений. В 38 регионах остается высокой смертность детей на первом году жизни, зависящая как от возможностей здравоохранения и служб родовспоможения, так и от благополучия в образе жизни населения, в развитии брачно-семейных отношений и жизнедеятельности семьи. При этом 14 регионов (республики Алтай, Башкортостан и Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Архангельская, Омская и Челябинская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Еврейская автономная область) входят во все группы, т.е. характеризуются всеми резервами роста первого порядка.

Заключение

Таким образом, в условиях роста продолжительности жизни российского населения произошло заметное сближение субъектов федерации, уплотнение их к среднему уровню. Региональная конвергенция произошла за счет крайних по уровню показателя групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов, т.е. установлен догоняющий характер конвергенции ожидаемой продолжительности жизни в России в 2003–2017 гг., что можно отнести к научной новизне исследования. Очевидно, что на протяжении 2004–2017 гг. были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов с низким уровнем показателя. А в субъектах с высокой ожидаемой продолжительностью жизни населения дальнейший рост является уже очень непростой задачей, поскольку возможности факторов первого порядка, в качестве которых рассматриваются величина гендерных различий, разница между городским и сельским показателем, доля смертности от внешних причин смерти и уровень младенческой смертности, в значительной степени уже реализованы.

Однако все выделенные девять групп российских регионов пока обладают резервами увеличения продолжительности жизни населения, обусловленными теми или иными факторами роста первого порядка. Наибольшими резервами, безусловно, располагают субъекты с самым неблагоприятным уровнем показателя. Но и в группе с очень высокой продолжительностью жизни отставание сельского показателя и величина младенческой смертности дают возможности дальнейшего повышения продолжительности жизни населения за счет факторов роста первого порядка.

Но даже при исчерпании возможностей факторов первого порядка остаются резервы увеличения продолжительности жизни населения, определяемые ростом уровня и качества жизни населения, снижением социальной дифференциации, усилением мотивации к здоровому образу жизни, формированием ответ-

ственного отношения граждан всех возрастов к своему здоровью, профилактикой основных модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний, ранним выявлением и адекватным лечением выявленных болезней, развитием и повышением доступности высокотехнологичной медицины и пр. Активизация и задействование всех резервов – важное условие дальнейшего роста продолжительности жизни россиян.

Литература

1. Попова Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми: резервы продления положительных тенденций // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 62–75.
2. Калабихина И.Е. Об учете здоровья и долголетия в концепции человеческого развития: гендерное измерение // Управление здравоохранением. 2015. Т. 1. № 43. С. 50–65.
3. Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81.
4. Шубат О.М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 736–748. DOI: 10.17059/2019-3-9.
5. Ландри А. Демографическая революция // Демоскоп Weekly. 2014. № 611-612. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php (дата обращения 12.08.2019).
6. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin,* 1987, vol. 42, no. 1, pp. 1–59.
7. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition. *Population and Development Review,* 2006, vol. 32, no. 3, pp. 401–446.
8. Lesthaeghe R. The "second demographic transition": a conceptual map for the understanding of late modern demographic developments in fertility and family formation. *Historical Social Research*, 2011, no. 36, pp. 179–218. DOI: 10.2307/41151280.
9. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1971, no. 49 (4), pp. 509–538.
10. Kawachi I., Kennedy B.P. Socioeconomic determinants of health: health and social cohesion: why care about income inequality? *British Medical Journal,* 1997, no. 314, pp. 1037–1040.
11. Horiuchi S. Postmenopausal acceleration of age-related mortality increase. *Journal of Gerontology: Series A, Biological sciences and medical sciences,* 1997, no. 52A(1), pp. 78–92.
12. Olshansky S.J., Ault A.B. The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases. *Milbank Quarterly,* 1986, vol. 64, no. 3, pp. 355–391.
13. Terris M. The epidemiologic revolution. *American Journal of Public Health,* 1972, no. 11, pp. 1439–1441.
14. Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М., 2005. 235 с.
15. Guo Y., Gasparrini A., Armstrong B., Li S., Tawatsupa B., Tobias A., Lavigne E., De Sousa Zanotti Stagliorio Coelho M., Leone M., Pan X., Tong S., Tian L., Kim H., Hashizume M., Honda Y., Guo Y.-L.L., Wu C.-F., Punnasiri K., Yi S.-M., Michelozzi P., Saldiva P.H.N., Williams G. Global variation in the effects of ambient temperature on mortality: a systematic evaluation. *Epidemiology,* 2014, vol. 25, no. 6, pp. 781–789.
16. Meslé F., Vallin J. Mortality in Europe: The divergence between East and West. *Population,* 2002, no. 57 (1), pp. 157–197.
17. Mackenbach J.P., Kulhánová I., Artnik B., Bopp M., Borrell C., Clemens T., Costa G., Dibben C., Kalediene R., Lundberg O., Martikainen P., Menvielle G., Östergrenb O., Prochorskas R., Rodríguez-Sanz M., Strand B., Looman C., Gelder R. Changes in mortality inequalities over two decades: register based study of European countries. *British Medical Journal,* 2016, no. 353. DOI: https://doi.org/10.1136/bmj.i1732.
18. Valkonen T., Brancker A., Reijo M. Mortality differentials between three populations-residents of Scandinavia, Scandinavian immigrants to Canada and Canadian-born residents of Canada, 1979-1985. *Health Reports*, 1992, vol. 4, no. 2, pp. 137–159.
19. Региональные особенности смертности населения / А.А. Шабунова, Н.А. Рыбакова, Е.А. Чекмарева, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1. С. 105–116.
20. Сукнёва С.А. Влияние основных причин смертности на ожидаемую продолжительность жизни населения Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 16 (151). С. 148–153.

21. Григорьев Ю.А., Соболева С.В. Экзогенная и эндогенная детерминация смертности в Сибирском федеральном округе // Регион: экономика и социология. 2012. № 2 (74). С. 86–103.
22. Преминина Я.К. Современные черты смертности населения Европейского Севера России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 62–67.
23. Тельнов В.И., Тихонова М.А. Вклад смертности и возраста смерти в динамику потерянных лет потенциальной жизни у населения Уральского федерального округа и Российской Федерации // Институты развития демографической системы общества: матер. V Уральского демогр. форума с междун. участ. Екатеринбург, 2014. С. 161–166.
24. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Северные регионы России: уровень и структура смертности населения // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 77–100.
25. Денисенко М.Б, Сидоренко В.Н., Лифшиц М.Л. Региональная дифференциация смертности и заболеваемости в России // Экономические исследования молодых ученых: альманах. 2005. № 3. С. 33–41.
26. Антонова О.И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики. 2007. № 10. С. 17–21.
27. Иванова Т.А. Смертность населения от основных причин: исследование регионов РФ // Системное управление. 2016. № 1 (30). С. 16–28.
28. Скорик М.А. Региональная дифференциация по уровню смертности с учетом качества жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 12. М., 2017. Ч. 2. С. 697–700.
29. Симагин Ю.А. Динамика смертности в муниципалитетах России в последние годы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. М., 2018. Ч. 1. С. 792–796.
30. Barro R., Sala-I-Martin X. Convergence. *Journal of Political Economy,* 1992, vol. 100, no. 2, pp. 223–251. DOI: 10.1086/261816.
31. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами / В.И. Харченко, А.С. Акопян, Р.Ю. Михайлова и др. // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 78–92.

Сведения об авторах

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Елена Николаевна Зорина – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Popova L.A., Zorina E.N.

Regional Reserves for Raising Life Expectancy in the Conditions of Convergence of Its Level

Abstract. The goal of the paper is to assess changes in the regional differentiation of life expectancy in Russia for 2003–2017, to consider the features of the level and growth rate of life expectancy, gender differences in the indicator, the difference between urban and rural areas, the structure of mortality due to death, the level of infant mortality in the regions of Russia; the paper also defines regional reserves for further increase in life expectancy. The relevance of the topic is due to significant regional differentiation, Russia's significant lagging behind developed countries, and the goals associated with this field. We arrange Russian regions into nine groups with annual intervals of the indicator and evaluate the changes in the groups in 2003–2017. We find out that in the conditions of growing life expectancy there has been

a marked convergence of regions; they approached the Russian average level according to this indicator. Regional convergence has occurred at the expense of the extreme groups in terms of the indicator, and primarily due to the lagging regions getting closer to the leaders; i.e. we observe the catch-up nature of convergence. This suggests that over the period of 2004–2017, the relatively easy-to-implement life expectancy growth reserves, which are typical for low-indicator regions, have been used quite well, while further growth in high-indicator regions is not an easy task, since the possibilities of first-order factors, such as gender differentiation, the difference between urban and rural indicators, the share of mortality from external causes, and infant mortality rate, have been largely implemented. Nevertheless, all nine groups of regions still have reserves to increase life expectancy, due to certain growth factors of the first order. The groups with the most unfavorable level of the indicator have the greatest reserves. However, factors such as the lag in the rural indicator and the value of infant mortality in the group with very high life expectancy provide opportunities for further increase due to growth factors of the first order.

Key words: life expectancy, Russian regions, regional convergence, grouping, first-order growth factors, gender differentiation, differences between urban and rural settlements, causes of death, infant mortality.

Information about the Authors

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center "Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Elena N. Zorina – Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center "Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 26.08.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14
УДК 316.7, ББК 60.54
© Зубок Ю.А., Чупров В.И.

Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи

Юлия Альбертовна
ЗУБОК
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5
E-mail: uzubok@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3108-2614

Владимир Ильич
ЧУПРОВ
Институт социально-политических исследований РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5
E-mail: chuprov443@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7881-9388

Аннотация. Представление о сущности труда во многом носит социокультурный характер, то есть обусловливается связью с определенным типом культуры. Поэтому в статье рассматривается социокультурный подход к саморегуляции образа труда. Саморегуляция образа труда исследуется во взаимосвязи с культурным пространством молодежи. С теоретических позиций феноменологической социологии обосновывается концепция социокультурных оснований конструирования молодежью образа труда, раскрывается процесс формирования культурного пространства, роль разных типов культуры в процессе образования смыслов, наполняющих характеристики образа и выступающих в качестве смысловых оснований соответствующих ожиданий молодых людей от труда. Такой подход способствует более адекватному пониманию формирования отношения молодежи к труду и противоречий, возникающих в этой сфере жиз-

Для цитирования: Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14

For citation: Zubok Yu.A. , Chuprov V.I. Self-regulation of the image of labor in young people's cultural space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14

недеятельности. Основой конструирования образа труда является понимание молодежью его смысла. Обосновываются наиболее значимые характеристики условий формирования смыслов, отражающие изменения социальной реальности в современном обществе – социальную неопределенность, деструкцию нормативности, смысловую гибридизацию. Конструирование новых представлений молодежи о труде происходит посредством противоречивого взаимодействия традиционных и современных смысловых образцов. На основе данных социологических исследований анализируется связь различных характеристик образа труда с типами культуры, влияние терминальных и инструментальных ценностей в конструируемом образе труда на отношение молодежи к реальному труду. Механизм саморегуляции отношения к труду раскрывается как процесс реализации ожиданий, в доверии или недоверии к труду. Показана роль морально-психологического состояния молодежи в этом процессе. Проведенный анализ позволяет глубже понять особенности саморегуляции образа труда и его роли в формировании отношения молодежи к труду. Сделаны выводы об изменениях образа труда в направлении более гибких форм, часто зависящих от морально-психологического состояния молодых людей, что проявляется в их отношении к труду. Показана связь моделей саморегуляции, основанных на терминальных и инструментальных ценностях труда с «адаптационным» и «духовным» типами культуры.

Ключевые слова: молодежь, труд, образ труда, саморегуляция, культурное пространство, социокультурный механизм саморегуляции, смыслы, терминальные и инструментальные ценности труда, доверие и недоверие, ожидания.

Введение

Глобальные социальные и экономические изменения затрагивают сферу труда, существенно изменяя само пространство трудовой деятельности. Изменяется рынок труда, исчезают не просто отдельные профессии, но их целые блоки; разработки в области искусственного интеллекта угрожают обесцениванием человеческого труда и одновременно повышают значимость творческого начала личности; возрастает уровень образования и вместе с тем остается противоречие между уровнем подготовки людей и новыми требованиями быстро изменяющегося профессионального ландшафта. Можно ли социально и профессионально выжить в этих условиях? Кто будет востребован и что нужно для того, чтобы не выпасть из профессионального поля? Как встроиться в текущие и грядущие изменения и каким образом они будут регулироваться? Наконец, главный вопрос: кто является основным субъектом регуляции?

Регулирование жизнедеятельности во многом представляет собой саморегуляцию, которая в современных условиях неопределенности, эмансипации и индивидуализации все чаще доминирует над целенаправленной регуляцией. И, хотя общество в лице своих институтов по-своему противостоит неопределенности, главное слово за самими молодыми людьми. Ориентируясь на представления об успешной жизни, статусе и перспективах, они делают свой выбор в трудовой сфере, конструируют и регулируют свои трудовые стратегии.

Трудовая биография современного молодого человека – череда актов выбора, представляющая собой многоуровневую субъектную саморегуляцию, в основе которой представления о реальности трудовых отношений, обобщенные образы труда и разных его аспектов. Осмысливаемые и эмоционально переживаемые, формирующиеся часто не из собственного опыта, а посредством рефлексии опыта других, они становятся основой обобщенного образа труда и влияют на его ценность.

Представления о труде формируются в определенном культурном пространстве, в котором протекает жизнедеятельность разных групп молодежи. Оно наполнено разнообразными идеями, смыслами, ценностями, которые, будучи соотнесенными со своими ожиданиями, получив подтверждение или опровержение, встраиваются в образ реальности. Поэтому все, что происходит с молодыми людьми в трудовой сфере, в более общем плане может рассматриваться как смысловая проекция культуры.

Источником базовых смысловых конструкций являются содержащиеся в культуре и отраженные в коллективном бессознательном архетипические образы [1]. Как продукт исторической эволюции общества, архетипы отражаются в народной мудрости, в форме пословиц, поговорок, былин, мифов, передаваемых из поколения в поколение. В процессе социальных взаимодействий они преобразуются в осознанные формы. Взаимодействуя с другими элементами механизма саморегуляции (смысложизненными ценностями, типами культуры и т.д.), они становятся общим культурообразующим основанием направленности формирования образа труда и задают базовую основу смысловой саморегуляции.

Процесс смены поколений – не только воспроизводство, но и постоянное переосмысление опыта, что является источником новых представлений молодежи о труде, а значит, иных ожиданий. Сконструированные новые смыслы взращиваются самой практикой взаимодействия молодежи с современными социальными посредниками, их контактом с современной глобальной культурой. Апробированные в интерсубъективных взаимодействиях, они также участвуют в формировании образа труда.

Наследуемые традиционные и формируемые современные ценности находятся в состоянии, отражающем единство и борьбу противоположностей в смысловом поле культурного пространства молодежи. Конкретизируясь в столкновении формальных и неформальных норм, провозглашаемых институциональных и групповых целей трудовой деятельности, смысложизненных и утилитарных ценностей, это противоречие определяет специфику культурного пространства молодежи, определяя образ труда.

Таким образом, проблема заключается в противоречиях формирования у молодежи образа труда в изменяющемся культурном пространстве. Исходя из этой наиболее общей проблемы целью исследования статьи было изучение особенностей саморегуляции образа труда в связи с компонентами культурного пространства молодежи. С этой целью проведен анализ связи архетипов, смысложизненных ценностей, типов культуры как основных элементов социокультурного механизма саморегуляции и компонентов культурного пространства молодежи с пониманием смысла труда, а также его связи с поведенческими установками молодежи.

Методология исследования

В теоретическом обосновании механизма саморегуляции образа труда в культурном пространстве молодежи мы опирались на понимание исторической роли культуры в формировании определенного типа личности. Культура выступает в качестве основания смыслового содержания представлений молодежи об образах реальности, наполняя их моральным, идейным содержанием.

Саморегуляция, проявляющаяся в социальном конструировании и переконструировании реальности, в моделировании индивидуальных биографий, в выработке новых ценностных ориентиров, в выборе адекватных форм поведения, рассматривается в феноменологической парадигме (А. Шюц). Формирование архетипических и ментальных компонентов культуры в коллективном бессознательном, являющееся результатом воспроизводства прошлого опыта, разрабатывается в психоаналитической парадигме (К. Юнг).

В парадигме понимающей социологии М. Вебера выделены две основные модели отношения к социальной реальности – традиционная и современная. В них отражается специфика формирования представлений об образе объектов реальности. Для традиционной модели характерны преимущественно, общепринятые представления, основанные на житейском опыте, укоренившиеся в повседневной жизни. Сформировавшиеся исторически, они наследуются от поколения к поколению. В современной модели отношение к объектам реальности строится на основе рационально осмысленного представления об их характеристиках как средствах достижения целей собственной жизнедеятельности.

Смыслообразование, формирование смыслового поля культурного пространства обосновывалось исходя из концепций Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и др.

Для эмпирического анализа используются результаты трех исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством авторов. Исследование 2011 года проведено среди населения РФ в возрасте

старше 18 лет в 13 субъектах РФ, в 67 населенных пунктах. Опрошено 1300 чел., выборка молодежи в возрасте 18–29 лет составила 301 чел. Исследование 2014 года проведено среди населения РФ в возрасте старше 15 лет в 13 субъектах РФ, в 65 населенных пунктах. Опрошено 1459 чел., выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 401 чел. Исследование 2017 года проведено в 7 субъектах РФ, в 28 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила 803 чел.

Опросы проводились Институтом общественного мнения «Квалитас» под руководством Н.А. Романович методом личного интервью по месту жительства респондентов.

1. Социокультурный подход к саморегуляции образа труда

В механизме социального регулирования выделяются две стороны, одна из которых связана с целенаправленной регулятивной деятельностью социальных институтов, а другая – с процессами индивидуальной и групповой саморегуляции. Под саморегуляцией понимается «деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые» [2, с. 141].

Понимаемая как воздействие индивидов и групп на себя и свою жизнедеятельность с целью реализации собственных социальных ожиданий, саморегуляция имеет непосредственное отношение к самостоятельному конструированию жизненных стратегий в ключевых сферах жизнедеятельности. В таком качестве саморегуляция является формой становления субъектности молодежи как способности «выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности» [3, с. 146].

В основе саморегуляции лежат конструируемые образы объектов реальности как совокупности смысловых *представлений* об их сущности, соотносимые с собственными ожиданиями от взаимодействия с этими объектами. «Представление, – пишет Б.Ф. Ломов, – это не тень ощущений и восприятий, не их ослабленный дубликат, а обобщенный образ предметов и явлений объективной действительности» [4, с. 167].

Сложившиеся представления о значимости, важности и доступности определяют характер отношения к объектам реальности. Осознание себя активным субъектом собственной жизнедеятельности сопровождается формированием соответствующего отношения к объектам реальности и тем сферам, в которых молодые люди конструируют свои жизненные траектории. Поэтому отношение становится аккумулятором *представлений о сущности* объектов реальности и *возможностях* реализации групповых и индивидуальных интересов в процессе становления своей субъектности. Отношение к труду проявляется в ожиданиях молодых людей от труда, а ожидания отражаются в характеристиках конструируемого ими образа труда, как бы наполняя их собственным смыслом.

С теоретических позиций феноменологии сущность смысла раскрывается через понятие «жизненный мир», по определению А. Шюца, мир человеческого опыта, в котором «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и в свою очередь подвергаются нашему воздействию» [5, с. 116]. Представляя собой индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность, личностный смысл, которым наделяются объекты реальности, отражает ее субъективные образы. В основе формирования образа лежит его *смысл* как представление о сущности, без которого, как отмечает С.С. Аверинцев, «образ рассыпается» [6, с. 387].

Оперируя понятием смыслового поля при изучении механизма смысловой регуляции деятельности, Л.С. Выготский подчеркивал важность осознания человеком актуальной ситуации своего поведения. При осмыслении ситуации в процессе деятельности смысловое поле и сами действия могут изменяться [7, 8]. По А.Н. Леонтьеву, «сознательный смысл», которым обладает человек, в свою очередь, опосредован феноменом общественного сознания и значениями как элементами этого сознания [9; 10]. Поэтому важной особенностью личностного смысла является производность его содержания от социальной позиции человека в системе общественных отношений. Существенную

роль в этом процессе играют место индивидов и групп в системе взаимодействий в конкретной сфере, связанные с ним возможности и ограничения, основания стратификации и степень неравенства, перспективы социальной мобильности и реализации ожиданий.

В молодежной среде разнообразие смыслов особенно заметно в силу глубокой социальной дифференциации, обусловленной экономическими условиями жизнедеятельности в регионах, различиями в структуре производства и рынка труда, драматичными разрывами в уровне его оплаты. Эти факторы неравенства дополняются мотивационными различиями, в которых далеко не последнюю роль играют социальные установки, ожидания, индивидуальные и групповые представления об уровне и качестве жизни, смысложизненные ценности, наконец. Кроме того, в процессе осмысления, помимо интеллектуальных процессов познания действительности и ее осмысления, присутствует и эмоциональный компонент, на основе которого возникает переживание. Все это воплощается в конструировании молодыми людьми образа реальности в целом, в т.ч. образа труда.

«Принципиальное значение понятия „смысл", – заключает И.И. Квасова, – в том, что оно выводит объяснение за пределы индивидуального сознания, в плоскость реальной жизнедеятельности субъекта» [11, с. 35]. Смысл труда определяет представление о труде в некоторой целостности, связывая его с более широким пластом реальности. Этим определяется особая роль смысла как коррелята понимания, в котором сходятся идеальное представление о труде и реальное его состояние. Понимание молодым человеком смысла (значения) труда не ограничивается отношением к конкретной работе. Оно связано со многими аспектами его жизнедеятельности – с образованием, социальным статусом, карьерой, отношениями в ближайшем окружении, образом жизни. Так в сознании складывается образ труда, в котором представления о его сущностных характеристиках результируются в обобщенной форме на основе значимого и устойчивого смысла (идеи).

Характер и содержание смыслов, придаваемых молодыми людьми конструируемому ими образу, отражают исторический опыт и знания, в основном теоретические, накопленные в культуре, а также обыденные знания и опыт, содержащиеся в повседневных взаимодействиях с близким окружением. Интерсубъективные взаимодействия становятся тем механизмом и одновременно социальным пространством, в котором циркулируют представления, формируются и передаются смыслы. Смысловые образцы и возникающие на их основе социальные взаимодействия выступают основанием формирования культурного пространства.

Если социальное пространство понимается как совокупность структурированных и упорядоченных социальных позиций, как сцена, на которой разворачивается взаимодействие социальных акторов, отличающихся различными статусами [12; 13, с. 329], то культурное пространство – совокупность идей, на основе которых формируются образы. Представление социального пространства как совокупности социальных смыслов позволяет выделить общие смысловые форматы социальной жизни, формы организации повседневного опыта – «фреймы» [14; 15]. Исходя из этого основными элементами культурного пространства являются образцы культуры, формирующиеся и сохраняющиеся в коллективном бессознательном в форме архетипов и ментальных черт национального характера, габитуальных установок и образующихся на их основе социальных практик. А также многообразные формы современной культуры, порождаемые глобальными межкультурными взаимодействиями. Они выступают основой различных типов культуры и в совокупности образуют социокультурную среду обитания молодежи. В этом смысле культурное пространство есть «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм и т.д.» [16, с. 39].

В культурном пространстве реализуется интеграционная функция культуры, направленная на объединение молодых людей, приверженных различным ее типам. Проявляясь в самоидентификации молодых людей с группой и со своим поколением, культурная интеграция способствует объективации смыслов, лежащих в основе саморегуляции жизнеде-

ятельности. Смыслы, разделяемые другими, приобретают в сознании молодого человека более обоснованную форму, придавая ему уверенность в правильности конструируемого образа реальности.

Типы культуры, образующие культурное пространство, выступают в качестве смысловых оснований в формировании соответствующих ожиданий молодых людей от труда. Отражаясь в характеристиках конструируемого образа труда, ожидания по существу являются неким ориентиром, с которым молодой человек сравнивает реальные возможности, реализуемые в труде. Реализованные ожидания проявляются в доверии труду как социальному институту, позитивно отражаясь и в мотивации труда, и в трудовой мобильности, и в удовлетворенности трудом. Сужение возможностей реализации ожиданий в сфере труда, формирование образа труда как тяжелого, незащищенного, отчужденного и бессмысленного снижает доверие и заинтересованное отношение к труду со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, отношение молодежи к труду является результатом индивидуальной и групповой конструкции и формируется на основе представлений о том, каким должен быть труд и каким он является, исходя из актуального знания и жизненного опыта. Поэтому саморегуляция проявляется в конструировании молодыми людьми образа труда, представляющего собой отражение в групповом и индивидуальном сознании его смысла, функций и собственных перспектив в связи с трудом.

2. Изменяющаяся реальность как условие конструирования образа труда

Формирование представлений о труде современной молодежи происходит в условиях изменяющейся социальной реальности. Многочисленные объекты социальной реальности – социальные группы, общности, организации, институты, а также объекты, образующие культурное пространство жизнедеятельности молодежи, пребывают в постоянном изменении. Внутри них непрерывно протекают какие-то процессы, что-то меняется под влиянием как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) факторов. Соответственно изменяется и конструируемая социальная реальность.

В понимании изменений социальной реальности в социологическом смысле акцент делается на понятии «социальное». Имеются в виду не любые изменения, происходящие в обществе, а социальные причины и последствия этих изменений, которые нашли отражение в обыденном сознании людей в процессе их социальных взаимодействий. То есть в основе изменений социальной реальности лежат социальные изменения, под которыми понимаются «различные перемены, происходящие в течение некоторого времени в социальных общностях, группах, институтах, организациях и обществах, в их взаимоотношениях друг с другом, а также с индивидами»[1]. Взаимодействуя друг с другом в изменяющихся структурах общества и получая новые знания об их реальном состоянии, молодые люди корректируют сложившиеся образы объектов социальной реальности, претерпевающих изменение, и свое отношение к ним (субъективную реальность).

Как было отмечено, изменение субъективной реальности подразумевает ее реинтерпретацию, наделение прошлого и настоящего другим смыслом. Появление новых смыслов приводит к изменению в структуре социальных ожиданий. Данный процесс П. Бергер и Т. Лукман называют ресоциализацией, в которой «прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности» [17, с. 263]. Через ресоциализацию феноменология объясняет трансформацию субъективной реальности и особенности ее объективации в переходных условиях. Предшествующие исследования достаточно убедительно показали, каким образом меняется социальная реальность. Во-первых, путем *изменения содержания смысловых значений в традиционно существующих формах*. Под традиционно существующими формами подразумеваются привычные понятия, которые используются в повседневной жизни, но смысл которых меняется под влиянием новых условий жизни и труда. Прежнее их понимание уступает новым смыслам, изменяющим, по существу, их содержание. Во-вторых, *посредством рационализации способов реализации ожиданий, возникающих в образе объекта реальности*.

[1] Социология. Основы общей теории: учеб. пос. / под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 317.

Вместо прежних способов реализации ожиданий появляются новые, более рациональные с точки зрения оптимизации результата (скорости и качества), одобряемые значительной частью молодых людей [18, с. 185-189].

Эти процессы связаны с более общими трендами, как источниками жизненного опыта и представлений как обобщенных образов.

Прежде всего, это ускорение социально-экономических изменений и сопутствующая им неопределенность. Она проявляется в деконструкции устойчивых образцов, размытости структур и паттернов поведения, отсутствии прямых детерминаций между действиями и ожидаемыми результатами, стирании грани между свойствами и состояниями структур – экономики, рынка труда, профессиональных групп – в силу возрастания доли случайного в их функционировании. Такие условия препятствуют формированию у молодого человека четкой картины реальности и осмысленному выбору трудовой стратегии.

Неопределенность имеет непосредственное отношение к состоянию механизмов социальной регуляции – ослаблению их институциональных оснований и расширению неинституциональных, сжиманию пространства целенаправленной регуляции и экспансии саморегуляции. Это означает повышение роли субъектности индивидов и групп, индивидуального выбора молодежи, регулятором которого выступают собственная смысловая структура, представления об удачной жизни, карьере, профессиональных достижениях, статусе и т.д. При этом необходимо учитывать, что формирование нескольких поколений молодежи протекает в условиях деструкции нормативности и неоднозначности представлений о труде и сценариях трудовой биографии. Возникающие новые представления и смыслы отличаются мягкостью, многозначностью, необязательностью. Труд далеко не для всех является центральным звеном жизнедеятельности, понимание его значимости различается в разных группах молодежи. Поэтому социальная саморегуляция связана с деконструкцией одних смысловых образцов трудовых отношений и формированием новых.

Изменение смысла труда и механизмов его регулирования стало предпосылкой новых форм организации взаимодействий в трудовой сфере между работником и работодателем, внутри трудовых коллективов и закономерно отразилось на положении молодежи и выборе форм трудовой жизни: от отчаянного стремления включиться, прежде всего, в построение карьеры, достижение высокого профессионального статуса до эскапизма и дауншифтинга [19, 20]. А поиск гибких способов саморегуляции трудовой жизни служит основой развития новых форм занятости, включая самозанятость, фриланс и т.д. [21, 22], что, с одной стороны, одновременно расширяет свободу конструирования трудовых стратегий и отражает процессы эмансипации как избавление от жестких институциональных ограничений, а с другой – значительно усиливает риски. Гибкость рынка труда и его структурных составляющих имеют оборотную сторону в виде неустойчивости занятости – прекаризации [23; 24; 25; 26; 27], не защищенной трудовыми договорами и обязательствами, порождающей новую неопределенность; ее преодоление – индивидуальный и групповой слалом и серфинг, эффективность которого в отсутствие надежных форм социальной защиты носит, скорее, случайный характер. Распространение этих практик в массовом масштабе отражает различные способы дискриминации молодежи, расширяет её социально уязвимые группы, приводит к их отчуждению и маргинализации. Отражение этих особенностей состояния трудовых отношений в сознании молодежи через ее актуальный опыт и знание расширяет смысловую картину реальности. Соотнесение ее с собственными социальными ожиданиями формирует неоднозначный образ труда и отношение к нему как объекту реальности.

Переосмысление и перетолковывание, придание иных смыслов трудовой деятельности отражает процесс изменения реальности. Вместе с тем изменение образов – развернутый во времени процесс интериоризации и конструирования новых смыслов, протекающий на фоне инерции и воспроизводства базовых, традиционных оснований культуры. Исторически сформированные и узнаваемые черты образа

труда прочитываются в представлениях молодежи, создавая феномен гибридизации как одного из наиболее характерных признаков современного российского общества.

Таким образом, изменение является имманентным свойством социальной реальности, а сама изменяющаяся реальность отражается в культурном пространстве молодежи в формировании современных образов и представлений, т.е. смыслов. В ситуации открытой реальности, связанной с отсутствием устойчивого социального регулирования и необходимостью ее индивидуального конструирования, решающую роль играют групповой опыт и модели поведения, апробированные практикой. Одновременно с этим сосуществуют и воспроизводятся традиционные смысловые образцы, отражающие инерцию исторически обусловленных культурных паттернов, занимающих свое собственное место в механизме саморегуляции. Такая реальность отмечена постоянным обновлением социокультурных образцов, плюрализмом норм и допустимостью любых ее конфигураций; «временным дисхронозом», а также сосуществованием разных «темпомиров», когда нормативные представления разных групп соотносятся с различными типами социального времени [28]. Через их противоречивое взаимодействие выстраиваются актуальные образы реальности.

3. Социкультурная саморегуляция образа труда: эмпирический анализ

Опираясь на результаты исследований, проанализируем, как молодежью осуществляется саморегуляция образа труда. Исторически сформировавшиеся представления о труде содержатся в пословицах и поговорках, в которых сохраняются архетипы труда в коллективном бессознательном. В вопросе «Какая из перечисленных пословиц больше соответствует Вашей жизненной позиции?» анализировались следующие пословицы, содержащие альтернативные представления об отношении к труду: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда» или «Работа дураков любит», а также «Труд человека кормит, а лень портит» или «Ешь – потей, работай – зябни». Ответы молодежи в разных возрастных группах представлены в *таблице 1.*

Выбор из предложенных альтернатив большинством респондентов пословиц, отражающих архетипы с позитивным смыслом труда, свидетельствует о соответствующей направленности конструируемого молодежью образа труда. Их доля возрастает с повышением возраста. Вместе с тем существует достаточно устойчивая часть молодежи, согласившаяся с пословицами, в которых отражаются архетипы негативного отношения к труду. Подобные архетипы труда исторически являлись следствием сословной природы отношения к нему. Физический труд воспринимался как недостойный для свободного человека, заниматься им считалось делом постыдным, что нашло отражение и в пословицах, и в художественной литературе. В современных условиях негативное отношение к труду наполняется новыми смыслами. Беспрецедентное расслоение по уровню жизни способствовало деструкции нормативности как таковой и однозначных представлений о трудовой биографии как единственной норме. Труд более не рассматривается как безусловная норма, а нетрудовая биография перестала быть однозначной девиацией. Поэтому отказ от труда становится одним из вариантов биографии в случае, если он не соответствует ожиданиям. Вновь получают распространение «аристократическая брезгливость» по отношению к труду, праздность творческого образа жизни, появление среди молодежи субкультуры исключительности –

Таблица 1. Архетипы труда в коллективном бессознательном молодежи

Возраст	Распределение ответов на поставленный вопрос, в % от числа ответивших			
	Без труда не вынешь и рыбку из пруда	Работа дураков любит	Труд человека кормит, а лень портит	Ешь – потей, работай – зябни
15–17 лет	77,8	22,2	87,3	12,7
18–24 года	83,7	16,3	87,4	12,6
25–29 лет	85,8	14,2	87,2	12,8
Средние значения	82,4	17,6	87,3	12,7
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г.				

молодых людей, демонстративно презирающих общественные нормы, в т.ч. и в отношении к труду.

Выбрав пословицы «Работа дураков любит» и «Ешь – потей, работай – зябни», почти каждый пятый молод ой человек (17,6%) признает труд недостойным для себя, а каждый десятый (12,7%) продемонстрировал пренебрежительное отношение к нему. Соответственно различные смыслы, исторически сформировавшиеся в архетипах труда, а также их современная модернизация отражаются в понимании молодыми людьми его сущности.

Понимание сущности труда раскрывается в ответах на вопрос «В чем для Вас смысл труда?». Варианты ответов отражают ценностное отношение к труду. Труд как терминальная ценность определялся набором смысловых значений: ощущение своей полезности, внутренняя потребность, творчество. А инструментальное отношение к труду – набором следующих смысловых значений: возможность заработать, вынужденная необходимость, общение. Проанализируем связь позитивно и негативно направленных архетипов (средние значения связи по каждой пословице) с ценностью труда (*табл. 2*).

Из анализа данных таблицы видно, во-первых, превышение более чем в два раза значения терминальной ценности труда в группах с позитивной направленностью архетипов (26%) по сравнению с группами с негативной направленностью (11,2%). Терминальная ценность присуща традиционному отношению к труду, в котором он рассматривается преимущественно как источник развития духовных и физических сил самого человека. А во-вторых, явно выражена тенденция инструментализации труда в современных условиях. В данной тенденции отражается влияние нарастающего динамизма, изменчивости, неопределенности современного общества. Меняется рынок труда, трансформируются профессии, пересматривается шкала престижа профессиональной деятельности. В этих условиях возрастает роль саморегуляции трудовых отношений, а инструментальное отношение к труду становится значимым элементом в ее механизме.

Поскольку ценностное отношение к труду имеет социокультурную природу, проанализируем связь типов базовой культуры, образующих культурное пространство молодежи [29; 30, с. 14-19], с ценностью труда (*табл. 3*). Типологизация культуры основана на теории социальной и культурной динамики П.А. Сорокина [31].

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о более тесной связи всех анализируемых типов культуры с инструментальным отношением молодежи к труду (среднее значение = 60,1%), чем с терминальным (39,9%).

Таблица 2. Связь архетипов с ценностью труда

Архетипы	Связь с ценностью труда, в % от числа ответивших	
	Терминальная ценность труда	Инструментальная ценность труда
Позитивная направленность	26,0	74,0
Негативная направленность	11,2	88,8
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г.		

Таблица 3. Связь типов базовой культуры с ценностью труда

Типы базовой культуры	Связь с ценностью труда, в %	
	с терминальной	с инструментальной
Духовная культура	47,4	52,6
Инновационная культура	39,5	60,5
Культура физического развития	44,4	55.6
Гедонистическая культура	38,2	61,8
Адаптационная культура	31,2	68,8
Культура моральной аномии	38,4	61,6
Средние значения	39,9	60,1
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.		

В наибольшей степени инструментальная ценность труда связана с адаптационной культурой (необходимость экономить во всем, приспособиться к изменяющимся условиям) – 68,8%, а терминальная ценность – с духовной культурой (47,4%). То есть при конструировании образа труда смысловое содержание его характеристик (терминальное или инструментальное) обусловливается принадлежностью молодых людей к определенному типу культуры.

Исторический опыт и знания, накопленные в разных типах культуры, закрепляясь в характеристиках конструируемого ими образа труда, служат смысловым основанием соответствующих ожиданий от реального труда. По степени значимости ожидания распределились следующим образом: адаптироваться к изменяющимся условиям; удовлетворить свои духовные потребности; обеспечить спокойную безбедную жизнь себе и своей семье; служить нормативным основанием (меритократическим критерием) социального продвижения; реализовать собственный инновационный потенциал; удовлетворить потребность в преобразовании себя, в физическом развитии. Посредством ожиданий осуществляется связь конструируемого образа труда с процессом жизнедеятельности в целом.

Рассмотрим, в какой степени формирование образа труда молодежи связано со смыслом ее жизнедеятельности. Для этого проанализируем связь смысложизненных ценностей с ценностным отношением молодежи к труду (*табл. 4*).

Данные таблицы свидетельствуют о преимущественной связи большинства смысложизненных ценностей с инструментальными ценностями в образе труда молодежи. Причем наиболее значимые связи прослеживаются со следующими смыслами жизни: с политической борьбой (за власть) – 71,9%; со спокойной безбедной жизнью – 66,4%; с продолжением себя в будущих поколениях – 61,3%. И в меньшей степени – с любовью – 54,9% и с проявлением своей индивидуальности (с самореализацией) – 53%. Лишь стремление к истине и борьба за справедливость, как смысложизненные ценности, больше связаны с терминальными ценностями в образе труда. То есть инструментальное отношение к труду, как к возможности заработать, как к вынужденной необходимости или как к общению, отражает соответствующее понимание молодыми людьми смысла жизни. Следовательно, в изменяющейся реальности актуализируются более рациональные представления молодежи о смысле жизни, что проявляется и в инструментализации ценностей в образе труда, и в направленности ее жизнедеятельности.

Для подтверждения данного вывода проанализируем, как связаны ценности труда с выбором молодежью жизненных стратегий и моделей поведения (*табл. 5*).

Таблица 4. Связь смысложизненных ценностей с ценностью труда

Смыслы жизни	Связь с ценностью труда, в %	
	с терминальной	с инструментальной
Стремление к истине	54,1	45,9
Любовь	45,1	54,9
Борьба за справедливость	50,9	49,1
Спокойная безбедная жизнь	33,6	66,4
Политическая борьба (за власть)	28,1	71,9
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	47,0	53,0
Продолжение себя в будущих поколениях	38,7	61,3
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.		

Таблица 5. Связь ценностей труда с жизненными стратегиями и моделями поведения молодежи

Ценности труда	Связь с жизненными стратегиями (К)*	Связь с моделями поведения (К)
Терминальная	4,73	4,89
Инструментальная	5,39	5,08
* К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале оценок. Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.		

Предпочтения молодежи при выборе жизненных стратегий оценивались по семибалльной шкале между следующими альтернативами: изменение, принимаемое за единицу, и постоянство, принимаемое за 7 баллов. В выборе моделей поведения за единицу принималось предпочтение экстрима и риска, а за 7 баллов – уверенности и предсказуемости.

Из данных таблицы следует, что сторонники и терминальной, и инструментальной ценности труда отдают предпочтение постоянству в выборе жизненной стратегии, а также уверенности и предсказуемости в выборе модели поведения. Причем среди сторонников инструментальной ценности труда оценки значительно выше (К=5,39 и 5,08), чем среди сторонников терминальной ценности (К=4,73 и 4,89). Поэтому в более значимом стремлении сторонников инструментальной ценности труда к постоянству и к предсказуемости, в выборе жизненной стратегии и модели поведения содержится подтверждение вывода о рационализации в молодежной среде и отношения к труду, и жизнедеятельности в целом.

Рассмотрим, как ожидания, содержащиеся в конструируемом образе труда, проявляются в отношении молодежи к собственному труду. Ответы на вопрос о том, что ожидают работающие молодые люди от труда, распределились следующим образом: достойного заработка – 77,5%, интересной творческой работы – 37,9%, профессиональной самореализации – 37,3%, ощущения собственной полезности – 24,9%, обеспечения элементарных средств для существования – 15,5%, самоутверждения в коллективе – 18,4%, возможности для предпринимательской деятельности – 10,1%[2]. Как видно, ожидания конкретизировались по сравнению с социокультурными смыслами в конструируемом образе труда, приобретя форму требований к конкретному труду.

Проанализируем, насколько связаны ожидания от труда (требования, предъявляемые к труду) с отношением к нему (*табл. 6*).

Анализ данных, представленных в таблице, свидетельствует о наличии устойчивой связи между ожиданиями молодежи от труда и ее отношением к труду. Отношение к труду оценивалось на основе ответов на вопрос «В какой мере перечисленные качества присущи в трудовых отношениях представителям Вашего поколения?». Перечисленные качества интерпретировались как этические нормы отношения к труду. В таблице приводятся значения ответов «присущи в полной мере».

В наибольшей степени практически все анализируемые ожидания связаны с ответственным отношением к труду (от 41,3 до 50%), которое большинство ответивших, с одной стороны, признает в качестве максимально достигнутого уровня их реализации, а с другой – как приоритетное условие реализации ожи-

Таблица 6. Связь ожиданий от труда (требований, предъявляемых к труду) с этическими нормами отношения к труду

Ожидания (требования, предъявляемые к труду)	Этические нормы отношения к труду, присущие молодежи в полной мере, в %						
	Трудолюбие	Взаимопомощь	Ответственность	Бережливость	Принцип каждый за себя	Чувство свободы	Самоотдача в труде
Самореализация	9,8	38,0	41,3	27,3	36,4	29,8	37,9
Интересная работа	37,1	37,9	48,4	32,3	39,5	43,5	35,5
Возможность для предпринимательства	34,4	34,4	50,0	37,5	56,2	40,6	34,4
Самоутверждение в коллективе	32,8	41,0	45,9	29,5	39,3	37,7	37,7
Достойный заработок	38.4	33,6	44,4	28.4	38,0	35,6	34,0
Ощущение собственной полезности	45,0	40,0	45,0	28,8	31,2	33,8	40,0
Обеспечение элементарных средств для существования	42,0	44,0	46,0	34,0	34,0	30,0	38,0
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2014 г.							

[2] В сумме больше 100%, т.к. допускалось не более трех вариантов ответов.

даний. Данный вывод подтверждается высоким уровнем связей следующих ожиданий от труда: профессиональной самореализации с взаимопомощью (38%) и с самоотдачей в труде (37,9%); интересной, творческой работы с чувством свободы и независимости ни от кого (43,5%); возможности для предпринимательства с принципом «каждый за себя» (56,2%); самоутверждения в коллективе с взаимопомощью (41%); достойного заработка с трудолюбием (38,4%) и с принципом «каждый за себя» (38%); ощущения собственной полезности с трудолюбием (45%); обеспечения элементарных средств для существования с взаимопомощью (44%).

Таким образом, отношение молодежи к труду зависит от степени реализации ожиданий, в которых отражаются смыслы, содержащиеся в характеристиках конструируемого молодыми людьми образа труда. Результаты исследования показывают, что эти ожидания полностью реализовались лишь в 13,8% случаев, скорее реализовались в 46,3%, скорее не реализовались в 25,4%, не реализовались в 7,6% случаев, затруднились с ответом 6,9% респондентов. Следовательно, каждый третий (32,9%), чьи ожидания в разной степени не реализовались, склонен не доверять труду.

Рассмотрим, как возникает недоверие труду и какую роль оно играет в анализируемом процессе. В образной форме отражения объекта реальности содержится не только рациональное понимание его природы, но и эмоциональное отношение к нему. В конструировании образа труда содержательные аспекты эмоциональности отражают отношение к его характеристикам, имеющим особое значение для молодого человека. Связывая с ними свои ожидания от труда, он эмоционально переживает возможность или невозможность их реализации. Насколько нереализованные ожидания от труда влияют на социальное самочувствие молодых людей, можно судить по степени их связи с ответами на вопрос «В какой степени отражают Ваше состояние за прошедший год нижеперечисленные чувства?». Было получено следующее распределение связей: с надеждой на улучшение (66,2%), с уверенностью и безопасностью (38,3%), с тревогой (30,9%), с возмущением (30,8%), с растерянностью (20,6%), со страхом и отчаянием (17,7%), с безразличием (16,3%)[3]. Хотя большинство молодежи в ситуации нереализованных ожиданий от труда сохраняет надежду и уверенность, значительная ее доля испытывает чувства тревоги, возмущения, растерянности, страха или безразличия. То есть возникающее недоверие труду сопровождается существенными изменениями социального самочувствия молодежи, которые в свою очередь отражаются на ее отношении к труду как к терминальной или инструментальной ценности.

Проанализируем, как изменяется характер связи базовой культуры с ценностью труда в зависимости от состояний – уверенности и безопасности, с одной стороны, страха и отчаяния – с другой (*табл. 7*).

Таблица 7. Связь типов базовой культуры с ценностью труда в зависимости от морально-психологического состояния молодежи

Типы базовой культуры	Ценность труда, в зависимости от состояния:			
	уверенности и безопасности, в %		страха и отчаяния, в %	
	Терминальная	Инструментальная	Терминальная	Инструментальная
Духовная культура	42,3	57,7	52,4	47,6
Инновационная культура	43,8	56,2	56,0	44,0
Культура физического развития	45,6	54,4	54,2	45,8
Гедонистическая культура	44,4	55,6	51,0	49,0
Адаптационная культура	39,8	60,2	57,1	42,9
Культура моральной аномии	41,4	58,6	55,0	45,0
Средние значения	42,8	57,2	54,3	45,7
Источник: составлено по результатам исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г.				

[3] В сумме больше 100%, т.к. ответы оценивались по каждому анализируемому чувству.

Из анализа данных таблицы становятся очевидными следующие тенденции. Во-первых, представленные средние значения терминальных и инструментальных ценностей труда, отражающих связи различных типов культуры с отношением молодежи к конкретному труду, заметно изменяются по сравнению со средними значениями связей, отражающих конструируемый образ труда (см. табл. 3). Особенно заметны изменения значений связи типов культуры с ценностью труда в зависимости от состояния страха и отчаяния. По сравнению с образом труда средние значения связи с терминальными ценностями возросли с 39,9 до 54,3%, а с инструментальными ценностями снизились с 60,1 до 45,7%. Исходя из социокультурного подхода, отношение к конкретному труду, т.е. тому трудовому опыту, который имеет молодой человек, оценивается на основе более общих представлений о сущности труда как явления (обобщенного образа). Соответствие ожидаемых характеристик труда и реальных служит смысловым основанием для позитивного отношения к труду, фактически доверия к труду как основанию жизнедеятельности. И, наоборот, несоответствие ожиданий реальному состоянию труда становится основанием для негативного его образа и недоверия.

Во-вторых, все анализируемые типы базовой культуры в зависимости от морально-психологического состояния респондентов изменяют направленность своего влияния на ценность труда. Причем в связи с состоянием уверенности и безопасности респондентов возрастают значения инструментальной ценности труда (среднее значение = 57,2%) по сравнению с терминальной ценностью труда (42,8%). А в зависимости от состояния страха и отчаяния респондентов, наоборот, значения терминальной ценности труда выше, чем инструментальной (среднее значение = 54,3% против 45,7%). То есть в состоянии уверенности и безопасности активизируется современное рациональное отношение к труду, а в состоянии страха и отчаяния – традиционное самоценное отношение.

Значимую роль в этой зависимости играет доверие или недоверие труду, о чем можно судить по характеру связи анализируемых морально-психологических состояний молодежи с реализацией ожиданий от труда. Среди молодежи, оценившей свое состояние как «уверенность и безопасность», в разной степени не реализовались ожидания от труда в 23,3% случаев, а в противоположной группе – среди оценивших свое состояние как «страх и отчаяние» – нереализованными оказались 43,5% ожиданий, поэтому уровень недоверия труду значительно выше.

Отсюда следует, что связь культуры с ценностями труда молодых людей опосредуется морально-психологическим состоянием, которое выполняет значимую регуляционную функцию. С одной стороны, оно как бы компенсирует недостаток активности молодежи в относительно благополучном состоянии – уверенности и безопасности, влияя на повышение значимости инструментальных ценностей. А с другой – восполняет утрату определенности в кризисном состоянии – страха и отчаяния – повышением значимости терминальных ценностей.

В механизме саморегуляции этот процесс выглядит следующим образом. Анализируемые типы базовой культуры воспроизводят в различных сферах жизнедеятельности молодежи, в т.ч. и в труде, как традиционные терминальные ценности, так и современные инструментальные. Это находит отражение в конструируемом образе труда. В стабильных условиях, способствующих самоощущению уверенности и безопасности в молодежной среде, значение терминальных ценностей, направленных на сохранение устойчивости во взаимодействиях молодых людей, ослабевает. Их влияние вытесняется более рациональными современными инструментальными ценностями.

Противоположные процессы происходят в условиях неопределенности и риска в молодежной среде, сопровождающихся состоянием тревоги, возмущения, страха и отчаяния. Возможность преодоления этих состояний молодые люди видят в возвращении к традиции, актуализируя влияние терминальных ценностей. Актуализация терминальных или инструментальных ценностей в различных типах базовой культуры осуществляется посредством рефлексии доминирующих морально-психологических состояний в культурном пространстве различных групп молодежи.

Проследим, как изменялось соотношение терминальных и инструментальных ценностей в образе труда молодежи за последние годы (*табл. 8*).

Таблица 8. Изменение соотношения терминальных и инструментальных ценностей труда, 2011–2017 гг.

Год	Ценности труда, в %	
	Терминальная	Инструментальная
2011	23,8	76,2
2014	31,1	68,9
2017	39,7	60,3
Источник: составлено по результатам трех исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011, 2014 и 2017 гг.		

В тенденции роста терминальной ценности труда отражается изменение морально-психологического состояния молодежи в связи со снижающимся в этот период уровнем жизни в стране. Причиной явилась неэффективная экономическая политика в условиях кризиса и санкций, одним из последствий которых стала низкая эффективность труда. На фоне общего снижения заработной платы дефицитными становятся наиболее оплачиваемые сферы трудовой деятельности. В этих условиях молодые люди начинают дорожить любым трудом, обеспечивающим элементарные средства для существования. Возрастает самоценное, терминальное отношение к труду.

Заключение

Таким образом, в формирующемся отношении к труду, представленном через его образ в сознании молодежи, заложены внутренние противоречия. Образ труда в сознании молодежи одновременно сочетает и позитивные, и негативные черты. Они связаны с историческими особенностями социальных отношений в сфере труда, трудовых практик, большинство из которых не преодолены. В современных условиях они приобретают новое звучание не только под влиянием изменившихся ожиданий молодежи, но и с учетом изменения конкретных жизненных ситуаций.

В саморегуляции трудовых отношений инструментальное отношение к труду становится отражением состояния неопределенности. Рационализация труда, выраженная в его инструментальном значении как средства заработка, является доминирующей чертой образа труда молодежи. Между тем она стала одной из базовых черт образа труда в родительском поколении. Являясь доминантой ожиданий в сфере труда, этот аспект образа труда, тем не менее, не получает реализации в трудовых практиках не только молодого поколения, но и более старших возрастных групп, что выступает значимым фактором девальвации труда как такового.

Несмотря на доминанту материальных аспектов в сознании молодежи, значимую роль в образе труда играют и другие стороны, связанные с самореализацией. Однако воплотить их в трудовой практике удается в полной мере лишь каждому восьмому. В сознании современной молодежи формируется стереотип труда как неинтересного, бесперспективного, часто тяжелого и бессмысленного, что разрушительно сказывается и на этических ориентациях, и на морально-психологическом состоянии молодежи.

Саморегуляция образа труда приобретает гибкие формы. Значимую роль в их выборе играет морально-психологическое состояние молодых людей, проявляющееся в доверии или недоверии к труду. Целенаправленное регулирование данного процесса зависит и от форм собственности, и от вида производства, и от характера труда, и от условий в различных сферах трудовой деятельности. При этом эффективность регулирования повышается путем стимулирования адаптационной культуры как основания инструментального отношения молодежи к труду и духовной культуры как базы формирования его терминальной ценности, а также источника уверенности, безопасности и доверия молодых людей.

Литература

1. Юнг К.Г. Психология бессознательного // Собрание сочинений. М.: Канон+, Реабилитация, 2013. 320 с.

2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
3. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.
4. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Российская академия наук. Ин-т психологии. М.: Наука, 1999. 349 с.
5. Schütz A. Some structures of the life-world. In: *Collected Papers III*. Den Haag: Nijhoff, 1975. Pp. 116–132.
6. Аверинцев С.С. Собр. соч.: в 4-х томах. Т. 4. Киев, 2005. 448 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1982. 368 с.
8. Кособукова О.В. Развитие представлений о смысле и личностном смысле в отечественной психологии // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-smysle-i-lichnostnom-smysle-v-otechestvennoy-psihologii (дата обращения: 18.11.2019).
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
11. Квасова И.И. Методология социального познания. М., 2008. 101 с.
12. Филиппов А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. С. 113–151.
13. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия, 2008. № 5. С. 329–335.
14. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 39.
15. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
18. Чупров В.И, Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма-Инфра, 2014. 352 с.
19. Овечкина Я.В. Особенности организации трудовой деятельности современных дауншифтеров // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-trudovoy-deyatelnosti-sovremennyh-daunshifterov (дата обращения: 23.11.2019).
20. Одегов Ю.Г., Бабынина Л.С. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг. 2018. № 4 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neustoychivaya-zanyatost-kak-vozmozhnyy-faktor-ispolzovaniya-trudovogo-potentsiala-molodezhi-rossii (дата обращения: 23.11.2019).
21. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Самостоятельная занятость на рынке удалённой работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг. 2016. № 6 (136). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatelnaya-zanyatost-na-rynke-udalyonnoy-raboty-rasprostranenie-innovatsionnoy-trudovoy-praktiki (дата обращения: 23.11.2019).
22. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-traektorii-samozanyatyh-professionalov-frilanserov (дата обращения: 23.11.2019).
23. Голенкова З. Т., Голиусова Ю.В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 3. С. 57–69.
24. Разумова Т.О. Молодежь на рынке труда РФ: преимущества и риски в условиях прекаризации // Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / гл. ред. В.Н. Бобков. М.: Магистр-Пресс, 2015. С. 314–320.
25. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.

26. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, Н.В. Локтюхина, М. Риччери // Экономика региона. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-veroyatnost-i-stepen-neustoychivosti-zanyatosti-s-uchetom-osobennostey-rossiyskogo-rynka-truda (дата обращения: 27.11.2019).
27. Тихонова Н.Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 167–173.
28. Кравченко С.А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-dinamika-paradoksalnye-razryvy-i-sintezy-sotsiuma (дата обращения: 23.11.2019).
29. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. М.: Экон-информ, 2019. 325 с.
30. Чупров В.И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 14–19.
31. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, руководитель, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5; e-mail: uzubok@mail.ru)

Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, главный научный сотрудник, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Self-Regulation of the Image of Labor in Young People's Cultural Space

Abstract. The idea of the essence of labor is largely socio-cultural, i.e. it is conditioned by a connection with a certain type of culture. Therefore, this article looks into the socio-cultural approach to self-regulation of the image of labor. Self-regulation of the image of labor is investigated in connection with the cultural space of young people. With the help of theoretical positions of phenomenological sociology we substantiate the concept of socio-cultural foundation used by young people to create an image of labor; we describe the process of formation of cultural space, consider a role of different types of culture in the process of formation of the meanings that form the image and act as semantic basis of what young people expect from labor. This approach contributes to a more adequate understanding of how young people form their attitude toward labor and of the contradictions arising in this sphere of life. The way in which young people understand the meaning of labor forms a basis on which the image of labor is created. We substantiate the most significant features of the conditions for the formation of meanings, reflecting the following changes in social reality in modern society – social uncertainty, destruction of normativity, and semantic hybridization. The construction of young people's new ideas about labor takes place through the contradictory interaction between traditional and modern semantic patterns. We use data of sociological studies to analyze the connection between various characteristics of the image of labor and types of culture; we also analyze the influence of terminal and instrumental values in the constructed image of labor on young people's attitude toward actual labor. The mechanism of self-regulation of the attitude toward labor is revealed as a process of realization of expectations, in trust or distrust toward labor. The role of moral and psychological state of young people in this process is shown. The analysis allows us to understand more deeply the features of self-regulation of the image of labor and its role in the formation of young people's attitude toward labor. We

make conclusions about the changes in the image of labor in the direction of more flexible forms that often depend on the moral and psychological state of young people, which is manifested in their attitude toward labor. We show a connection between self-regulation models based on terminal and instrumental values of labor and "adaptive" and "spiritual" types of culture.

Key words: young people, labor, image of labor, self-regulation, cultural space, socio-cultural mechanism of self-regulation, meanings, terminal and instrumental values of labor, trust and distrust, expectations.

Information about the Authors

Yuliya A. Zubok – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Center for Youth Sociology, RAS Institute of Socio-Political Research (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: uzubok@mail.ru)

Vladimir I. Chuprov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Honored Scientist, Chief Researcher, Center for Youth Sociology, RAS Institute of Socio-Political Research (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: chuprov443@yandex.ru)

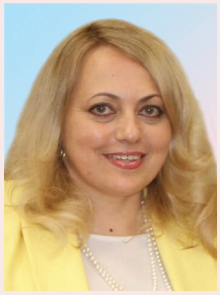
Статья поступила 25.11.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.15
УДК 37.01, ББК 74.0
© Мельничук М.В., Грузина Ю.М., Фирсова И.А.

Формирование научно-образовательных ценностей в системе мотивации молодежи*

Марина Владимировна
МЕЛЬНИЧУК
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., 4/204
E-mail: Mvmelnichuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7720-7443; ResearcherID: X-7332-2019

Юлия Михайловна
ГРУЗИНА
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр., 49/409
E-mail: YMGruzina@fa.ru
ORCID: 0000-0002-6656-1156; ResearcherID: F-4662-2019

Ирина Анатольевна
ФИРСОВА
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125993, Ленинградский пр., 55/342е
E-mail: Firsova-moscow@fa.ru
ORCID: 0000-0002-5681-0673

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Для цитирования: Мельничук М.В., Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Формирование научно-образовательных ценностей в системе мотивации молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 260–275. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.15

For citation: Melnichuk M.V., Gruzina Yu.M., Firsova I.A. Formation of scientific and educational values in the system of youth motivation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 260–275. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.15

Аннотация. Система ценностей является «фундаментом» отношения к миру. В современном информационном обществе мотивационно-целевой компонент работы с молодым поколением должен привести к формированию «интегративного профиля» индивида с характерным обладанием высоким уровнем профессиональных компетенций, которые востребованы в научно-исследовательской и образовательной сферах, а также в проектной деятельности. Мотивация во многом определяется не только внутренними характеристиками личности, но и способами деятельности, которая в процессе осуществления должна выступать как деятельность адресная, направленно ориентированная, прогнозируемая, аналитическая, с мониторингом, оценкой эффективности и корректировкой ее выполнения, т.е. она должна выступать как деятельность сознательная. Авторы ставили своей целью выявление новых механизмов государственного стимулирования актуальных и приоритетных направлений молодежной политики в сфере вузовской науки и определение возможных маршрутов развития ценностей. Авторы придерживались основной идеи о необходимости учета ценностных ориентаций при разработке государственной молодежной политики. В качестве основных методов проведения работ использовались кабинетное исследование и социологическое исследование. Кабинетное исследование проводилось путем анализа основных направлений государственной научно-технической политики, нормативно-правовых актов Российской Федерации, государственных программ и проектов, публикаций международных организаций. В ходе проведения исследования собирались данные о существующих формах и мерах стимулирования и поддержки студенческой молодежи. В качестве апробации теоретических подходов к мотивации и выявлению основных факторов участия молодежи в научно-исследовательской деятельности было проведено социологическое исследование среди студентов вузов.

Ключевые слова: система ценностей, мотивация молодежи, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, научная деятельность, механизмы стимулирования.

Введение

Ценности, формируемые обществом, представляют собой социально обусловленное избирательное отношение индивида к совокупности материальных и духовных общественных благ. Ценности – это идеи, цели, формируемые индивидом и обществом.

Мотивационные ценности несут в себе социальное значение и являются объектом деятельности. Рассматривая функции ценности, можно отметить их разнообразие: ориентир жизни индивида, механизм социального контроля. Рассматривая характеристику мотивационных ценностей индивида, можно выделить следующие характеристики: цели, которых желательно достичь; следы специфических ситуаций; эволюцию поведения индивида. Такие характерные черты ценностей отражают, во-первых, их когнитивные элементы («знания», «представления»), а во-вторых, деятельностные основы их воздействия на сам процесс познавательного развития. Система ценностей у различных поколений может отличаться, особенно если происходит изменение социально-экономических или общественно-политических условий [1, 2, 3].

Молодежь XXI века – это поколение, которое кардинально отличается от прежде существовавших в истории поколений; оно имеет доступ ко всем формам информации и высокую технологическую эрудицию. Представители этого поколения легко осваивают технологические новшества и без проблем трансформируются в соответствии с требованиями времени, они активно и успешно работают в различных сферах, проявляя инициативность, креативность и лидерские качества. Способность меняться в соответствии с императивами нового времени позволяет миллениалам существенно поднять свой мотивационный статус и успешно двигаться по пути новых достижений. Нынешнее поколение представляет собой важнейший сегмент общества, призванный обеспечить его прогресс и развитие. Мотивация молодых людей, включающая такие компоненты, как устремления, ценности, интересы и активные действия, должна проявляться в постепенном непрерывном движении в направлении максимальной реализации потенциала [4].

Миллениалы, или поколение Y, – возрастная группа, условно определяемая как рожденная между 1980 и 2000 годами, выросла во время технологических и экономических потрясений. Они станут первым поколением, которое будет в худшем положении, чем их родители, однако по-прежнему ожидается, что они возьмут на себя ответственность за проблемы планеты, включая старение населения, глобальный долг и изменение климата. Но картина все же не столь мрачная: молодые люди унаследуют мир более совершенный во многих отношениях: в нем будет меньше нищеты, здравоохранение и образование станут более доступными, появятся огромные технологические возможности [5].

Миллениалы и наступающие им на пятки хоумлендеры – это первые поколения цифровых «аборигенов»: многие не помнят жизни без Интернета. От предыдущих поколений их отличает виртуозное владение технологиями, которые привели нас к четвертой промышленной революции [6]. Технологии не только сформировали образ жизни и режим работы миллениалов, они создали совершенно новый набор убеждений, фобий и стремлений. Ценности молодых людей, в свою очередь, влияют на их подход к глобальным вызовам и возможностям. Поколения Y и Z действительно хотят сделать мир лучше – 84% считают это своим долгом, согласно отчету Deloitte, но они делают это не так, как старшие поколения: для этой цели они используют три способа [7]:

– они работают в рамках существующих систем; по данным исследования Deloitte, более 90% считают, что бизнес – это способ решения таких проблем, как безработица, и три четверти считают, что проблемы общества должны решать правительства;

– в их распоряжении есть эффективные инструменты воздействия; в мире цифровой связи платформы социальных сетей позволяют молодым людям продвигать дела и находить решение проблем, напрямую привлекая к ответственности учреждения;

– заниматься благотворительностью – часть их образа жизни; к тому же они рационально относятся к карьере, которую выбирают, внимательно относятся к продуктам, которые они покупают, и стремятся интересно и с пользой проводить свое свободное время.

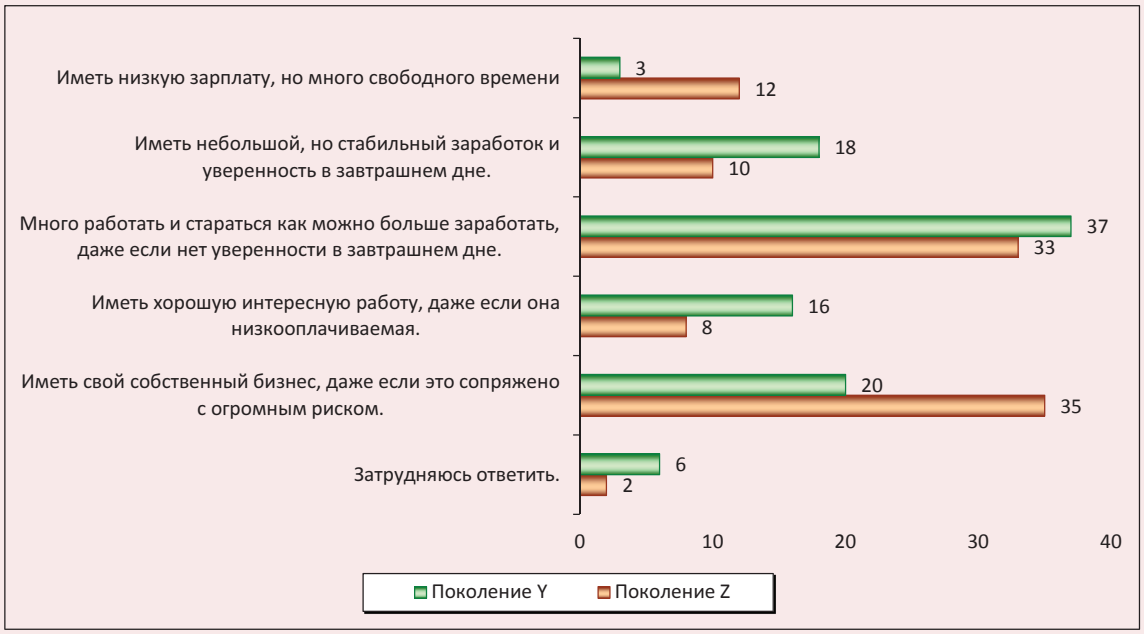
Тем не менее предпочтения поколений Y и Z отличаются. Интересно сравнить результаты социологического опроса, проведенного в 2009 г. в России Швейцарской академией развития [5a – Youth in Russia] среди представителей поколения Y, и результатами социологического опроса, который проведен авторами среди первокурсников 2018 года поступления, в котором приняли участие 513 студентов из четырех вузов Москвы: РАНХиГС, ГУУ, МГИМО и Финуниверситета (*рис. 1*).

Но хоумлендеры пока только готовятся занять рабочие места, а миллениалы уже сегодня составляют 25% рабочей силы в США и более половины населения в Индии, а к 2020 году они составят 50% мировой рабочей силы. Миллениалы отличаются от других поколений тем, как они ведут себя на рабочем месте: они – первое поколение, которое лучше понимает Интернет как инструмент бизнеса, чем их менеджеры. Но дело не только в том, как они используют технологии. Сегодняшние молодые люди хотят видеть другой стиль управления и другую корпоративную культуру: они ожидают быстрого прогресса, хотят, чтобы их карьера была разнообразной и интересной, и считают, что обратная связь должна быть постоянной. Представители современной молодежи также хотят чувствовать, что их работа имеет ценность и что их усилия получают признание; они также ценят это в работодателе и потребителе. Если они чувствуют, что их ожидания не оправдываются, они быстро уходят на другую работу.

Главные ценности поколения миллениалов и хоумлендеров [9, 10] можно объединить в следующие категории:

- академический успех: поступление в вуз, успешное завершение образования, получение диплома, карьерный рост;
- наличие лидерских качеств: ответственность, потенциальные возможности, способность к самодостаточному развитию;
- поведение в социуме: умение работать в команде, корректность, здоровый образ жизни, уважительное отношение;
- высокие жизненные стандарты: разнообразные интересы, чувство справедливости, целостность.

Рис. 1. Ключевые факторы, определяющие для молодежи выбор места работы (данные приведены в %)

Источник: составлено авторами на основании социологического опроса и [8, p. 22].

Основная гипотеза: личные ценности являются базисом, определяющим цели обучения молодых людей, а также одним из факторов формирования научно-инновационной среды в вузе. Ценности проявляются в сознании личности студента в виде персонализированных и общих мировоззренческих ориентиров, определяя стратегически важные жизненные цели. Существует тесная взаимосвязь ценностных ориентаций и вида мотивации. Мотивационное развитие и обучение как феномен развития научно-образовательных ценностей активизируется под воздействием внешних и внутренних стимулов, при этом соотношение внутренней и внешней мотивации может варьироваться.

Теоретические подходы и анализ литературы

Внутренние мотивационные факторы, определяющие процесс развития и обучения большинства студентов, обусловливают их участие (желание участвовать), любопытство (желание узнать больше в интересуемой области), ответ на вызовы (оценка сложности проблемы) и социальное взаимодействие (создание социальных связей). Внешняя мотивация нацеливает на стремление соответствовать установленным требованиям или ожиданиям; получить признание (быть публично признанным); участвовать на конкурентной основе. Внешняя мотивация генерирует потребность защитить себя от излишней работы. Студенты с внешней мотивацией полагаются исключительно на вознаграждение и/или на достижение желаемых результатов, например определенного количества баллов за тест или получение желательного среднего балла [11]. Студенты с внешней мотивацией подвергаются большему риску снизить свою академическую успеваемость, чем студенты с внутренней мотивацией [12].

Обучение и развитие, основанное на внутренней мотивации, то есть на личном интересе и любопытстве, является более успешным и продуктивным. Развитие когнитивных способностей человека, активируемое неожиданными, незнакомыми, вызывающими интерес стимулами, сосредоточено на изучении мира и явлений, а не на получении признания, оценки или под воздействием внешнего стимулирования, направленного на получение желаемого поведенческого отклика. Внутренняя мотивация активирует когнитивные способности человека и, таким образом, важна для личностного развития. В частности, желание и готовность

справляться с проблемными ситуациями, быть компетентным и эффективным внутри своего социума обеспечивают непрерывность когнитивного процесса и определяют степень позитивных поведенческих изменений. Внутренние мотивационные факторы в значительной степени способствуют расширению компетенций в конкретной области деятельности или дисциплине. Концепция внутренней мотивации включает собственный интерес к предмету, внутреннее вознаграждение, когнитивное и эмоциональное удовлетворение. Внутренняя мотивация стимулирует участие в сознательно выбранной исследовательской и социальной деятельности с целью эмоционального и интеллектуального удовлетворения. По сути, внутренне мотивируемый студент может намеренно выбирать и изучать сложные вопросы, расширяя свои знания и опыт без внешнего обучения [13].

Следует отметить, что влияние внешних вознаграждений на внутреннюю мотивацию продолжает оставаться предметом дискуссий. Внешние вознаграждения могут быть важным инструментом мотивации академического поведения, но некоторые утверждают, что такие вознаграждения губительно влияют на внутреннюю мотивацию, которая нацеливает студента на настойчивость в достижении результатов [14].

Необходимо подчеркнуть, что академическое образование направлено на обучение студентов навыкам проведения научного исследования и чаще всего реализуется в формате групповой или коллективной работы, который подразумевает определенные обязательства индивидуума перед коллективом.

Однако, несмотря на то что формы групповой и коллективной работы занимают значительную временную долю обучения, по мнению некоторых авторов, на передний план в системе ценностей современного человека выходят принципы индивидуализма, которые не ориентированы на поддержание ранее существовавших в обществе императивных обязательств выполнения долга. Как следствие, идеи коллективизма теряют свою эффективность при формировании мотивации молодежи. «Логика индивидуализма, индивидуалистического, прагматического духа ведет к отречению от принципа автономии в пользу принципа независимости» [15]. Действительно, нынешнее общество предоставляет большие возможности для развития индивидуальности человека, однако это оборачивается также и тем, что «индивидуализированный» современный человек перестает идентифицировать себя с коллективными формами идентичности – «Мы-идентичности».

Изменение мотивационных ценностных ориентиров молодежи отражает восприятие не только систематически деформируемого внешнего воздействия, но и его стратегическое и тактическое влияние на внутренний мир индивида. Выстраивание целостной иерархии целей позволяет концептуально сформировать личность человека, спрогнозировать направления его деятельности и определить его как органичную часть коллективной идентичности на определенном уровне общественного развития. Формирование ценностных ориентаций развивает способность к волевым усилиям и активность жизненной позиции в достижении цели. И наоборот, неразвитость ценностных ориентаций позволяет господствовать внешним стимулам во внутренней структуре личности, что порождает непоследовательность в поведении и принятии решений у молодежи. На государственном уровне в последние годы принят целый ряд важных законодательных актов, которые способствуют переосмыслению проблем, определяющих формирование личности современного молодого человека в условиях социально-экономических изменений (*рис. 2*).

Анализ механизмов мотивации молодежи. Поощрение мотивации к обучению и участию в выполнении научных исследований является одним из основных принципов эффективного высшего образования [12]. Если студент мотивирован внутренне, то он принимает участие в исследованиях для достижения своих собственных научных и личных целей.

Внутренне мотивированные студенты любят использовать стратегии, которые в большей степени агрессивны и которые позволяют им обрабатывать информацию более интенсивно. Для них очень важно поддерживать и удовлетворять одну из основных врожденных психологических потребностей – компетентность, которая связана с ощущением своей эффективности во взаимодействии с окружающей средой и способностью реализовать свои способности [16].

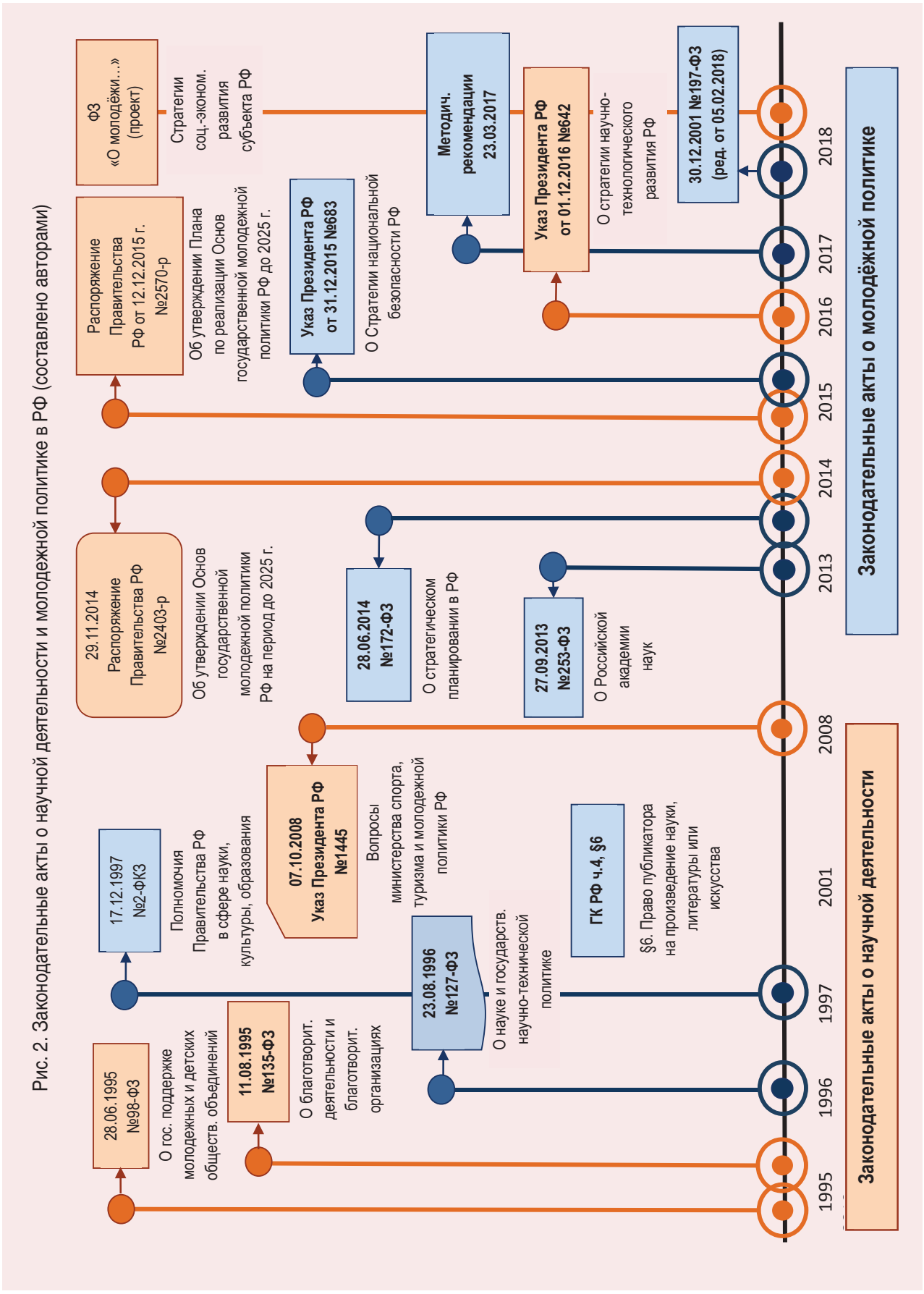

Рис. 2. Законодательные акты о научной деятельности и молодежной политике в РФ (составлено авторами)

Студенты с внешней мотивацией стремятся к тому, чтобы приложить наименьшее количество усилий, необходимых для получения наибольшего вознаграждения. Следовательно, чем больше социальная среда удовлетворяет психологические потребности, тем более позитивны последствия для внутренней мотивации.

С другой стороны, согласно теории самоопределения, люди обладают естественной тенденцией к психологическому росту и интеграции [17]. Эта тенденция является функцией социального контекста, в котором развиваются индивиды, и способности этого контекста поддерживать и удовлетворять три врожденные психологические потребности: автономию, компетентность и родство. Автономия относится к «необходимости испытывать чувство выбора и, как следствие, волеизъявления» [18, 19]. Компетентность связана с ощущением своей эффективности во взаимодействии с окружающей средой и способностью реализовать свои способности. Родство относится к качеству межличностных отношений, к «потребности быть рядом, доверять, заботиться и заботиться о других» [18]. Неважно, какая мотивационная модель задействована, чем больше социальная среда удовлетворяет психологические потребности, тем более позитивны последствия.

Автономное регулирование происходит, когда люди осознают, что их поведение и цели являются результатом их собственной воли и выбора. В отличие от этого, контролируемое регулирование относится к действиям, направленным на получение вознаграждения или признания со стороны других или на то, чтобы избежать наказания, чувства вины или стыда. Эмпирические данные подтверждают аргумент о том, что при удовлетворении психологических потребностей люди испытывают большую автономную мотивацию и меньшую контролируемую мотивацию. Кроме того, автономное регулирование связано с положительными результатами, в то время как контролируемая мотивация связана с отрицательными результатами [20]. В исследовании, проведенном для проверки шкалы мотивации к завершению PhD [21], автономная регуляция была положительно связана с удовлетворением (университет, программа и исследования), положительным влиянием, производительностью и постдоковскими намерениями и отрицательно связана с тестовой тревожностью, отрицательным влиянием, намерениями отсева и проблемами диссертации. И наоборот, контролируемое регулирование было положительно связано с вышеупомянутыми негативными результатами, но отрицательно с большинством положительных результатов.

Аналогичным образом было продемонстрировано, что академическая настойчивость у аспирантов была предсказана главным образом автономным регулированием [22]. Автономное регулирование также ассоциировалось с настойчивостью у студентов младших курсов [23] и старшеклассников [24], в то время как контролируемое регулирование отрицательно ассоциировалось с настойчивостью.

Помимо автономного регулирования, воспринимаемая компетентность является центральным понятием и в других теориях [25]. В магистратуре студенты воспринимают формирование академических компетенций как демонстрацию настойчивости [26], в то время как у докторантов исследовательские компетенции были связаны с научно-исследовательской производительностью (например, количеством представленных статей, конференций, презентаций) [22].

Если обобщить вышесказанное, то становится понятно, что в основе развития механизмов мотивации молодежной политики лежат модели теории мотивации X, Y, Z. Модель теории X строится на внешнем контроле, модель теории У – на самоконтроле, самомотивации в достижении высоких результатов, а в основе модели теории Z лежат принципы коллективной мотивации. И, хотя все они посвящены принципам и установкам использования трех различных систем менеджмента, учитывающим различные поведенческие типы, необходимо отметить, что общим во всех теориях является определенный вектор: цель – ожидание-мотивация (вознаграждение). Результаты зависят от нескольких регуляторов решения задач: затраченных усилий, личных качеств индивида и осознания им своей роли в реализации действия. Степень затраченных усилий зависит от таких параметров, как ценность вознаграждения, связи между затратами усилий и вознаграждением, удовлетворение от выполнения работы. Удовлетворение является показателем того, насколько вознаграждение адекватно по

восприятию для индивидуума по сравнению с затраченным им усилием. Рассмотрим механизмы стимулирования молодежи в реализации государственной молодежной политики.

Макроэкономический механизм предполагает стимулирование развития научно-инновационного мировоззрения в системе школа–вуз–рынок труда и формирование мотивационно-информационной среды в обществе, а также формирование и развитие в обществе статуса преподавателя – исследователя, ученого. Макроэкономический механизм подразумевает осуществление научно-исследовательской и научно-инвестиционной деятельности на государственном уровне (*рис. 3*).

Механизмы стимулирования молодежи по приоритетным направлениям предполагают:

- активное использование средств массовой информации по признанию важности роли государственной молодежной политики для социально-экономического развития страны;
- разработку и принятие соответствующей законодательной и нормативно-методической базы для управления молодежной политикой через законодательные органы государственной власти всех уровней;
- создание фондов и активизацию институтов гражданского общества, занимающихся пропагандой и реализацией государственной молодежной политики;
- создание общероссийской системы молодежных медиа-информационных ресурсов в сфере приоритетных при участии молодежи;
- развитие сетевого сотрудничества в сфере НИР школа–вуз–проект, с привлечением аспирантов, студентов и школьников в реализацию реальных проектов на законодательном уровне;
- развитие программ «Молодым ученым – доступное жилье» на федеральном уровне через льготное кредитование и ипотеку.

Микроэкономический механизм предполагает стимулирование развития научно-инновационного мировоззрения посредством учебного процесса и формирование мотивационно-информационной среды в образовательной организации.

Микроэкономический механизм государственного стимулирования по актуальным и приоритетным направлениям в молодежной политике основан на подлинном признании и поощрении тех участников, которые проводили

Рис. 3. Макроэкономический механизм государственного стимулирования молодежи по актуальным направлениям [27]

практические или прикладные исследования на высоком научном уровне и получили валидные результаты (*рис. 4)*.

Как микроэкономический, так и макроэкономический механизм стимулирования будут функционировать лишь в том случае, если регуляторами решения задач, стоящих перед научно-исследовательскими группами (организациями), будут выступать заведомо известные для участников правила и установленные процедуры.

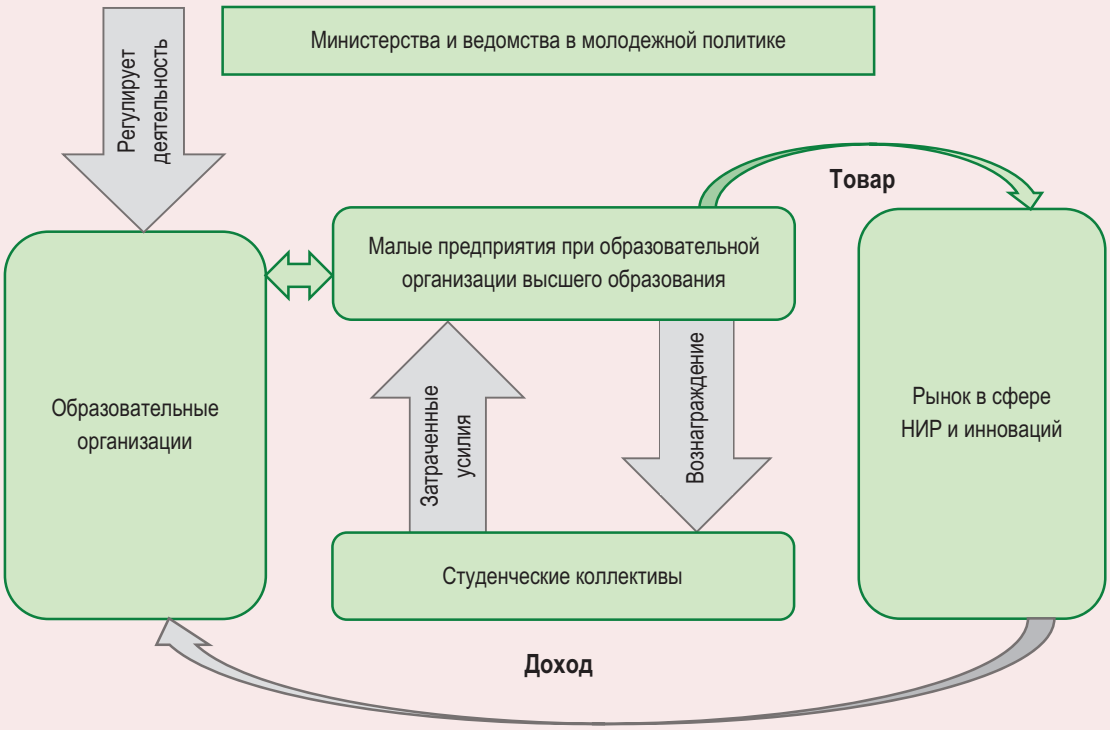
Если предпринять попытку математического описания данного механизма, то это будет выглядеть как определение функции мотивации в зависимости от вознаграждения и действия.

Модельную ситуацию можно представить таким образом, что научные организации изначально определяют формы стимулирования, которые можно выразить функцией $S(n_i)_i M$, принадлежащей допустимому множеству M, которое, в свою очередь, имеет свои ограничительные параметры, зависящие от правовых норм и показателей экономической эффективности. Участник научного проекта имеет право выбора выполнения неких действий $n_i A$, принадлежащих всему множеству допустимых действий A, из которого этот выбор осуществляется. Объективно реализация выбора на практике для достижения поставленной цели потребует от участника приложить определенные старания и усилия G(n), чтобы выполнить взятые на себя обязательства. Успешная реализация проекта с положительной с финансовой точки зрения интерпретацией результатов должна принести научной организации доход $D(n_i)$.

Ожидания с одной и другой стороны можно выразить целевыми функциями, а также ввести функцию полезности $\mathfrak{N}(S(n_i))$, которая выступает критерием ценности вознаграждения для участника проекта:

– ожидания научной организации
$$F(n_i) = D(n_i) - S(n_i) \quad (1);$$
– ожидания участника
$$f(n_i) = S(n_i) - G(n_i) \quad (2);$$
– полезность вознаграждения
$$f(n_i) = \mathfrak{N}(S(n_i)) - G(n_i) \quad (3).$$

Рис. 4. Микроэкономический механизм государственного стимулирования молодежи по актуальным направлениям (разработано авторами)

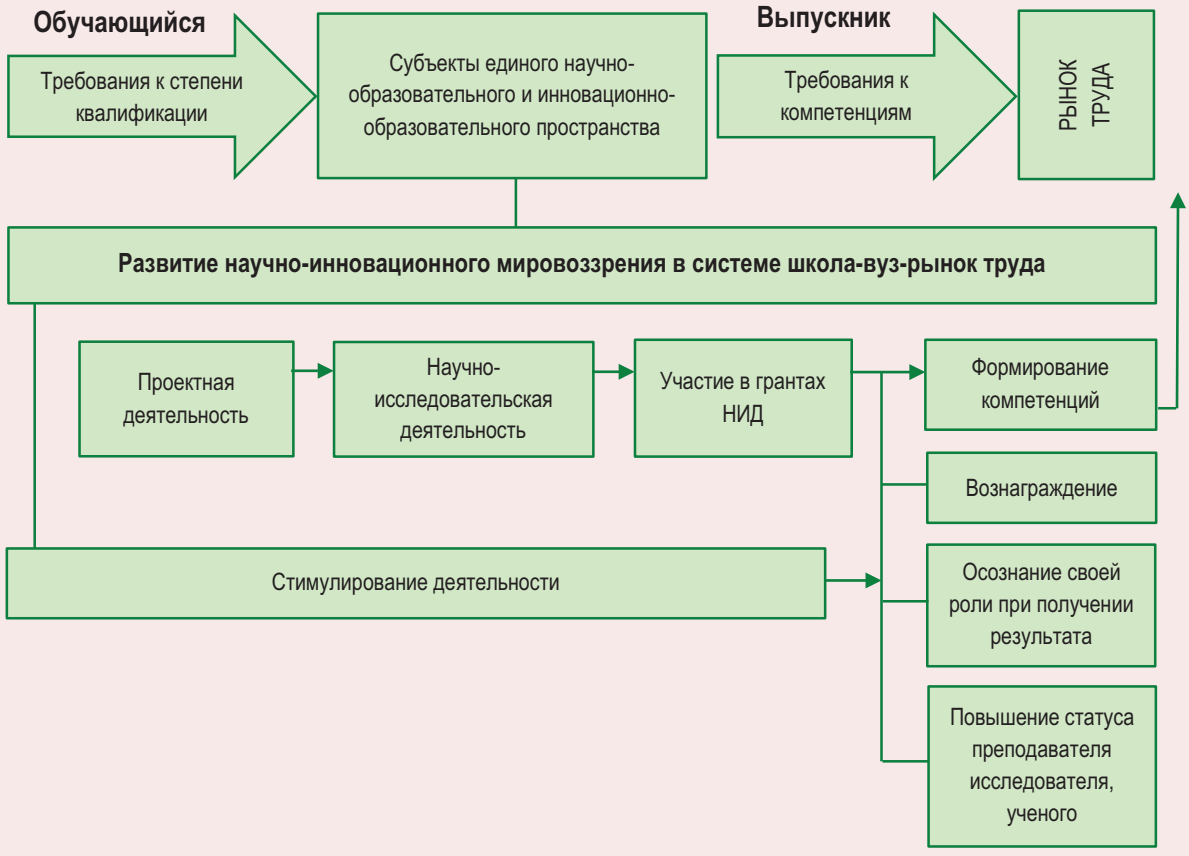
Принцип действия механизма мотивации в формировании ценностей индивида можно определить, взяв за основу метод изучения оптимальных стратегий в теории игр. Если рассматривать макроэкономический механизм государственного стимулирования молодежи, то принципиальным моментом является заключение договора между научным коллективом и образовательной организацией; при этом участник коллектива максимально информирован об имеющихся целевых функциях и допустимых множествах, а научная организация самодетерминирована в выборе функции стимулирования. Принимая решение о выполнении оговоренных в договоре работ, участник проекта выбирает действие, максимизирующее его целевую функцию. С другой стороны, процедура работы научной организации подразумевает, что она должна остановить свой выбор на наиболее эффективной системе стимулирования труда научных работников с целью получения максимально эффективного результата, который можно определить как $€_б (S) = \max F(n_i)$, гарантированная эффективность определяется как (min) данной функции в зависимости от выбора действий.

Механизмы формирования системы ценностей молодежи. Проблему формирования ценностей современной молодежи необходимо решать сразу в нескольких плоскостях.

1. Формирование и стимулирование развития научно-инновационного мировоззрения в системе школа–вуз–рынок труда.

Данный мотивационный процесс можно реализовать прежде всего при осуществлении поддержки талантливой молодежи в сфере НИР и инновационной деятельности на всех этапах формирования индивидуальной научно-образовательной траектории и обеспечении непрерывности следования заданной траектории при условии достижения поставленной цели на каждом четко обозначенном этапе (*рис. 5*).

Рис. 5. Формирование и стимулирование развития научно-инновационного мировоззрения в системе школа–вуз–рынок труда (разработано авторами)

Маршрут движения и механизмы стимулирования в формировании развития научно-инновационного мировоззрения в системе школа–вуз–рынок труда позволяет выстроить индивидуальную траекторию в определении целей, возможностей в достижении желаемых результатов в научно-образовательной инновационной деятельности. В данном процессе из всех возможных методов решения задач эффективнее тот, в котором актуализирован личностный потенциал развития субъекта, его желание изменить ситуацию к лучшему, поддержка значимого для него окружения. Значимость в развитии научно-инновационного мировоззрения в системе школа–вуз–рынок труда заключается в своевременном информировании научно настроенной молодежи, ее консультировании для получения максимально возможных результатов НИРС, НИР, НТИТМ. Анализ структурных связей, способствующих мотивации и продвижению молодежи в сфере НИР и НИРС, представлены в *приложении 1.*

Формируемый законодательно порядок действий в научно-образовательном и инновационном процессе обеспечивает возможность создания маршрутов формирования профессиональных компетенций на рынке труда для каждого этапа образовательной траектории.

2. Формирование мотивационно-информационной среды в обществе.

В настоящее время средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование мировоззрения и мировосприятия молодежи и определение жизненных ценностей молодого поколения.

Стимулирование молодежи к участию в научной деятельности – важная и реальная задача, которая может осуществляться с помощью масс-медиа. В *приложении 2* представлено авторское видение формирования научно-инновационного мировоззрения молодежи в сфере приоритетных направлений на базе мероприятий, осуществляемых в СМИ, Интернете и соцсетях, с указанием механизма стимулирования.

3. Формирование и развитие в обществе статуса преподавателя – исследователя, ученого (материальные и нематериальные аспекты).

Престиж профессии научно-педагогического работника основан на отношении общества и государства к высшей школе, оценке её эффективности. Внутренняя оценка формируется образовательной средой образовательной организации высшей школы, включает оценку преподавателя студентами и экспертную оценку профессионального сообщества преподавателей. Формируется она в основном следующими показателями: уровень педагогического мастерства, культура преподавателя, творческий потенциал и эрудиция в профессиональной области, личностные качества, коммуникации. Внешняя оценка престижа преподавателя высшей школы формируется при участии общества и государства и зависит от стратегических приоритетов образовательной политики страны.

Выводы

Проблема привлечения молодежи в науку нуждается в уточнениях критериев оценки способности студентов к научному труду и научным исследованиям. На наш взгляд, основными критериями на первом этапе являются: желание участвовать в НИР, высокий уровень эрудиции, общий уровень культуры; готовность работать в команде, ответственность, коммуникабельность, участие в жизни образовательной организации.

Необходимо также формирование оценки степени мотивации молодежи к НИР и НИРС. На первом этапе научный руководитель должен оценить степень мотивации учащихся школы к проектной и исследовательской деятельности. Оценка степени мотивации проводится посредством собеседования на первом уровне, тестирования на втором уровне и реализации и защиты проекта на третьем уровне.

Первоначальная мотивация к НИР строится на процессе взаимодействия учащихся с руководителем и с первых шагов должна быть направлена на формирование у них ценностно-мотивационных установок на профессию, развитие компетенций и творческих способностей как молодых исследователей. На втором этапе строится процесс взаимодействия студента с научным руководителем НИР и НИРС, здесь необходимо оценить ЗУН студента для решения поставленных задач и научных проблем.

Интересным в целях адаптации к российским условиям представляется опыт зарубежных стран, где финансирование осуществляется

благодаря привлечению спонсоров и благотворителей [28]. Поощрение культуры наставничества и благотворительности в целях развития науки и техники среди молодежи станет важным этапом в реорганизации системы образования в Российской Федерации.

В условиях снижения бюджетного финансирования образования перераспределение расходов на развитие науки и техники в рамках молодежной политики с уклоном на некоммерческие организации позволит повысить заинтересованность молодого поколения в обучении, а самих благотворителей и спонсоров – в привлечении талантливых представителей учебных заведений к разработке инновационных проектов.

4. В целях развития науки, техники и инноваций среди молодежи и вовлечения ее в реализуемые проекты молодежной политики необходимо обеспечить открытость и доступность информации о проводимых мероприятиях. В Российской Федерации единое информационное пространство, обобщающее данные о мероприятиях молодежной политики, в том числе в области науки и техники, на сегодняшний день не сформировано.

5. Механизм формирования мотивации студенческой молодежи к осознанию и принятию ценностей научно-образовательной экосистемы должен включать следующие компоненты:

– фундаментальные ценности профессорско-преподавательского состава;

– фундаментальные ценности студентов;

– фундаментальные ценности учебного заведения;

– фундаментальные ценности заинтересованных сторон.

Литература

1. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2018. Т. 18. № 4. С. 719–730.
2. Кретов А.Ю. Государственная молодежная политика в современной России: формирование приоритетов и механизмов реализации // Среднерусский вестник общественных наук. Сер. «Политология». 2017. Т. 12. № 1. С. 178–184.
3. Коряковцева О.А. Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности // Вестник КГУ им. Некрасова. 2013. № 2. С. 170–173.
4. Hung S.Y., Durcikova A., Lai H.M., Lin W.M. The influence of intrinsic and extrinsic motivation on individuals' knowledge sharing behavior. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2011, vol. 69(6), pp. 415–427.
5. Roser M., Martin. J. *A Better World*. Available at: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/blog/its-a-cold-hard-fact-our-world-is-becoming-a-better-place/
6. *How can we embrace the opportunities of the Fourth Industrial Revolution?*
7. *The Deloitte Global Millennial Survey 2019*. Available at: https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html
8. *Three Ways Young People Are Changing the World. World Economic Forum 2016, Davos*. Available at: https://www.weforum.org/agenda/2014/09/three-ways-young-people-changing-world/
9. Dafflon D. *Youth in Russia – The portrait of a Generation in Transition*. *A research report by the Swiss Academy for Development (SAD),* 2009. P. 22.
10. Aithal S. *Creating Innovators Through Setting Up Organizational Vision, Mission, and Core Values: a Strategic Model in Higher Education*. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/71954/ MPRA Paper No. 71954
11. Bell S. Project based learning for the 21st century; Skills for the future. *Clearing House*, 2010, vol. 83, pp. 39–43. Available at: http://dx.doi.org/10.1080/00098650903505415
12. Lei S.A. Intrinsic and extrinsic motivation: evaluating benefits and drawbacks from college instructors' perspectives. *Journal of Instructional Psychology*, 2010, vol. 37, pp. 153–160.

13. Kim K.H., Hull M.F. Effects of motivation, ACT/SAT, GPA, and SES on college choice for academically advanced students and other students. *World Journal of Educational Research (Online),* 2015, vol. 2, no. 2. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/3df2/222
14. Crandell T.L., Crandell, C.H., Vander Zanden J.W. *Human Development (10th edition).* New York: McGraw-Hill, 2012.
15. *How People Learn II: Learners, Contexts, and Cultures. 2018.* Available at: https://www.informalscience.org/sites/default/files/how%20people%20learn%20ii.pdf
16. Абдрахимова Р.Г. Искаженное восприятие системы ценностей современным обществом в контексте проблемы социальной апатии // Инновационная наука. 2015. № 1-2. С. 157.
17. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry,* 2000, vol. 11, pp. 227–268.
18. Jang H. Supporting students' motivation, engagement, and learning during an uninteresting activity. *Journal of Educational Psychology,* 2008, vol.100, pp.798–811. doi: 10.1037/a0012841.CrossRefGoogle Scholar
19. Deci E.L., Ryan R.M. Motivation, Personality, and Development Within Embedded Social Contexts: An Overview of Self-Determination Theory. In: *The Oxford Handbook of Human Motivation*. 2012. Available at: 10.1093/oxfordhb/9780195399820.013.0006.
20. Su Y.-L., Reeve J. A meta-analysis of the effectiveness of intervention programs designed to support autonomy. *Educational Psychology Review,* 2011, vol. 23, pp. 159–188. DOI: 10.1007/s10648-010-9142-7.
21. Nicholson L.J., Putwain D.W. The importance of psychological need satisfaction in educational re-engagement. *Research Papers in Education,* 2018, vol. 33 (2), pp. 169-186.
22. Litalien D., Guay F., Morin A. Motivation for PhD studies: scale development and validation. *Learning and Individual Differences*, 2015, no. 41. DOI: 10.1016/j.lindif.2015.05.006.
23. Nie Y., Chua B.L., Yeung A.S., Ryan R.M., Chan W.Y. The importance of autonomy support and the mediating role of work motivation for well-being. Testing self-determination theory in a Chinese work organisation. *International Journal of Psychology*, 2014. DOI: 10.1002/ijop.12110.
24. Patall E.A., Cooper H., Robinson J.C. The effects of choice on intrinsic motivation and related outcomes: A meta-analysis of research findings. *Psychological Bulletin,* 2008, vol. 134, pp. 270–300. doi: 10.1037/0033-2909.134.2.270.
25. Jenny M. Hellgren J., Lindberg S. Motivating students with authentic science experiences: changes in motivation for school science. *Research in Science & Technological Education*, 2017, vol. 35 (4), pp. 409-426.
26. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991, vol. 50, no. 2, pp. 179–211. 10.1016/0749-5978(91)90020-T.
27. Jang H., Reeve J., Deci E.L. Engaging students in learning activities: it's not autonomy support or structure, but autonomy support and structure. *Journal of Educational Psychology,* 2010, vol. 102, pp. 588–600. DOI: 10.1037/a0019682.CrossRefGoogle Scholar
28. Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Механизмы стимулирования молодежи в реализации государственной молодежной политики в сфере науки, техники и инноваций // Самоуправление. 2019. № 3 (116). Т. 2. С. 86–90.
29. Грузина Ю.М., Мельничук М.В. Анализ зарубежного опыта по формированию и развитию молодежной политики в сфере образования, науки и инноваций // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 6. С. 452–463.

Приложение 1

Структурные связи, способствующие мотивации и продвижению молодежи в сфере НИР и НИРС

Этап траектории	Направления деятельности	Адресная мотивация	Структурные связи
Докторант	НТиИД (научно-техническая и исследовательская деятельность)	Вовлечение докторантов на должности в сферах образования и науки, менеджмента образовательной организации	Ректор – проректор по учебной работе – проректор по научной работе
		Развитие личностных творческих способностей	Отдел АиД (аспирантуры и докторантуры) – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП (научный институт, научный центр, бизнес-центр, малые предприятия)
		Индивидуальное сопровождение в НИР и организация работы согласно индивидуальным планам обучения	Отдел АиД – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – докторант
Аспирант	НТиИД	Осуществление непрерывности продвижения	Отдел АиД
		Вовлечение аспирантов на должности в сферах образования и науки, менеджмента образовательной организации	Малые инновационные предприятия
		Развитие личностных творческих способностей	Отдел АиД – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП
		Индивидуальное сопровождение в НИР и организация работы согласно индивидуальным планам обучения	Отдел АиД – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – докторант
Магистрант	НИР	Осуществление непрерывности продвижения	Научно-образовательные и инновационные подразделения институтов, факультетов, департаментов – научно-исследовательские подразделения студентов и молодых ученых – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – отдел АиД
		Развитие личностных творческих способностей	Научно-образовательные и инновационные подразделения институтов, факультетов, департаментов – научно-исследовательские подразделения студентов и молодых ученых – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП
		Вовлечение в НИР, индивидуальное сопровождения в НИР	Отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – аспирант
Бакалавр	НИР	Отбор талантливых студентов и вовлечение их в НИР	Департаменты, факультеты, институты – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП
		Развитие личностных творческих способностей	Научно-образовательные и инновационные подразделения институтов, факультетов, департаментов – научно-исследовательские подразделения студентов и молодых ученых – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП
		Осуществление непрерывности продвижения	Научно-образовательные и инновационные подразделения институтов, факультетов, департаментов – научно-исследовательские подразделения студентов и молодых ученых – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – магистратура
		Вовлечение в НИР, индивидуальное сопровождения в НИР	Отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – магистрант
		Защита диплома и реализация предложений в НИД и инновациях	ВАК – Всероссийская аттестационная комиссия – АиД – аспирантура и докторантура – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП
Учащийся школы (будущий абитуриент)		Отбор талантливых школьников и вовлечение их в НИР	Школа (проектная деятельность) – департаменты (профориентация через НИР) – отдел НИР – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП (вовлечение через экскурсии и участие в конкурсе проектной деятельности)
		Осуществление непрерывности продвижения	Проектная деятельность в школе – научно-образовательные и инновационные подразделения институтов, факультетов, департаментов – научно-исследовательские подразделения студентов и молодых ученых – коллективы НИ, НЦ, БЦ, МП – бакалавриат
Источник: разработано авторами.			

Приложение 2

Формирование научно-инновационного мировоззрения молодежи в сфере приоритетных направлений

Этапы и стадии перехода	Мероприятия в СМИ, Интернете и соцсетях	Механизм стимулирования
Школьник	- Распространение в социальных сетях информации об успешной жизни (материальной и моральной) ученых России; - Проведение интерактивных мероприятий в школе с родителями и детьми с научной тематикой; - Распространение информации в СМИ, Интернет и соцсетях о внимании государства к развитию науки, материального/морального стимулирования ученых, решению квартирных вопросов и рабочих мест и высокого международного уровня заработной платы; - Осуществление грантов по проектной деятельности для школьников, имеющих результаты; - Индивидуальное сопровождение и консультация ученых по проекту, осуществляемому школьником через научные сайты; - Создание научных сайтов.	- Формирование научного мировоззрения; - Формирование компетенций в проектной и исследовательской деятельности через участие в проектах и грантах; - Формирование у родителей и детей образа успешного преподавателя\ ученого\ с высоким материальным и моральным положением и востребованностью на рынке труда.
Студент	- Индивидуальное сопровождение и консультация ученых по проекту, осуществляемому школьником через научные сайты; - Распространение в социальных сетях информации об успешной жизни (материальной и моральной) ученых и преподавателей-исследователей в России; - Проведение интерактивных мероприятий в вузе с научной тематикой при участии ведущих ученых мира; - Распространение информации в СМИ, Интернете и соцсетях о внимании государства к развитию науки, материального/морального стимулирования ученых, решению квартирных вопросов и рабочих мест и высокого международного уровня заработной платы; - Создание научных сайтов; - Создание фондов по развитию науки в молодежной среде.	- Формирование научного мировоззрения; - Формирование компетенций в проектной и исследовательской деятельности через участие в проектах и грантах вуза; - Стипендия (Президентская, Губернаторская, повышенная вузовская, Академии наук и т.д.); - Представление своих результатов на конференциях (с возмещением затрат за счет средств общественных фондов по развитию науки) при имеющихся конкретных результатах; - Опубликование результатов исследований с возмещением затрат за счет средств общественных фондов по развитию науки) при имеющихся конкретных результатах.
Аспирант Докторант	- Индивидуальное сопровождение и консультация ученых по проекту, осуществляемому школьником через научные сайты; - Распространение в социальных сетях информации об успешной жизни (материальной и моральной) ученых и преподавателей-исследователей в России; - Проведение интерактивных мероприятий в вузе с научной тематикой при участии ведущих ученых мира; - Распространение информации. Освещение в СМИ, Интернете и соцсетях информации о внимании государства к развитию науки, материального/морального стимулирования ученых, решению квартирных вопросов и рабочих мест и высокого международного уровня заработной платы; - Создание научных сайтов; - Создание фондов по развитию науки в молодежной среде.	- Формирование компетенций в проектной и исследовательской деятельности через участие в проектах и грантах вуза; - Стипендия (Президентская, Губернаторская, повышенная вузовская, Академии наук и т.д.); - Представление своих результатов на конференциях (с возмещением затрат за счет средств общественных фондов по развитию науки) при имеющихся конкретных результатах. - Опубликование результатов исследований (с возмещением затрат за счет средств общественных фондов по развитию науки) при имеющихся конкретных результатах; - При наличии результатов в исследовании предоставление служебного жилья без права приватизации.
Источник: разработано авторами.		

Сведения об авторах

Марина Владимировна Мельничук – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, 4/204; e-mail: Mvmelnichuk@gmail.com)

Юлия Михайловна Грузина – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., 49/409; e-mail: YMGruzina@fa.ru)

Ирина Анатольевна Фирсова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр., 55/342e; e-mail: Firsova-moscow@fa.ru)

Melnichuk M.V., Gruzina Yu.M., Firsova I.A.

Formation of Scientific and Educational Values in the System of Youth Motivation

Abstract. The system of values is the "foundation" of the attitude toward the world. In the modern information society, the motivational and target component of work with the younger generation should lead to the formation of an "integrative profile" of an individual who possesses professional competencies of a high level that are in demand in research and educational spheres, as well as in project activities. Motivation is largely determined not only by internal characteristics of an individual, but also by the ways in which activity is carried out; this activity in the process of its implementation should be targeted, directional, predictable and analytical, with monitoring, evaluation of efficiency and adjustment of its implementation, i.e. it should be conscious activity. Our goal is to identify new mechanisms of state stimulation of topical and priority areas of youth policy in the field of university science and identify possible routes for the development of values. We adhere to the basic idea of the need to take into account value orientations in the development of state youth policy. Desk research and sociological research were used as the main methods of the work. The desk study was conducted by analyzing the main directions of the state policy in the field of science and technology, normative legal acts of the Russian Federation, state programs and projects, and publications of international organizations. The study collected data on existing forms and measures of incentives and support for student youth. In order to test theoretical approaches to motivation and identification of the main factors contributing to youth participation in research activities, a sociological study was conducted among university students.

Key words: value system, youth motivation, internal motivation, external motivation, scientific activity, incentive mechanisms.

Information about the Authors

Marina V. Mel'nichuk – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (4/204, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: Mvmelnichuk@gmail.com)

Yuliya M. Gruzina – Candidate of Sciences (Economics), Associate professor, associate professor at the Management Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/409, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: YMGruzina@fa.ru)

Irina A. Firsova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at department, Financial University under the Government of the Russian Federation (55/342e, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: Firsova-moscow@fa.ru)

Статья поступила 28.11.2019.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.16
УДК 330.14, ББК 65.9(2Рос)
© Гулин К.А.

К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России*

Константин Анатольевич
ГУЛИН
Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: gulin_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4336-6331; ResearcherID: M-3075-2013

Аннотация. Актуальной проблемой глобализации является включение в парадигму капиталистического развития «периферийных» по отношению к странам т.н. «первого мира» экономик. Чрезвычайно драматичным по своим последствиям этот процесс оказался для бывших республик Советского Союза, в частности для постсоветской России. В стране, имевшей «на старте» рыночной трансформации высококапитализированную экономику, происходило раздробление обобществленной собственности и переход ее в форму собственности частной. В высказываниях политиков, общественных деятелей, экспертов, в работах ученых этап «капиталистического перехода» 1990-х годов зачастую трактуется с позиций «первоначального накопления капитала» – известной категории марксистской политэкономии. Однако мы считаем такой подход весьма спорным. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа теории первоначального накопления и ее современных интерпретаций выяснить, насколько правомерно говорить о применимости ключевых положений этой теории для характеристики процессов, протекавших в России в первое постсоветское десятилетие. В первой части статьи сделан краткий экскурс в развитие теории первоначального накопления капитала от оригинальных ее положений, сформулированных К. Марксом, до современных трактовок этого процесса. Во второй части рассмотрено содержание дискуссии о процессах постсоветской капиталистической трансформации в России через призму теории первоначального накопления. В третьей части на основе фактических данных о динамике основных фондов, валового накопления основного

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства»).

Для цитирования: Гулин К.А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 276–291. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.16

For citation: Gulin K.A. Revisiting the issue of the “initial accumulation of capital” in post-Soviet Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2019, vol. 12, no. 6, pp. 276–291. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.16

капитала, инвестиционной активности критически охарактеризованы процессы капиталистического накопления капитала в России в последнее десятилетие XX в. Сделан вывод о том, что в постсоветский период происходило раздробление обобществленной собственности и переход ее в форму собственности частной, что противоречит ключевым положениям концепции первоначального накопления (ликвидация собственности мелких товаропроизводителей и ее обобществление). Новизна полученных результатов заключается в том, что исторический процесс, протекавший в России в последнее десятилетие XX в., определен как процесс присвоения и вторичного перераспределения государственной собственности, сопровождавшийся катастрофическими процессами декапитализации.

Ключевые слова: капитал, основные фонды, накопление капитала, первоначальное накопление, декапитализация.

Введение

Одним из основных содержательных элементов глобализации является включение в процессы капиталистического производства и воспроизводства «периферийных» по отношению к т.н. странам «первого мира»[1] экономик. Наряду с территориями «третьего мира», с конца 1980-х – начала 1990-х годов в орбиту капиталистической системы активно включались страны «социалистического лагеря», основная часть которых к тому времени уже миновала стадию перехода от аграрного к индустриальному укладу. Чрезвычайно драматичным по своим последствиям этот процесс оказался для бывших республик Советского Союза, в частности для постсоветской России. Широкомасштабный экономический кризис и острая социальная деструкция стали следствиями ожесточенной борьбы за объекты общественной собственности, созданные в рамках советской планово-административной системы, а также за руководство «командными высотами» экономики в новом государстве.

Распространенной в политических и экспертных кругах в 1990-е – 2000-е годы стала точка зрения о неизбежности первоначального накопления в России как неизбежной фазы «перехода к капитализму». Спекулятивная и не подкрепленная убедительными доказательствами апелляция к концепции первоначального накопления оказалась удобной основой для оправдания негативных последствий ломки прежней системы централизованного управления экономикой и ускоренного внедрения рыночных отношений. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе анализа теории первоначального накопления выяснить, насколько правомерно говорить о первоначальном накоплении капитала в России в первое постсоветское десятилетие. В первой части статьи мы сделаем краткий экскурс в развитие теории первоначального накопления капитала от оригинальных ее положений, сформулированных К. Марксом, до современных расширительных трактовок этого процесса. Во второй части рассмотрим содержание дискуссии о процессах постсоветской капиталистической трансформации в России через призму теории первоначального накопления. В третьей части на основе фактических данных оценим процессы накопления капитала в России в последнее десятилетие XX в.

В своем изложении мы ограничиваемся этим периодом, так как с нашей точки зрения к началу 2000-х годов экономическая структура в стране в ее современном виде в основном уже была сформирована. Несмотря на исторический контекст исследования, мы полагаем, что изучение этих вопросов сохраняет высокую степень актуальности (как в научном, так и практическом смыслах), поскольку оно позволяет глубже понять природу сложившегося к настоящему времени «нового российского капитализма»; внести определенный вклад в дискуссию относительно того, почему по прошествии почти трех десятилетий Россия, несмотря на значительный потенциал развития, продолжает оставаться на периферии мировой капиталистической системы.

[1] К группе стран «первого мира» традиционно принято относить наиболее развитые в экономическом отношении страны Западной Европы, Северной Америки, Японию.

Теория «первоначального накопления»: краткий экскурс

В главе 24 первого тома «Капитала», полемизируя с представлениями классической политэкономии о «божественном» происхождении богатства, Маркс раскрывает секрет возникновения капитализма через «„первоначальное накопление", которое предшествует капиталистическому накоплению; накопление, которое является не результатом капиталистического способа производства, а его отправной точкой» [1]. Опираясь на английский опыт, Маркс иллюстрирует классическую форму «первоначального накопления», начиная с истории о том, как фермеры были вытеснены с земли и сформировали новый пролетариат сначала для капиталистических фермеров, а затем для промышленных капиталистов. Когда началась пролетаризация, производство прибавочного труда стало исторической тенденцией капиталистического развития.

Маркс выделяет «первоначальное накопление капитала» как исторический этап, предшествовавший «капиталистическому накоплению», как «предысторию» капитала и соответствующего ему способа производства. Сущность первоначального накопления, по Марксу, состояла в «отделении производителя от средств производства». Как указывал Маркс, первоначальное накопление капитала, его исторический генезис представляет собой «экспроприацию непосредственных производителей, т.е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде». Первоначальное накопление, по определению Маркса, есть «пролог» истории капитала, заключающийся в превращении индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные. Историческая миссия процесса первоначального накопления капитала виделась Марксу в создании капиталистических отношений через отделение рабочего от собственности на условия его труда, превращении общественных средств производства и средств жизни в капитал, а непосредственных производителей – в наемных рабочих [1].

Долгое время проблематика первоначального накопления рассматривалась в строгом русле представлений Маркса, т.е. оценки его как исторически ограниченного процесса, содержанием которого является отделение собственников от средств производства при переходе от феодальных к капиталистическим отношениям. Дискуссия касалась различных аспектов первоначального накопления в Англии и других европейских странах.

Усиление интереса к теории первоначального накопления произошло в 1970-е годы, что было обусловлено нараставшей экспансией международного капитала из традиционных центров (США и страны Западной Европы) в страны капиталистической периферии ввиду окончания «Золотого века» и необходимости преодоления кризиса перенакопления. С этим связано появление нового подхода к оценке первоначального накопления не как исторически локализованного процесса (ограниченного рамками Нового времени), а как процесса, который сопровождает переход докапиталистических обществ в капиталистическую стадию их развития.

A.G. Frank, изучая процессы мирового накопления с конца XV в., отметил содержательную близость процессов, происходивших в странах «третьего мира» во второй половине XX в., с процессами «первоначального накопления», описанными Марксом. Для их отделения от классических процессов первоначального накопления он предложил термин «первичное накопление» [2].

По мнению S. Amin, каждый раз, когда капиталистический способ производства вступает в отношения с докапиталистическими способами производства и подчиняет их себе, происходит передача стоимости от докапиталистических к капиталистическим образованиям в результате действия механизмов первоначального накопления. Эти механизмы не относятся только к предыстории капитализма, они характерны и для современности. Именно эти формы первоначального накопления, модифицированные, но устойчивые, в пользу центра, составляют область теории накопления в мировом масштабе [3].

В последние двадцать лет в современной неомарксистской литературе получил развитие расширенный подход к трактовке первоначального накопления, что было связано с усилением тенденций неолиберальной глобализации с конца XX в. Рядом исследователей «первоначальное накопление» трактуется как непрерывный процесс, имманентный капиталистическо-

му накоплению в целом. Логика такого подхода заключается в том, что разделение трудящихся и средств производства носит постоянно воспроизводимый характер, меняются только его формы и методы.

W. Bonefeld отмечает, что капиталистические общественные отношения базируются на отрыве массы населения от средств производства. Это разделение было результатом первоначального накопления и стало воспроизводящейся основой капиталистических общественных отношений. То есть речь идет о трансформации первоначального накопления из исторической предпосылки капитализма в основополагающую предпосылку его существования [4].

По мнению M. De Angelis [5], первоначальное накопление есть внеэкономическая предпосылка для капиталистического производства, являющаяся неотъемлемым и непрерывным элементом современного общества; его временное измерение включает как период установления капиталистического способа производства, так и период его сохранения и расширения. Капитал должен постоянно участвовать в стратегиях первоначального накопления, чтобы воссоздать «основу» самого накопления, а именно разделение между производителями и средствами производства (современные «огораживания»). Объектом первоначального накопления становятся, с одной стороны, территории, находящиеся на докапиталистической стадии развития. С другой стороны, что более важно, его объектом выступает баланс сил между антагонистическими классами труда и капитала, препятствующий продвижению процесса капиталистического накопления, то есть, например, трудовые права и социальные гарантии, достигнутые в результате предыдущих классовых конфликтов и закрепленные государством.

M. Perelman [6] говорит о «современном первоначальном накоплении», начало которого связано с завершением «Золотого века» капитализма в конце 1960-х годов, обусловившим необходимость поиска новых источников прибыли и обеспечения возобновляющейся динамики мирового капиталистического производства. Первоначальное накопление в его современной модификации имеет двоякое содержание. С одной стороны, это процесс, демонстрирующий преемственность с классическим первоначальным накоплением. Он затрагивает территории, в которых капиталистические отношения еще не вытеснили традиционную экономику. Во многих частях мира происходит нелегитимная экспроприация земель у коренного населения. Она осуществляется в интересах крупных частных собственников при поддержке местных правительств, нуждающихся в деньгах вследствие высокой долговой нагрузки и зависимости от зарубежных кредиторов и в связи с этим заинтересованных в развертывании промышленного производства как источника налоговых поступлений. Кроме того, зачастую это сопровождается подкупом политических лидеров представителями частного капитала. С другой стороны, это первоначальное накопление в его современном контексте, представляющее собой «центральную часть проекта создания мира гиперкапитализма» в соответствии с неолиберальными догмами. Оно направлено не на частную собственность отдельных лиц, а на уничтожение основ социального благосостояния во всем глобализированном мире, с целью повышения прибылей крупного капитала. То есть речь идет не о конфискации собственности отдельных лиц, а об устранении общественных благ. Этот вид первоначального накопления осуществляется в таких формах, как снижение затрат на рабочую силу путем переноса производств в развивающиеся страны, ограничение прав трудящихся, наступление на системы социальной защиты и пенсионного обеспечения, снижение налогов, сокращение общественного сектора, коммерциализация образования и медицинской помощи, приватизация объектов окружающей среды или их хищническая эксплуатация и т.д.

Близкой точки зрения придерживаются M. Hardt и A. Negri. Они характеризуют первоначальное накопление как постоянно возобновляющийся процесс постепенной пролетаризации некапиталистической среды, заключающийся в пополнении капиталом рабочей силы за счет создания и привлечения новых пролетариев из некапиталистических стран [7, с. 226]. В то же время M. Hardt и A. Negri выходят за рамки этого понятия, говоря о «постмодернистском» первоначальном накоплении, связанном с изменением в современном мире сущности труда и накопленного

богатства, которое становится все более нематериальным: оно включает в себя социальные отношения, системы коммуникации, информацию, эмоциональные взаимодействия. Особую роль эти ученые отводят накоплению информации, которое (подобно классическому первоначальному накоплению, описанному Марксом) разрушает или деструктурирует ранее существовавшие процессы производства, однако немедленно объединяет их в сети нового порядка и обеспечивает наиболее высокие уровни производительности в различных сферах производства. Возрастающая социализация производства, наряду с сокращением социального пространства и времени, обеспечивает повышенную производительность, принося тем самым пользу частному капиталу [7, с. 256-259].

По мнению D. Harvey [8], «первоначальное накопление» и расширенное воспроизводство являются составляющими общего капиталистического накопления, находящимися в органической связи. При этом второе опирается на текущую эксплуатацию наемных работников, а первое – на различного рода насильственные и мошеннические действия, нацеленные на явное и скрытое присвоение собственности. Процессы первоначального накопления на всем протяжении развития капитализма носят непрерывный и устойчивый характер, их роль заключается в решении проблем избыточного накопления, порождаемого расширенным воспроизводством капитала.

Современные практики первоначального накопления D. Harvey характеризует термином «накопление путем лишения собственности». Накопление путем лишения собственности осуществляется разными путями: посредством вытеснения крестьян с земли и их последующей пролетаризации; приватизации ресурсов, ранее находившихся в общей собственности; приватизации государственных объектов промышленности; захвата семейных ферм крупным агробизнесом; современных форм рабства; присвоения активов через слияния и поглощения, а также различных видов финансового и корпоративного мошенничества с целью изъятия или девальвации активов и т.д. Центральную роль в процессах накопления путем лишения собственности играет сговор между государством и финансовым капиталом.

Подводя итог краткого рассмотрения теории «первоначального накопления капитала», можно, на наш взгляд, выделить три основных подхода к трактовке рассматриваемого явления:

– оценка его как исторически ограниченного во времени процесса перехода от феодальных отношений к капиталистическим, отправной точки капиталистического способа производства (классическая модель, описанная Марксом);

– повторяющийся при переходе от докапиталистических к капиталистическим отношениям процесс, содержанием которого является отделение собственников от средств производства;

– расширенная трактовка первоначального накопления как процесса, имманентно присущего капиталистическому накоплению, выражающегося в постоянно воспроизводимом отделении производителей от средств производства.

Мы придерживаемся второго подхода, что связано со следующими обстоятельствами. В изложенном Марксом видении первоначального накопления можно выделить три значимых аспекта, а именно: сущность этого процесса (отделение производителей от средств производства путем ликвидации частной собственности мелких производителей и обобществления труда); его форму (насильственный, нелигитимный, хищнический характер) и методы осуществления (экспроприация земли и иных средств существования; присвоение государственного и церковного имущества; ограбление колоний; использование системы государственных займов, налоговой системы, системы протекционизма и т.д.). Эти характеристики являются с нашей точки зрения ключевыми составляющими процесса первоначального накопления, причем наиболее значим сущностный аспект, а два других имеют важное, но все же второстепенное значение. Насильственные действия, так же как и различные методы внеэкономической эксплуатации, могут сопровождать различные явления, связанные с реализацией тех или иных экономических интересов, в том числе не относящиеся к продвижению капиталистического способа производства и соответствующих общественных отношений, тогда как уникальное свойство

процесса первоначального накопления представляет именно его содержательная сторона, без которой логика Маркса, на наш взгляд, теряет свой смысл.

Можно говорить о современных модификациях процессов накопления, воспроизводства и перетока (перераспределения) капитала. Первоначальное накопление капитала в современном глобальном мире может иметь место в локальном измерении: в тех случаях, когда в орбиту капиталистических отношений вовлекаются периферийные территории, которые переходят от аграрного к индустриальному укладу, в которых происходит формирование классов местных капиталистов (в т.ч. с участием иностранного капитала) и наемных работников.

В трактовках «первоначального накопления» упор зачастую намеренно делается на его вторичных родовых признаках, при этом опускается сущностный аспект, недвусмысленно сформулированный Марксом. Как мы покажем далее, такая же особенность нередко присуща и оценкам процессов, протекавших в России в первые постсоветские годы.

Дискуссия о «первоначальном накоплении» в постсоветской России

Последнее десятилетие XX в. в российской истории характеризовалось стремительной ликвидацией планово-административной системы управления экономикой и переходом к рыночным принципам организации экономической жизни. Одним из наиболее значимых явлений этого периода было, происходившее в ходе разгосударствления и трансформации прав собственности, перераспределение материальных ресурсов в пользу «новых собственников» и концентрация капитала, прежде принадлежавшего государству, в частных руках.

Распространенным подходом к оценке данного явления стало определение его как процесса «первоначального накопления капитала». Такая трактовка была предложена представителями лагеря радикальных реформаторов начала 1990-х годов, в частности Е. Гайдаром [9], Е. Ясиным [10], А. Чубайсом[2], Б. Березовским [11]. Этим подчеркивалась «объективная обусловленность» данного процесса в качестве неизбежной фазы перехода от «социализма» к «капитализму». В рамках такой концепции «первоначальное накопление капитала» рассматривалось как необходимая предпосылка перехода совокупности материальных ресурсов в руки «эффективных собственников», способных в новых рыночных условиях организовать наилучшее управление ими и обеспечить в дальнейшем процесс капиталистического перехода. При этом также формировалась своеобразная «теоретическая основа», позволяющая в значительной степени оправдывать негативные явления в экономике и социальной сфере, характерные для периода постсоветской трансформации 1990-х годов.

Тезис о последнем десятилетии XX в. как о периоде первоначального накопления остается весьма популярным: в разные годы он встречается в высказываниях первых лиц государства[3], известных общественных деятелей[4]. Ирония заключается в том, что марксистская терминология зачастую используется теми, кто выступает с принципиально антимарксистских и ультралиберальных позиций. Это при том, что в самой либеральной экономической науке концепция Маркса не была воспринята и не получила развития, а ведь в ней исходным пунктом формирования капиталов считаются прежде всего кропотливый труд, знания и творческая инициатива предпринимателей – явно не те добродетели, которые обеспечили колоссальные состояния подавляющего большинства «новых русских капиталистов» на рубеже XX–XXI веков.

Подобный взгляд на трансформационные процессы в российском обществе получил также достаточно широкое распространение в отечественной и зарубежной литературе.

По мнению С.С. Дзарасова, насильственная приватизация народной собственности в бывших социалистических странах стала блестя-

[2] Российский капитализм: от первоначального накопления капитала – к развитию // Завтра. 2016. № 38.

[3] Путин не отрицает проблемы коррупции в России (https://ria.ru/20050906/41315240.html); Дмитрий Медведев: элита на то и элита, чтобы быстро обучаться (https://www.kommersant.ru/doc/1182693)

[4] См., например: Об уважении к бизнесу и бизнесменам (https://republic.ru/posts/1220925); Владимир Кара-Мурза: «Режим Путина кирзовым языком растоптал закон» (https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-a-2004-12-23-5-1/633497.html); День российского флага: праздник победы свободы или печальная дата поминок по несостоявшейся демократии? (https://www.svoboda.org/a/24297197.html)

щим подтверждением марксистской теории первоначального накопления капитала, осуществляемого методом насильственного захвата (экспроприации) чужой собственности [12, с. 54]. Аналогичной точки зрения придерживается также С.А. Долматова, выделяющая в качестве основного механизма первоначального накопления капитала в постсоветской России приватизацию государственной собственности [13, с. 69].

По мнению В.А. Бирюкова, процесс первоначального накопления капитала составлял содержание происходившего в России перехода от планово-социалистической системы к рыночно-капиталистической. Суть первоначального накопления автору видится в устранении прежнего, дорыночного способа соединения работника со средствами производства, в создании рынка труда (рабочей силы) и концентрации денег и средств производства (денежного и производительного капитала) в руках отдельных частных лиц – собственников ресурсов [14, с. 25].

В.А. Барзаковский полагает, что первоначальное накопление капитала в постсоветской России осуществлялось посредством перераспределения собственности в пользу отдельных лиц при использовании различных инструментов, главным образом приватизации. В то же время, как он отмечает, первоначальное накопление капитала в этот период нельзя воспринимать в традиционном понимании данного явления [15].

По мнению Б. Плышевского, накопление капитала в период 1991–1998 гг. являлось первоначальным по источникам и способам его осуществления, поскольку оно происходило в обстановке денационализации и внеэкономического передела собственности, сокращения ВВП, неуправляемой инфляции, превышения объема номинального денежного спроса над реальным предложением товаров и услуг. Основными источниками накопления капитала (в его денежной и товарной форме) были присвоение государственной собственности посредством ее приватизации и снижение уровня жизни основной массы населения путем гиперинфляции [16, с. 25].

А. Коростелев определяет процесс первоначального накопления капитала как процесс неправомерной приватизации прибылей открытых акционерных обществ, осуществлявшийся под псевдоправовым прикрытием подзаконных президентских указов [17].

Как отмечает D. Mandel, в постсоветской России проходил процесс, аналогичный тому, в ходе которого европейский класс капиталистов сформировался посредством широко распространенного присвоения и грабежей, концентрируя в собственных руках средства производства и существования и оставляя пролетариату только его труд для продажи; это именно тот процесс, для описания которого Маркс использовал концепцию первоначального накопления [12].

По мнению D. Harvey, любая общественная формация или территория, вступающая на капиталистический путь развития, должна подвергаться широкомасштабным изменениям, которые Маркс описывал как «первоначальное накопление» («накопление путем лишения собственности» в терминологии D. Harvey). Эту проблему поставил и распад СССР, результатом которого стал «дикий» период первоначального накопления в виде «шоковой терапии» в соответствии с рекомендациями капиталистических стран и международных институтов. В то же время автор подчеркивает, что распределение активов в результате приватизации и рыночных реформ было односторонним и не очень благоприятным для тех видов инвестиционной деятельности, которые обеспечивают расширенное воспроизводство [18, с. 153].

Данный подход развивает также F. Tonkiss, который отмечает, что приватизация как способ накопления путем лишения прав собственности была особенно острой в процессе скупки государственных производственных активов (в особенности предприятий нефтяной промышленности) в России после распада Советского Союза. По его мнению, к этому процессу в наибольшей степени применимо определение «первоначальное накопление», предложенное Марксом [19, с. 16-22].

По мнению S. Clarke, процесс «первоначального накопления» был прерван в России Октябрьской революцией, но он был завершен в советский период, когда крестьяне были лишены собственности и превращены в наемных работников государства, реализовывавше-

го программу индустриализации. В отличие от этого, основой «первоначального накопления капитала» в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в период интеграции советской экономики в глобальную капиталистическую экономику, стали огромные прибыли коммерческих посредников, проводивших арбитражные сделки, в результате несоответствия цен на внутреннем и мировом рынках [20].

T. Brass для характеристики происходивших в России в 1990-е гг. процессов применяет термин «неолиберальное первоначальное накопление», особенностью которого являлось «накопление путем лишения прав собственности». Автор описывает это на примере бывших государственных нефтяных компаний (ставших акционерными обществами), акции которых были распределены среди работников. Руководство компаний намеренно задерживало выплату заработной платы работникам, оставляя их тем самым в крайне затруднительном финансовом положении, а затем организовывало реализацию работникам предметов потребления в обмен на принадлежавшие им акции [21].

N. Holmstrom и R. Smith проводят прямую аналогию между процессом первоначального накопления, описанным Марксом, и теми процессами, которые протекали в посткоммунистических странах в конце XX в. Результатом этого процесса с их точки зрения стало появление, с одной стороны, слоя «криминальных капиталистов», незаконно завладевших государственной собственностью, с другой – «настоящего русского пролетариата», лишенного даже формальных прав собственности на средства производства и вынужденного продавать свой труд на рынке [22].

В.А. Козлов и Н.П. Коробкова, также обнаруживающие параллели между первоначальным накоплением в странах Западной Европы в Новое время и процессами, протекавшими в России в конце XX в., предлагают использовать для характеристики последних термин «квазипервоначальное накопление» [23]. Похожей точки зрения придерживаются Н.А. Симченко и другие, подчеркивая, что в России в постсоветский период в результате рыночной трансформации фактически началось «второе пришествие первоначального накопления капитала», в отличие от «первого», проходившего в XVII–XIX вв. [24].

Близка к этому подходу позиция Г.М. Гукасьян и других, в работе которых отмечено, что «современная Россия переживает процесс, связанный с отказом от командно-административной системы, основанной на директивном ценообразовании и централизованном распределении ресурсов, и переходом на рыночные методы регулирования – в этом коренное отличие первоначального накопления в старом смысле от нового. Объединяет их процесс создания класса предпринимателей с материальной основой в лице частной собственности» [25].

Г.А. Шаламов и О.И. Пушкарева приходят к выводу о том, что Россия после 1991 г. за двадцать лет прошла путь первоначального накопления, который занял в странах Западной Европы около двух с половиной столетий. В то же время они указывают на отличие этого процесса в современной России от первоначального накопления «во времена К. Маркса», заключающееся в том, что средства производства к концу советского периода «уже были созданы и речь шла только о передаче их из государственной собственности в частную» [26].

По мнению В.А. Цветкова, «первоначальное накопление российского капитала» происходило в период т.н. «спонтанной приватизации» (1988–1991 гг.), в итоге которой гигантские ресурсы оказались, при содействии государственных чиновников, в руках нелегальных структур, объединявших руководителей предприятий, зарубежных авантюристов, а также представителей криминала. При этом часть из них смогла создать «финансовые подушки» для последующего выкупа предприятий через приватизацию и строительство относительно чистого бизнеса [27, с. 206-207].

В наиболее развернутом виде концепция первоначального накопления капитала изложена в работах Е.В. Красниковой [28; 29]. По её словам, в содержательном плане первоначальное накопление капитала представляет собой процесс отделения непосредственного производителя от средств производства и жизненных средств, приводящий к образованию денежного капитала с последующим его преобразованием в капитал промышленный. Концентрация свободных денежных средств у наиболее предприимчивых членов общества достигается посредством их изъятия (осущест-

вляемого, как правило, неправовыми и насильственными методами) у тех, кто ими располагает. Появление же промышленного капитала завершает овладение последним реальным сектором экономики, в результате чего капитал становится господствующей экономической категорией [26].

Ряд российских и зарубежных авторов придерживается иного подхода к оценке процессов социально-экономической трансформации постсоветской России в конце XX в.

Р.Х. Симонян и Т.М. Кочегарова указывают на то, что категория «первоначальное накопление капитала» характеризует длительный процесс капитализации, который развернут во времени и в ходе которого создается объем финансового и материального ресурса, необходимый для начала частного капиталистического производства. По их мнению, в России начала 1990-х годов «не было никакого накопления, ни первоначального, ни второначального», а была «единовременная раздача финансовых и материальных ресурсов для частного (капиталистического) производства» [30, с. 119].

Как отмечает M. Burawoy, в 1990-е гг., вместо ожидаемого неолиберального разрыва с прошлым или неоинституционального эволюционного перехода к будущему капитализму, Россия испытала «инволюционное вырождение», вызванное расширением сферы обмена за счет сокращения сферы производства. Рыночный переход произошел, но он привел к отступлению к старым формам производства, становлению «неофеодального государства» и не сопровождался накоплением капитала [31].

По мнению David M. Kotz, «стратегия неолиберального перехода привела не к процессу первоначального накопления, а к появлению некапиталистической хищнической/добывающей системы из бывшей государственной социалистической системы» [32].

Согласно подходу М. Лебского, в силу объективных причин (наличие крупной собственности на базе индустриального способа производства, наличие большого числа наемных работников, чья рабочая сила содержала элемент товарности) необходимость в классическом «первоначальном накоплении капитала» отсутствовала (так как собственность уже была накоплена и ее нужно было превратить в капитал). Он определяет процесс возникновения капиталистических отношений на рубеже 1980-х – 1990-х гг. как постэтатистский переход – процесс преобразования суперэтатистского общества в полупериферийный капитализм, включивший в себя три этапа: теневую бюрократизацию государственной собственности; раздробление и капитализацию госсобственности; накопление и концентрацию капитала на базе полупериферийного капитализма [33].

Итак, можно говорить о наличии двух противоположных точек зрения на характер капиталистической трансформации России в постсоветский период. Как их можно оценить с позиций самой теории первоначального накопления?

Как мы отмечали ранее, подход, в соответствии с которым экономические процессы идентифицируются как первоначальное накопление капитала, базируется на теории первоначального накопления, изложенной К. Марксом в главе 24 его «Капитала». Основные постулаты теории: отделение мелкого товаропроизводителя от средств производства путем уничтожения его собственности; превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные; формирование капиталистических отношений посредством отделения рабочего от собственности на условия его труда; превращение общественных средств производства и средств жизни в капитал, а непосредственных производителей – в наемных рабочих [1]. Внешние негативные эффекты первоначального накопления, которые связаны с экспроприацией собственности, на которые обычно принято ссылаться и проводить исторические параллели с целью обоснования схожести, выступают вторичными явлениями, которые сопровождали первоначальное накопление, но не были его родовыми признаками.

Можно ли с этих позиций говорить о периоде 1990-х годов в России как о периоде первоначального накоплением капитала? С нашей точки зрения – нет. Накопление капитала, даже если оно и имело место, никак нельзя назвать, в терминологии К. Маркса, «первоначальным». В постсоветский период происходило раздробление обобществленной собственности и переход ее в форму собственности частной, что противоречит ключевым положениям концепции первоначального накопления.

Первоначальное накопление капитала в марксовой терминологии было в основном завершено в СССР в 1930-е годы в рамках форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, а последним его этапом стало т.н. «освобождение» колхозников после принятия новой паспортной системы в 1974 г. [34]. Следует сказать, что концентрация производства в СССР определялась как важнейшая форма обобществления производства[5]. К концу советского периода страна обладала высококапитализированной экономикой с высокой степенью монополизации и концентрации производства. Уровень концентрации в промышленности был наиболее высоким в мире [35, с. 102]. В основных отраслях промышленности СССР в целом на одно предприятие в середине 1980-х годов приходилось 700 работающих, тогда как, например, в ФРГ – только 150 человек[6]. Формально, в рамках конституционной нормы об «общенародной собственности», средства производства находились в общей собственности советских граждан, однако в реальности отдельные лица не имели никаких прав, связанных с владением и распоряжением «своей» частью собственности ввиду ее полного обобществления. Основная масса населения не имела также возможности влиять на процессы управления собственностью. Отсутствовала и частная собственность массы непосредственных товаропроизводителей, основанная на их собственном труде; общественная собственность была всеобщей.

Можно было бы принять допущение, что в кратковременный период приватизации все российские граждане получили номинальную возможность стать собственниками государственного имущества, том числе производственных фондов, и уже затем эта собственность была экспроприирована будущим слоем новых капиталистов. Но этот период был скоротечным, а переход средств производства в частную собственность не носил широкого общественного характера. Массовый слой мелких собственников не успел, да и объективно не мог возникнуть в силу неравнозначности стартовых позиций представителей различных социальных групп по отношению к формально государственной собственности на начальном этапе разгосударствления. Командные высоты были заняты преимущественно либо теми, кто оказался «в нужное время в нужном месте», то есть в высшем руководстве предприятий в момент краха советской системы, либо сумел создать стартовый капитал в условиях еще плановой экономики (точнее, в теневом ее секторе).

То есть, в какой-то степени, мы можем говорить о накоплении и концентрации финансовых и организационных ресурсов для обеспечения наилучших стартовых позиций для захвата государственной собственности и присвоения созданного ранее капитала. Но это, ни в коем случае, ни по исторической и экономической сущности, ни по масштабам нельзя идентифицировать с марксовым «первоначальным накоплением».

«Первоначальное накопление» или декапитализация?

Еще один важный вопрос, возникающий при изучении исторической сущности процессов постсоветской трансформации в России последнего десятилетия XX в., на наш взгляд, заключается в том, можно ли вообще, применительно к данному периоду, говорить о капиталистическом накоплении, и если да, то каковы были его масштабы?

В настоящей работе мы базируемся на общепринятых подходах к определению капитала. В классической политэкономии под «капиталом» обычно подразумевается физический (реальный, производственный) капитал – используемые для производства товаров и услуг средства производства: машины, оборудование, здания, сооружения. В трактовке К. Маркса, капитал – это определённое общественное, производственное отношение, представленное в вещи и придающее ей специфический общественный характер; это не просто сумма материальных и произведённых средств производства, это превращённые в капитал средства производства [1].

Итак, отталкиваясь от этих классических определений, можем ли мы ли говорить о том, что, несмотря на все трудности транзитивного этапа, формировались условия для дальнейше-

[5] Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 13 / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1973. 608 с.

[6] Виноградов В.В. Экономика России: учеб. пособие для вузов. М.: Юристъ, 2001. 319 с.

го перехода к качественно новому состоянию производительных сил в рамках капиталистического способа производства, создавался потенциал для дальнейшего поступательного развития социально-экономической системы общества?

Начало 1990-х годов в России характеризовалось форсированным переходом государственной собственности в частные руки. В течение 1992 г. доля основных фондов, находившихся в государственной собственности, снизилась с 91 до 69%, в негосударственной – возросла с 9 до 31%. Уже к началу 1995 г. удельный вес основных фондов негосударственной формы собственности стал преобладающим – 58%[7] и в последующий период существенно не изменялся.

К концу 1997 г. основные фонды, находившиеся в негосударственной собственности, оценивались в 7307 млрд. руб., в то время как доходы государства от приватизации этого имущества составили только 34,8 млрд. рублей, что составляло менее 5%, а с учетом его последующей переоценки – не более реальной стоимости 11% этих активов [36, с. 61]. Можно говорить о том, что, получив, практически за бесценок, огромные куски промышленного капитала, созданного общественным трудом в советский период, новый класс собственников имел весьма благоприятные стартовые позиции для развертывания расширенного капиталистического воспроизводства.

Однако этого не произошло. Согласно официальным данным, объем валового накопления основного капитала в 1990-е годы[8] ежегодно снижался. В сопоставимой оценке в 1999 г. он составил только 49,5% от уровня 1991 г., тогда как объем ВВП в целом сократился в значительно меньшей степени – до 62%[9]. Доля валового накопления основного капитала в структуре использования ВВП уменьшилась с 23,8% в 1991 г. до 15,8% в 1999 году[10].

Объем ввода в действие основных фондов (зданий, сооружений, машин, оборудования, транспортных средств и др.) после 1990 г. неуклонно сокращался. В 1995 г. в сопоставимых ценах он составил лишь 26,4%, а в 1998 году – 22,6% от уровня 1990 г. Ещё более заметно это сокращение затронуло отрасли, производящие товары, то есть те отрасли, которые являются фундаментом экономики (22,3 и 18,3% соответственно)[11]. Ситуация стала незначительно изменяться в лучшую сторону только в самом конце десятилетия, но было это связано не столько с внутренними процессами, сколько с изменением внешней макроэкономической конъюнктуры, а именно с повышением спроса на мировом рынке углеводородного сырья (так, в период с 1998 по 2000 г. сверхприбыль от экспорта нефти из России возросла в 8,2 раза [36, с. 61]).

Коэффициент обновления основных фондов[12] снижался на протяжении двух последних десятилетий советского периода. Так, если в 1970 г. в РСФСР он составлял 10,2%, в 1980 г. – 8,2%, то в 1990 г. – лишь 5,8%. Однако в первое постсоветское десятилетие ситуация стала поистине катастрофической. Так, в 1992 г. коэффициент обновления основных фондов снизился до 3,2%, а к периоду 1997–1998 гг. – до 1,1%[13]. Расчеты, выполненные в разные годы российскими экономистами, показали значительное (в 2,2–3,5 раза) превышение выбытия производственных фондов над их вводом в 1990-х – начале 2000-х годов [37; 38].

Степень износа основных фондов предприятий и организаций увеличилась в среднем по экономике до 38,6% в 1995 г. и 42,4% в 2000 г.;

[7] Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 269.

[8] Валовое накопление основного капитала – показатель, отражающий вложение средств в объекты основного капитала (основные фонды) для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве. Валовое накопление основного капитала включает следующие компоненты: приобретение, за вычетом выбытия, новых и существующих основных фондов; затраты на улучшение непроизведенных материальных активов (земли, запасов полезных ископаемых, естественных лесов и других природных ресурсов); расходы в связи с передачей права собственности на непроизведенные активы (природные ресурсы, патенты, лицензии и т.п.).

[9] Рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2000. С. 249, 265.

[10] Там же. С. 265.

[11] Рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2000. С. 271.

[12] Ввод в действие основных фондов (без скота), в процентах от наличия основных фондов на конец года.

[13] Российский статистический ежегодник, 2000. С. 270.

в промышленности – до 46,2 и 52,4% соответственно; в сельскохозяйственном производстве – 37,6 и 50,4%; в строительстве – 37 и 44,6%; в транспортной отрасли – 40,1 и 47,8%; в торговле и общественном питании – до 33,6 и 48%[14].

Несвоевременная замена, вынужденное или намеренное отсутствие обновления основных фондов приводили к удлинению срока эксплуатации физически и морально изношенных машин и оборудования. В промышленности доля основных фондов со сроком службы до 5 лет сократилась с 29,4% в 1990 г. до 4,7% в 2000 г., от 6 до 10 лет – с 28,3 до 10,6%, тогда как удельный вес основных фондов «в возрасте» от 11 до 15 лет возрос с 16,5 до 25,5%, от 16 до 20 лет – с 10,8 до 21%, свыше 20 лет – с 15 до 38,2% [39, с. 62-63]. Таким образом, спустя десятилетие после начала постсоветской трансформации «нерыночный капитал» (по определению И.Б. Воскобойникова[15]), то есть основные фонды, введенные в эксплуатацию в период плановой экономики, продолжал играть определяющую роль в производстве, тогда как доля «рыночного капитала», введенного в эксплуатацию после 1990 г., в общем объеме основных фондов едва превышала 15%. Для сравнения: в промышленности РСФСР в 1970 г. доля основных фондов со сроком эксплуатации до 10 лет составляла 70,8%, в 1980 г. – 64,2%, в 1990 г. – 57,7% [39, с. 62-63].

Инвестиционная деятельность в этот период выполняла преимущественно функцию, связанную с поддержанием накопленного ранее капитала, точнее, той его части, которая могла быть задействована в производстве востребованной рынком продукции. Финансирование капитальных вложений осуществлялось «по остаточному принципу», что прямо противоречит истинной природе капиталистического накопления. Это приводило к тому, что в новых «рыночных» реалиях производство оказывалось в основе своей значительно менее эффективным, нежели в рамках плановой системы «развитого социализма» с присущими ей недостатками в виде высокой степени экстенсивности и крена в сторону первоочередного достижения валовых показателей.

Исследование, проведенное журналом «Эксперт» среди 400 лучших компаний России, показало, что в начале XXI в., спустя более чем десятилетие после начала рыночной трансформации, производственная деятельность только 6% из них не была связана с эксплуатацией советских активов; в основном это были компании телекоммуникационного и ИТ-сегментов, банковского сектора, розничной торговли[16].

Можно бы предположить, что такое положение дел было вынужденным, обусловленным объективными трудностями, вызванными отсутствием у новых собственников достаточных финансовых средств для инвестирования в расширенное производство производственного капитала. Однако факты говорят о другом.

В 1992 г., на старте радикальных рыночных преобразований, объем экспорта товаров и услуг из России увеличился в 4 раза по сравнению с уровнем 1991 г. (в сопоставимой оценке), в то время как объем валового накопления основного капитала – на 12%. Исчисленный в среднем за 1992–1999 гг. ежегодный объем экспорта был в 1,8 раза выше, чем в 1991 г., а ежегодный объем валового накопления основного капитала – в 2,2 раза ниже[17].

По расчетам С.М. Меньшикова, в период 1992–2001 гг. объем валовой прибыли экономики в России составил 31,9% ВВП, тогда как в США за сопоставимый период 1989–1998 гг. – 20,8%. По официальным данным, в последнее десятилетие XX в. норма прибавочного продукта в России была в среднем на 60% выше, чем в США, но если учитывать скрытые доходы капиталистического класса, то в 2,2 раза выше. То есть вместе с государственной собственностью новые собственники присвоили себе и повышенную долю прибавочного продукта, ранее остававшуюся в распоряжении государства и в новых условиях перешедшую в частные руки [36, с. 260-261].

[14] Российский статистический ежегодник, 2000. С. 270.

[15] Под «нерыночным» капиталом автор понимает все основные фонды (ОФ), введенные в период плановой экономики (до 1990 г. включительно), а под «рыночным» – выделенные в период рыночной экономики.

[16] Гришанков Д., Кабалинский Д. Шесть процентов новой экономики // Эксперт. 2004. №37.

[17] Российский статистический ежегодник, 2000. С. 249, 265.

Повышенные прибыли направлялись преимущественно не на формирование внутреннего производственного капитала, а на избыточное потребление и формирование спекулятивного капитала с частичным его выводом за рубеж. Объем оттока капитала из России, увеличившийся (в долл. США) с 3,4 млрд. в 1994 году до 19,8 млрд. в 1997 г., вновь возрос – до 25 млрд. в 2000 г. после некоторого сокращения в период кризиса 1998–1999 г. Если в 1994 году отток капитала составлял 1,2% ВВП и 5,6% от объема внутренних инвестиций, то в 2000 г. – 10 и 57,4% соответственно [36, с. 67].

Таким образом, процессы, происходившие в России в первое постсоветское десятилетие, на наш взгляд, можно определить как кризис капиталистического накопления, сопровождавшегося сокращением объемов производственного капитала и переводом значительной его части в форму спекулятивного финансового капитала.

Заключение

Советская экономическая система, при всех ее принципиальных отличиях от капиталистической модели (жестко централизованное управление, директивное планирование, государственная собственность на средства производства, отсутствие свободного рынка), была схожа с ней, по крайней мере, в одном: она основывалась на эксплуатации наемного труда с использованием обобществленных средств производства и обращении прибавочного продукта в наращивание основных фондов (т.е. в капитал). Иными словами, государство здесь выступало в роли, своего рода, коллективного капиталиста, присваивающего прибавочную стоимость. Формально советские граждане имели статус «сособственников» общественных средств производства, однако в действительности главенствующим был факт найма работника на предприятие, а не его юридическое положение как собственника [40, с. 24]. Не случайно некоторыми исследователями советский экономический строй определялся как «государственный капитализм» [41].

На наш взгляд, постсоветская трансформация российской экономики представляла собой уникальный случай интеграции в мировую капиталистическую систему системы особого порядка, в течение десятилетий развивавшейся в собственной парадигме. К моменту распада СССР и на старте постсоветского периода развития Россия обладала высококапитализированной экономикой с предельным уровнем обобществления производства. В постсоветский период происходили раздробление обобществленной (формально – «общенародной», а фактически – государственной) собственности и переход ее в форму собственности частной, что противоречит ключевым положениям концепции первоначального накопления, сформулированной Марксом.

В связи с этим мы считаем недостаточно обоснованным распространенный в науке подход, согласно которому период 1990-х годов в России оценивается как этап первоначального накопления капитала, поскольку при таком подходе упор делается не на сущностный аспект этого процесса (ликвидация собственности мелких товаропроизводителей и ее обобществление, согласно классической трактовке К. Маркса), а на его вторичные признаки (неправовой и насильственный характер). На основании проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что описанные явления можно определить как процесс присвоения и вторичного перераспределения государственной собственности, сопровождавшийся катастрофическими для экономики и страны в целом процессами декапитализации. С одной стороны, происходило изъятие из экономики «старого» капитала путем закрытия и распродажи «неэффективных» производств, с другой стороны, в несколько раз сократился приток «нового» капитала, создаваемого в рамках рыночной экономики. Масштаб выбытия капитала значительно превосходил масштаб его накопления, в связи с чем, на наш взгляд, можно говорить о декапитализации экономики, происходившей в форме сокращения производственного капитала и перевода существенной его части в форму спекулятивного финансового капитала.

При этом декапитализация экономики не означала отсутствие накопления капитала вообще. Оно происходило, но в форме ускоренного образования крупных частных финансовых капиталов, использовавшихся преимущественно в спекулятивных целях, не связанных с производством общественного продукта как источника получения капиталистической прибыли. Напротив, значительная часть не только оборотного, но и основного

производственного капитала приватизируемых государственных предприятий была принесена в жертву образованию достаточно крупных частных капиталов, исключенных из процесса расширенного воспроизводства. Фактически произошел откат от государственного капитализма советского периода к примитивной форме торгово-ростовщического капитализма доиндустриальной эпохи.

Именно в этой форме российская экономика стала частью мировой капиталистической системы, заняв в ней периферийное положение поставщика сырья и высококвалифицированных трудовых ресурсов, а также рынка сбыта для крупных транснациональных корпораций. В начале 1990-х годов были заложены основы той экономической модели, которая, с некоторыми изменениями, сохраняется и поныне [42]. Вместо поэтапных структурных реформ, связанных с демонополизацией и созданием условий для развития частного предпринимательства в секторах с высокой добавленной стоимостью (за счет преимуществ в виде дешевого сырья, наличия развитой производственной и инженерной инфраструктуры, а также массы высококвалифицированных трудовых ресурсов), был выбран путь разрушения прежней экономической структуры с целью извлечения из этого процесса сиюминутных выгод под вывеской «первоначального накопления капитала». Как итог, российская экономика оказалась на порядок дальше от наиболее развитой государственно-корпоративной стадии современного капитализма [43] по сравнению с тем ее состоянием, в котором она находилась к концу советского периода. Выход из этой тупиковой парадигмы естественным образом подразумевает и отказ от мифа о первоначальном накоплении капитала в постсоветской России как трудном, но неизбежном процессе, оказавшемся необходимым для «легитимизации» перехода страны на капиталистический путь развития.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.
2. Frank A.G. *World Accumulation, 1492–1789.* New York: Monthly Review Press, 1978. 303 p.
3. Amin S. *Accumulation on a World Scale. A Critique of the Theory of Underdevelopment.* New York: Monthly Review Press, 1974. 648 p.
4. Bonefeld W. Primitive Accumulation and Capitalist Accumulation. *Science & Society*, 2011, vol. 75, no. 3, pp. 379–399.
5. De Angelis M. Marx and “primitive accumulation”: the continuous character of capital’s “enclosures”. *The Commoner*, 2001, no. 2, pp. 1–22.
6. Perelman M. *A Short History of Primitive Accumulation*. Available at: https://www.counterpunch.org/2013/04/16/a-short-history-of-primitive-accumulation/
7. Hardt M., Negri A. *Imperialism*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2000. 478 pp.
8. Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford University Press, 2003. 253 p.
9. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М.: Евразия, 1997. 552 с.
10. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. 384 с.
11. Березовский Б. Автопортрет, или Записки повешенного. М.: Центрполиграф, 2013. 360 с.
12. Дзарасов С.С. Марксова концепция прибавочной стоимости сохраняет свою силу // Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения) / под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2018. 114 с.
13. Долматова С.А. Проблема первоначального накопления капитала в постсоветской России // Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения) / под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2018. 114 с.
14. Бирюков В.А. Особенности первоначального накопления капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2001. № 4. С. 19–43.
15. Барзаковский А.С. Воздействие процесса первоначального накопления капитала на формирование и реализацию экономических интересов в постсоветской России: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. эконом. наук. Тамбов, 2009. 26 с.

16. Плышевский Б. Накопление капитала в постсоветском периоде // Экономист. 2016. № 9. С. 22–36.
17. Коростелев А. Дело «Норильский никель». Приват-капитализм России. М.: Алгоритм, 2008. 1152 с.
18. Mandel D. Primitive accumulation in Post-Soviet Russia. In: Vidal M., Smith T., Rotta T., Prew P. (Eds.). *The Oxford Handbook of Karl Marx.* Oxford University Press, 2019.
19. Tonkiss F. *Contemporary Economic Sociology: Globalization, Production, Inequality.* London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. 197 p.
20. Clarke S. *The Development of Capitalism in Russia.* London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. 249 p.
21. Brass T. Capitalism, Primitive Accumulation and Unfree Labour. In: *Imperialism, Crisis and Class Struggle. The Enduring Verities and Contemporary Face of Capitalism by Henry Veltmeyer.* Leiden-Boston: Brill, 2010. Pp. 67–132.
22. Holmstrom N., Smith R. The necessity of gangster capitalism. primitive accumulation in Russia and China. *Montly Review*, 2000, vol. 51, no. 9. Available at: https://monthlyreview.org/2000/02/01/the-necessity-of-gangster-capitalism/
23. Козлов В.А., Коробкова Н.П. Теория «первоначального накопления»: назревшие коррективы // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. Т. 1. С. 115–119.
24. Марксистская экономическая теория в истории капитализации в России: монография / Н.А. Симченко, С.Ю. Цехла, А.Т. Потеев и др. Симферополь: АРИАЛ, 2018. 376 с.
25. Гукасьян Г.М., Маховикова Г.М., Амосова В.В. Экономическая теория: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
26. Шаламов Г.А., Пушкарева О.И. Карл Маркс о роли воровства в период первоначального накопления капитала // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 11. С. 298–302.
27. Цветков В.А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.
28. Красникова Е.В. Рыночная трансформация российской экономики как процесс первоначального накопления капитала // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 142–154.
29. Красникова Е.В. Парадоксы экономического развития России XX–XXI вв. М.: Экономика, 2009. 327 с.
30. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества // Россия и современный мир. 2014. № 4. С. 108–123.
31. Burawoy M. Transition without transformation: Russia's involutionary road to capitalism. *East European Politics and Societies,* 2001, vol. 15, no. 2, pp. 269–290.
32. Kotz D.M. Is Russia becoming capitalist? *Science & Society,* 2001, vol. 65, no. 2, pp. 157–181.
33. Лебский М.А. Новый русский капитализм: от зарождения до кризиса (1986–2018 гг.). М.: Ленанд, 2019. 200 с.
34. Безнин М.А., Димони Т.М. К вопросу о госкапитализме в СССР в 1930–1980-х гг. (некоторые тезисы нового подхода) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия «Гуманитарные, общественные и педагогические науки». 2016. № 3. С. 8–14.
35. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годах: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 214. 712 с.
36. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения, 2004. 432 с.
37. Вальтух К.А. Необходима мобилизационная экономическая стратегия // ЭКО. 2000. № 11. С. 3–20.
38. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Потребление и накопление основного капитала в России: альтернативная оценка // Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 26–50.
39. Воскобойников И.Б. Нерыночный капитал и его влияние на динамику инвестиций в российской экономике. М.: ИЭПП, 2004. 90 с.
40. Меньшиков С.М. Советская экономика: катастрофа или катарсис. М.: Междунар. отношения, 1990. 397 с.
41. Клифф Т. Государственный капитализм в России. Л.: Социалистический рабочий, 1991. 288 с.
42. Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9–23.
43. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27.

Сведения об авторе

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Gulin K.A.

Revisiting the Issue of the "Initial Accumulation of Capital" in Post-Soviet Russia

Abstract. The inclusion of those economies that are "peripheral" in relation to so-called "first world" countries into the paradigm of capitalist development is a topical issue of globalization. This process turned out extremely dramatic in its implications for former Soviet republics, in particular for post-Soviet Russia. The country, which had a highly capitalized economy "at the start" of market transformation, faced the fragmentation of socialized property and its transition to the form of private ownership. Politicians, public figures, experts, and scientists often interpret the stage of the 1990s "capitalist transition" from the standpoint of the "initial accumulation of capital" – a well-known category of Marxist political economy. However, we find this approach highly controversial. The goal of our paper is to find out whether it is legitimate to talk about the applicability of the key provisions of this theory to characterize the processes that took place in Russia in the first post-Soviet decade. This can be done by analyzing the theory of initial accumulation and its modern interpretations. In the first part of the article, we give a brief overview of the development of the theory of initial capital accumulation from its original provisions formulated by K. Marx to modern interpretations of this process. The second part considers the content of a discussion on the processes of post-Soviet capitalist transformation in Russia through the prism of the theory of initial accumulation. The third part uses actual data on the dynamics of fixed assets, gross fixed capital accumulation, investment activity to make a critical assessment of the processes of capitalist accumulation of capital in Russia in the last decade of the 20th century. We conclude that in the post-Soviet period there was a fragmentation of socialized property and its transition to private ownership, which contradicts the key provisions of the concept of initial accumulation (liquidation of property of small producers and its socialization). The novelty of the obtained results lies in the fact that the historical process that took place in Russia in the last decade of the 20th century was defined as a process of appropriation and secondary redistribution of state property, accompanied by catastrophic processes of decapitalization.

Key words: capital, fixed assets, capital accumulation, initial accumulation, decapitalization.

Information about the Author

Konstantin A. Gulin – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: gulin_k@mail.ru)

Статья поступила 30.09.2019.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.17
УДК 001.92, ББК 73
© Третьякова О.В.

Российские экономические журналы, индексируемые в Web of Science: обзор состояния, пути повышения международной видимости

Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: olga.tretyackova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2429-0503; ResearcherID: K-3353-2018

Аннотация. Определение стратегических направлений развития российских журналов, включенных в международную базу данных Web of Science, требует совершенствования методов оценки их уровня. В статье предложен подход, сущность которого определяется применением методов библиометрического анализа для комплексной оценки состояния российских экономических журналов, основанной на учете показателей, полученных как из международных, так и национальных систем цитирования. В качестве источников данных использовались указатели, образующие ядро Web of Science, а также Российский индекс научного цитирования. Выполнена оценка состояния восемнадцати российских экономических журналов, индексируемых в WoS, включая журнал Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Обобщен опыт редакции по улучшению международной видимости журнала. Выявлены факторы, сдерживающие интеграцию российских журналов в мировое научно-информационное пространство, и обозначены стратегические задачи, решение которых должно улучшить их положение на международной арене. Полученные результаты могут использоваться научными организациями и редакциями для принятия решений по развитию периодических изданий. Выводы исследования важны для обсуждения проблемы выбора подходов и критериев оценки научных журналов.

Ключевые слова: экономические журналы, библиометрические показатели, международная видимость журнала, международные наукометрические базы данных, Web of Science, Emerging Sources Citation Index.

Для цитирования: Третьякова О.В. Российские экономические журналы, индексируемые в Web of Science: обзор состояния, пути повышения международной видимости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 292–311. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.17

For citation: Tret'yakova O.V. Russian Economic Journals Indexed in Web of Science: Current State and the Ways of Increasing International Visibilityy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, no. 6, pp. 292–311. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.17

Введение

В связи с новыми вызовами научной политики Российской Федерации возросла роль научных журналов, представляющих результаты исследований российских ученых не только на национальном, но и на мировом уровне. Необходимость поиска новых путей интеграции в международное пространство усилилась с запуском в 2018 году национального проекта «Наука»[1], который поставил перед научными коллективами задачи по повышению продуктивности в международных наукометрических базах данных (МНБД) и увеличению числа индексируемых в них журналов. При этом приоритеты публикационной политики скорректированы в пользу качественных индикаторов. Так, среди целевых показателей национального проекта заявлены число статей в журналах первого и второго квартилей, индексируемых в международных базах данных Web of Science и Scopus, и численность ученых, опубликовавших статьи в таких журналах.

Очевидно, что для организаций, занимающихся социально-экономическими исследованиями, достижение подобных целевых показателей крайне затруднительно. Согласно оценкам экспертов, на высокорейтинговые международные журналы приходится небольшое число публикаций российских экономистов, что обусловлено значительными входными барьерами, связанными с особенностями рецензирования рукописей, отсутствием у авторов аффиляции с ведущими зарубежными университетами и ученых степеней, полученных в этих организациях [1, с. 259]. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретает вопрос о развитии и продвижении российских экономических журналов, включенных в глобальные индексы цитирования, повышении их научного уровня и статуса в международном пространстве. В интернационализации журналов эксперты видят точки роста для развития науки в России и перспективы для улучшения ее научных позиций на международной арене [2]. Редакциям необходимо выстраивать устойчивую систему работы по улучшению качественных характеристик и увеличению международной видимости журналов, чтобы иметь возможность конкурировать с ведущими зарубежными изданиями. Для определения стратегических направлений дальнейшего развития журналов с международной сертификацией нужны новые подходы к оценке их уровня, которые позволили бы осуществлять мониторинг их качества не только в национальном, но и мировом сегменте.

Сложность решения данной задачи заключается в том, что научно-экспертное сообщество не выработало четких критериев оценки научных журналов. Дискуссия развернулась между сторонниками двух основных походов – количественного и качественного. Несмотря на длительный характер обсуждения, эксперты до сих пор не пришли к общему мнению относительно эффективности как наукометрических показателей, так и экспертизы научных журналов. Отсутствие в России авторитетной базы научного цитирования и невысокий уровень научной этики [3] являются основными препятствиями для становления общепризнанной методики оценки журналов. Ограничения библиометрического и экспертного анализа свидетельствуют о том, что использование любого из подходов, как правило, не дает полной картины состояния научной периодики.

На наш взгляд, нельзя недооценивать возможности экспертной оценки для характеристики небольших групп журналов. В то же время количественные факторы могут иметь преимущество для объективного анализа большой выборки изданий. Кроме того, использование библиометрических показателей оправдано для оценки журналов, уже прошедших экспертизу и индексируемых в МНБД.

Современные исследования, основанные на применении методов библиометрического анализа, охватывают и те российские журналы, которые были включены в Web of Science Core Collection (WoS) сравнительно недавно (в 2015 году и позднее) [4; 5]. Некоторые выводы вполне применимы к журналам экономической направленности. Тем не менее сохраняется необходимость отдельной оценки их уровня с целью выявления задач в сфере повышения их качества.

[1] Национальный проект «Наука». http://static.government.ru/media/files/UraNEEbOnbjocoMLPOnnJZx4OT20Siei.pdf

Учитывая вышесказанное, мы проанализировали библиометрические показатели российских экономических журналов, включенных в WoS, для того чтобы провести комплексную оценку их состояния и определить пути повышения международной видимости изданий. Использование данных, полученных из аналитических систем Web of Science и Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), дало возможность охарактеризовать положение журналов в международном и национальном сегментах научной периодики. Поскольку в референтную группу вошел и журнал Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», мы представили характеристику его показателей в динамике и относительно индикаторов других журналов, а также проиллюстрировали некоторые выводы примерами из опыта его развития.

Полученные результаты важны не только для выявления стратегически важных задач по развитию выделенного журнала. Они могут использоваться научными организациями и редакциями для принятия решений по продвижению периодических изданий. Кроме того, выводы исследования значимы для выработки подхода к построению методологии и выбору критериев оценки научного журнала.

Краткий теоретический обзор подходов к оценке экономических журналов

На сегодняшний день сложились два основных подхода к оценке уровня и качества научных журналов – количественный, основанный на использовании библиометрических показателей, и качественный, предполагающий обращение к экспертным оценкам.

Эксперты, отмечая преимущества количественных факторов, подчеркивают, что, хотя они оценивают не содержательные аспекты журнала, а формальные, существует перечень требований, соответствие которому в научном сообществе считается обязательным для хорошего журнала. Качественные параметры позволяют объективнее оценить научный уровень журнала, но их использование связано с большими затратами ресурсов, проблемами селекции экспертов, выбором критериев для анализа [6, с. 18-19].

Если рассматривать традиции проведения оценки экономических журналов, можно сказать, что в зарубежной практике довольно сильны методики, построенные на использовании разных сочетаний библиометрических индикаторов. Хотя один из самых ранних рейтингов экономических журналов, разработанный Р. Хокинсом, Л. Риттером и И. Уолтером, был основан на анализе мнений широкой группы экономистов, принимавших участие в ранжировании журналов из сформированного для опроса списка [7].

Попытки оценить качество журналов при помощи количественных методов были связаны главным образом с анализом цитирования. В ранних исследованиях в качестве критериев оценки использовались число ссылок, полученных журналом из определенных источников [8] либо из пула «основных» журналов [9; 10], институциональная принадлежность авторов статей [11]; предлагались в основном простые методы расчета индексов, позволяющих путем анализа цитирования публикаций из ведущих экономических журналов измерить их вклад в развитие дисциплины [12].

С появлением индексов цитирования широкое распространение получили методы оценки журналов на базе изучения статистических данных из систем цитирования [13], включая значения импакт-фактора [14]. Попытки нивелировать недостатки импакт-фактора привели к использованию более сложных методов, основанных на взвешивании цитирований из журналов разных уровней [15].

Быстрое развитие наукометрического подхода в оценке экономических журналов отразились в разработке их рейтингов. Усилия по осмыслению результатов ранжирования привели к формированию такого метода, как агрегирование различных рейтингов [16]. Несмотря на имеющиеся ограничения, подобные рейтинги, по мнению исследователей, предлагают относительно объективную информацию о научном качестве изданий [17] и считаются весьма важным инструментом для оценки эффективности экономических институтов и отдельных ученых [18].

В России подходы к оценке экономических журналов развивались в соответствии с международной традицией. Подробный обзор состояния таких исследований мы давали ранее [19]. Здесь отметим только то, что на сегодняшний день в этой области сформировались несколько методологических подходов. Экспертный подход строится на социологических измерениях мнений научного сообщества. Результаты представлены в рейтингах экономических журналов, самыми известными из которых считаются проект НИУ ВШЭ [20] и рейтинг, составленный под руководством А.Я. Рубинштейна [21]. Библиометрический подход, основанный на анализе наукометрических показателей, отражен в методиках ранжирования журналов, разработанных А.А. Муравьевым [22], О.В. Третьяковой [19, 23]. С анализом перекрестного цитирования связана методика сетевого анализа, базирующаяся на выявлении системно-значимых научных журналов в сетях [24]. Рейтинг ведущих экономических журналов России (РВЭЖ), разработанный Е.В. Балацким и Н.А. Екимовой, построен на стыке библиометрического и экспертного подходов. К настоящему моменту опубликованы результаты пятой волны РВЭЖ [25]. Как и за рубежом, в России используется подход, связанный с агрегированием существующих рейтинговых продуктов (рейтинг Субочева [26]; консенсусный рейтинг Балацкого–Екимовой [27]).

По мнению экспертного сообщества, как количественные, так и качественные подходы, применяемые сегодня к оценке научных журналов, имеют и сильные стороны, и ограничения. В качестве уязвимых мест рейтингов указываются относительно произвольный выбор библиометрических индикаторов и их слабая корреляция с научным авторитетом журналов, недостаточная обоснованность процедуры агрегирования используемых показателей [28]. Недостатки экспертизы видятся в проблемах селекции экспертов, в субъективности характера оценки, в невозможности охвата больших массивов изданий.

На наш взгляд, в процессе анализа довольно больших массивов изданий практически невозможно обойтись без учета количественных показателей. Причем мы всегда обращали внимание на то, что количественная оценка не является превалирующей и в большинстве случаев требует наложения на полученные результаты экспертного мнения. Но когда речь идет о журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных, следует принимать во внимание тот факт, что при отборе они уже прошли экспертную оценку и подтвердили свое соответствие мировым стандартам качества. Анализ их библиометрических показателей будет, таким образом, полезен для получения объективных характеристик, отражающих динамику их развития и положение относительно друг друга. Кроме того, в ходе проведения комплексной оценки состояния индексируемых в МНБД журналов, число которых невелико, для уточнения некоторых выводов важно учитывать показатели, полученные как из международных, так и национальных систем цитирования.

Результаты оценки состояния российских экономических журналов по показателям в международной наукометрической базе данных Web of Science

На текущий момент в России издается более тысячи экономических журналов. Из них порядка 500 изданий индексируются в РИНЦ. По состоянию на декабрь 2019 года 18 журналов по экономической тематике включены в международную наукометрическую базу данных Web of Science. Все эти издания вошли в Emerging Sources Citation Index (ESCI; Индекс цитирования появляющихся источников), который был добавлен в состав Web of Science Core Collection в конце 2015 года с целью охватить важные региональные журналы и дать научному сообществу возможность обнаруживать новые области исследований, выявлять тенденции развития науки с помощью дополнительных высококачественных данных. При запуске индекса было отобрано около 1,5 тыс. журналов. По состоянию на апрель 2016 года в индекс включено около 3,5 тыс. журналов [29].

Следует отметить, что до появления индекса ESCI российские экономические журналы не были представлены в Web of Science Core Collection. Первым из них, включенным в ESCI, стал журнал Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». Его англо-

язычная версия в числе 16-ти российских журналов вошла в индекс на первом этапе отбора[2].

Важным аспектом, характеризующим ESCI, является то, что все входящие в него издания рассматриваются как кандидаты на включение в основные журнальные указатели: Science Citation Index Expanded, Social Sciences Citation Index, Arts & Humanities Citation Index. При этом решение принимается на основании анализа цитируемости опубликованных в них статей [30]. Таким образом, перед российскими журналами, включенными в ESCI, стоит задача увеличения цитируемости. Те издания, которые успешно с ней справятся, получат возможность войти в один из основных индексов, ранжироваться по значению импакт-фактора и быть причисленными к соответствующему квартилю.

Очевидно, что редакциям предстоит большая работа по продвижению своих изданий в международной среде. Для выработки стратегий развития журналов и определения некоторых целевых индикаторов необходимо организовать регулярный мониторинг библиометрических показателей изданий в Web of Science. Его сложность заключается в том, что у изданий, включенных в ESCI, не рассчитывается импакт-фактор [30]. Следовательно, для их оценки могут быть выбраны другие показатели, которые автоматически формируются в Web of Science.

В *таблице 1* мы обобщили показатели восемнадцати российских журналов, публикующих результаты исследований по экономике и включенных в ESCI. В качестве источников данных использовались указатели, образующие ядро WoS: SCI-EXPANDED, SSCI, A&HCI, CPCI-S, CPCI-SSH, BKCI-S, BKCI-SSH, ESCI. Статистические данные получены в результате обработки прямого запроса с названием каждого издания в режиме «Основной поиск». Временной промежуток был ограничен периодом 2015 – 2019 гг. В качестве верхней границы мы выбрали 2019 год, для того чтобы иметь показатели, характеризующие состояние российских экономических журналов на текущий момент, хотя следует отметить, что система еще пополняется документами за 2019 год, поэтому некоторые выводы по исследуемому периоду в перспективе могут быть уточнены.

Журналы ранжированы по значению индекса Хирша. Ключевыми для их оценки являются показатели, характеризующие цитируемость. По суммарному количеству цитирований в WoS лидирует журнал «Вопросы экономики». Однако необходимо сказать, что на величину данного показателя влияют не только значимость, авторитет и популярность журнала, но и его объем. Поскольку издания значительно отличаются друг от друга по объему, целесообразно оценить среднюю цитируемость. Выделенный показатель отражает среднюю влиятельность одной статьи. Для анализа средней цитируемости, как правило, используются пятилетнее публикационное окно и совпадающее с ним окно цитирования. Определяется среднее число ссылок, полученное за последние пять лет теми статьями, которые опубликованы в течение тех же пяти лет (в расчете на одну статью) [31].

Как мы видим из данных, приведенных в *таблице 1*, более одной ссылки в расчете на одну статью имеют всего три журнала: «Форсайт», «Вопросы экономики» и «Экономика региона». При этом если по суммарному количеству цитирований лидирует журнал «Вопросы экономики», то исходя из среднего числа ссылок на одну статью лучший показатель у журнала «Форсайт» – 2,16 цит. на одну публикацию.

Обращает на себя внимание высокий уровень самоцитирования практически всех изданий. Мировые требования, ориентирующиеся на данные Web of Science, определяют допустимые значения коэффициента самоцитирования до 20%, поскольку у 80% журналов в WoS коэффициент самоцитирования в пределах этого значения[3]. Из проанализированных нами журналов только три («Форсайт», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Записки Горного института») имеют коэффициенты самоцитирования в пределах допустимого значения 20%, у остальных журналов они варьируются от 25 до 50%.

[2] Список российских журналов на конец ноября – начало декабря 2015 г. в новом индексе цитирования ESCI. https://academy.rasep.ru/news/383-spisok-rossijskikh-zhurnalov-na-konets-noyabrya-nachalo-dekabrya-2015-g-v-novom-indekse-tsitirovaniya-esci

[3] Российские научные журналы в Web of Science// Окна роста. 2014. № 19 (95). С. 4. https://okna.hse.ru/news/149357826.html

Таблица 1. Сведения о российских экономических журналах, индексируемых в Web of Science (ESCI), за период 2015–2019 гг.

Журнал	h-index	Всего публикаций, ед.	Суммарное количество цитирований, ед.	Количество цитирований без самоцитирования, ед.	Среднее число ссылок в расчете на одну статью, ед.	Коэффициент самоцитирования,%	Доля ссылок из статей, авторы которых аффилированы с российскими организациями,%	Доля ссылок из статей, авторы которых аффилированы с зарубежными организациями,%
Вопросы экономики	9	443	656	418	1,48	36,3	95,8	4,2
Экономика региона	7	499	557	395	1,12	29,1	87,4	12,6
Форсайт	7	130	281	271	2,16	3,6	72,2	27,8
Terra Economicus	6	192	172	121	0,9	29,7	77,7	22,3
Экономическая политика	5	283	187	139	0,66	25,7	84,8	15,2
Журнал Новой экономической ассоциации	5	216	175	158	0,81	9,7	93,7	6,3
Journal of Institutional Studies	5	165	159	86	0,96	45,9	93,6	6,4
Записки Горного института	5	484	232	212	0,48	8,6	95,7	4,3
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	4	457	163	105	0,36	35,6	89,8	10,2
Мировая экономика и международные отношения	4	764	283	183	0,37	35,3	96,1	3,9
Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	4	186	112	70	0,60	37,5	58,1	41,9
Journal of Tax Reform	4	69	54	31	0,78	42,6	82,5	17,5
Управленец	3	285	77	54	0,27	31,1	51,8	48,2
Бизнес-информатика	3	130	53	36	0,41	32,1	72,3	27,7
Экономика и математические методы (архив за 2017–2019 гг.)	2	123	14	9	0,11	35,7	92,3	7,7
Российский журнал менеджмента (архив за 2018–2019 гг.)	1	31	2	3	0,06	50,0	100	0
Современная Европа (архив за 2016–2019 гг.)	2	433	45	33	0,10	26,7	78,4	21,6
Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика (архив за 2017-2019 гг.)	1	72	15	8	0,21	46,7	93,3	6,7
Источник: построено автором по данным Web of Science на 01.12.2019.								

Кроме того, как свидетельствуют результаты нашего исследования, статьи из отечественных экономических журналов получают в WoS ссылки в основном от российских авторов. Например, доля ссылок на ведущий российский журнал «Вопросы экономики» от авторов, которые аффилированы с зарубежными организациями, составляет менее 5% в общем числе цитирований. Такие результаты в значительной степени коррелируют с данными исследования о цитируемости российских журналов, входящих в ESCI [4].

На наш взгляд, сложившаяся ситуация обусловлена, во-первых, недавним включением российских журналов в международную базу Web of Science, а во-вторых, рядом факторов, препятствующих их успешной интеграции в мировое научно-информационное пространство. Главная проблема заключается в их низкой международной видимости, повысить которую возможно, с одной стороны, путем расширения авторской аудитории за счет иностранцев и публикации результатов совместных исследований с зарубежными учеными, а с другой – за счет расширения круга российских журналов по экономике в Web of Science.

Показатели журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» свидетельствуют о том, что на текущий момент он испытывает ряд трудностей, сходных с проблемами большинства российских журналов, включенных в WoS. Судя по относительно невысокому числу ссылок (в среднем 0,36 цит. на одну статью), задачи его продвижения должны заключаться в значительном повышении международной видимости. Тем не менее доля ссылок из статей, авторы которых аффилированы с зарубежными организациями, составляет более 10%. Это является косвенным подтверждением правильности выбранного направления работы по продвижению издания в международном сегменте.

Результаты оценки научных экономических журналов по показателям, определяющим их состояние на национальном уровне

Для проведения оценки состояния журналов на национальном уровне мы проанализировали их библиометрические показатели в Российском индексе научного цитирования за 2018 год[4]. Сопоставление полученных данных с результатами анализа показателей журналов в WoS дает возможность уточнить некоторые выводы и скорректировать задачи развития и для отдельного издания, и в целом для научных журналов, издающихся в России.

Чтобы сравнить показатели журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» и других российских журналов экономической направленности, включенных в WoS, мы обобщили ряд библиометрических индикаторов, позволяющих выполнить комплексный анализ их цитируемости *(табл. 2)*. В общем списке журналы ранжированы по интегральному показателю[5] в рейтинге Science Index-2018. Для каждого журнала приведены значения пяти показателей: двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов, пятилетнего коэффициента самоцитирования, пятилетнего индекса Херфиндаля по цитирующим журналам[6] и индекса Херфиндаля по организациям авторов[7]. Все индикаторы ранжированы. В итоге получен рейтинг журналов, который представляет собой систематизированный свод абсолютных и относительных показателей журналов за год, что необходимо для вертикальных и горизонтальных сопоставлений.

В качестве критериев ранжирования выделяются показатели двух импакт-факторов – двухлетнего и пятилетнего. Как мы уже поясняли ранее в наших исследованиях, это обусловлено желанием выявить журналы, публикующие самые цитируемые с момента выхода в свет статьи, но в то же время сгладить выбросы от влияния отдельных статей с аномальной цитируемостью за счет использования более широкого публикационного окна [19]. Чтобы оценить, насколько индексируемые в МНБД журналы авторитетны в российских

[4] Данные приводятся по состоянию на август 2018 года.

[5] Интегральный показатель журнала, лежащий в основе построения рейтинга Science Index, рассчитывается на базе нескольких библиометрических показателей. За основу расчетов показателя берется пятилетний импакт-фактор журнала в РИНЦ с учетом цитирования переводной версии журнала (при ее наличии) и с учетом самоцитирования, нормированного с учетом среднего числа ссылок в списках цитируемой литературы, а также доли ссылок, приходящихся на пятилетний период, используемый при расчете импакт-фактора. Полученное значение делится на индекс Херфиндаля по цитирующим журналам, нормированный на его возможное минимальное значение в данном направлении.

[6] Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам рассчитывается как сумма квадратов процентных долей журналов, цитирующих данный, по отношению к общему количеству цитирований (при расчете учитываются ссылки из текущего года на предыдущие 5 лет, в том числе самоцитирования).

[7] Индекс Херфиндаля по организациям авторов рассчитывается как сумма квадратов процентных долей количества статей, опубликованных различными организациями, по отношению к общему количеству статей в журнале в текущем году, в которых организация идентифицирована.

Таблица 2. Сводные библиометрические показатели российских экономических журналов*
в Российском индексе научного цитирования за 2018 год (данные НЭБ на август 2018 г.)

№ п/п	Журнал	Учредитель/издатель	Город	Показатель журнала в рейтинге Science Index-2018	Двухлетний импакт-фактор	Ранг	Пятилетний импакт-фактор	Ранг	Пятилетний коэф. самоцитирования, %	Ранг	Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам	Ранг	Индекс Херфиндаля по организациям авторов	Ранг
1.	Вопросы экономики	НП «Редакция журнала «Вопросы экономики»	Москва	22,669	5,645	1	4,201	1	4,6	6	77	1	730	3
2.	Форсайт	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	13,928	2,189	4	3,018	2	0,9	1	90	3	1429	11
3.	Экономика региона	Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет	Екатеринбург	11,334	3,295	2	2,493	3	5,8	7	92	4	507	2
4.	Журнал Новой экономической ассоциации	АНО Журнал Новой экономической ассоциации	Москва	6,908	2,372	3	1,763	4	1,9	5	106	6	1478	12
5.	Мировая экономика и международные отношения	НИИ мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; Российская академия наук	Москва	6,400	1,893	7	1,221	10	6,2	9	79	2	2238	13
6.	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Вологодский научный центр РАН	Вологда	5,193	1,895	6	1,449	6	8,1	10-11	116	7	840	5
7.	Экономическая политика	РАНХиГС; Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара	Москва	4,545	2,054	5	1,380	8	6,1	8	126	8	1182	6
8.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика	Санкт-Петербургский государственный университет	Санкт-Петербург	4,098	1,559	11	1,385	7	8,1	10-11	141	9	2325	15

* Приведены показатели журналов, включенных в WoS.

Окончание таблицы 2

№ п/п	Журнал	Учредитель/издатель	Город	Показатель журнала в рейтинге Science Index-2018	Двухлетний импакт-фактор	Ранг	Пятилетний импакт-фактор	Ранг	Пятилетний коэф. самоцитирования, %	Ранг	Пятилетний индекс Хирфиндаля по цитирующим журналам	Ранг	Индекс Хирфиндаля по организациям авторов	Ранг
9.	Journal of Institutional Studies	ООО «Гуманитарные перспективы»	Ростов-на-Дону	3,599	1,685	9	1,324	9	13,7	17	267	14	775	4
10.	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	3,031	1,329	12	0,939	11	1,1	2	225	11	3333	18
11.	Управленец	Уральский государственный экономический университет	Екатеринбург	2,790	0,961	14	0,649	16	1,7	4	97	5	1352	9
12.	Российский журнал менеджмента	Санкт-Петербургский государственный университет	Санкт-Петербург	2,481	1,884	8	1,534	5	9,8	13	258	13	2896	16
13.	Terra Economicus	Южный федеральный университет	Ростов-на-Дону	1,908	1,625	10	0,667	14-15	1,4	3	146	10	484	1
14.	Современная Европа	Институт Европы РАН; Российская академия наук	Москва	1,721	0,928	16	0,667	14-15	11,5	14	281	17	2977	17
15.	Бизнес-информатика	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	1,236	0,672	18	0,750	13	8,3	12	236	12	1270	7
16.	Экономика и математические методы	ЦЭМИ РАН; Российская академия наук; Институт проблем рынка РАН	Москва	1,079	0,957	15	0,757	12	12,6	15	273	15	2295	14
17.	Записки Горного института	Санкт-Петербургский горный университет	Санкт-Петербург	0,364	0,769	17	0,336	17	13,3	16	278	16	1389	10
18.	Journal of Tax Reform	Уральский федеральный университет; Байкальский государственный университет	Екатеринбург, Иркутск	-	0,964	13	-	18	22,5	18	1025	18	1289	8

научных кругах, мы сопоставили значения двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов РИНЦ с их медианными значениями в группе журналов по тематике «Экономика. Экономические науки» (данные РИНЦ на август 2018 г.). Удалось установить, что у всех журналов значения двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов выше медианного значения по дисциплине (медиана распределения значений двухлетнего импакт-фактора журналов в 2018 году составила 0,371; медиана распределения значений пятилетнего импакт-фактора – 0,289). У 12 изданий значение двухлетнего импакт-фактора больше единицы. Таким образом, доля высокоцитируемых журналов составляет 67%. Они могут быть охарактеризованы как имеющие высокий уровень влияния в научной среде.

Оценивая уровень самоцитирования журналов по показателям в WoS, мы сделали вывод, что он высокий. В то же время практически все журналы (кроме «Journal of Tax Reform») имеют низкие коэффициенты самоцитирования в РИНЦ, что служит свидетельством корректности политики изданий в этом вопросе. Судя по полученным данным, высокая доля самоцитирования у российских журналов по экономике в WoS обусловлена объективными причинами. Всё вышесказанное подтверждает, что на сегодняшний день сдерживающим фактором для российских журналов экономической тематики является их незначительное количество в WoS. Данное обстоятельство, несколько искажающее картину цитирования, негативно отражается на показателях самоцитирования в МНБД.

Для того чтобы при анализе цитирования учитывать не только его объем, но и масштабность, т.е. отграничить от журналов, хорошо известных в научном сообществе, издания, которые характеризуются незначительным количеством ссылающихся на них источников, мы применили индекс Херфиндаля по цитирующим журналам. Низкие значения (менее 1000) этого показателя у всех журналов, кроме «Journal of Tax Reform», позволяют сделать вывод о их востребованности среди широкого круга изданий.

Вместе с тем анализ значений индекса Херфиндаля по организациям авторов выявил среди российских экономических журналов с международной сертификацией высокую долю локальных изданий, т.е. имеющих узкий круг авторов, которые, как правило, аффилированы с материнской организацией. По значениям индекса за 2018 год общая доля изданий с высоким уровнем локальности (значение индекса Херфиндаля выше 1000) составила 72% (13 журналов).

Из анализа показателей журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» следует, что он занимает довольно высокие позиции среди других изданий сходной тематики. За 2008–2019 гг. на его страницах было опубликовано порядка 900 научных статей, тематика которых соответствует приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований в области экономического знания. С 2015 года годовой объем статей стабилизировался, при этом темпы роста числа цитирований продолжали расти. В 2018 году ежегодное число получаемых журналом ссылок увеличилось в 1,6 раза по сравнению с уровнем 2015 года – года включения в базу данных Web of Science *(рис. 1)*.

В целом положительная динамика значений импакт-факторов журнала *(рис. 2)* позволяет сделать вывод о росте его научного авторитета. По значениям двухлетнего и пятилетнего импакт-факторов РИНЦ за 2018 год журнал занимает шестую позицию среди 18-ти других журналов из референтной группы (см. табл. 2). Величина значений импакт-факторов характеризует журнал как высокоцитируемый, оказывающий определенное воздействие на развитие своего научного направления и воспринимаемый научным сообществом экономистов как авторитетный. Необходимо подчеркнуть, что повышение импакт-фактора происходит за счет увеличения количества ссылок из внешних источников, на что указывает снижение коэффициентов самоцитирования журнала *(рис. 3)*.

О растущей популярности издания в научном сообществе косвенно свидетельствует и динамика пятилетнего индекса Херфиндаля по цитирующим журналам *(рис. 4)*. Данные, представленные на диаграмме, наглядно доказывают, что после включения журнала в WoS круг цитирующих его изданий существенно расширился. Это подтверждается уменьшением значения индекса в 3,5 раза в 2018 году по сравнению со значением 2015 года. Еще одно существенное достижение в развитии журнала связано с преодолением локальности его харак-

Рис. 1. Динамика показателей числа статей и цитирований журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 17.08.2019)

Рис. 2. Динамика значений импакт-фактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 17.08.2019)

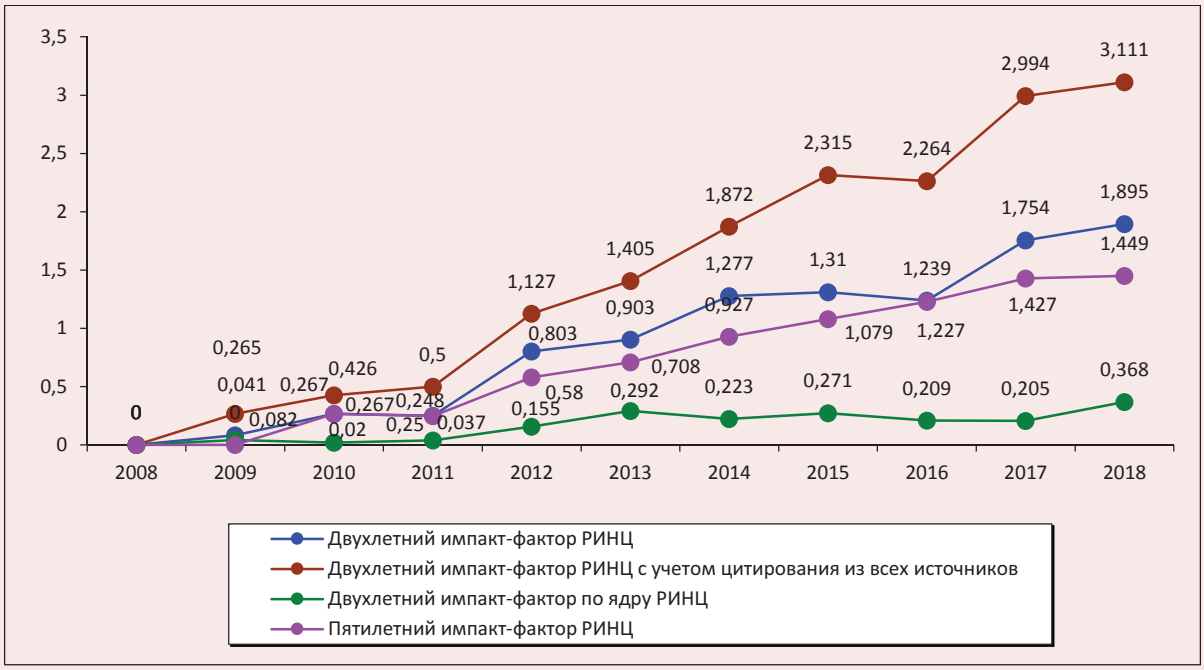

Рис. 3. Динамика коэффициентов самоцитирования журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 17.08.2019)

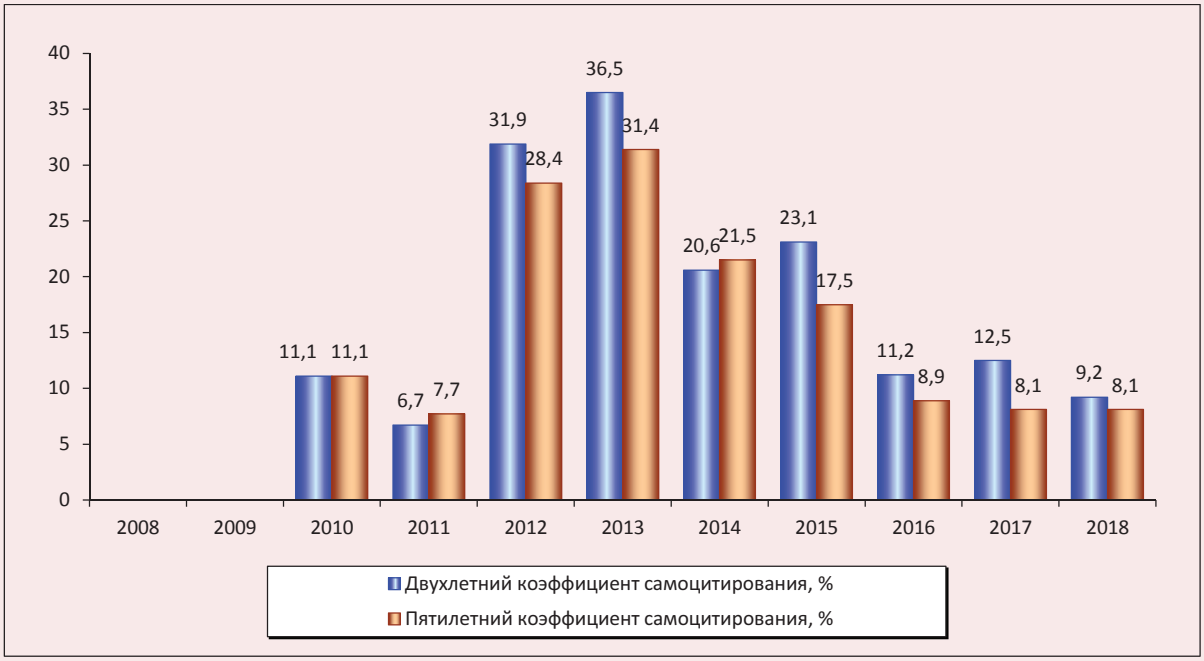

Рис. 4. Динамика пятилетнего индекса Херфиндаля по цитирующим журналам и индекса Херфиндаля по организациям авторов журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 17.08.2019)

тера. Снижение индекса Херфиндаля по организациям авторов в 2017 и 2018 годах говорит об эффективности работы редакции по расширению географии авторского состава.

Важно отметить, что в целом по результатам комплексного библиометрического анализа, который проводится в РИНЦ по периодическим научным изданиям, журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» занял 7 место в рейтинге Science Index за 2018 год по тематике «Экономика. Экономические науки» (из 386 журналов; данные НЭБ на 17.08.2019), улучшив свое положение на две позиции по сравнению с рейтингом 2017 года *(табл. 3)*.

Динамика позиций журнала в рейтинге Science Index *(табл. 4)* наглядно свидетельствует о том, что в течение пяти лет положение журнала существенно улучшалось: если в 2014 году он начинал с 52 места в тематическом рейтинге среди 347 экономических журналов, находясь при этом на 565 месте в общем рейтинге, то в 2018 году вышел на 53 место в общем рейтинге (среди 3 542 журналов), улучшив позиции в 10 раз, и на 7 место в тематическом рейтинге среди экономических изданий.

В 2018 году журнал вошел в ядро из десяти ведущих научных изданий по экономике, аффилированных с организациями академического сектора *(табл. 5)*. С 2016 года он входит в Алмазный список ведущих экономических журналов России (рейтинг Балацкого–Екимовой) [25; 32], составленный на основе анализа библиометрических параметров и экспертных оценок *(табл. 6)*. Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что журнал находится в группе ведущих экономических журналов России.

Таблица 3. Топ-10 рейтинга Science Index за 2018 год по тематике «Экономика. Экономические науки» (данные НЭБ на 17.08.2019)

Журнал	Показатель SI	Место в рейтинге 2017	Место в рейтинге 2018
Вопросы экономики	22,669	1	**1**
Форсайт	13,928	2	**2**
Экономика региона	11,334	3	**3**
Журнал Новой экономической ассоциации	6,908	7	**4**
Пространственная экономика	6,604	5	**5**
Мировая экономика и международные отношения	6,400	4	**6**
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	5,193	9	**7**
Экономическая политика	4,545	13	**8**
Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика	4,002	24	**9**
Вестник Томского государственного университета. Экономика	3,947	11	**10**

Таблица 4. Динамика значений интегрального показателя и позиций журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в рейтинге Science Index (данные НЭБ на 17.08.2019)

Индикатор	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX	0,014	0,156	0,210	0,237	0,333	0,723	1,080	2,852	3,792	5,193
Место в рейтинге Science Index по тематике «Экономика. Экономические науки»	117	58	67	68	70	52	45	13	9	7
Количество журналов в рейтинге Science Index по тематике «Экономика. Экономические науки»	201	228	252	291	322	347	369	386	388	388
Место журнала в общем рейтинге Science Index	1632	781	842	914	897	565	420	111	74	53

Таблица 5. Топ-10 Импакт-рейтинга экономических журналов академического сектора – 2018

Журнал	Показатели в РИНЦ за 2016 г. (по состоянию на апрель 2018 г.)				Интегральный показатель	Ранг
	IF_2	IF_5	HI_J	HP		
Вопросы экономики	7,288	4,650	81	33	2,000	1
Экономика региона	2,500	1,484	146	7	0,757	2
Журнал новой экономической ассоциации	1,118	0,828	117	0	0,731	3
Проблемы прогнозирования	2,538	2,104	206	3	0,699	4
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	1,363	1,149	176	4	0,568	5
Вестник Института экономики Российской академии наук	0,788	0,499	155	3	0,552	6
ЭКО	0,910	0,628	161	3	0,543	7
Пространственная экономика	2,000	1,357	304	2	0,485	8
Прикладная эконометрика	0,981	0,799	230	0	0,414	9
Экономическая наука современной России	0,607	0,829	224	0	0,412	10

Примечания: **IF_2** – двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования (с учетом переводной версии); **IF_5** – пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования; **HI_J** – пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам; **HP** – количество высокоцитируемых статей (hot papers).
Источник: Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения / сост. О.В. Третьякова [19].

Таблица 6. Алмазный список экономических журналов России, 2019 г.

Журнал	Учредитель/издатель (город)	Ранг в рейтинге 2016 г.	Ранг в рейтинге 2019 г.
Вопросы экономики	НП «Редакция журнала «Вопросы экономики» (Москва)	1	1
Форсайт	НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)	2	2
Экономика региона	Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)	3	3
Мировая экономика и международные отношения	Российская академия наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (Москва)	7	4
Проблемы прогнозирования	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва)	6	5
Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)	15	6
Terra Economicus	Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)	8	7
Журнал Новой экономической ассоциации	АНО «Журнал Новой экономической ассоциации» (Москва)	5	8
Экономическая политика	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва)	4	9
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Вологодский научный центр РАН (Вологда)	10	10
Деньги и кредит	Центральный банк Российской Федерации (Москва)		11
Бизнес-информатика	НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)	14	12
Российский журнал менеджмента	Санкт-Петербургский государственный университет. Высшая школа менеджмента (Санкт-Петербург)	17	13

Источник: Рейтинг ведущих экономических журналов России – 2019 / сост. Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова [25; 32].

Пути повышения международной видимости научного журнала

Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, в основном общих для всех российских экономических журналов, включенных в Web of Science. На наш взгляд, с расширением круга российских журналов в этой базе проблема высокого самоцитирования будет постепенно нивелироваться благодаря увеличению доли ссылок из внешних источников. В то же время каждому из журналов предстоит решать задачи по улучшению доступности публикуемых материалов для международного научного сообщества. Это может быть сделано путем расширения зарубежной авторской аудитории, повышения качества публикуемых материалов за счет усиления рецензирования, в том числе привлечения ведущих зарубежных экспертов к оценке статей.

Важным условием повышения международной видимости журналов считается выпуск их полнотекстовых версий на английском языке. Как отмечает О.В. Кириллова, «журналы на английском языке имеют значительно больше шансов получить высокие показатели, чем журналы, издающиеся на языке страны» [2]. На наш взгляд, оптимальным является издание журнала в двух идентичных версиях на русском и английском языке, в которых выходные данные статей полностью совпадают. В таком формате выпускается журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». По мнению экспертов, издание российских журналов на двух языках кажется наиболее правильным решением, поскольку, делая журнал доступным для зарубежной аудитории, одновременно важно сохранить русский научный язык и научную коммуникацию в русскоязычной среде [2].

Редакции используют различные способы, чтобы обеспечить востребованность журнала международным научным сообществом. Для этого журналы рассылаются в зарубежные библиотеки и размещаются в зарубежных репозиториях; к ним предоставляется открытый доступ [33]. Поиск статей российских авторов в международном информационном пространстве улучшается за счет присвоения публикациям идентификаторов doi, обеспечивающих перекрестную связь статей из мировых журналов на порталах зарубежных издательств и способствующих их корректному цитированию [33; 34]. Редакции разрабатывают программы участия журналов в публичных мероприятиях, развивают сети так называемых «послов» изданий, т.е. лиц, которые ведут работу по поиску новых авторов, в том числе зарубежных [34].

Опыт редакции журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» по реализации обозначенных выше целей был представлен на международной конференции «Научное издание международного уровня» [35]. Резюмируя основные выводы доклада, отметим, что ощутимый прирост в решении задач по усилению качества иностранного контента дают долговременные научные проекты, над которыми ведется совместная работа с зарубежными научными организациями, а также непосредственное участие рассматриваемого журнала в международных проектах. Один из наиболее результативных проектов – SI-DRIVE (Social Innovation: Driving Force of Social Change – Социальные инновации: движущие силы социальных изменений). Он реализовывался в течение четырех лет научным консорциумом из 26 стран. Единственным участником от России стала группа исследователей из Вологодского научного центра РАН. Журнал ВолНЦ РАН был представлен на состоявшихся в рамках проекта международных семинарах и конференциях: в Лейдене (Нидерланды, февраль 2017), Дюссельдорфе (Германия, апрель 2017 г.), Брюсселе (Бельгия, октябрь 2017 г.). В январе 2018 г. состоялась презентация журнала в Брюсселе на первом заседании Европейской школы социальных инноваций (European School of Social Innovation; ESSI), сформировавшейся по завершении проекта SI-DRIVE. В том же году журнал стал официальным партнером ESSI.

Работа журнала в данном проекте позволила одновременно решить несколько важных задач, связанных с расширением географии его зарубежных авторов и усилением состава редакционный коллегии за счет привлечения зарубежных участников проекта[8]. По результатам

[8] В период реализации проекта в состав редколлегии журнала вошли Тюзин Байджан (Турция), Ка Лин (Китай), Пейтер Оуй (Нидерланды), Йозеф Хохгернер (Австрия), Антониус Шрёдер (Германия).

совместных исследований в рамках проекта была опубликована серия статей, подготовленных авторами из разных стран: Нидерландов, Великобритании, Испании, Португалии, Германии, Литвы, Турции, Бразилии (см. ЭиСП: № 5, 2016, с. 195-218; т. 10, № 4, 2017, с. 242-258). Вышли две совместные публикации ученых из Вологодского научного центра с руководителем проекта из Германии (см. ЭиСП: т. 10, № 5, 2017, с. 21-36), а также с исследователями из Испании и Китая (см. ЭиСП: т. 11, № 2, 2018, с. 52-68.). Следует подчеркнуть, что опубликованные материалы освещают проблемы, которые активно обсуждаются в европейском научном сообществе, поэтому потенциал их цитирования оценивается как достаточно высокий.

Участие в крупных международных конференциях в качестве так называемого «supporting journal» стало еще одной точкой роста для развития зарубежного контента журнала. В частности, уже на протяжении трех лет он является информационным партнером Международной конференции по проблемам управления «Management International Conference». Состоялись презентации журнала в рамках «Редакторской панели» (Editorial Panel) в Италии (2017 г.), Словении (2018 г.), Хорватии (2019 г.). В результате были опубликованы несколько статей авторов из европейских стран: Румынии, Польши, Хорватии, Венгрии (см. ЭиСП: т. 10, № 6, 2017, с. 234-247; т. 11, № 4, 2018, с. 185-201; т. 11, № 5, 2018, с. 182-197; т. 12, № 4, 2019, с. 220–233).

Еще одно событие, значимое для развития журнала, – его презентация на Международном семинаре по вопросам доверия, проходившем в Токио (Университет Риккио, октябрь 2018 года). Итоги семинара показали, что в основе ряда японских и российских исследований социальных проблем, несмотря на наличие специфики, лежат сходные методики. Именно поэтому родилась идея представить результаты исследований японских коллег на страницах журнала. В предыдущем его номере были опубликованы три статьи ученых из Японии, посвященные проблемам становления и развития социологического знания в этой стране (см. ЭиСП: т. 12, № 5, 2019, с. 158–174).

Всё вышесказанное дает возможность констатировать, что перечисленные выше меры работают на расширение зарубежной авторской аудитории и повышение качества иноязычного контента за счет публикации статей с более высоким потенциалом цитирования в международных индексах. Показателем результативности этих мероприятий является наличие у журнала ссылок от зарубежных авторов. Перспективные направления работы по улучшению его международной видимости могут быть связаны с совершенствованием качества метаданных статей и формированием контента, отвечающего запросам мировой аудитории, расширением программы участия в международных научных мероприятиях, увеличением каналов его распространения.

Заключение

Результаты анализа библиометрических показателей российских экономических журналов, включенных в Web of Science, позволили выявить факторы, которые негативно отражаются на их положении в международном пространстве, главным среди которых, по нашему мнению, выступает их незначительное количество. Поскольку российские журналы экономической тематики были включены в WoS сравнительно недавно, их международная видимость пока низкая и число ссылок из зарубежных изданий небольшое. Основное цитирование рассматриваемые журналы получают из российских источников. Таким образом, вопрос о повышении уровня цитирования отечественных журналов в международных наукометрических базах данных может быть решен, с одной стороны, за счет увеличения числа индексируемых российских журналов, а с другой стороны, путем улучшения их международной видимости, расширения зарубежной авторской аудитории и публикации материалов, обладающих высоким потенциалом цитирования, по актуальной для мирового научного сообщества проблематике.

Динамика основных показателей журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» говорит об эффективности системного подхода, который применяется для решения ключевых задач по достижению соответствия всем требова-

ниям, предъявляемым к современному научному журналу. Высокие значения импакт-фактора журнала в РИНЦ дают нам возможность заключить, что он стал хорошо известным в научном сообществе изданием, оказывающим воздействие на развитие экономической науки в стране. Его широкая известность подтверждается значительным числом цитирующих научных журналов и расширяющейся географией состава авторов, о чем свидетельствуют низкие значения индексов Херфиндаля. Всё это позволяет отнести журнал к ведущим российским изданиям по экономике и определить его статус как общероссийский. Включение в главную наукометрическую базу данных показало, что высокий уровень журнала признается не только среди российских экономистов, но и в международном научном сообществе.

Вместе с тем анализ показателей журнала в WoS выявил ряд проблем, решение которых поможет укрепить его международные позиции. Перед журналом стоят сложные задачи по завоеванию читательской аудитории за рубежом, увеличению цитируемости, а следовательно, понадобятся новые инструменты и механизмы, обеспечивающие мировой уровень качества издания, повышающие доступность и увеличивающие его видимость в международном информационном пространстве.

Полагаем, что для улучшения положения российских экономических журналов в международных наукометрических базах данных требуется консолидация усилий со стороны научно-редакторского сообщества. Определенные условия для этого созданы Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ) под председательством О.В. Кирилловой. Благодаря ее усилиям появилась Секция экономических журналов, которая организует профильные круглые столы в рамках ежегодной конференции «Научное издание международного уровня». Можно сказать, что создана площадка для ведения профессионального разговора между представителями крупнейших мировых издательств, информационно-аналитических ресурсов, редакторами журналов экономического профиля, учеными-экономистами. И хотя ряд вопросов в сфере повышения качественного уровня журналов экономического профиля успешно решается, наличие барьеров, препятствующих их интеграции в международное пространство, требует расширения формата таких мероприятий. Одним из решений может быть организация ежеквартальных семинаров, объединяющих (возможно, в режиме онлайн) ведущих экспертов в области редакционно-издательского дела, редакторов, рецензентов, авторов. Кроме того, требуется более тесное взаимодействие научного сообщества и Министерства науки и высшего образования РФ по выработке мер, направленных на системную поддержку отечественной научной периодики, развитие национальных библиографических баз и комплексное стимулирование ведущих журналов, включенных в международные индексы цитирования.

Литература

1. Муравьев А.А. О российской экономической науке сквозь призму публикаций российских ученых в отечественных и зарубежных журналах за 2000-2009 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 2. С. 237–264.
2. Кириллова О. В. О влиянии языка статей на показатели научных журналов в международных наукометрических базах данных // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4. № 1–2. С. 21–33. DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-21-33
3. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Возможности консолидации рейтинговых продуктов в Интернет-среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 37–51. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.3
4. Москалева О.В., Писляков В.В. Российские журналы в Emerging Sources Citation Index // Научное издание международного уровня – 2017: мировая практика подготовки и продвижения публикаций: материалы 6-й Международной научно-практической конференции, г. Москва, 18–24 апреля 2018 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 78–81. DOI: 10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.13

5. Москалева О. В. Российские журналы в Web of Science Core Collection // Научный редактор и издатель. 2018. Т. 3. № 1–2. С. 26–32. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-26-32
6. Котляров И. Д. Принципы оценки качества научных журналов // Образование и наука. 2010. № 8 (76). С. 4–19.
7. Hawkins R. G., Ritter L. S., Walter I. What economists think of their journals. *The Journal of Political Economy*, 1973, vol. 81, no. 4, pp. 1017–1032.
8. Coats A.W. The role of scholarly journals in the history of economics: An essay. *Journal of Economic Literature*, 1971, no. 9 (1), pp. 29–44.
9. Billings B., Viksnins G. The relative quality of economics journals: an alternative rating system. *Economic Inquiry*, 1972, no. 10 (4), pp. 467–469.
10. Lovell M.C. The production of economic literature: An interpretation. *Journal of Economic Literature,* 1973, no. 11, pp. 27–55.
11. Moore W. The relative quality of economics journals: a suggested rating system. *Western Economic Journal,* 1972, no. 10, pp. 156–169.
12. Bush W.C., Hamelman P.W., Staaf R.J. A quality index for economics journals. *The Review of Economics and Statistics*, 1974, vol. 51, no. 1, pp. 123–125.
13. Diamond A.M. The core journals of economics. *Current Contents*, 1989, no. 21(1), pp. 4–11.
14. Garfield E. Citation indexes for science. *Science,* 1955, no. 122, pp. 108–111.
15. Liebowitz S.J., Palmer J.C. Assessing the relative impacts of economics journals. *Journal of Economic Literature*, 1984, no. 22, pp.77–88.
16. Bornmann L., Butz A., Wohlrabe K. What are the top five journals in economics? A new meta-ranking. *Applied Economics*, 2018, no. 50:6, pp. 659-675.
17. Ritzberger K. A ranking of journals in economics and related fields. *German Economic Review*, 2008, no. 9 (4), pp. 402–430.
18. Halkos G.E., Tzeremes N.G. Measuring economic journals' citation efficiency: a data envelopment analysis approach. *Scientometrics*, 2011, vol. 88, no. 3, pp. 979–1001. https://doi.org/10.1007/s11192-011-0421-y
19. Третьякова О.В. Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора: критерии и методика построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 179–194. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.12
20. Проект НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российских научных журналов. М.: Управление академической экспертизы НИУ ВШЭ, 2015. URL: http://www.hse.ru/academexpert/journals.
21. Рубинштейн А.Я. Российские экономические журналы: табель о рангах // Экономическая наука современной России. 2018. № 1. С. 108–130.
22. Муравьев А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 130–151.
23. Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5. С. 159–172. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11
24. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ / Ф.Т. Алескеров, Д.Н. Бадгаева, В.В. Писляков, И.А. Стерлигов, С.В. Швыдун // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 193–205.
25. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 124–139. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8
26. Субочев А.Н. Насколько различны существующие рейтинги российских научных журналов по экономике и менеджменту и как их объединить // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 181–192.
27. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Консенсусный рейтинг российских экономических журналов: идеология и опыт составления // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 1. С. 93–106. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.1.093-106

28. Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цыфирь»? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2 (30). С. 162–175.
29. Huang Y., Zhu D., Lv Q. et al. Early insights on the Emerging Sources Citation Index (ESCI): an overlay map-based bibliometric study. *Scientometrics*, 2017, vol. 111, no. 3, pp. 2041–2057. DOI: 10.1007/s11192-017-2349-3
30. Маркусова В.А. Библиометрические характеристики российской науки в новом указателе Emerging Sources Citation Index // Информационные процессы и системы. 2016. №11. С. 24–31.
31. Писляков В.В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Tomson Reuters // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург, 2014. С. 75–109.
32. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международный ландшафт рынка российских экономических журналов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7
33. Куклин А.А., Балякина Е.А. Активная политика – залог успеха международного экономического журнала // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 160–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-08
34. Гавриличева Н.А., Охонько Я.Н. Стратегия продвижения издания после вхождения в Scopus // Научное издание международного уровня – 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций: материалы 4-й Международной научно-практической конференции, Москва, 26–29 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 33–38.
35. Третьякова О.В. Интеграция российских журналов в международное научно-информационное пространство: точки роста для экономических изданий // Научное издание международного уровня – 2018: редакционная политика, открытый доступ, научные коммуникации: материалы 7-й международ. науч.-практ. конф., Москва, 24–27 апреля 2018 г. М., 2018. С. 139–144. DOI: 10.24069/konf-24-27-04-2018.25

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: olga.tretyackova@yandex.ru)

Tret'yakova O.V.

Russian Economic Journals Indexed in Web of Science: Current State and the Ways of Increasing International Visibility

Abstract. Determination of strategic directions for development of Russian journals included in the international database Web of Science requires improvement of methods for assessing their level. The article proposes an approach, the essence of which is determined by the use of bibliometric analysis methods for a comprehensive assessment of the state of Russian economic journals, based on the indicators obtained from both international and national citation systems. Our data sources include indices that form the core of Web of Science and the Russian Science Citation Index. We assess the state of 18 Russian economic journals, including the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* issued by Vologda Research Center of RAS. We summarize the experience of this journal in improving its international visibility. We define the factors that impede the integration of Russian journals into the world scientific and information space and outline strategic tasks that should be addressed so that the journals' position in the international space could be improved. The results obtained can be used by scientific organizations and editors to make decisions on the development of periodicals. The conclusions of our study are important for discussing the problem related to choosing approaches and criteria for evaluating scientific journals.

Key words: economic journals, bibliometric indicators, international visibility of the journal, international scientometric databases, Web of Science, Emerging Sources Citation Index.

Information about the Author

Ol'ga V. Tret'yakova – Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: olga.tretyackova@yandex.ru)

Статья поступила 02.12.2019.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области[1].

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь – декабрь 2019 г.), а также за период с декабря 2018 по декабрь 2019 г.

Даётся сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за 2017–2019 гг.

В октябре – декабре 2019 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составила 54%, удельный вес отрицательных суждений – 30-31%.

Незначительный рост доли негативных суждений о деятельности главы государства наблюдается во второй половине 2019 г.: за период с июня по декабрь она увеличилась на 3 п.п. (с 28 до 31%).

В целом по итогам 2019 г. уровень одобрения деятельности главы государства существенно снизился (по сравнению с 2018 г. на 10 п.п., с 66 до 56%); доля негативных оценок возросла на 8 п.п. (с 22 до 30%).

[1] Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

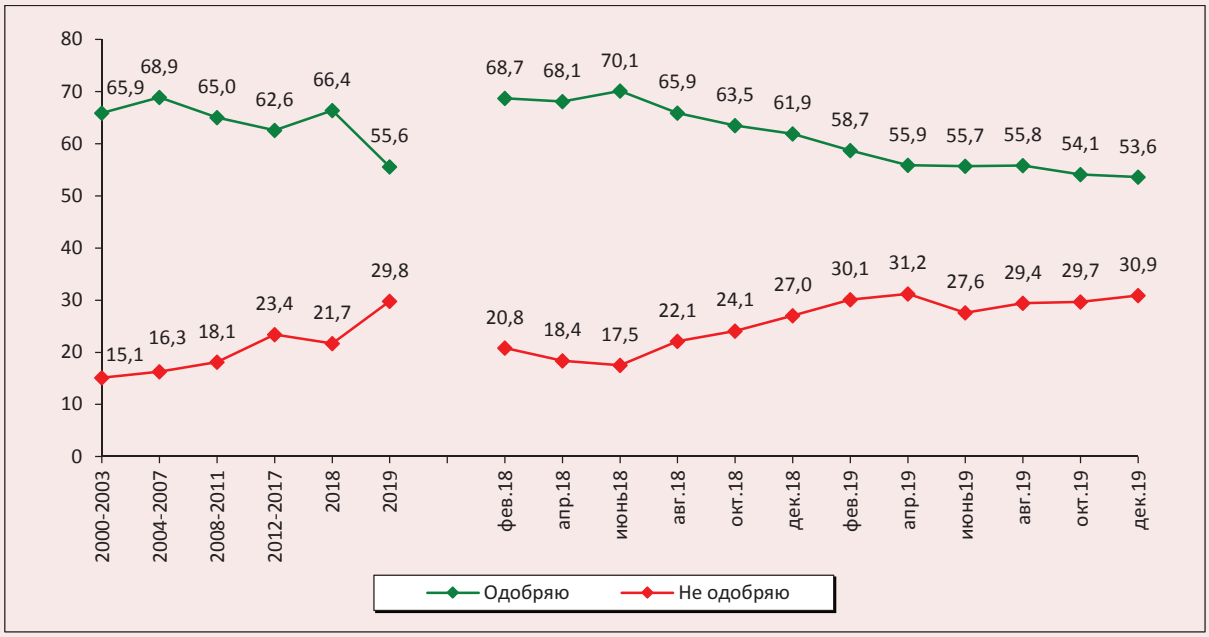
Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте http://www.vscc.ac.ru/.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ в октябре – 1 половине декабря 2019 г. снизился с 65 до 63%, доля негативных суждений возросла с 26 до 28%.

По данным Левада-Центра в октябре – ноябре 2019 г. доля положительных оценок деятельности главы государства уменьшилась с 70 до 68%, негативных – возросла с 29 до 31%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-)	
														2019 г. к 2018 г.	дек. 19 к окт. 19
Президент РФ															
Одобряю	75,3	58,7	51,7	67,3	66,4	55,6	61,9	58,7	55,9	55,7	55,8	54,1	53,6	-10	-1
Не одобряю	11,5	25,5	32,6	20,0	21,7	29,8	27,0	30,1	31,2	27,6	29,4	29,7	30,9	+8	+1
Председатель Правительства РФ*															
Одобряю	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	41,1	45,3	41,6	38,8	40,9	43,1	41,1	41,1	-7	0
Не одобряю	-	24,7	33,3	31,1	31,6	38,4	36,9	39,3	40,2	38,0	36,3	37,5	38,9	+7	+1
Губернатор															
Одобряю	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	35,7	38,3	36,5	34,7	35,4	36,1	35,6	35,6	-3	0
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	40,2	40,3	41,5	41,4	38,6	38,5	40,1	40,8	+3	+1

* Вопрос задается с 2008 г.

За последние два месяца существенных изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны не произошло: 52% жителей области положительно оценивают работу главы государства по укреплению международных позиций России, 44% – по наведению порядка в стране, 34% – по защите демократии и укреплению свобод граждан, 26% – по подъему экономики и росту благосостояния населения.

В то же время негативные изменения отмечаются по итогам 2019 года. Так, по сравнению с 2018 г., доля людей, считающих, что Президент успешно справляется:

- ✓ с укреплением международных позиций России, снизилась на 3 п.п. (с 54 до 51%);
- ✓ с наведением порядка в стране – на 7 п.п. (с 51 до 44%);
- ✓ с проблемой защиты демократии и укрепления свобод граждан – на 7 п.п. (с 41 до 34%);
- ✓ с подъемом экономики и ростом благосостояния граждан – на 3 п.п. (с 31 до 28%).

За период с декабря 2018 по декабрь 2019 г. по всем фигурирующим в опросе проблемам доля негативных оценок населения увеличилась на 3 – 7 п.п.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-)	
														2019 г. к 2018 г.	дек. 19 к окт. 19
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	43,1	55,7	54,2	51,0	53,5	51,5	50,2	51,9	51,0	49,9	51,7	-3	+2
Не успешно	24,9	33,7	37,9	26,8	28,4	31,7	30,3	31,7	32,7	30,3	30,6	32,4	32,4	+3	0
Индекс успешности	133,5	112,5	105,2	129,0	125,7	119,4	123,2	119,8	117,5	121,6	120,4	117,5	119,3	-6	+2
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	35,4	50,6	51,1	44,1	46,9	44,2	42,4	44,5	46,1	43,1	44,1	-7	+1
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,1	35,0	40,3	39,5	40,7	42,6	39,3	39,3	40,0	39,7	+5	0
Индекс успешности	119,2	86,6	84,7	114,5	116,1	103,8	107,4	103,5	99,8	105,2	106,8	103,1	104,4	-12	+1
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	28,8	40,3	40,5	34,2	36,5	33,5	32,3	34,6	35,5	35,1	33,9	-6	-1
Не успешно	37,0	48,3	52,3	40,2	40,2	46,3	43,3	45,3	47,7	45,5	46,1	45,7	47,3	+6	+2
Индекс успешности	107,4	84,1	76,5	100,2	100,2	87,9	93,2	88,2	84,6	89,1	89,4	89,4	86,6	-12	-3
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	28,5	29,3	31,0	27,5	29,9	28,1	28,1	29,1	26,5	26,9	26,1	-4	-1
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,9	56,2	58,5	57,6	56,9	58,2	57,8	59,7	58,2	60,0	+2	+2
Индекс успешности	108,1	74,6	70,6	72,4	74,7	69,0	72,3	71,2	69,9	71,3	66,8	68,7	66,1	-6	-3

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2018 г.

В октябре – декабре 2019 г. структура политических предпочтений населения не изменилась: уровень поддержки партии «Единая Россия» составляет 33-34%, ЛДПР и КПРФ – 8-9%, «Справедливой России» – 4%.

По итогам 2019 г. следует отметить два изменения:

1. Снижение поддержки «Единой России» (на 4 п.п., с 38 до 34%).
2. Рост доли людей, считающих, что ни одна из представленных в парламенте политических сил не выражает их интересы (на 5 п.п., с 29 до 34%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	2019	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-)	
																	2019 г. к 2018 г.	дек. 19 к окт. 19
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	33,8	36,0	34,6	33,3	34,8	33,5	32,8	33,7	-4	+1
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	8,8	9,9	9,1	8,0	8,5	8,7	9,1	9,2	0	0
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,1	8,8	8,9	8,2	9,1	10,5	8,3	9,4	-1	+1
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	2,8	2,9	2,9	2,5	3,9	4,2	4,0	+1	0
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,3	0,4	0,6	0,3	0,3	0,4	0,1	0,1	0	0
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	33,7	31,9	34,2	34,7	32,3	32,1	34,3	34,3	+5	0
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	11,0	10,2	9,7	12,6	12,4	10,9	11,2	9,3	0	-2

В оценках социального самочувствия населения существенных изменений не отмечается ни в краткосрочной (за последние два месяца), ни в долгосрочной (за 2019 г.) ретроспективе:

- ✓ большинство жителей области положительно характеризуют своё повседневное эмоциональное состояние (70%) и говорят о том, что «всё не так плохо и можно жить» (78%);
- ✓ доля людей, субъективно относящих себя к категории граждан «среднего достатка», стабильно составляет 41 – 42%, что, тем не менее, существенно ниже, чем удельный вес тех, кто причисляет себя к категории «бедных» и «нищих» слоёв населения (47 – 48%); следует также отметить, что за период с декабря 2018 по декабрь 2019 г. доля «бедных и нищих» жителей региона увеличилась на 4 п.п. (с 44 до 48%);
- ✓ индекс потребительских настроений в 2019 г. составил 91 пункт, при этом по итогам последних двух месяцев он незначительно снизился (с 92 до 90 пунктов), что говорит об ухудшении прогнозов населения относительно будущего экономической ситуации в стране и своего личного материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-)	
														2019 г. к 2018 г.	дек. 19 к окт. 19
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	69,7	-1	-1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	24,5	23,5	25,6	25,5	23,5	23,4	24,0	25,0	+1	+1
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	77,0	77,1	74,3	76,7	78,0	76,8	77,8	78,4	0	+1
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	17,2	17,5	19,1	17,5	16,5	16,2	17,2	16,7	+1	-1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,1	42,3	42,4	41,6	43,8	41,3	43,3	42,9	41,4	41,4	0	0
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,6	45,4	46,8	44,7	44,8	46,9	45,8	47,0	48,0	48,4	+1	0
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	84,6	89,9	90,9	89,1	90,1	90,0	91,2	91,8	92,0	90,3	+1	-2

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В разрезе основных социально-демографических категорий населения существенных изменений социального настроения за последние два месяца не наблюдается. Исключение составляют люди со средним специальным образованием (снижение доли положительных оценок на 4 п.п., с 74 до 70%), а также жители области, которые по самооценкам своих доходов относятся к 20% наименее обеспеченных слоев населения (в этой группе удельный вес позитивных суждений тоже снизился на 4 п.п., с 54 до 50%).

Вместе с тем в группе 20% наименее обеспеченных отмечается и самое значительное ухудшение оценок социального настроения за период с декабря 2018 по декабрь 2019 г. (на 11 п.п., с 61 до 50%).

В целом по итогам 2019 г. ни в одной из анализируемых социально-демографических категорий населения позитивных изменений не наблюдается. В девяти группах существенных изменений не произошло, в пяти – отмечается снижение доли положительных оценок социального настроения (особенно значительное среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием – на 4 п.п., с 77 до 73%; среди 20% наименее обеспеченных жителей области – на 4 п.п., с 57 до 53%; а также среди жителей Череповца – на 5 п.п., с 76 до 71%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-)	
														2019 г. к 2018 г.	дек. 19 к окт. 19
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	70,1	73,4	69,9	68,6	72,1	71,8	69,2	69,0	-3	0
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	69,6	68,4	66,4	69,0	70,8	70,1	71,2	70,3	0	-1
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	81,1	81,6	76,3	81,2	82,9	85,2	79,9	81,3	+1	+1
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	71,2	71,6	68,0	71,5	70,5	74,0	71,1	71,9	-1	+1
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	63,3	64,7	64,3	59,8	67,4	60,7	65,1	62,6	-2	-2
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	63,2	67,8	61,5	60,4	64,4	65,6	63,4	64,0	-2	+1
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	72,7	70,5	68,6	73,0	77,3	72,8	73,9	70,4	+1	-4
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	73,4	74,1	73,8	73,3	72,1	73,9	72,6	74,7	-3	+2
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	53,2	61,3	50,4	56,1	54,9	53,2	54,1	50,2	-4	-4
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	71,4	69,7	67,2	69,9	74,1	72,1	72,6	72,6	-1	0
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	81,8	83,4	86,2	81,0	81,0	81,4	80,5	80,5	-1	0
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	68,6	67,1	65,5	68,5	70,3	68,0	70,8	68,6	-2	-2
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,2	74,5	71,1	67,8	72,1	74,4	72,0	69,9	-5	-2
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	69,8	70,5	67,6	69,6	71,7	70,5	69,0	70,3	+1	+1
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	69,7	-1	-1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам 2019 года в динамике общественных настроений жителей Вологодской области наблюдаются преимущественно негативные изменения. Это касается оценки деятельности федеральных органов государственной власти (по сравнению с 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента снизился на 10 п.п., с 66 до 56%; Председателя Правительства – на 7 п.п., с 48 до 41%), а также поддержки партии «Единая Россия» (доля людей, считающих, что партия власти выражает их интересы, за 2018–2019 гг. уменьшилась на 4 п.п., с 38 до 34%).

Следует также отметить, что за прошедший год ухудшились оценки успешности решения Президентом ключевых проблем страны (на 3–7 п.п.); ни в одной из социально-демографических категорий населения не произошло позитивных изменений в динамике социального настроения.

Относительно стабильными (по сравнению с 2018 г.) остаются оценки деятельности губернатора области (уровень одобрения составляет 36–38%) и различные показатели социального самочувствия: доля людей, позитивно характеризующих своё повседневное эмоциональное состояние, сохранилась

на уровне 70–71%; удельный вес жителей области, считающих, что «всё не так плохо и можно жить», на протяжении последних лет стабильно составляет 77%.

Динамику самооценок материального положения по итогам 2019 г. интерпретировать можно поразному: с одной стороны, в ней не произошло негативных изменений (что, в принципе, является неплохим результатом, если учесть ухудшение оценок деятельности органов власти). С другой стороны, её сложно охарактеризовать положительно: доля «бедных» и «нищих» превышает удельный вес людей «среднего достатка» (47 и 42% соответственно), а индекс потребительских настроений остаётся ниже 100 пунктов (90–91 п.), что говорит о преобладании пессимистических прогнозов населения относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Важно подчеркнуть, что тенденции общественного мнения, отмечаемые на территории Вологодской области, не уникальны для региона. В частности, ведущие российские центры, занимающиеся социологическими опросами, фиксируют падение уровня одобрения деятельности Президента: по данным ВЦИОМ, за период с 2018 по 1-ю половину декабря 2019 г. он снизился на 7 п.п. (с 71 до 64%), по данным Левада-Центра (за 2018–ноябрь 2019 г.) – на 6 п.п. (с 73 до 67%). По данным Института социологии РАН (ИС РАН), уровень доверия главе государства в 2017 г. составляет 71%, в 2018 г. – 69%, в 2019 г. – 57% .

Рейтинги партии «Единая России» (по данным ВЦИОМ) в начале 2018 г. колебались в интервале 45–50%; во второй половине 2018 г. (после объявления пенсионной реформы) – 35–39%, в 2019 г. – в интервале 32–34%.

Индекс потребительских настроений (по данным Левада-Центра) в 2018 г. составлял 78 пунктов, в 2019 г. – 79 п.

На наш взгляд, ухудшение оценок деятельности органов федеральной власти в 2019 г. связано не столько с принятием ими каких-то управленческих решений, принципиально расходящихся с мнением населения (как это было в случае с пенсионной реформой 2018 г.), сколько с неоправданностью ожиданий людей относительно реализации простых, конкретных и безаппеляционных обещаний, озвученных В. Путиным в Послании Федеральному Собранию РФ 2018 г. и позже закрепленных в «майском указе» и национальных проектах.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 г. реальные располагаемые денежные доходы населения Вологодской области составили 99,4% от уровня соответствующего периода 2017 г., а в январе – сентябре 2019 г. значение этого показателя снизилось до 99,1%. Реальная начисленная заработная плата по итогам 2018 г. составила 109,1% от уровня 2017 г., а в январе – сентябре 2019 г. – 103,7% к соответствующему периоду 2018 года[2]… Другими словами, ни в субъективных оценках населения, ни в реальных тенденциях уровня жизни, фиксируемых официальной статистикой, пока не прослеживаются признаки так ожидаемого людьми «снижения уровня бедности в 2 раза», хотя с экрана телевизора общество регулярно информируют о «многомиллиардных» масштабах финансовых средств, направляемых на реализацию нацпроектов, поддержку тех или иных отраслей и т.д.

Как отметил В. Путин на одном из совещаний по реализации нацпроектов, «людям неинтересны абстрактные обещания; гражданам важен результат, и не в отдалённом будущем, а сейчас»[3]. На наш взгляд, итоги российских и региональных мониторингов общественного мнения убедительно доказывают именно этот тезис главы государства. Тот факт, что негативной динамике восприятия деятельности федеральных органов управления, а также стабильно тревожной ситуации, складыва-

[2] Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад ИС РАН. М., 2018. С. 35; О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: отчет по итогам массового социологического исследования ИС РАН. М., 2019. Т. 1. С. 82.

[3] Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – октябре 2019 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2019. С. 64–65.

ющейся в отношении материального положения населения, не сопутствует снижение показателей социального самочувствия, говорит лишь о том, что люди всё меньше надеются в своей жизни на государство и разрыв между ними и государством, таким образом, увеличивается.

В сложившихся условиях отношение общества к власти будет определяться прежде всего ощутимыми для широких слоев населения положительными изменениями в динамике уровня жизни и в преодолении социального неравенства, как неравенства не только по доходам, но и в отношении возможностей трудоустройства, получения образования, качественной медицинской помощи и т.д. С высокой долей вероятности можно предполагать, что данный вопрос будет становиться всё более актуальным по мере «затягивания» результатов нацпроектов, а также приближения думских выборов 2021 г. и президентских выборов 2024 г.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

Список статей, опубликованных в 2019 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства»	2	9–35
Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит – важнейшее условие реализации национальных проектов	4	9–25
Ильин В.А., Морев М.В. Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг.	1	9–38
Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России	3	9–23
Эффективность государственного управления **От главного редактора**		
Ильин В.А., Морев М.В. Гражданское общество и транзит власти 2024 года	6	9–26
Ильин В.А., Морев М.В. Региональные выборы 2018–2019 гг.: доверие избирателей к органам власти продолжает снижаться	5	9–24
Стратегия социально-экономического развития		
Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А., Сивоброва И.А. Вызовы и возможности трансграничного инвестиционного сотрудничества в Арктическом регионе	1	39–52
Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы РФ	3	24–38
Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России	1	53–69
Сухарев О.С. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций	2	36–55
Чарушин В.Н., Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В. Научно-исследовательский потенциал Уральского отделения РАН как стратегический фактор развития регионов	6	51–73
Эффективность государственного управления		
Минакир П.А., Леонов С.Н. Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования	4	26–41
Региональная экономика		
Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска	2	56–72
Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Модернизация региона как гетерархической системы	1	70–86
Кожевников С.А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ	1	87–107
Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменениях экономике старопромышленных регионов СЗФО	2	91–102
Степанова В.В., Уханова А.В., Григорищин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка цифровых экосистем регионов России	2	73–90
Шаклеина М.В., Мидов А.З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности	3	39–54
Губанова Е.С., Клещ В.С. Преодоление социальноэкономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона	5	44–57
Отраслевая экономика		
Бардаль А.Б. Потенциал интеграции транспортного комплекса востока России в международный рынок транспортных услуг	6	150–165
Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Проблемы мотивации арендаторов лесных участков на использование эффективных методов лесовосстановления в России	1	108–123

	№	Стр.
Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста	6	166–181
Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход	6	129–149
Моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов		
Дементьева И.Н., Шаклеина М.В. Применение индексного метода в исследованиях потребительских настроений населения	1	153–173
Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В. Развитие методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России	4	67–85
Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сушко Г.Б. Агенториентированная суперкомпьютерная демографическая модель России: анализ апробации	6	74–90
Наумов И.В., Трынов А.В. Моделирование инвестиционной привлекательности видов экономической деятельности в регионе с использованием матрицы финансовых потоков	4	53–66
Россошанская Е.А. Комплексная агенториентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования	1	124–137
Стельмах В.С. Методические аспекты прогнозирования вероятности банкротства на примере фармацевтических предприятий	2	115–127
Тихонова А.В. Имитационное математическое моделирование системы подоходного налогообложения с использованием критерия QTьюки	1	138–152
Общественные финансы		
Белехова Г.В., Басова Е.А. Финансовое поведение населения в период экономического кризиса 2014–2015 годов	4	137–153
Печенская М.А. Бюджеты региональных центров СевероЗапада: инструменты модернизации или выживания?	3	77–90
Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства	5	91–108
Тимушев Е.Н. Приоритеты бюджетного финансирования городов и районов Российского Севера	1	174–188
Социальное развитие		
Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода	4	167–182
Беркович М.И., Духанина Л.Н., Максименко А.А., Надуткина И.Э. Восприятие коррупции как социальноэкономического феномена населением региона: структурный аспект	2	161–178
Биктимиров Н.М., Гайфутдинова Р.М., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И. Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан	3	189–202
Бобков В.Н., Вередюк О.В. Часы работы в России: модели занятости и факторы выбора	5	109–123
Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения	5	124–140
Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона	1	202–214
Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи	6	243–259
Иванова Е.М, Марков Е.А., Соловьева С.А. О трансформации моделей взаимодействия власти, СМИ и общества в районных печатных изданиях	1	215–225
Иванова Л.Ю. Экологическая культура в российском обществе как условие формирования экосознания и поведения подрастающего поколения	1	189–201
Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России	2	147–160
Леонидова Г.В. Формирование человеческого потенциала детского населения в системе общего образования	3	172–188

	№	Стр.
Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социальнопространственный дискурс	5	141–154
Мельничук М.В., Грузина Ю.М., Фирсова И.А. Формирование научнообразовательных ценностей в системе мотивации молодежи	6	260–275
Нацун Л.Н. Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения	4	200–219
Ненашева М.В. Оценка воздействия на социальную среду как инструмент устойчивого развития Российской Арктики	2	196–209
Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи	4	183–199
Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня	6	228–242
Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социальнодемографический анализ	6	209–227
Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России	2	179–195
Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения	3	203–219
Вопросы теории		
Беляева Л.А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение	4	154–166
Шабунова А.А., Доброхлеб В.Г., Медведева Е. И., Крошилин С.В., Сухоцка Л., Шухатович В.Р., Леонидова Г.В., Молчанова Е.В. Успешность современного человека: теоретикометодологические аспекты исследования	6	27–51
Проблемы развития муниципальных образований		
Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях	5	58–75
Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В. Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов	4	42–52
Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В. Формирование цифрового пространства на муниципальном уровне: обзор сайтов поселений	5	76–90
Экономика труда		
Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России	6	197–208
Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Виноградова К.В. Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий	1	226–240
Перекаренкова Ю.А., Крышка В.И. Минимальная заработная плата и прожиточный минимум в российской экономике: теоретический и эмпирический анализ основных тенденций	2	210–224
Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни	6	182–196
Экономика природопользования		
Забелина И.А. Эффект декаплинга в экологоэкономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия	1	241–255
Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Добыча охотничьих ресурсов в системе налогово-бюджетных отношений (на примере северных регионов России)	4	123–136
Смиренникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В. Конфликты на особо охраняемых природных территориях Арктического региона: выявление, анализ и пути решения	3	107–123

	№	Стр.
Проблемы управления в территориальных системах		
Кабанов В.Н. Территориальное планирование и закон Ципфа	2	103–114
Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне	4	86–1-3
Инновационное развитие		
Теребова С.В., Борисов В.Н. Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научнообразовательном секторе России	3	55–76
Усков В.С. Развитие промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции	2	128–146
Пространственные аспекты территориального развития		
Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации	6	91–109
Суворова А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты	6	110–129
Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Методика определения опорных поселений российской Арктики	5	25–43
Экономика агропромышленного комплекса		
Отмахова Ю.С., Усенко Н.И., Девяткин Д.А., Сонгкассири В. Оценка экспортного потенциала страны с учетом глобального спроса на мировом рынке продовольствия	4	104–122
Актуальные проблемы экономики		
Королева Л.П. Налогообложение цифровых услуг: вопросы теории, зарубежной практики и отечественных предпосылок	3	91– 107
Зарубежный опыт		
Геренчер И. Роль индивидуальной ответственности в территориальном развитии	4	220–231
Дайширо Номия. Краткая история японской социологии: ее историческое наследие и перспективы	5	155–157
Дайширо Номия, Исаму Сугино, Риса Мурасе. Общественные движения как смысловые сети: построение ментальной карты кампании антиядерного движения 2012 года в Японии	5	158–174
Кендзи Ишида, Син Арита, Кейко Гэндзи, Мей Кагава. Структурные и институциональные аспекты карьерных возможностей японских добровольных экспатриантов в странах Восточной и Юго-Восточной Азии	5	175–191
Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И. Детерминанты удовлетворённости трудом работников X и У поколений: региональное исследование	2	225–237
Мойса Н.И. Экономическая интеграция иммигрантов через преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда. Сравнительный анализ британских и французских мусульманских общин	3	158–171
Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С. Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии	3	140–157
Цутому Хашимото, Юсукэ Канадзава, Киоко Томинага. Новый либеральный класс в Японии: на основе латентноклассового анализа	5	192–210
История экономической и социологической мысли		
Диденко Д.В. Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях	5	211–228
Гулин К.А. К вопросу о «первоначальном накоплении капитала» в постсоветской России	6	276–291
Дискуссионная площадка		
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке	3	124–139
Головчин М.А. Какой учитель нужен «школе будущего»? Применимость подхода Дж. Хэтти для российского образования	5	229–242
Третьякова О.В. Оценка состояния российских экономических журналов, индексируемых в Web of Science: обзор состояния, пути повышения международной видимости	6	292–311

	№	Стр.
Научная жизнь		
VIII Международная научнопрактическая конференция «Стратегия и тактика реализации социальноэкономических реформ: региональный аспект»	1	256–263
Медведева О.О., Жук А.О. Эффективное управление экономическим журналом: тренды, тенденции, вызовы	4	234–238
Мониторинг общественного мнения		
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	238–244
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	220–226
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	239–246
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	243–249
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	312–319

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегль) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard[1].

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

[1] Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор №_____

г. Вологда «____» _____ 20___ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____ _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____ _____, именуемый(ая) в дальнейшем **«Лицензиар»,** с другой стороны, именуемые в дальнейшем **«Сторона/Стороны»,** заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. **По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права** на использование статьи _____ _____ _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем **«Произведение»,** в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. **Лицензиар** гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое **Лицензиату** Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. **Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:**

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя **автора** Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты **Лицензиару** вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы **Лицензиату** по настоящему Договору, является оригинальным произведением **Лицензиара.**

2.3. **Лицензиар** гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. **Лицензиар** передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. **Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии** для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если **Лицензиатом** не предъявлены к **Лицензиару** требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи **Лицензиату** прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. **Лицензиат** обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права **Лицензиара,** а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____ /_____/
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О._____
_____
Дата рождения:_____
Домашний адрес:_____
_____
Паспорт: серия_____
номер_____
выдан_____
когда выдан_____
ИНН_____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____ /_____/
подпись ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда «____» _____ 20___ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем **«Лицензиат»,** в лице _____ _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____ _____, именуемый(ая) в дальнейшем **«Лицензиар»**, с другой стороны, именуемые в дальнейшем **«Сторона/Стороны»,** составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ _____ _____ _____в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором №_____от «____»_____20___ года.

Передал	Принял
Лицензиар:	**От Лицензиата:**
_____ _____	_____ /_____/
подпись ф. и. о. полностью	подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте http://www.akc.ru;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка Л.Н. Воронина
Оригинал-макет Т.В. Попова
Корректор Н.В. Степанова

Подписано в печать 25.12.2019.
Дата выхода в свет 27.12.2019.
Формат 60×84 1/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 38,7. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru